

Татяна
Гармаш - Роффе

детска
книжка
с картини

Голяма принцеса

Annotation

Роман по-голливудски масштабный. У известного издателя Александра Мурашова исчезает жена. Все говорит о том, что Алина сама ушла от мужа... Но на самом деле она в плену у бывших друзей, решивших поживиться за счет ее богатого супруга! Одержимые наживой дилетанты очень опасны – готовы на все ради денег. Только у одного из них, Филиппа, бывшего любовника жертвы похищения, другая цель – заставить Алину целиком и полностью принадлежать ему...

Этот роман с двойным дном – с двойной концовкой, необычной и непривычной для читателя.

«Голая королева» имела успех за рубежом. Во Франции в 2000 году популярнейшее издательство "Робер Лаффон" выпустило книгу-римейк этого романа с другим названием, который стал самым продаваемым бестселлером – роман был издан в 30 странах мира. Права на его экранизацию купил Стивен Спилберг. В 2005 году состоялась мировая премьера фильма «Между небом и землей».

Татьяна ГАРМАШ-РОФФЕ

ГОЛАЯ КОРОЛЕВА

*Автор благодарит за консультации менеджера бутика
Картье Елену Смолкову и сотрудника банка Людмилу
Глуховскую*

Часть I

Глава 1

«Есть люди, которые решают, и есть люди, к которым решения приходят. Я принадлежу явно к последним...»

Аля смотрела в экран телевизора, где весело смеялись какие-то люди. Она попыталась понять, чему они смеются, но так и не сумела.

Она устроилась перед телевизором, подобрав ноги под широкую юбку, в большом кожаном кресле. Рядом с ней на низком столике, как обычно, стояло блюдечко с шоколадным печеньем и чашка с холодным лимонным чаем.

...Решение пришло к ней само, внезапно, под этот глупый смех. Пришло неизвестно откуда, словно спустилось из воздуха, и стало внятным и слышимым ее сознанию. Теперь она с недоумением оглядывала последние три года своей жизни: три года неясной скуки и невнятной тоски, три года странной расфокусированности, словно ее душа была растащена и приворожена по углам этого большого дома, дома делового мужчины, в котором она так и не нашла себе места; три года без прошлого и без будущего, потому что прошлое она безжалостно перечеркнула, а будущее ей виделось как сквозь толщу воды – таким же смутным и гнетущим.

Так в принципе можно было жить, думала Аля, изо дня в день, всегда «сегодня». До тех пор, пока вдруг не поймешь, что и завтра будет так же. И что если ты ничего не изменишь в своей жизни, прямо сейчас, немедленно, то тебе придется жить так всю твою жизнь.

Всю! И вот тут ты отдаешь себе отчет, что не согласна. Вот тут к тебе приходит решение. И даже если тебе страшно, поделать уже ничего нельзя. Решение дышит в затылок, решение требует выполнения, и у тебя в запасе нет никаких доводов, чтобы от него уклониться.

То есть, проще говоря, надо уходить от Саши.

Аля резко поднялась из кресла, будто желая прогнать нахлынувший на нее страх – перед будущим, перед неизвестностью; выстрелив пультом во все еще хохочущих людей, она сказала громко:

– Я хочу спать, Алекс...

«Алекс». Все его знакомые звали его так. А ей хотелось называть его Сашей, как зовут всех нормальных Александров. Но когда она впервые назвала его Сашей, он удивленно и недовольно приподнял брови. Ничего не сказал, это правда, но она поняла. И стала звать его, как все: Алекс.

– ...я пойду к себе, – добавила она.

Ей хотелось поскорее донести свое решение, не расплескав, до своей комнаты и там, оставшись наедине, обдумать его хорошенько. «Другие, нормальные люди, сначала думают, потом решают. У меня же все ровно наоборот: я сначала решаю – потом думаю...» – вздохнула она, направляясь к лестнице.

– Спокойной ночи, Лина. Я зайду тебя поцеловать. У меня столько работы...

«Как всегда», – подумала Аля.

Алекс отложил в сторону диапозитивы, которые рассматривал на свет, и обернулся.

– Послезавтра наша трехлетняя годовщина. Ты не забыла, дорогая?

«Дорогая», «дорогой». Так обращаются друг к другу в пьесах из западной жизни. Но ей надоело жить в пьесе.

– Не забыла, – произнесла она, держась за перила.

Аля вдруг поняла, почему к ней пришло решение: годовщина! Когда он две недели назад заговорил об этом, она впервые со всей ясностью ощутила, что ей не по силам этот юбилей, что справлять им нечего, что в их душах так же пусто, как в этом огромном доме, где нет ни зверя (потому что у Алекса аллергия на животных), ни ребенка (потому что Алекс не хочет «пока»).

– Купи себе новое платье, хочешь? – Алекс снова завертел перед глазами слайд. – Знаешь, купи-ка себе сиреневое. Поищи завтра. С открытой спиной... Я прямо тебя вижу в нем... Оно так пойдет к твоим фиалковым глазам... А?

– Ты меня видишь в нем? Это нормально.

– ?

– Я его уже купила. И надевала на твой день рождения. И на прием на вернисаже американских авангардистов. И оно мне уже успело надоесть.

– Ах да, действительно! Извини, дорогая, так много работы...

– Не страшно. Я понимаю. Я куплю себе другое платье.

– Конечно-конечно, у тебя прекрасный вкус!

«Я его не просто не люблю. Я его ненавижу. Он у меня вызывает отвращение. Мне иногда хочется залепить ему пощечину, чтобы сбить с него эту маску вечного и вежливого благодущия, чтобы он растерялся, чтобы что-то нормальное, человеческое, естественное проступило наконец на этом холеном лице! И «Ли-на» – он по-прежнему зовет меня «Лина», как безоговорочно назвал меня тогда, в первый день, когда я ему представилась: Алина. А я – Аля, как звала меня мама, мягко, нежно, домашне; как звали меня друзья... Впрочем, про друзей лучше не надо», – она отчего-то поежилась.

– Так спокойной ночи, Алекс.

Уходя, она оглянулась. Она увидела затылок мужа с короткими завитками волос, абрис его хорошо очерченной скулы, тень на щеке от его пушистых, как у девушки, каштановых ресниц, осенявших карие глаза, и ее догнал его бархатный баритон:

– Спокойной ночи, дорогая!

«Почему я не могу любить его? – думала Аля, поднимаясь к себе в комнату, в свое убежище, полное света, цветов и пастельных тонов. – Что не так, что не срабатывает? Он хорош собой, и многие женщины на него заглядываются. Он всегда внимателен, предупредителен, любезен. Он даже «секси»... – шагала Аля по ступенькам, рассеянно глядя на рисунок покрывающего их ковра. – Но все это какое-то ненастоящее. Как бы только дань моде, правилам приличия; имидж, роль. Меня он не любит и не любил никогда. Потому что у него вообще нет потребности любить, ему это просто не нужно. И дело не в возрасте – хоть разница у нас большая, но что такое сорок два года для мужчины? Ничего».

Был ли у него кто-то в прошлом, отучивший его любить? Любовная драма, предательство, измена? Воображение Али принялось рисовать портрет таинственной роковой женщины, разбившей сердце юного Алекса... Но эскиз удавался с трудом, ее воображение не справлялось с сюжетом любовной трагедии, где главную роль мог бы играть ее муж.

Что же тогда сделало его душевным импотентом и даже почти импотентом физическим? То есть не то чтобы импотентом, и даже, конечно, нет; но сексуальная сторона их жизни его так мало заинтересовала, что

их физическую близость трудно было назвать иначе, как выполнением супружеского долга.

Разве я не привлекательна, спрашивала Аля у своего отражения в зеркале на туалетном столике спальни, разве я не хороша собой?

Отражение подтверждало, что хороша. Для полной убедительности Аля сняла очки – на нее из зеркала глянули большие серо-голубые глаза, которым немного расширенные черные зрачки действительно придавали легкий сиреневый оттенок. «Фиалковый», как говорил Алекс... Она сдула волнистую прядь светлых, немного пепельных волос со щеки, прядь взлетела, потом легла, послушно обняв нежный овал лица.

«Разве я не заслуживаю, чтобы меня любили? – искала поддержки у зеркала Аля. – Чтобы меня хотели? – Ее глаза начали наполняться слезами, и в их расплывчатом тумане она увидела, как у ее отражения покраснел нос, отчего себя стало еще жалче. – И если ты не можешь, «дорогой», – зло передразнила она интонацию мужа, – то нам с тобой придется расстаться».

Аля, охваченная внезапным вдохновением, уже писала, и ручка ее летала по бумаге: «И, я надеюсь, ты сможешь меня понять. Мы друг друга не любим, так уж получилось. Это не наша вина, и не в нашей власти это изменить. Но согласись (она написала «дорогой» и зачеркнула), всю жизнь так продолжаться не может, и лучшее, что мы можем сделать, – это разойтись поскорее, дав друг другу свободу. И тем самым шанс быть счастливым: то есть любить и быть любимым...»

Какое-то время она сидела, уставившись невидящим взглядом на свое письмо, затем, глянув на часы – было почти половина одиннадцатого вечера, – спохватилась, вскочила, бросилась в соседнюю маленькую комнатку, служившую ей гардеробной, схватила приготовленный там заранее объемистый пакет и устремилась к дверям. Внезапно она вернулась, вырвала из склейки почтовой бумаги страницу с письмом и, сунув его в карман, вышла из комнаты.

Бесшумно спустившись по лестнице, она прошла незамеченной мимо раскрытой двери кабинета Алекса, пересекла гостиную, вышла в сад и растворилась в летней ночи, густой и пряной.

Глава 2

...Теплую, уютную темноту ночи пронзило холодным стержнем звонка. Сон, отступая и клубясь, повис на нем, как белье в итальянском дворике.

Вскочив, Алексей раздраженно схватил со стола орущий телефон и направился обратно к постели, сунув мимоходом свой нос в щель между плотными занавесями. Серая предрассветная невнятица, стывшая за окном, усилила чувство острой неприязни к тому, кто разрушил интимный покой его сна. Телефон трясся и захлебывался в его руке. Выразив одним энергичным словом все, что он думал о своем неведомом абоненте, Алексей снял трубку:

– Алексей Кисанов слушает.

«А что же еще, – думал он, зарываясь с телефоном обратно в дышащую теплом постель, – не говорить же «Детективное агентство АКИС». Я вам, черт побери, ночью не агентство, я вам ночью просто спящий Кис, и все тут».

– Добрый вечер, – раздался в трубке глубокий баритон, – то есть, извините, наверное, доброе утро... Говорит Александр Мурашов. Я еще раз прошу вас извинить меня (он разбудил меня, чтобы извиняться? – раздраженно подумал Кис), я вас, наверное, разбудил (мне нравится это «наверное»!), но у меня неотложное дело... Я бы вас попросил взяться за него, и незамедлительно. Могли бы вы сейчас приехать ко мне?

Алексей знал по опыту, что бывают действительно дела «незамедлительные», хотя дела такого рода чаще всего касаются милиции, а не сыскаго агентства, но он знал также, что бывают дураки, паникеры и даже шутники. Впрочем, последнее исключалось: имя Александра Мурашова кое о чем ему говорило. Поэтому он ответил вопросом на вопрос:

– Вы мне не сказали, в чем, собственно, дело?

– Я не хотел бы говорить по телефону. Прошу вас, приезжайте.

– Послушайте, вы будите меня среди ночи и просите приехать к вам – то есть прощай сон окончательно и бесповоротно – и не хотите дать мне возможность самому судить о срочности вашего дела? В таком случае я не поеду.

– Я заплачу вам, хорошо заплачу.

– Конечно, заплатите, причем по двойному тарифу. Если я соглашусь.

– Заплачу, сколько скажете. Только приезжайте.

– Я повторяю свой вопрос. Мы теряем время.

– Хорошо. У меня украли жену.

– Украли?

– Ну, пропала. У меня пропала жена.

– Когда?

– Три с половиной часа назад.

– Послушайте...

– Я думаю, что ее украли.

– Обратитесь в милицию.

– Мне пока нечего сказать милиции. В таких случаях милиция, сами понимаете...

Кис помолчал. Что правда, то правда, милиция не станет искать совершеннолетнего человека, пропавшего три часа назад...

– А почему вы обратились именно ко мне? – все еще упрямылся Кис.

– Ваше агентство седьмое в справочнике и первое, которое мне ответило в такой поздний час... Я вас очень прошу, – тихо добавил Мурашов.

– Ладно... – проворчал детектив. – Диктуйте адрес.

«Детективное агентство АКИС» существовало в лице самого Алексея Кисанова, которого со времен его нежного детства друзья звали Кис (откуда и взялась аббревиатура АКИС), и его помощника Вани, симпатичного студента-прогульщика юридического факультета МГУ, у которого «хвостов» было больше, чем отметок в зачетке. Располагалось же это предприятие, столь торжественно названное «агентством», в добротном старом желтом доме на Смоленской, в трехкомнатной квартире самого Киса. Ваня жил в самой маленькой комнате его большой квартиры, доставшейся Кису по наследству, – таким образом Кис платил своему помощнику за не очень пыльную работу, которую поручал ему время от времени. В третьей же комнате и находилось само агентство: архивы, материалы, папки, компьютер...

После одного нашумевшего дела, которое Кис блестяще провел, его стали приглашать в «высшие сферы», и тогда же он решил собирать впрок всю доступную информацию об известных людях. Идея была плодотворной, и его картотека с тех пор уже не раз сослужила ему добрую службу. Именно туда теперь и направился Кис, выпроставшись из теплой кровати и нашарив тапки. Включив свет, он быстро просмотрел все, что у него было на Александра Мурашова.

Выловленная информация была следующей: Александр Мурашов, сын известного военного дипломата, писателя и бывшего главного редактора издательства «Честь», которое тихо и благополучно просуществовало в течение всех советских лет, выпуская книги о славных советских разведчиках. Писатель, он же главный редактор, скончался несколько лет тому назад, увенчанный всеми возможными советскими и перестроечными лаврами, успев, однако, обеспечить своему сыну связи и карьеру.

Впрочем, карьера Александра была достаточно противоречивой. До того, как занять пост главного редактора, его отец выполнял дипломатическую миссию сначала в Германии, затем во Франции, и маленький Саша, проведя безоблачное детство за границей, по-русски говорил хуже, чем по-немецки и по-французски. Выйдя в отставку, отец Алекса занял пост главного редактора, а Мурашов-младший пошел учиться в престижную французскую спецшколу в центре Москвы, известную своими вольными и фривольными нравами, учась одновременно в художественной школе. Попав прямым ходом после школы в МГИМО, Мурашов не забыл свою тягу к искусству и, получив диплом, отправился, при содействии папочки, во Францию в Академию изящных искусств. Вернувшись оттуда через три года, он окончательно забросил столь престижный диплом МГИМО и стал рисовать иллюстрации к книгам, на чем сделал себе имя, весьма известное в художественных кругах. Просуществовав в качестве талантливого художника-иллюстратора лет десять, Александр Мурашов вспомнил в годы перестройки и о других своих талантах и знаниях и ныне возглавлял крупное издательство «Эклибрис», выпускающее дорогие и превосходно сделанные книги по искусству. Никаких особых сплетен в прессе на его счет не было, скандалов за ним не водилось, интервью он давал редко и деловито, без шуток, пошлых хохм и подробностей из личной жизни.

Однако у Киса кое-какие подробности были.

После его успеха с нашумевшим делом Кис «пошел по рукам». К нему уже обращались не только как к детективу, но и приглашали в качестве экзотического гостя, на телекинотусовки. Кис охотно откликался, и не без умысла: пьяный застольный треп звезд всех экранов для него тоже служил источником информации, которую он бережно доносил в своей памяти до компьютера и заносил в хитроумно классифицированный Ванькой файл «Сплетни».

Насчет Мурашова сплетен было мало – он все же принадлежал к другому, хотя и близкому кругу. Однако однажды речь о нем зашла.

Разговор начал подвыпивший ведущий одной из популярных телеигр, в квартире у которого была тусовка. Он долго хвастался своими успехами и знакомствами, и Кис уже почти перестал слушать его треп, как вдруг наострил уши: кажется, пошли имена.

– ...И спонсоры у нас – люди солидные, – говорил заплетающимся языком его собеседник. – Де-е-е-нежные люди.

– Нежные? – переспросил Кис несколько ехидно.

– И нежные тоже... Обидеть их легко, – многозначительно откликнулся хозяин квартиры. – Хорошие люди, – он потянулся к Кису чокаться стаканом виски. – Директора банков, фирм строительных, нефтяных... Крупных фирм, слышь ты! Мишка Трофимов, Васек Щеглов, а? Тебе это кое о чем говорит, а?

И он начал сыпать именами, называя их уменьшительно, самых известных по величине состояния людей в Москве.

«Кажется, – подумал Кис, – у этого малого крыша совсем съехала от почтения к дензнакам, которые летали вокруг него». Хотя «малый» был и сам далеко не беден, ездил на «мерсе», жил в чудненькой квартирке на Чистых Прудах. «Квартирка» уходила за горизонт анфиладами комнат, в интимно-прокуренной бесконечности которых растворялись многочисленные гости. Болтливый хозяин похвастался, что прикупил соседнюю и из двух сделал одну.

– Давай за хороших людей, – чокнулся хозяин, расплескав виски. – Что бы мы без них делали в нашей жизни!

– Правильно, – сказал Кис, чтобы что-нибудь сказать. – Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

– Это ты в точку заметил. Надо только приписать к поговорке конец: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей, и тогда у тебя будет сто миллионов!»

Довольный своей шуткой, хозяин заржал.

– Тогда еще надо приписать: «...и тюрьма в перспективе», – мрачно заметил Кис, но без осуждения: его задачей было не читать мораль, а раскрутить хозяина на разговор – так, на всякий случай. Может, пригодится.

И пригодилось. Потому что как раз тут его собеседник заговорил о Мурашове:

– ...Ты думаешь, мафия? Мафия – оно конечно. У нас сейчас каждый, кто богат, – мафия. Такое, понимаешь, уравнение: деньги – равно мафия... Это все лохи, которые вовремя не подсуетились, теперь так рассуждают. От зависти все это, друг мой детектив, у нас народ завистливый... А вот у меня в спонсорах есть люди вполне безупречные. Про издателя Мурашова слышал?

Кис тогда еще не слышал, но кивнул утвердительно.

– Он сам в люди вышел. Папочкины связи, правда, сильно помогли, но не воровал.

– Ага, сам не воровал. Только чужие деньги отмывал. Все они в издательствах денежки отмывают, –

прикинувшись пьяным, провоцировал его Алексей в надежде услышать подробности.

– Не угадал, дружище. Ты, я понимаю, человек простой, дефектив, то есть – совок. И судишь как совок. Сам бы небось рад великим мира сего услужить, а хоть бы и денежки отмыть, да тебе не предлагают. Вот и воняешь, как все совки: мафия, воры, грязные деньги...

– Щас в морду дам, – произнес Кис.

Пьяный хозяин посмотрел на него внимательно затуманенными глазами и понял: и вправду даст. Посему, напрягая растекающиеся мозги, все же сменил тон:

– Ладно, не обижайся. Пошутил я.

Кис царственно кивнул, принимая извинения.

– Я ведь рассуждаю по-простому, – задушевно пояснил Кис, все еще надеясь услышать от собеседника что-нибудь интересное. – На издательство нужен капитал, так? А капитал откуда берется? Ну ты ж не будешь мне заливать, что он из советской зарплаты скопил деньги-то? То-то и оно. Деньги он получил большие и грязные, такой вот обмен услугами для взаимного удовольствия: мы тебе капиталец для твоего баловства, а ты нам – большую стирку, а то купюрки наши что-то пахнут плохо, подвывают... А ты мне тут пытаешься впаять, что Мурашов твой – не мафия! Честнейший человек, да? Оттого ты за него так обиделся?

– А вот попал ты, детектив, пальцем в ж... В его издательство какая-то западная фирма деньги вложила, ради искусства – ты чего в искусстве понимаешь? Ни бум-бум? Ну и не возникай тогда.

– Мне-то что, я не возникаю. А вот рэкетеры, должно быть, в искусстве понимают. Пришли, глядят – искусство! – и зарыдали от умиления, сопли по щекам размазали и домой пошли восвояси, приговаривая просветленно: какой Мурашов человек хороший да какой художник талантливый! Не будем обижать его, ведь это человек искусства!

– Зря ехидничаешь, между прочим. За «крышу» он, конечно, платит, без этого нынче никак нельзя, а вот «грязные» через него не идут...

– Ага. И он до сих пор жив.

– Ексель-моксель, да ты ж не понимаешь ничего в этих делах! Чего ты лезешь, знатока из себя строишь! Что ты про мафию знаешь? Ты в детективы откуда подался? Из ментов небось?

Кис кивнул утвердительно.

– А туда же, судить-пересудить. Это ж не сопляки-уголовники, это ж солидные люди, с понятием! Они с Мурашовым и поладили...

– Как это? – недоверчиво удивился Кис.

– А так, дорогой мой мент-дефектив: поладили! У него отец кем был? Генералом! Военным атташе!

– И что? – тупо посмотрел на него Кис.

Телевизионная знаменитость даже откинулась на стуле, чтобы получше рассмотреть такого тупого детектива. Насладившись созерцанием, во время которого Кис с самым честным глупым видом моргал ресницами, звезда голубого экрана довольно пояснила:

– А то, что друзья отца – это всё генералитет! Высокопоставленные люди! И Алекса Мурашова опекают. Как-то они там столковались... А уж как именно – не имею чести знать. Ладно, что с тобой время терять. Ты не обижайся, детектив, это я спьяну. Не обижайся, слышь? Будем дружить. Еще, глядишь, пригодимся друг другу. Не имей сто рублей, а имей сто друзей...

С этими словами он поплелся собирать своих разбредшихся гостей для очередного тоста.

Перечитав заложенную в компьютер информацию, Алексей довольно улыбнулся: как знал, когда просиживал, скучая, всю эту пьяно-безрадостную вечеринку, что окупятся его старания! Если жену Мурашова действительно похитили, то он будет знать, в каком направлении копать: у «безупречного» Мурашова наверняка найдутся делишки, которыми он нажил себе немало врагов!

Последняя страничка в его файле на Мурашова была короткой: он ввел при помощи сканера попавшуюся ему когда-то статью. О его свадьбе с некоей Алиной Дементьевой издатель интервью не давал, но в журнальной статье цитировалась его реплика. На вопрос журналистов о биографии его будущей жены он якобы ответил: «Посмотрите на нее – вы увидите ангела. А разве у ангелов спрашивают биографию?» Автор журнальной статьи, стараясь вытащить хоть что-нибудь сенсационное, также писал, что это «романтическая история», «любовь с первого взгляда» и что о предстоящей свадьбе было объявлено меньше чем через два месяца после знакомства.

Разглядывая журнальные фотографии, на которых была запечатлена Алина Мурашова, Кис нашел, что в этом нет ничего удивительного. У нее было действительно ангельское лицо.

Да только Кис в ангелов не верил.

Глава 3

Мурашovy жили за городом на даче. Поселок находился недалеко от Москвы и был известен роскошными дачами с гектарными участками, которые Сталин дарил танцорам и певцам Большого в тридцатые годы. Теперь там жили не только и даже вовсе не звезды оперы и балета, и старые уютные деревянные дачи сменились дорогими и безвкусными кирпичными особняками.

Сорок пять минут спустя Кис уже подъезжал к очаровательному трехэтажному дому Мурашовых. «Не зря мужик занимается искусством, – подумал Кис, – домишко со вкусом построил». Дом был сложен из отесанного камня, крыша была не из белой жести, как нынче делалось почти повсеместно, а сбегала темной черепицей, крыльцо было убрано цветами в нарядных глиняных горшках. Решетчатые ворота бесшумно разъехались перед машиной детектива, и он затормозил у крыльца. Мурашов вместе с каким-то молодым человеком, в котором Кис безошибочно учуял челядь, ждали его в дверях. Он благодарно потряс руку Киса и пропустил его в дверь. Кис повернулся к слуге: «Мне нужен кофе, бутерброд и рюмка коньяку». Мурашов энергично кивнул головой, подтверждая распоряжение Алексея, и они направились в кабинет.

Книги в застекленных темных шкафах, обширный удобный стол с компьютером, проектором и еще какой-то техникой, черные кожаные кресла – дорого и сдержанно. Пожалуй, и в гостиной, через которую они только что прошли, нет никаких сюсек и цацек, которые так любят жены богатых мужей, отметил про себя Кис. Единственным украшением в доме были картины (о достоинстве их Кис не взялся бы судить, это было что-то авангардистское) – вне всякого сомнения, гордость хозяина.

– Итак?

– Итак, она исчезла. Значит, вечером я работал. У меня сейчас много работы, приходится и дома заниматься делами...

– В костюме?

– Простите, не понял?

– На вас костюм и галстук. Дорогой костюм и дорогой галстук. Это ваша домашняя одежда?

– Я надел к вашему приходу.

Кис почесал нос, но вслух ничего не сказал из всего того, что промелькнуло в голове. А из того, что промелькнуло, самым нежным было «у мужика крыша капитально съехала».

– Я работал в кабинете, а моя жена смотрела телевизор. Потом она мне пожелала спокойной ночи и ушла к себе. Это было где-то около десяти, передача по телевизору еще не закончилась. Около часу ночи, немного позже, я тоже поднялся наверх. Я не хотел Лину будить и не собирался к ней заходить, но вдруг заметил свет в ее комнате. Я удивился, что она еще не спит, – обычно моя жена ложится спать довольно рано. Я постучал, но она не ответила. Я подумал, что она, может, со светом заснула, и открыл дверь. А ее нет.

Мурашов говорил без эмоций, стараясь быть точным и подробным. Его приятный, хорошо модулированный голос был размерен и полон достоинства. Такой отличник из привилегированного учебного заведения, прилежный и приторно вежливый. Это вызвало глухое раздражение у Киса.

– Вместе с Георгием – это мой охранник и секретарь, вы его видели, когда вошли...

Кис удивился. Этот парень – охранник? Секретарь – еще куда ни шло, хотя этому типу больше пристало бы быть официантом в дорогом ресторане... Гляди, какой нынче пошел бодигард: услужливый, лощеный!

– ...Мы осмотрели весь дом и сад, – продолжал Александр, разводя руками в знак своего удивления, – звали и кричали, но Лины нигде нет.

Его разведенные руки застыли в жесте недоумения, и он вопросительно посмотрел на Киса, словно давая понять, что он сделал и сказал все, что мог, и теперь его, Киса, черед говорить и действовать.

Жест показался Алексею театральным, и он молчал, пытаясь понять, что это – обычная манера себя вести, пусть даже и с неуловимым налетом фальши (такое часто встречается у людей, которые желают нравиться всем), или это роль, взятая на сегодня, роль, разыгрываемая перед детективом? Было бы, конечно, достаточно смешно подозревать Мурашова, но мало ли...

– Как ваша жена могла покинуть дом? – разомкнул наконец рот Кис.

– Я даже могу вам сказать, как она его покинула, – с готовностью откликнулся Мурашов. – Через дверь, ведущую в сад. Георгий обычно запирает входные двери дома после ужина, если мы никуда не уходим. Кроме того, если бы она открыла входную дверь, я бы услышал из кабинета. А дверь в сад была открыта, вечер жаркий был. И в саду у нас есть калитка, ведущая на параллельную улицу.

Исчерпывающий ответ. Такие ответы любят давать сами авторы преступлений, продумавшие заранее каждый свой шаг и каждое свое слово. Впрочем, объективности ради надо заметить, что в таком же духе отвечают любители детективов.

– Вы ничего необычного в саду не заметили?

– Нет. Все как всегда, насколько я могу судить.

– А калитка была открыта или закрыта?

– Закрыта. Но на ней простая задвижка, и ее может любой открыть или закрыть. Причем бесшумно. Петли смазаны.

Дверь отворилась, и Георгий внес кофе, корзинку с хлебом, тарелки с нарезанной бужениной и сыром и бутылку дорогого коньяку, поставил на стол две маленькие тарелочки, к каждой из которых причитались нож с вилок, завернутые в салфетку. Подивившись снова ресторанному сервису охранника, Кис решил начать с коньяка. Он не торопился осматривать дом. Он хотел сначала услышать полностью версию мужа. И потом сравнить свои наблюдения с услышанным.

– Вы комнату вашей жены осмотрели?

– Да. То есть я там был, но ничего особенного не заметил. Если же под словом «осмотреть» вы имеете в виду, что я должен был заглянуть во все шкафы или под кровать...

– Письмо она вам не оставила?

– Письмо? Какое письмо?

– Записку, письмо – например, что она поехала навестить свою подругу или маму... – Кис, проигнорировав салфетку с ножом и вилок, соорудил себе бутерброд и отправил его в рот, прихлебнув кофе.

– Нет... Я не смотрел специально, но я бы увидел, если бы она мне его оставила. Оставляют ведь на виду, не так ли? Вот, а на виду ничего нигде нет. И потом, какая подруга ночью? Лина такая домашняя, она не могла уйти ночью... К тому же у нее подруга всего одна, еще со школы, и живет она в другом городе. А родители у нее умерли.

– Вы не ссорились вчера вечером?

– Мы с женой вообще никогда не ссоримся. И потом, я вам уже описал, как прошел вечер, – с

нажимом добавил он. – Если бы мы поссорились, я бы вам сказал!

– В каком она вчера была настроении?

Мурашов пожал плечами:

– В обычном. Как всегда.

– А всегда в каком?

– Трудно определить словами... Ровное. Немного задумчивое... Она натура мечтательная, любит книги...

– И ничего необычного, никаких перемен в ее настроении вы не заметили? Ни вчера, ни в последнее время? Она не нервничала, не была чем-то озабочена?

– Да нет, пожалуй, все как обычно.

– Раньше случалось, что она ночью уходила из дома?

– Никогда. – Мурашов взял нож и вилку, отрезал себе аккуратный ломтик буженины, разместил его на тарелке, затем отрезал от него еще меньший кусочек и стал жевать без аппетита, отламывая хлеб маленькими кусочками. Кис с неприязнью проследил за его жестами. И чего мужик выделывается?

– По крайней мере, мне об этом ничего не известно, – задумчиво уточнил Алекс, прожевав. – Теоретически я не могу поручиться за то время, когда я сплю... Нет, я уверен, что нет. Бывает, она сидит вечерами на террасе в саду. Она, как я вам говорил, любит помечтать, подумать.

Дал, что называется, развернутый ответ. Мурашов все больше раздражал Киса.

– Еще вопрос. И я вас прошу на него не обижаться (скоро и я начну изъясняться, как на дипломатическом приеме! – злился Кис): допускаете ли вы, что у вашей жены могло быть назначено свидание?

Мурашов мило улыбнулся.

– Я понимаю, что вы не знаете Лину. А ваш опыт позволяет предполагать всякое. Но я – я не допускаю. И знаете почему? Ведь если я вам скажу, что я доверяю своей жене, вы подумаете: ну и осел. Правильно? (Кис не ответил.) Нет, – продолжал с торжествующей улыбкой Мурашов, – для вас я приведу другой довод! Когда она уходила спать, я сказал ей, что, может, зайду еще ее поцеловать. А вряд ли жена пойдет на тайное свидание, зная, что к ней зайдет муж!

Он посмотрел на Киса, будто хотел проверить, какое впечатление произвели его выкладки. Такой душка, всеобщий любимчик, ждет похвалы. «Не дожدهшься», – злорадно подумал Кис.

Улыбка Мурашова медленно погасла.

– Ее украли, – неожиданно сказал он, тревожно и нетерпеливо дернувшись на стуле.

– Из ваших слов я сделал вывод, что у вас с женой отдельные спальни. Означает ли это, что у вас есть какие-то проблемы во взаимоотношениях?

– Нет, ни в коей мере. Просто мы решили, что так удобнее. Мы ложимся спать в разное время... Образ жизни, понимаете, не совсем совпадает, я работаю часто дома... Но у нас с Линой прекрасные отношения. Прекрасные!

Он подлил коньяку детективу, налил себе и отхлебнул глоточек. Кис опрокинул свою рюмку целиком.

– Коньяк имеет смысл пить маленькими глотками... – произнес Алекс. – Это не водка.

Кис удивленно вскинул глаза. При чем тут коньяк? У него жена пропала, а он – про маленькие глотки

толкует!

– Учту, – буркнул он.

– Просто иначе вы не сможете почувствовать вкус коньяка, – приятно улыбнулся Алекс. – Водка не имеет вкуса, и ее глотают залпом, потому что в водке ценят в первую очередь эффект. А в коньяке, наоборот, вкус... – И он снова дружески улыбнулся.

– То есть вы меня вовсе не хорошим манерам учите, – с вызовом произнес Кис, – а просто обо мне заботитесь, даете дельный совет? Так надо понимать?

– Разумеется, – удивился Алекс. – Как бы я мог себе позволить вас учить?

«Та-а-ак, – сказал себе Кис. – Спокойно. Вдохнули – выдохнули. В конце концов, это твой клиент. Нравится – не нравится тебе Мурашов, а работа есть работа».

– Можно закурить? – спросил он.

– Прошу вас.

Алекс придвинул ему девственно-чистую пепельницу. Кис провокаторски выпустил вонючее облако дыма от «Золотой Явы». Алекс, и бровью не поведя, прошел к окну и распахнул его. Его благопристойность была непробиваема, как бетон.

– Получала ли ваша жена какие-нибудь письма, звонки в последнее время? – сдержанно произнес Алексей.

– Нет, насколько я знаю. Только от Кати, ее подруги, кажется, недавно, неделю-две назад, письмо пришло... О звонках она мне ничего не говорила.

– Какие-нибудь встречи?

– Нет вроде бы... Она почти все время дома. Она не любит выходить.

– А почему вы решили, что вашу жену украли?

– Ну, а как же иначе? Не могла же она уйти сама? Ночью? Куда? Зачем?

– Но крадут обычно насильственно! В доме борьба не происходила. Значит, ваша жена вышла в сад по своей воле. Хотя, как вы говорите, она дальше террасы, как правило, по ночам не ходит. Итак, она вышла в сад сама и дошла до калитки, скорее всего, тоже сама. По крайней мере, вы не заметили в саду следов борьбы, и шума никакого вы тоже, я полагаю, не слышали?

– Не слышал...

– Иначе бы вы мне уже об этом сказали, не так ли? Значит, она вышла, судя по всему, из дома сама. Вот я вас и спрашиваю: куда?

– Не знаю, – смутился Александр.

– А вам не приходило в голову, что она могла просто уйти от вас? Собрать вещи и уйти, вот так, не попрощавшись?

Мурашов смотрел на него растерянно. И еще, на одну секунду, в глазах его мелькнул страх.

– Вы ведь не смотрели, на месте ли ее вещи? – Кис с трудом сдерживал мстительную интонацию.

– Да нет, как же так, нет... Мне такое в голову не приходило, нет... Она не могла! Тем более накануне нашего юбилея! Мы послезавтра должны праздновать три года со дня нашего бракосочетания!

– Ну что ж, я хотел бы начать осмотр, – поднялся Кис, стряхнув крошки с колен и допив глоток уже

остывшего кофе.

Алексея удивила невероятная опрятность спальни, которая напоминала скорее не место, где живут, а выставленный в магазине образец интерьера – даже если предположить наличие домработницы, порядок в этой комнате был почти маниакальным.

Постель, в которую Алина в эту ночь явно не ложилась, была покрыта кружевным покрывалом, на столиках и тумбочках лежали кружевные салфетки, и повсюду стояли срезанные розы. Занавеси на окне и полог над кроватью были тоже кружевные, перехваченные шелковыми лентами. На кровати сидел огромный белый пушистый медведь с розовым бантом на шее, а из-под подушки торчал потертый носик маленькой, старой и потрепанной плюшевой собачки. На туалетном столике были аккуратно и продуманно расставлены дорогие баночки, коробочки, тюбики и флакончики. Вся эта комната определенно контрастировала с общим стилем дома Мурашовых, дорогим и по-западному сдержанным, – она была одновременно старомодно-провинциальной и инфантильной. Именно так Кис мог бы себе представить комнату девочки-подростка из богатой семьи в прошлом веке. А опрятность, с которой каждая складка каждой оборки была зафиксирована на своем месте, придавала сходство с театральной декорацией – нашел новое сравнение Алексей, – в которой должен был играть сентиментальный спектакль из провинциальной жизни. «Она не захотела – или не сумела – принять вкусы своего мужа и стиль его дома», – подумал он. И, словно отвечая ему, Александр вдруг произнес:

– Знаете, когда мы поженились, Лина сказала мне, что в детстве, в мечтах о счастливой семье, ей представлялась кружевная бело-розовая комната. Что она стала для нее чем-то вроде символа счастья. И я, хоть это и не совпадает с моими вкусами, согласился отделать нашу спальню так, как она мечтала.

Кису сразу представилось, как Алекс, смущенный, показывает эту комнату гостям, с усмешкой пожимая плечами: «У моей жены такой вот плохой вкус...» Или: «У моей жены такая причуда...» Или не показывает вообще, чтобы избежать заспанных разговоров о провинциальных вкусах своей супруги?

Он внимательно посмотрел на Мурашова, ожидая увидеть тень иронии в его лице, – и не увидел. Напротив, Алекс был совершенно серьезен. Демократ, значит. Такой вот лояльный жест – хочешь, дорогая, этот бело-розовый зефир? – пожалуйста, ноу проблем...

«И Алина, воспользовавшись снисходительным разрешением мужа, хранит теперь в неприкосновенности свой символ счастья. Может, потому, что ничего, кроме символа, у нее нет?» – предположил он про себя.

– «Вашу»? – спросил Кис вслух.

– Да, – смутился Мурашов, – поначалу у нас была общая спальня.

– У вас были недоразумения в отношениях?

– Я вам уже сказал, что нет! У нас с самого начала и до сих пор были и есть прекрасные отношения!

Мурашов явно не хотел допустить версию, что жена могла от него уйти. Или делал вид, что не допускает?

– В детстве, вы говорите, а где она провела свое детство?

– Лина родилась в Наро-Фоминске, в семье геологов, но, когда ей было шесть лет, ее родители погибли в авиакатастрофе. Разбились на маленьком самолетике где-то в тайге... Она была единственная дочь в семье. После смерти родителей у нее остались дядя по отцовской линии и бабушка с дедушкой по материнской. Бабушка с дедушкой умерли вскоре, и дядя, на чье попечение отдали Лину, определил ее в интернат. Но он тоже умер давно.

Опять «развернутый ответ». Кис посмотрел на Александра: ямочка на подбородке, пухлый рот, ясный взгляд – не хватает только запаха детского мыла и коротких штанишек. «Его-то можно не спрашивать, как он провел детство, – за версту пахнет номенклатурной семьей и престижной школой. Разве что спросить, как ему удалось сохранить в первозданном виде этот образ честного, прилежного, воспитанного мальчика, от которого меня уже, кажется, тошнит?»

Маленькая темная комната, смежная со спальней, была гардеробной. И в ней вещи тоже находились в изумительном порядке. Все было выглажено, расправлено, сложено в аккуратнейшие стопочки.

– Насколько я могу судить, вещей она никаких не взяла, – заявил, не ожидая вопросов, Александр.

– Вы хотите сказать, что она не ушла от вас, раз вещи на местах? – рассеянно спросил Кис, оглядывая полки и вешалки с одеждой. – А вы хорошо знаете вещи вашей жены?

– Ну как, – немного смутился Мурашов, – вроде знаю.

– «Вроде». Кто убирает в комнатах?

– У нас домработница приходящая, Мария Сергеевна. Кроме воскресения. Приходит в девять. Живет в соседней деревне.

«Сейчас стошнит», – подумал Кис.

– Пошлите за ней вашего охранника... Секретаря, в смысле. Пусть попросит ее прийти прямо сейчас.

Мурашов немного удивился, но вопросов задавать не стал и послушно вышел из комнаты. Кис вздохнул свободнее. Сладкая и в то же время надменная вежливость Мурашова, его приторная готовность помогать «следствию» не нравились ему. Чувство фальши не оставляло Киса. Что-то было не то, словно у Мурашова пропала вещь, а не жена. Может, он придуривается? Может, он убил свою жену, тело спрятал, а теперь морочит мне голову? – злился про себя Кис.

Он открыл ящички туалетного столика. Драгоценности, косметические и гигиенические штучки, записная книжка (Кис отложил ее), несколько писем к Алине, одна и та же рука. Он раскрыл последнее:

«Ты жалуешься на скуку – душа моя, это грех. Посмотри на других людей, как они бьются в жизни с трудностями, и сравни свое положение с ихним. Вспомни, у тебя ничего не было в жизни, и тогда тебе тоже было скучно. Чего ж тебе надо, чтоб было не скучно? У тебя есть муж, положение хорошее, деньги. Ты и сама не знаешь, чего тебе надо! Роди ребенка, уговори Алекса, что это нужно. Или обмани его – трудно, что ли, забеременеть! Или ты чего-то недоговариваешь? Может, у вас какие другие проблемы, что вы не можете ребенка родить? Ну, займись благотворительностью – сколько бедных людей, нуждающихся в поддержке, которых ты можешь осчастливить своими деньгами, которые тебе самой не приносят радости...»

Кис отложил письмо. Оно его позабавило смесью романной литературности с просторечием, но в то же время насторожило, в особенности той плохо скрытой нравоучительностью, завистью, которая читалась меж строк неведомой подруги. В записной книжке оказалось крайне мало личных телефонов и адресов. Подруга, написавшая письмо, проживала также в Наро-Фоминске, звалась Катей, и, скорее всего, именно о ней упомянул Мурашов.

В среднем ящичке столика лежали блок почтовой бумаги с виньетками, конверты и несколько ручек в маленьком пенале. Бумага для писем была чистой, корзинка для мусора – пустой. Кис повертел на свету верхний листок – так и есть, продавились отпечатки какого-то текста. Кис сложил в свой портфель листки, письма и записную книжку.

Спустившись в прихожую, Алексей тщательно проверил карманы верхней одежды Алины (там было

несколько легких, по сезону, курток и плащей) и несколько сумок разных цветов и размеров. Все было опрятно и несущественно: зеркальца, носовые платочки, карандашики, косметические мелочи и конфетки, заваливавшиеся то там, то сям – ни записок, ни документов.

Осмотр остальных комнат дома и сада ничего не дал. Уже рассвело, и можно было с уверенностью сказать, что никаких следов борьбы нигде не было. Со стороны фасада были ворота и калитка на электронном замке. С обратной стороны сад простирался на несколько десятков метров в глубину – Мурашов, должно быть, купил соседний участок – и заканчивался обычной, типичной для старых дач деревянной калиткой, выходившей на тихую тенистую улицу, забросанную светло-желтым душистым ворохом липовых цветков. Скорее всего, Алина покинула сад именно через эту калитку... Алексей прошелся по улочке, задумчиво рассматривая свежие пятна от машинного масла в метрах двадцати от калитки. Мурашов стоял неподвижно возле забора своей дачи – или, вернее было бы сказать, своего особняка? – и наблюдал за ним.

– После того, как ваша жена поднялась к себе в спальню, вы не слышали звук машины? Мотор, хлопанье дверец, может быть, голоса?

– Нет. Я, когда работаю, ничего не слышу.

– А в городе у вас есть квартира?

– Есть. Но мы в ней практически не живем. Изредка только ночуем...

– Даже зимой?

– У нас дача отапливается. Со всеми удобствами, телефон, машины, все есть. Зачем нам город? Здесь воздух чище.

Алексей присел, мазнул пальцем масло и понюхал, внимательно изучая пересохшую от жары землю. Впрочем, масляные пятна могла оставить любая другая, не имеющая отношения к делу машина.

– Вы не подумали о том, что ваша жена могла просто-напросто уехать в городскую квартиру?

– Исключено. Во-первых, я туда звонил много раз. Во-вторых, ключи от нее на месте. На ключнице в прихожей.

– У вас есть здесь друзья? Среди соседей по даче?

– Есть, разумеется. Но не такие, чтобы она могла без всяких причин среди ночи к кому-то заявиться.

«Как же он мне надоел», – подумал Кис со вздохом.

– Сколько у вас машин? – обернулся он к Мурашову.

– Две. Мой «БМВ» и «Меган» Лины.

Две. И обе стояли в гараже.

Не ушла же она пешком!

Глава 4

...Машину Марго она увидела чуть поодаль, метрах в двадцати от калитки. Аля приблизилась.

– Сядь ко мне, надо поговорить, – сказала Марго, беря приготовленный для нее пакет, который Аля подала ей в окно машины.

Аля колебалась. Ей хотелось поскорее вернуться в дом. Вдруг Алекс заметит ее отсутствие?

– Аль, сядь, что стоишь, как столб? – поторопила ее Марго.

Аля неохотно присела в машину, не закрывая дверцу.

– Что еще, Марго? – недовольно спросила она.

Но Марго, однако, неожиданно замолчала.

– Марго, что ты хотела мне сказать? – настоятельно произнесла Аля.

– Мне деньги нужны... – сказала Марго, отводя глаза.

Аля помолчала.

– Послушай, Марго... – начала она не совсем уверенно, но затем придала своему голосу сухость и строгость, – я тебе давала совсем недавно, двух недель не прошло. И ты мне обещала, что это первый и последний раз. И что ты пойдешь работать. Ну, и что – ты работаешь? Или ты собираешься жить на моем содержании? Вернее, на содержании у моего мужа?..

– Аля, ну не сердись, Алечка! Ты же знаешь, как трудно найти работу сейчас. Я пыталась... Искала... Пока не нашла. Они все сразу предлагают мне переспать, чтобы работу получить... – Голос Марго дрогнул, и она отвернула кудрявую голову к окну.

Алина растерянно молчала. Она не умела отказывать, и ей было жаль Марго. Но в то же время поведение Марго ей не нравилось – аппетиты бывшей подруги со всей очевидностью росли: сначала были джинсы с майками, потом она потребовала элегантный костюм на выход, потом – вечерний туалет... И деньги, уже второй раз.

Марго всего лишь один раз намекнула Але, что знает ее тайну, и с тех пор ни словом не обмолвилась об этом, но... Но было ясно, что все ее поведение, все ее «просьбы» базируются на этом знании. То есть, называя вещи своими именами, Марго Алину шантажирует. И Алина, ощутив неприятный холодок в спине, подумала, что вот еще одна причина, по которой надо немедленно уходить от Алекса: тогда у нее нечего будет вымогать. И тогда Алекс не узнает эту страшную тайну...

Она не сразу определила звук, который донесся до ее слуха, а когда поняла, то удивилась несравненно: Марго всхлипывала! Никогда не плачущая Марго – плакала! Ее плечи и ее черные кудряшки вздрагивали от рыданий. Алина дотронулась до ее плеча:

– Марго... Ну не плачь, Марго!

Марго обернула к ней залитое слезами лицо, полное горестного упрека:

– Мне есть нечего! А те деньги, которые ты мне в прошлый раз дала, я заплатила за квартиру...

У Алины сердце сжалось от жалости.

– Не плачь, – сказала она, – я тебе дам деньги.

– Правда? – блеснули сквозь пряди ее черные глаза. – Правда?

– Правда. Сколько тебе нужно?

– Рублей... Ну пять-шесть тысяч, хотя бы... Можно?

– Ладно. Только почему ты мне не сказала по телефону, я бы заранее приготовила...

– Мне было стыдно у тебя деньги просить... – хлюпнула носом Марго.

Вот это да! Сегодня вечер необычайный: Алине довелось увидеть Марго плачущей и услышать, что «ей было стыдно»! Гордячка Марго, никогда не признающая своих ошибок, не ведающая, что такое стыд или раскаяние... Должно быть, и вправду плохи ее дела.

– Только, Марго, давай завтра.

– Почему завтра?

– Я к тебе вышла тайком, мужу сказала, что пойду спать, и сейчас идти за деньгами, потом опять к тебе возвращаться... Кто-нибудь может увидеть. Я бы этого не хотела.

– А где у тебя деньги?

– В сумке.

– А сумка где?

– Где сумка? В... где же я ее оставила? В машине, кажется. Да, в машине.

– В гараж-то можно незаметно пройти! Сходи, Алечка! Я бы завтра с утра хоть позавтракала нормально...

Аля посмотрела на нее. Эта «Алечка»... – Марго так никогда не называла ее раньше. И это униженно-просительное выражение лица, которое так не шло ей...

Але стало неприятно. Ей больше нравилась прежняя Марго, независимая и грубоватая, не умеющая заискивать...

– Хорошо, я схожу, – торопливо сказала она, пряча чувство жалостливой брезгливости.

– Вот, – сказала Аля, вернувшись, – пришлось взять всю сумку, а то у меня из нее все стало вываливаться, пока я кошелек вытаскивала... Погоди, у меня тут щетка для волос застряла.

– Сядь в машину, тебе будет удобнее! – распахнула Марго дверцу.

– Тут света больше.

– Правильно, поэтому все соседи увидят, как ты тут торчишь, и даже разглядят, что ты в сумке ищешь!

– Точно, – улыбнулась Аля, садясь в машину. – Плохой я конспиратор.

– И не кричи так, соседей перебудешь.

– А ты выключи мотор. А то я ничего не слышу.

– Я потом не заведусь. Лучше закрой дверь.

Аля осторожно прихлопнула дверцу со своей стороны.

– Вот, – достала она портмоне и протянула Марго деньги. – Здесь шесть тысяч.

Марго потянулась и чмокнула Алю в щеку.

– Ты – сама доброта! – весело сказала Марго... И дала газ. – Сама доброта! – повторила она со смехом, набирая скорость. – Ангел!

Алина, вжатая неожиданным рывком автомобиля в спинку сиденья, смотрела на нее с изумлением. Деньги так и остались в ее протянутой руке.

Глава 5

Алексей вернулся в дом, потребовал себе еще кофе, сам обслужил себя коньяком и предложил Мурашову оставить его наедине с Георгием, секретарем-охранником. Оказалось, что этот молодой темноволосый и темноглазый мужчина приятной наружности был, по сути, управляющим дома. Все находилось в его руках: он был секретарем и распорядителем, перед ним отчитывалась о расходах Мария Сергеевна. Функции охраны были практически номинальными: Алекс за свою жизнь не опасался и предпочитал, чтобы Георгий охранял дом. Собственно, и дом он тоже никак специально не охранял – просто было известно, что в доме в отсутствие Алекса есть мужчина. Георгий постоянно жил в доме, и у него была своя комната на первом этаже.

– Меня интересует все, что вы знаете о звонках и других контактах хозяйки в последнее время. – Кис отхлебнул кофе. – Не знаю, какими вы еще обладаете достоинствами, но кофе вы готовите отменный, – польстил он секретарю.

– Я по дедушке грузин, – объяснил Георгий, покашливая.

– Ну а я, хоть и не грузин, в кофе толк понимаю, – продолжал располагать к себе Кис. – Ну, так что, насчет писем?

– Я письма вскрываю только от организаций. Личные письма я отдаю Александру Кирилловичу и Лине в руки. Ничего не могу вам сказать об их содержании.

«Лине»! Вот так просто и фамильярно. Интересно...

– Письма часто приходят?

– Личные?

– Разумеется.

– Нет, по правде говоря, – снова кашлянул он аккуратно в кулак. – Александр Кириллович редко получает письма на домашний адрес. Больше поздравительные открытки. А Лина переписывается с одной подругой. Я знаю, потому что она дает мне письма отправлять.

– В последнее время вы не заметили в ней каких-либо перемен? В настроении, в поведении?

– Нет. Она сдержанный человек, ее трудно понять.

Сказал, как отрезал. Неожиданно холодно, почти неприязненно. Он случаем не «голубой», интересно? Красивенький такой, ухоженный... Может, они со сладеньким, красивеньким, вежливеньким Мурашовым тут вместе тайком развлекаются? Тогда и спальни отдельные объясняются...

Впрочем, тут могло быть и другое.

– А вы пытались? – в лоб спросил его Кис.

– Я не понял... Что я пытался?

– Понять вашу хозяйку!

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что сказал. Вы ведь в течение целого дня находитесь вдвоем с хозяйкой в доме. Между вами вполне могли установиться дружеские, близкие отношения... Не так ли?

– Я не понял, господин детектив, вы на что-то намекаете? Но на всякий случай я вам сразу же сообщаю: между нами никаких, понимаете, никаких отношений нет. Ни дружеских, ни приятельских, ни

любовных. Я уважаю Александра Кирилловича и жену его тоже. Уважаю, и только. Понятно?

Кис сделал неопределенный жест головой, как бы выражая сомнение. Георгий забеспокоился:

– Я даже больше того вам скажу. Говорят, что глаза человека – зеркало его души. Так вот глаза у Лины – это зеркало, в котором отражается все, что угодно, весь внешний мир. Но только не ее душа. Если она у нее вообще есть... – добавил он себе под нос.

– Вот как? – иронично спросил Кис.

Георгий не ответил.

Так-так-так, похоже, что мужское самолюбие этого красивого секретаря было задето Алиной? Кис решил ковырнуть поглубже:

– Это почему же?

– Да так... Ей никто не нужен, если хотите знать. Ее никто не интересует. И ничто. У нее даже друзей нет, только книжки читает целыми днями...

– А вы хотели ее заинтересовать – собой?

– Да нет же, я вам сказал! Просто когда я к ней обращаюсь, то лично у меня такое впечатление, будто я прозрачный, будто она сквозь меня какие-то далекие пейзажи рассматривает... – возмущенно раскашлялся Георгий.

Лично у Алексея было впечатление, что Георгий постеснялся добавить вслух: а я-то такой красивый! И она не замечает! Забавно.

– Что значит – не нужен никто? А муж? Муж-то, наверное, нужен, раз замуж выходят?

– Да она... – Георгий испытующе посмотрел на детектива, словно решая, можно ли ему доверить тайну, оглянулся на дверь кабинета и понизил голос: – Между нами, ладно? Она, я уверен, никогда его и не любила! Замуж по расчету вышла! Сама из простых, а задается, строит из себя недотрогу, даму высшего света! На «вы» со всеми! Я ей даже сказал как-то, в шутку: будь проще, Лина. И люди к тебе потянутся.

Алексея неприятно резанула эта внезапная смена тона: маска вышколенной прислуги, знающей свое место, вдруг моментально уступила базарной физиономии рыночного лоточника. Принял Киса за своего? За «простого», перед которым можно не выпендриваться, побыть без маски? Кис поморщился. Вот уж польстил доверием... Но как бы там ни было, откровенность секретаря была ему только на руку. Вырисовывалась занятная картина: значит, она с Георгием на «вы», он с ней на «ты»? Она все усложняет, а он хочет попроще... Проще – это как? Переспать с Георгием в отсутствие мужа? И «люди к тебе потянутся»... Люди – это Георгий? Он, кажется, уже и так «потянулся»... Да без особого успеха... Хотя Алина располагает временем и свободой – муж ее днями отсутствует – и, если бы она захотела, могла бы завести шашни хоть с секретарем, хоть с кем угодно! Но она, стало быть, «из себя недотрогу строит»...

Кис сделал простовато-заинтересованное лицо:

– А откуда вам известно, что Алина вышла замуж по расчету?

– Да видно, вот откуда! Между ними отношений нет никаких, так только: дорогой-дорогая! Повезло бабенке: одним махом, ни за что ни про что, все перепало – и деньги, и положение в обществе! Другому пахать надо всю жизнь, чтобы поиметь четверть того, что ей вот так, даром досталось! А она еще и выделяется!

Стало быть, Георгию надо «всю жизнь пахать», а Алине, вишь ты, все даром досталось! Из грязи в князи. Видимо, этот Георгий в ней тоже распознал «свою» – пройдоху, ловко сумевшую устроиться при

богатом муже, и рассчитывал на понимание и поддержку с ее стороны. По его понятиям, Алина, урвав свой кусок, должна была по профсоюзной принадлежности к «простым» этот кусок с ним разделить – в том или ином виде... А она, выскочка, ведет себя нелояльно: вместо того, чтобы понять и посочувствовать, каково бедному Гоше созерцать ее дармовое богатство, только усугубляет его страдания – не обращает на красавца ни малейшего внимания! Оттого-то Гоша на нее сильно обиделся...

Да, мужчина, завидующий женщине, – такое встречается не часто... Но встречается. И вызывает у Киса чувство, близкое к омерзению.

Ну да ладно, по крайней мере, не любовник. Ни Александру, ни Алине Мурашовой. Посему Кис сменил тему.

– Где хозяйка хранит свои письма?

– У себя в спальне, насколько мне известно.

– Кто выбрасывает мусор из корзин? Мария Сергеевна?

– Да. Я за ней ходил, она скоро придет.

– Ну а звонки? Кто звонит хозяйке?

– Из женских организаций, из... В общем-то, ей редко кто звонит, в смысле личных звонков. Она ни с кем отношений не поддерживает, я вам говорил.

– А кому она звонит?

– По тем же делам в основном. Иногда она забирает телефон в свою комнату и звонит оттуда. В этих случаях, естественно, я не могу знать, кому она звонила.

– Вы уверены?

– Извините, я не подслушиваю разговоры, – обиделся Георгий.

Алексей проигнорировал эту реплику.

– Меня крайне интересуют ее контакты в последнее время. Не звонил ли ей какой-нибудь мужчина? Или хозяйка сама – не звонила?

– Сожалею, но если вы имеете в виду что-то личное, то я не в курсе.

– А не личное?

– Недавно вроде звонили из благотворительной организации. Но это вряд ли то, что вас интересует.

– О чем шла речь?

– О передаче каких-то вещей.

– Каких?

– Не имею понятия.

– А до этого хозяйка передавала что-нибудь в благотворительное общество?

– Да. Одежду, посуду, игрушки.

– И кто их отправляет?

– Чаще всего я. Иногда она сама. Последнее время все больше сама.

– Вы можете мне точно сказать, когда был этот звонок?

– Сегодня у нас четверг? В понедельник.

– Расскажите, как прошел вчерашний день.

– Обычно. Александр Кириллович пришел домой в восемь. Они поужинали, и он работой занялся. Он почти всегда вечером работает.

– А Алина?

– Да как всегда! Проснулась в девять, после обеда уехала в книжный клуб, потом в какую-то библиотеку записываться, вернулась к пяти, занялась приготовлением ужина...

– Адрес книжного клуба, – скомандовал Кис и записал под диктовку Георгия. – Что она там делала?

– Да почему мне знать? – неприязненно пожал плечами секретарь. – Она свое время проводит как хочет. У нее его много, свободного времени, вот она и...

Он замолчал. Кису подумалось, что концом фразы должно было стать: «...вот она и дурью мается». Или «с жиру бесится». Мерзкий тип, право. А в клуб надо будет наведаться. А то, может, там какой воздыхатель обнаружится...

– Знаете ли вы, где хозяйка хранит свои документы? Паспорт, права, кредитные карточки, наличные деньги?

– В сумке, мне кажется. Я видел не раз, как она, уходя, перекладывает их из одной сумки в другую.

– Вы ее сумочки хорошо знаете? Можете сказать, какой не хватает?

– Боюсь, что нет.

– Вчера после десяти часов вечера не слышали звук машины, которая остановилась недалеко от вашего дома?

– Где машина остановилась? – просипел Георгий.

– На улице со стороны сада.

– А-а... У меня окна на другую сторону выходят, мне с той улицы ничего не слышно.

– Скажите, Алину навещает кто-нибудь?

– Те, кого хозяйка приглашает в гости. В отсутствие мужа она почти никого не принимает. Последний раз у нее были деятельницы из организации «Женщины – за счастливое детство», месяца три тому назад.

– И последнее, Георгий. Вы поделились со мной впечатлением, – осторожно сформулировал фразу Кис, – что Алина вышла замуж по расчету. Означает ли это, что между супругами Мурашовыми напряженные отношения?

– Да нет, вовсе нет! С виду все нормально... Александр Кириллович часто подарки ей делает... Он вообще не жадный. У Лины всегда есть деньги, она его карточкой кредитной пользуется! Правда, Лина не очень, как другие женщины, по магазинам любит разъезжать... Даже магазины ее не интересуют! На что ей деньги, спрашивается, если она их потратить толком не умеет?!

Кис даже голову слегка втянул в плечи – зависть пушечным ядром пролетела над головой.

– Ну, а в эмоциональном плане, не в смысле денег, понимаете, а в смысле эмоций? Любит ли Мурашов жену, по-вашему?

– А мне откуда знать? – его голос совсем сел. – Не мое это дело. Говорю вам, с виду все нормально, а как уж там у них на самом деле – мне это неизвестно.

– Раз вам это неизвестно, – помолчав, произнес Кис, – значит, никаких проявлений любви вы не замечали в семейной жизни Мурашовых...

– А нет, господин детектив, вы мне не приписывайте то, чего я не говорил! Я сказал – не знаю. Я их вижу как: Александр Кириллович приходит, они вместе ужинают, и у него почти всегда работа дома, он занятой человек. А Лина – я вам уже говорил, она сдержанная, не поймешь ничего. Вот и все!

– Я вам ничего не приписываю. Это вы мне сами сказали, что Алина вышла замуж по расчету, что ей никто не нужен и никто ее не интересуется...

– Я просто поделился впечатлением! – пошел на попятный Георгий. – Я ничего такого не хотел сказать! Я в их отношения не вмешиваюсь! В конце концов, я вовсе не имел в виду ее мужа, когда сказал, что ее никто не интересуется!

– А кого вы имели в виду? Себя?

Под ироническим взглядом Киса Георгий раскашлялся основательно, покраснев то ли от натуги, то ли от смущения.

И где это он ухитрился простудиться в такую жару?

Глава 6

Аля плохо понимала, что происходит. У нее в голове стоял странный, монотонный, отупляющий звон.

Марго привезла ее на какую-то дачу. Больно сжав ее руку, она провела Алю по темной тропинке и пихнула в распахнувшуюся перед ними дверь.

Все, вся ее прежняя компания была там. При ее появлении они молча повернули головы. Филипп рывком встал. Антон ухмыльнулся. Гена отвел глаза.

– Ну вот мы и приехали! – весело произнесла Марго и добавила с издевательским нажимом на последнее слово: – Добро пожаловать, Алечка!

– Что происходит? – настойчиво спросила Аля. – Что вам от меня нужно? Почему ты привезла меня сюда, Марго?

– «Здрассте» надо говорить, – назидательно ответила Марго, – когда в гости приходишь!

Остальные хранили молчание, только Филипп сделал полшага в ее сторону и замер.

Аля стояла посреди комнаты, растерянно оглядываясь, пытаясь унять звон в голове, сосредоточиться, хоть что-то понять...

– Надеюсь, ты рада своих старых друзей повидать, а? Последнее время ты что-то совсем загордилась, Алечка, на огонек больше не заглядываешь, – ерничала Марго. – Богатой стала? Ниже своего достоинства считаешь с нами общаться?

– Марго! Я тебя спрашиваю: что все это значит? – старалась быть строгой Аля. – Что тут происходит?

Марго, словно не слыша обращенного к ней вопроса, обошла Алю, разглядывая ее с жалостливой улыбкой.

– Плохо ты воспользовалась своим удачным замужеством, скажу я тебе, – покачала она головой. – Смотри, что это на тебе надето?

Марго приподняла подол длинной коричневой юбки Алины.

– Словно с помойки! Впрочем, у тебя никогда вкуса не было. Ты всегда одевалась черт знает как, во все блеклое и бесформенное!

И в доказательство своих слов она оттянула на себя неброскую бежевую трикотажную футболку Али, на деле дорожку и, как и ее юбка, вещицу хорошей марки.

– Да и драгоценностей у тебя нет приличных, одно колечко обручальное, да вот это с бриллиантом... – Марго схватила ее руку, в которой до сих пор были зажаты деньги. – Ну, это тебе не нужно, – сказала она и выдернула деньги из пальцев Алины. – И сумку дай, кстати! – Она сдернула сумку с ее плеча и кинула ее на стол. Антон прихлопнул разлетевшуюся сумку на краю стола, чтобы не свалилась, и заржал. Марго снова схватила правую руку Алины, жадно рассматривая бриллиант, сверкнувший на свету. – Дорогой, да?

Аля не ответила.

– Красивый... – отпустила ее руку Марго. – У Картье, говоришь, купила? А?

– Я ничего не говорю...

– И не надо. Я тебя в прошлый раз спрашивала, ты мне сказала, что у Картье. На Кузнецком, кажется?

– Зачем тебе, Марго?..

– Сколько стоит, ты мне не ответила!

– Я не знаю... Это подарок... Александра. Свадебный...

– У тебя только один бриллиант? Или ты остальные в сейфе держишь?

– Такой один... – Аля попыталась придать уверенность своему неожиданно севшему голосу.

– Да, он не очень дорогой, – пренебрежительно произнесла Марго, снова беря ее руку. – Тысяч пятьдесят «зелененьких», не больше, – сказала она с видом эксперта. – Я у Картье была в магазине, видела. Там и получше твоего есть. Эх, я бы на твоём месте!.. Не упустила бы возможностей! – Марго вытянула вперед руки, любуясь своими длинными смуглыми пальцами, унизанными недорогими кольцами. – Ну ничего, они у меня еще будут, возможности!

Марго обвела многозначительным взглядом свою компанию.

Аля чувствовала себя так, словно ее выпихнули на сцену. Все безмолвно сидели, наблюдая за ней, только побледневший Филипп по-прежнему стоял возле своего стула с напряженным и хмурым видом.

Аля старалась не смотреть в его сторону.

– Что тебе нужно от меня, Марго? – спросила она, преодолевая спазм в горле.

– Ничего особенного, – улыбнулась ей успокаивающе Марго. – Мне нужно, чтобы ты со мной поделилась немножко. Ты у нас стала богатой, надо теперь и про старых друзей подумать! С друзьями ведь надо делиться, верно? А не давать жалкие подачки...

– Тебе мало шести тысяч рублей?

– Конечно, мало, моя дорогая подружка, конечно, мало!

– И сколько ты хочешь?..

– Эй, вы, слышите? – Марго обернулась к компании. – Слышали? Меня спрашивают, сколько я хочу! Вот это вежливость! – с нехорошей улыбкой продолжала она. – Ты стала действительно светской дамой, Аля, с хорошими манерами... – Улыбка вдруг пропала с лица Марго, и глаза ее потемнели. – Полмиллиона я хочу, вот сколько. Полмиллиона баксов. И завтра ты мне их дашь.

Аля сняла очки и посмотрела на Марго. Потом снова надела очки. Помотала головой, словно стряхивая с себя наваждение. Нет, ей не послышалось, Марго сказала – полмиллиона долларов.

– Где я тебе их возьму, Марго? – Аля улыбнулась. Это был бред, это было почти смешно. – У меня их нет.

– Не скромничай, дорогая. У тебя их, конечно, нет. Они есть у твоего мужа. Но зато у тебя есть общий счет с твоим мужем. Думаешь, я ничего не сообщаю, да?

– Но там нет таких денег, Марго, там их нет!

– Ладно рассказывать! Чего бедной прикидываешься!

– Я правду говорю! Там их нет!

– Зря стараешься. Я тебе не верю.

– Хорошо, – сдалась Аля. – Хорошо, их там нет, но допустим, что они там есть. Но ты не знаешь одной простой вещи: их невозможно быстро снять наличными. По правилам банка деньги нужно сначала заказывать, за двое суток, и нужно представить...

– Ты костюмчик помнишь? – перебила ее Марго, садясь в свободное кресло и манерно закидывая ногу на ногу.

– Какой костюмчик? – опешила Аля.

Она осталась стоять одна посреди гостиной, под прицелом настороженно-враждебных взглядов.

– Ну костюмчик, темно-серый, элегантный, который ты мне дала? С шелковой блузкой, цвет увядшей розы?

– Да... Помню, – непонимающе ответила Аля.

– И зачем, по-твоему, я у тебя его попросила?

– Я думала, на работу устраиваться...

– Вы слышали? – снова обернулась Марго к компании со смехом. – Ща-а-ас! Я прям разбежалась официанткой устраиваться в таком костюме! Я, моя милая, не такая дура. Я в этом костюмчике все справки навела про банки. Приделалась, причесалась, прикинулась богатой клиенткой... Так что нечего мне лекции читать – я получше твоего знаю, как можно и как нельзя снимать деньги!

– Ну так что тогда разговаривать? – рассердилась Аля. – Деньги снять нельзя, раз ты знаешь. На твой счет их перевести – тоже практически невозможно. И даже если бы это было возможно – это улика против тебя, тебя милиция может найти; ты же понимаешь, если я сниму полмиллиона долларов – боже мой, сколько это в рублях? Я и сосчитать не сумею!

– А тебе и не надо. Я их сама сосчитаю.

Аля покачала головой. Разговаривать с Марго было невозможно.

– Даже если бы я могла их снять, – продолжила она, – то мой муж обратится в милицию, ведь мне придется ему объяснения дать. И когда я ему объясню...

Аля вдруг запнулась, похолодев. «Объясню»?.. У них нет никакого интереса в том, чтобы она что-то кому-то объясняла!.. Но как же... Но тогда получается... Но ведь не собираются же они ее убить? Как это называется... «Убрать»?

Нет, нет, конечно. Что за бред!

– Ты меня за идиотку держишь, да? – обиженно посмотрела на нее Марго. – Ты меня, впрочем, всегда недооценивала. Ты на меня всегда смотрела свысока, даже когда ты была бедной, всегда меня презирала...

– Я?! Смотрела на тебя свысока?

Аля искренне изумилась. Было время, когда она восхищалась Марго, было время, когда она стала с трудом переносить ее властный и грубый характер, ее стиль жизни и взаимоотношений; но свысока – нет, она никогда не смотрела свысока на Марго. Как это странно, что Марго так думает. Скорее наоборот, Аля всегда боролась в себе со своей зависимостью от сильной подруги...

– Ты, ты! Чего теперь прикидываешься? Ты всегда меня презирала, я это кожей чувствовала! Проста я была для тебя, слишком проста, не пара такой... Такой... – Марго задыхалась от злобного возмущения, не находя нужное слово. – Такой аристократке, как ты! – выпалила она наконец.

Присутствовавшие в комнате парни не проронили ни слова, с угрюмой серьезностью наблюдая сцену.

– А это меня зовут – «королева Марго»! А не тебя! Правда, мальчики? Какая из тебя королева, ты просто замурышка рядом со мной!..

«Да у нее же просто комплекс неполноценности, – поняла вдруг Аля. – Обычный классический комплекс. То-то она всю жизнь со мной соперничала! Не видя и не понимая, что я не соперница ей вовсе, что я не ввязываюсь в подобные игры и что мне, в общем-то, совершенно безразлично, первая она или

последняя... Может быть, мою незаинтересованность в этом перманентном соревновании она и приняла за высокомерие? Право, странно. Раньше я думала, что она умнее. Тоньше, что ли, понятливей... Впрочем, раньше я плохо разбиралась в людях. Это теперь я стала кое-что понимать... Алекс меня многому научил, надо отдать ему должное...»

И ей отчаянно захотелось домой.

– Ладно, что вчерашний день поминать! – сменила вдруг тон Марго. – Что считается – так это сегодня. А сегодня – в идиотках ты! – милостиво улыбнулась она. – У меня, моя дорогая, планчик куда умней, чем ты можешь себе представить. Куда умней! Ну, я тебе завтра расскажу. А сейчас – баиньки.

Марго встала и прошествовала к лестнице, которая была приставлена к лазу на чердак, и указала небрежно-театральным жестом, крутанув в воздухе кистью руки:

– Тебе сюда.

Аля оглянулась на безмолвную компанию.

– Я требую, чтобы вы мне объяснили, что вы затеяли!

Молчание. Только Филипп блеснул глазами.

– Ну-ну, будь умницей, поднимайся, – дурашливо засюсюкала Марго, оттесняя Алю к лестнице. – Прилежным девочкам пора в постельку. Давай, давай, еще ступенечка, вот так, какие мы хорошие девочки....

Она почти силой заставила Алю подняться.

Аля нехотя влезла на чердак. На чердаке была небольшая комната, сумрачная и душная, так как маленькое окошко было закрыто.

– Свет справа включается!

Голос Марго послышался совсем рядом. Аля обернулась: ее бывшая подруга стояла на лестнице, и голова ее высывалась в люк.

– Нашла?

Аля нащарила выключатель, и под крышей вспыхнула тусклая голая лампочка, засиженная мухами. В чердачной комнате был довольно большой соломенный тюфяк на полу, застеленный простыней, рядом стояли плетеное продавленное кресло и большая тумбочка с облезшей полировкой.

– У тебя тут есть все, что надо. Писать захочешь – постучи! Спокойной ночи, подружка!

Глава 7

Мария Сергеевна оказалась худой и коренастой, кожу ее покрывал тот неяркий и прочный загар, который приобретается в деревне, во время летних полевых работ. Ее маленькое подвижное тело кипело молодой энергией, хотя лицо со всей определенностью выдавало пройденный пятидесятилетний порог. У нее были светлые живые глаза и острый любопытный нос, которым она водила из стороны в сторону, цепким взглядом изучая спальню и гардеробную Алины, куда ее привел Алексей.

– Нет, все на местах. Не хватает только юбки одной и майки. Наверное, она их надела на себя, когда уходила.

– А вы хорошо знаете ее вещи?

– А как же! Я же их стираю и глажу. Я вам даже могу сказать, какие она трусики надела на себя!

– Вот и хорошо.

Кис сел составлять список вещей. Мария Сергеевна из гардеробной диктовала ему, пересматривая одежду Алины.

– А костюмчик синий – юбочка плиссированная с жакетом – она мне вчера в чистку велела отдать, – донесся до Киса голос Марии Сергеевны, – так он внизу, в пакете, на кухне. Завтра отнесу. И блузочка к нему кремовая – в стирке.

– А что, костюм испачкался чем? – сделал стойку Кис, готовясь изымать костюмчик на предмет исследования пятен и пыли, которые могли бы – как знать? – выдать секреты Алины Мурашовой.

– Да нет, что вы! Она чистюля, каких поискать! Просто дни, сами видите, стоят какие жаркие, а Алечка вчера куда-то в нем ходила, вот он несвежий и оказался...

Кис не поленился, затребовал костюмчик и внимательнейшим образом разглядел все складки. Особенно его интересовал подол юбки: вдруг следы, скажем, спермы обнаружатся? Но на костюмчике не было ни единого пятнышка. Кис даже его понюхал: слабо пахло духами, дезодорантом и немножко потом. Нежным и тревожным, сладким потом чистого женского тела...

Разочарованный и слегка грустный – грусть была уже из области личных разочарований, о которых напомнил запах, – он вернул одежду Марии Сергеевне и с удвоенной энергией приступил к дальнейшим расспросам:

– Что-нибудь где-нибудь еще исчезло? Посмотрите на столике, на тумбочках – короче, везде.

– Нет. Все на местах. А кольцо обручальное и еще одно, с большим бриллиантом, подарок ее мужа, на ней должны быть. Она их всегда вместе, на одном пальце, носит.

Кис записал.

– А остальные драгоценности на месте?

– Я их не все знаю. Только те, что она часто надевает, вот в этой вазочке она их держит обычно. Из этих – все на местах.

– Вы не замечали ничего странного в поведении хозяйки?

– Ох, не знаю уж, странно это или нет, – озабоченно вздохнула Мария Сергеевна, – да только она была грустная какая-то в последнее время.

– Последнее время – это с каких пор?

– Ну, я вам точно сказать не могу, но месяца два, наверное. Она и всегда-то была такая девочка задумчивая, тихая, а тут совсем загрустила.

– Вы не догадываетесь, с чем это могло быть связано?

– Да нет, откуда мне знать! Она со мной не делится своими секретами.

– А вам кажется, что у нее есть секреты?

– Не знаю я... Я это так сказала, в смысле, что мне она ничего не рассказывает. Может, иногда оно и надо, поделиться с кем, что на душе... А она не рассказывает никому. Да и то: кому рассказывать? Я ей, понятное дело, не подруга, а подруг-то у нее и нету. Одинокая она.

– Почему вы так думаете?

– Да что ж тут думать? Я вижу. Ни друзей, ни развлечений. Хозяин целыми днями на работе, приходит поздно, а она все одна и одна. Чего же веселого для молодой девушки в деревне-то?

– А как вы думаете, Мария Сергеевна, я хочу узнать ваше мнение, – подольстился Кис. – Отчего у нее нет ни друзей, ни развлечений? Может, муж ее из дома не выпускает?

– Да нет, что вы! Он очень добр к ней. Прямо как с куколкой обращается...

– Так что же ей мешает тогда развлекаться?

Женщина пожала худыми плечами:

– Дикая она. Сколько ее знаю, всегда такой была.

– Хм, «дикая»... Это как?

– Не знаю, как и объяснить-то... Ну вроде рачка: залезла в свою ракушку и сидит там, наружу не выманишь.

– Необщительная?

– Да не то...

– Неприветливая?

– Да бог с вами, совсем не то! Она и приветливая, и вежливая, не то что у моей Лиды: у ней хозяйка – вон там, три дома отсюда – такая халда! Только и умеет, что распорядиться, и Лиду мою Лидкой зовет! Ишь, барыня! А сама-то ей в дочери годится! Лида уж не знает, что и делать – и тошно ей, и рада бы от них уйти, да деньги платят хорошие, а у ней мужа нет и сын пьяница... А Линочка совсем не такая, все норovit сама сделать и вежливая очень, меня Марией Сергеевной зовет... Я ей как-то говорю: да вы можете меня тетей Машей называть! А сама думаю: девочка сирота, ей ласка нужна... Я бы ее тоже на «ты» звала, как дочечку... Да куда там! Не приласкаешь ее! Как будто ледком подернулась душа... Так и зовет меня по имени-отчеству. И я ей выкаю. Дикая она.

«Как будто ледком подернулась душа», – отметил про себя Кис. Совсем в иных выражениях, но по сути то же самое сказал и Георгий... Надо будет разобраться, что за морозец приморозил это растение.

– Не знаете, у хозяйки никакой встречи на сегодня не было назначено? – спросил он.

– На сегодня – это на вчера, что ли? Как считать-то?

– На вчера, верно, на четверг.

– Про встречи я ничего не знаю, это вы у Гоши спросите, а вот дело у нее было одно назначено на четверг. По благотворительности дело. Пойдите-ка, как же я могла забыть! Пропала у нее тут одна вещь, нету сумки!

– Какой сумки?

– Дня два тому она мне говорит: «Приготовьте мне, пожалуйста, сумку к четвергу, я вещи отобрала для благотворительности». Вот ее и нету, сумки этой.

– А что в сумке было?

– Вот тоже, уж если вы спрашиваете про странности, так странно: обычно вещи ей складываю я, Линочка мне доверяет. Отберу что постарее, что попроще, ну, конечно, сначала постираю, поглажу, прилично все! А тут она сама все отобрала. Уж как жалко мне было то платье, что Линочка отдать решила! Так оно ей идет, так ей в нем красиво! Я ей даже прямо так и сказала: «Извините меня, Линочка, да только что же вы такое платье бедным отдаете? Им, бедным-то, в таких платьях и ходить некуда! А уж вам-то как оно идет, к глазам вашим синим! Не отдавайте, жалко же!» Да и другие вещи тоже – хорошие все, дорогие.

– А что она вам ответила?

– Да что ответила? Засмуцалась. Я, говорит, всегда что подешевле отдаю, неудобно как-то, надо же и хорошие вещи отдавать, раз благотворительность... Мечтательная она. И книжек много читает. Все идеи-то, они из книжек берутся. Из простой жизни таких идей нет.

Кис не смог удержать улыбку. Мария Сергеевна сердито посмотрела на него.

– Сами-то вы, господин хороший, тоже небось книжки читаете?

– Да где уж мне, Мария Сергеевна, мне некогда, мне вот спать – и то по ночам не дают.

– Это верно, работа у вас такая незавидная... Вы не думайте, я не против книжек. Я и сама телевизор люблю смотреть, серии разные... Только ведь они навдумывают там с три короба, а девушки молоденькие им веруют... А потом, в жизни, – раз, и все по-другому! Вот и делают они глупости, молодые, потом сами же горько плачут...

– Платье какое было?

– Лиловое... С открытой спиной, длинное. Куда в нем бедные будут ходить?!

– Когда вы последний раз видели эту сумку?

– Да вчера же! Когда уходила, в шесть часов. Я перед самым уходом отнесла в гардеробную к хозяйке поглаженные вещи. Сумка еще была на месте.

– А сумка сама – какая она?

– Да это всего-навсего большой пластиковый пакет, из магазина какого-то. Что-то там было написано – не помню, не по-русски было. Вишневого цвета.

– А из ее ручных сумочек можете мне сказать, какой не хватает?

– Могу. Я их чищу иногда, кремом натираю...

Они спустились в прихожую, и Мария Сергеевна перебрала все сумки в шкафу.

– Темно-синей нет. С белой каемочкой.

– Кожаная?

– А как же! У хозяйки все кожаные, хорошие, дорогие.

Кис сделал пометки в своем блокноте. Вернувшись в спальню Алины, Кис указал на ящички туалетного столика:

– Где хозяйка обычно хранит свои документы?

– Я что, по-вашему, по ящикам лазию?

– Что вы, Мария Сергеевна, я вовсе так не думаю! – поспешил ее заверить Кис. – Я просто предположил, что вы иногда и внутри пыль протираете...

– А ведь верно, – удивилась она. – Протираю, редко, но протираю. Внутри-то не очень пылится... Вот в этом, – указала она на средний, – я там как-то паспорт ее видела.

Алексей покачал головой. Что бы там ни видела Мария, теперь там паспорта не было. Вчера Алина ездила записываться в библиотеку... Значит, брала с собой паспорт. На место не положила. Следовательно, ушла с ним?

– Скажите мне, Мария Сергеевна, вы, когда мусор из корзинки у хозяйки выбрасывали, не обратили внимания на какие-то особые конверты, записки, письма? Ничего не запомнилось?

– Да я не разглядываю, на что мне? Выбросила – и чисто, и все дела. Один раз только запомнила, потому что удивилась: уж больно мелко она его изорвала.

– «Его»?

– Письмо, так я думаю.

– Свое или чужое?

– Так я вам сказать не могу с точностью, а думаю, что чужое. И вроде не разобрать ничего, а все же будто почерк не Линочкин. Крупный какой-то. А Линочка пишет маленькими буквами, аккуратненькими...

– Давно это было?

– На Пасху. Я запомнила, потому что с праздником ее поздравляла, – на Пасху-то я не работала, выходной, но я ей яички принесла, сами разве ж покрасят! Куличик тоже... А она вроде грустная, даже сердитая какая-то. Я так и запомнила: рассердилась она на письмо, стало быть, вот и разорвала.

Странно, что секретарь ничего не сказал ему об этом письме. Не видел? Забыл?

– Мария Сергеевна, почту у вас кто вынимает?

– Гоша, кто же еще?

– Значит, он то письмо должен был видеть?

– Должен, а как же! Хотя... Бывает, что Линочка и сама ящик открывает. Тогда она дает Гошке почту зарегистрировать – у нас тут такой порядок заведен.

– Ну спасибо, Мария Сергеевна. Пока у меня вопросов больше нет.

– Да что уж там, спасибо говорить. Вы, главное, найдите ее поскорее, Линочку. А то как бы с ней не приключилось чего... Она сама-то такая неумеха! Вот, послушайте, взялась она готовить. Готовить она не умеет, книжки пооткроеет, разложит и давай бегать от книжек к плите. Только посуду роняет... Я ей говорю: «Давайте помогу», – а она упрямится: «Нет, я сама должна научиться». Упорная она... В школах их разве чему научат? А родителей нет, сиротка. Вот ничего и не умеет! Только аккуратная очень. Постельку всегда сама заправит... Ну и вот, бывает, что испортит все, выбросит и сначала готовить начинает...

Глава 8

Голова Марго исчезла. Люк захлопнулся, повернулся ключ.

Все это было до такой степени неправдоподобно, что Аля даже не нашла слов, убедительных слов, чтобы объяснить Марго, что какой бы ни был у нее «гениальный» план, все это напрасно: денег таких у Али нет. Этот общий счет, на который Алекс каждый месяц переводил определенные суммы денег, был на самом деле предназначен для домашних нужд, для ее покупок, для подарков, благотворительности и мелких прихотей; там было, может быть, на данный момент тысяч десять, если считать на доллары, или меньше – но не больше. Счет, на котором были действительно крупные суммы и с которым проводились финансовые операции, существовал отдельно и на имя Алекса, и никакого доступа у Али к нему нет. Сколько там, она даже не знает, но полмиллиона долларов?! Бред. Таких денег у Алекса нет. Так что, как бы ни хотелось этого Марго, ничего у нее не выйдет.

Интересно, а что же это за «планчик», что она такое придумала? Аля пожала плечами и уселась на низкую постель, обняв колени. Какая разница, в конце концов.

«Который сейчас час, интересно? Полдвенадцатого, должно быть... Знает ли Алекс, что меня нет? Скорее он все еще сидит за своим столом, рассматривая на свет диапозитивы и делая записи на компьютере... Хорошо, что я письмо не оставила... А то бы Алекс мог увидеть письмо и подумать, что я от него ушла, вот так, ночью, тайком, не сказав ни слова...»

А может быть, так было бы лучше? Я все равно собиралась уходить... Может, вообще не возвращаться домой? Алекс утром увидит, что меня нет... Что он подумает? Будет ли меня искать?»

Аля попыталась себе представить Алекса, его реакцию, его поступки – и не смогла.

«А я? Что я буду делать? У меня даже документов с собой нет... Хотя есть сумка, я же взяла ее с собой! Марго ее отобрала... В ней паспорт, права. Правда, оттуда что-то выпало. А если это паспорт выпал? Куда я пойду? Ни паспорта, ни машины, ни денег – Марго, наверное, заберет то, что есть на счету...»

Бог мой, о чем я думаю! Сейчас надо с Марго разобраться, а насчет планов на будущее – потом.

...Может, лучше все-таки вернуться домой, поговорить откровенно с Алексом? Он поймет. Поймет, да. Я ему все объясню, я сумею объяснить. Теперь, когда я это написала на бумаге, мысли в моей голове стали яснее...»

Звякнул ключ. Люк распахнулся, и Гена, бегло глянув на Алю, молча спустился обратно.

– Эй, ты чего там, уснула уже? Поди сюда, – раздался снизу голос Марго.

Аля спустилась.

В комнате горел яркий свет – были дополнительно включены старый рыжий торшер в стиле 60-х годов и зеленая настольная лампа. Аля не успела сообразить, зачем ее позвали и к чему это освещение, как из соседней двери выплыла Марго, одетая в вечернее платье Алины. Не сказать, чтобы ей шел лиловый цвет, но платье сидело на ней отлично, подчеркивая стройную талию и открывая смуглую спину.

– Ну как? – прошлась по комнате Марго походкой манекенщицы. – Я тебе нравлюсь?

– Тебе идет, – рассеянно ответила Аля.

– Хорошенькое платьице у тебя... Вернее, теперь у меня. Тебе не жалко?

– Нет.

– Правда не жалко?

– Правда.

– Это потому, что мы подруги, да? Тебе не жалко для подруги, да?

– Я не знаю, почему мне не жалко... Не жалко, и все.

– Ну и хорошо!

– Это бессмысленная затея у тебя, Марго... Если мы подруги – то с подругами так не поступают!

– А как это я с тобой поступила? Никак я с тобой не поступала! – разглядывала свою спину в небольшом зеркале на стене Марго.

– Ты меня похитила!

– Я? Тебя? Похитила? Ты чего?! – Марго изогнулась перед зеркалом. – Сама напросилась в гости, а теперь на меня сваливаешь!

Аля, остолбенев, смотрела на нее.

– Филиппчика, сказала, повидать охота, давно не виделись... – любовалась своим отражением Марго.

Аля села на перекладину лестницы, сраженная этим наглым враньем. Впрочем, Марго всегда была такая, это ее стиль, Аля просто забыла, отвыкла.

– Отвези, сказала, меня к старым друзьям, а то скучно мне без вас всех и без Филиппчика особенно...

Аля только покачала головой – слова у нее не нашлись. У нее никогда не находились слова, чтобы ответить Марго, в речах которой перемешивались наглое, хотя и мелкое, вранье и ядовитые, но тонкие колкости.

– Ты правда считаешь, что мне идет, Аль? – деловито спросила, медленно поворачиваясь перед ней, Марго.

Это была еще одна ее черта, которая была за пределами понимания Али: внезапная перемена тона и отношения. Каждая ее интонация была сиюминутна – будь то хамоватая грубость или нежная дружественность, – и ничего за собой не вела, ничего не обещала, ни о чем не свидетельствовала. Ни на одно из чувств Марго, ни на одно ее настроение нельзя было положиться.

– Ты знаешь, чего мне к платью не хватает? – вдруг озабоченно произнесла подруга детства. – Бриллиантика!

Аля непроизвольно спрятала руку за спину.

– Это свадебный подарок Алекса, Марго! Я тебе его не дам!

– А мне и не нужен твой, никудышный!

Марго смотрела на Алю, ожидая реакции на свои слова. Реакции, однако, не было. Аля молчала, не понимая, к чему клонит бывшая подруга.

– Ладно, так и быть, я тебе скажу секрет, все равно ты никуда до утра не денешься! – Марго сделала заговорщическое лицо. – Завтра пойдешь со мной – с нами, – поправилась она с тонкой улыбкой, давая понять, что Аля будет под охраной, – к Картье. И купишь мне бриллиантик. И не такой, как у тебя, у тебя слишком... – она выдержала эффектную паузу, – маленький! А мне ты купишь большой, очень большой. Да не один – пять. Я их уже присмотрела. На все пятьсот тысяч. Вот так-то, милая. А ты думала, глупенькая, что я с тобой в банк попрусь? Э-э нет, мы с тобой за бриллиантиками отправимся... Вот и все дела. И пойдешь домой, к папашке.

Аля сняла очки и потерла переносицу.

– Ты сошла с ума, Марго. Ты сошла с ума. Что ты будешь делать с бриллиантами? Продавать?

– Не твоя забота. Я знаю, что я с ним буду делать.

– Продавать, понятно. – Аля посмотрела на нее сосредоточенно. – Ничего у тебя не получится.

– Это почему еще? Ты в милицию, что ли, сообщишь? Так мы обернемся быстрее, чем ты очухаешься. Не найдут. У нас все продумано!

Одно хорошо, подумала Аля: они, кажется, собираются ее отпустить. Правда, после того, как получат свои бриллианты... А в этом-то и была вся загвоздка!

– Не в этом дело... – произнесла она. – У меня нет таких денег на счету.

– А знаешь, ты мне хорошую мысль подала! Давай сюда свое колечко.

– Нет!

– Да не бойся ты! Я тебе завтра его верну. Это на сегодня только, к платью. А завтра – ты мне сама купишь бриллианты... Правда же?

– Господи, это бред какой-то!

– Ну, не жадничай, дай мне колечко поносить! – дурным голосом заканючила Марго. – Колечко, колечко, хочу колечко, дай поносить! – затопала она ногами, как истеричный ребенок.

– Свадебные подарки не дают поносить, Марго!

– А ты мне дашь! – разозлилась Марго. – А не дашь... Фили-ипп, а Фили-ипп! – капризно затанула она. – Па-ади-ка сюда...

– На. – Аля, бегло глянув на Филиппа, быстро стянула с пальца кольцо и отдала его Марго.

– Не на-а-адо уже, Филипп, все обошлось...

Филипп угрюмо потоптался на месте и сел обратно.

– Жадная ты стала, Аля! – Марго осуждающе покачала головой. – Раньше ты такой не была. – Она делано вздохнула. – Эх, портят деньги людей!

Аля всегда терялась, когда Марго начинала устраивать «спектакли», и сейчас тоже не знала, как себя вести, что сказать – или промолчать... Она выбрала последнее.

Марго любовалась ее кольцом, поворачивая кисть на свету так, что бриллиант вспыхивал огненными гранями. Затем она вновь направилась к зеркалу и стала рассматривать себя и махать рукой, жадно ловя в зеркале бриллиантовый блеск.

– Ох, до чего же хороша я! – повернулась она, наконец насладившись своим отражением. – Правда?

Ее команда ответила ей нестройным, но льстивым хором. Аля промолчала.

– Что молчишь? – вскинулась Марго. – Не нравлюсь? Думаешь, ты лучше меня?

– Оставь меня в покое, Марго, – тихо произнесла Аля.

– Нет, ты скажи, скажи! Ты считаешь, что красивее меня, да? И платье тебе больше идет, да? Говори!

Аля молчала. Да и что на это можно было сказать?

Марго тоже замолчала и уставилась на Алю тяжелым, злым взглядом. Некоторое время она мстительно и сосредоточенно рассматривала Алю и вдруг махнула рукой:

– Раздевайся!

Аля вместо ответа отпрянула назад, к лестнице. Марго почти прыгнула за ней вслед и больно схватила ее за запястье сильными тонкими пальцами. Вытащив Алю снова в круг на всеобщее обозрение, она снова скомандовала:

– Раздевайся, я сказала!

Аля не шелохнулась, не понимая, что затеяла бывшая подруга. Тогда Марго потянулась к Але, ухватила за резинку на талии и потащила ее юбку вниз, к полу. Стащив до щиколоток, она пихнула Алю так, что та была вынуждена переступить через юбку, и Марго, победно покрутив Алину юбку над головой, размашисто отправила ее в угол. Мужчины наблюдали молча за разворачивающейся сценой, тоже, видимо, не понимая, куда клонит Марго.

– Руки вверх! – снова скомандовала Марго и, наткнувшись на недоуменный Алин взгляд, почти взвизгнула: – Руки подними, я сказала!!!

Аля, глянув на молчаливую свиту, на разъяренную Марго, нехотя выполнила приказание, и в одно мгновение с нее соскользнула ее бежевая майка.

Аля осталась стоять в одном белье, в том восхитительном, кофейно-золотистом шелковом гарнитуре, который она купила в Париже, когда была там с Алексом. Купила для себя – они с Алексом ложились в разное время, да и спали в разных комнатах, так что ему не доводилось оценить ее покупки, – но Аля страстно любила красивое белье. В нем была какая-то секретность, какая-то интимность: оно было предназначено не напоказ, не для посторонних глаз, как верхняя одежда, здесь не надо было думать о чужом мнении или моде – здесь все было только для нее и по ее прихоти. Вот и этот гарнитур из кофейного, с золотым отливом шелка был ее прихотью, капризом, причудой: бюстгальтер марки Wonderbra поддерживал ее небольшую грудь так, что она возвышалась двумя снежными полушариями на манер декольте прошлого века; маленькие трусики по той их стороне, что должна прилегать к бедру, не прилегали вовсе, а волнились шелковой искрящейся оборкой, в своей волнующей тени приоткрывая нежную, белую, беззащитную кожу...

Марго рассматривала ее придирчиво. В полной тишине стало слышно сопение Филиппа, и, глянув мельком в его сторону, Аля успела заметить, как плотоядно заблестели его глаза. Краем глаза она прихватила и любопытно-брезгливое выражение лица Гены. На Антона не стоило даже смотреть: выражение его лица никогда не менялось – оно всегда было дебильным, с непроницаемо-пустым взглядом и крупным, чувственным, ярко-красным ухмыляющимся ртом.

– А ты ничего... – протянула Марго. – Но я все равно лучше! Правда, мальчики?

Она обернулась на своих дружков и усмехнулась, приметив разгорающийся блеск в глазах Филиппа. Поразмыслив секунду, Марго стащила с себя через голову платье и встала рядом с Алей, присогнув одну ногу в колене и откинувшись немного назад, как это делают манекенщицы. Марго была хороша, и белое белье смотрелось на ее смуглом теле эффектно.

– Вы только посмотрите, какая она белая! – мотнула пренебрежительно Марго головой в сторону Али. – Прямо глиста в обмороке!

В ответ раздалось ржание Антона и вежливое хихиканье Гены.

– И еще белье надела коричневое! Где это видано – коричневое? Это какой же вкус надо иметь, чтобы нацепить на себя трусы цвета школьной формы!

Аля смотрела в пол, боясь поднять глаза на непрошеную публику.

– На! – Марго швырнула лиловое платье Але. – Надень! Я сравнить хочу!

Вот оно что! Марго, оказывается, все никак не успокоится, все соревнуется, кто краше!

Аля стала было натягивать платье, как вдруг снова раздался окрик Марго:

– Постой-ка!

Она выдернула платье из рук Али и, обхватив ее, будто хотела обнять, вдруг щелкнула застежкой Алиного лифчика, резко сдернув бретельки с плеч.

– А то ишь, в таком лифчике даже сиськи старой негритянки покажутся силиконовыми! – прокомментировала подруга детства. – Ты ручонки-то отведи от сисек, а то что я, по-твоему, рассматривать буду? Мы, – поправилась она со смешком, глянув на Филиппа, – рассматривать будем, правильно, мальчишки?

И с этими словами она развела Алины руки в разные стороны.

Аля стояла ни жива ни мертва. Этот стриптиз распался Филиппа, его дыхание уже было похоже на приближающийся паровоз, и Марго нарочно провоцировала его. Аля не понимала зачем...

– Тоже мне, подумаешь, было бы что прятать! Кого испугалась? Кому ты тут нужна, на тебя глазеть? Антоше твои сиськи ни к чему, у него в распоряжении получше есть! – И Марго быстро выпростала свою грудь, как бы желая уточнить, что именно есть в распоряжении у Антона.

Ее грудь была практически одного размера с Алиной и, как у Али, весьма привлекательной формы, но сейчас Аля была явно в невыигрышном положении: ее кожа покрылась от холода мурашками, светлые соски жалко сморщились...

– Гене твои сиськи и вовсе без разницы, он другим полом интересуется – и с другой стороны, – хихикнула Марго, – а Филиппчику... Ну, ему, может, и сойдет... У тебя в принципе ничего сиськи... Жить можно, – заключила Марго и снова швырнула ей платье: – Надевай!

Аля натянула. Марго развернула ее перед парнями:

– Ну, кому больше идет?

– Те-бе, те-бе! – заорал Антон, словно он был на футбольном поле.

Гена молча покивал в знак согласия. Только Филипп, не отрывая взгляда от Али, промолчал. Марго с удовлетворением посмотрела на него и промолвила нежным голоском:

– Ну а тебя, Филиппчик, я не спрашиваю! С тобой все ясно. Всем давно известен твой... плохой вкус!

И она залиvisto рассмеялась. Ей громко вторил гогот Антона. Филипп не проронил ни звука. Только яростно блеснул глазами.

– Ну все! Поносила – отдай!

Она приняла лиловое платье из рук Али и швырнула ей ее бюстгальтер. Понаблюдав некоторое время, как Аля застегивает лифчик, она вдруг встрепенулась.

– Ох, засиделась я тут с тобой! – наигранно произнесла она. – Некогда мне, мы сегодня в ресторане ужинаем! А ты – баиньки, тебе отдохнуть надо. Мы тебе Филиппчика оставляем, чтоб тебе не страшно одной было! Он, можно сказать, жертвует собой, от ужина в ресторане отказывается, чтобы тебе компанию составить! Оцени! Ну, давай, дуй наверх!

Она сунула комок Алиной одежды ей в руки и подпихнула ее к ступенькам. Аля, прижимая одежду к груди, принужденно поднялась наверх.

– Пока, подружка! – донесся снизу голос Марго. – Спокойной ночи! Я завтра в девять приеду – и вперед, за бриллиантками!

Марго поплыла к дверям комнаты, обернулась на по-роге, театрально махнула рукой и воскликнула звонко:

– Пошли, мальчики!

Вслед за ее словами закрылся люк на чердак и повернулся в замке ключ.

– Постой, Марго! – закричала Аля. – Постой, слышишь! Марго! Где я тебе возьму такие деньги?! У меня их нет!

Бесполезно. Было слышно, как компания отодвигала стулья, вставая.

Аля принялась рассеянно одеваться. В комнате стояла духота. В голове все так же звенело, и она никак не могла унять этот звон. Сердце колотилось. Мысли путались. Она никак не могла сосредоточиться и обдумать, что случилось.

Этого не может быть, это неправда, это сон, это бред! Я домой хочу, они не имеют права!!!

Аля забарабанила в дверь люка.

– Открой, Марго, открой! Слышишь, открой! Отвези меня домой, Марго!

– Заглохни! – раздался снизу голос Марго.

– Выпусти меня! – с удвоенной силой забарабанила Аля в люк. – Слышишь, Маргошка, выпусти немедленно!

– Блин, она нам так всех соседей тут поднимет! – раздраженно воскликнула Марго.

– И подниму! – как можно громче, для пущей убедительности, крикнула Аля прямо в деревянную крышку люка. – Вы не имеете права меня тут держать!

– А это мы посмотрим!..

Повернулся ключ. Аля отпрянула от деревянного квадрата. Люк открылся. На чердак поднялся Филипп. Позади, внизу стояла вся компания, готовая на выход, и смотрела на них, задрав головы.

Аля отступила на шаг.

Рука Филиппа взлетела и со всего размаха опустилась на ее щеку.

Антон заржал.

Звон в голове превратился в оглушительный грохот. Аля покачнулась. Ее очки съехали набок. Ее губы задрожали. Щека горела, и все поплыло от слез.

Филипп ухмыльнулся.

Его светлая голова исчезла в проеме люка, и дверца закрылась за ним.

Потом она слышала, как Марго произнесла:

– Не вздумай заходить к ней до утра. Она теперь шуметь не будет... Не трожь ее, понял? А то всю игру попортишь! Смотри, Фил, я у нее завтра спрошу, как ты себя вел. Я в девять приеду. Понял?

– Понял, – буркнул Филипп.

– Ох, самой бы мне здесь остаться... Да надо алиби делать! Если что – мы сейчас в ресторане, до закрытия. Потом – дома. Смотри, стереги ее хорошенько. Окно, конечно, высоко, но мало ли... Не спи! Пошли, мальчики, сегодня гуляем!

Скрип половиц под тяжестью шагов.

Звук закрываемой двери.

Мотор удаляющейся машины.

Тишина.

Звон в голове.

Горящая щека.

Духота.

Аля не знала, сколько времени она провела вот так, сидя на тюфяке, уставившись в пол почти без всяких мыслей. Наконец она поднялась, погасила свет и открыла окно. Скрипнули створки. Ночь неслышно вошла в окно, распахнула перед ней свои звезды, обвеяла душистой прохладой. Аля раздула ноздри, вдыхая.

Внизу раздались шаги.

В замочную скважину лег ключ.

И замер.

Молчание по обе стороны дверцы люка. Страшная, опасная тишина.

Она слышала дыхание Филиппа. Он стоял и дышал за дверцей.

Алю охватил ужас.

Она схватила стул и подняла его над головой.

Тихо звенели секунды.

– Закрой окно, – сказал он наконец по ту сторону дверцы.

Аля не сразу поняла.

– Закрой окно! – сказал он громче, и ключ нервно брякнул в замочной скважине.

Аля поставила стул на место и бросилась к окну.

– Все, я закрыла, – сказала она дрожащим голосом. Она хотела, но не могла унять дрожь. У нее дрожало все: руки, колени, губы...

Шаги, помедлив, удалились.

Аля завернулась в одеяло и легла.

Дрожь понемногу утихла, и вскоре она забылась нервным и горьким сном.

Глава 9

Алексей нашел Мурашова в кабинете. Тот сидел, задумавшись, и не отреагировал на появление детектива. В свете разгоравшегося дня стало заметно, как осунулось лицо Александра после бессонной ночи, как на холеных щеках проступила колючая темная щетина, придав ему сходство с одним популярным актером. Кис провел рукой по собственной щеке: щетина также имелась в наличии. Неплохо было бы поехать домой, побриться, принять душ. Хорошо бы и поспать, но эта возможность пока не предвиделась.

Он сел в кресло возле письменного стола, наискось от Александра, который молча налил себе и ему коньяку.

Наконец Мурашов заговорил:

– Я полагаю, что похитители обычно звонят и требуют выкуп?

– Да. Только я полагаю, что вашу жену не похитили. Я полагаю, что она ушла сама.

Мурашов молча взглянул на него. Кис подождал вопроса, но так как его не поступило, он продолжал:

– Вам знакомо платье вашей жены (он зачитал по бумажке, составленной под диктовку Марии Сергеевны): «длинное, до щиколоток, спина открытая, цвет лиловый, рукав три четверти»...

– Знакомо.

– Вы не знаете, какие у нее были виды на это платье?

– Мы как раз вчера о нем говорили... Погодите... Кажется, она собиралась его надеть на нашу годовщину. Или нет, наоборот, это я ей предложил... предложил его надеть на нашу годовщину..

– Она могла его отдать кому-нибудь? В смысле, она им не очень дорожила, чтобы отдать?

– Лина вообще ничем не дорожит особенно. Она... Мне трудно вам это объяснить... Она не похожа на других женщин.

Кис вздохнул.

– На данный момент, – сказал он, – я вижу только одно объяснение: ваша жена ушла от вас. Или, точнее, ваша жена ушла сама. Ее никто не похищал.

Алекс бросил на него быстрый обиженный взгляд и уставился в свою рюмку.

– Меня весьма занимает разорванное в клочки письмо, о котором вам ничего не известно, но я пока не знаю, связано это или нет с уходом вашей жены.

Алексей сделал паузу, ожидая вопроса. Мурашов молчал.

– Ваша домработница, в отличие от вас, обратила внимание на то, что последние два месяца Лина была грустна и несколько подавлена. Это примерно совпадает со сроками получения письма. Вас это не наводит на мысль о шантаже?

Мурашов с недоумением уставился на Киса.

– Ваша жена не тратила крупные суммы денег в последнее время? Не было ли каких-то необычных расходов или снятий денег со счета?

– Нет. Необычных – нет.

– У нее отдельный счет в банке или общий с вами?

– Общий.

– То есть вы бы заметили, если бы что-то было не так... Посмотрите, не пропало ли что из драгоценностей вашей жены.

Они сходили снова в спальню Али. Мурашов подтвердил, что все на местах. «Вроде бы».

– Так что и вероятность шантажа сводится к нулю, – заключил Кис. – Где ваша жена хранит свои документы, паспорт, например?

– У себя, – удивился Мурашов. – То в спальне – у нее там куча ящичков, если вы заметили, – то в сумке, когда их берет с собой.

– Что ж, это лишний раз наводит на мысль, что она ушла сама. Смею вас в этом заверить, – продолжал Кис. – Она приготовила пакет с вещами, якобы для благотворительности. В этом пакете, по словам Марии Сергеевны, были против обыкновения очень хорошие вещи. Кроме того, пакет исчез вечером, уже после ухода вашей домработницы, из чего я делаю вывод, что ваша жена сама ушла с ним, и вещи она приготовила для себя. Она также взяла с собой свою сумку и свои документы. Согласитесь, когда вас похищают, вы вряд ли имеете время и возможность все это прихватить с собой. Кстати, на счету, которым пользуется ваша жена, находятся крупные суммы денег? Я имею в виду такие, чтобы можно было жить какое-то время самостоятельно: снять квартиру и прочее?

– Достаточные... На первое время.

– Сами видите, выводы напрашиваются... В любом случае это пока предварительные выводы, я могу ошибаться. Тем не менее ваш секретарь подтвердил, что Алина никуда не отлучалась из дома вчера вечером – до своего исчезновения, разумеется, и, следовательно, не могла передать пакет с вещами в какую-либо организацию.

Мурашов продолжал хранить молчание. Его приторная любезность куда-то пропала.

– Георгий утверждает, что он бы заметил, если бы ваша жена отлучилась надолго; кроме того, она всегда его предупреждает, когда уходит.

Молчание.

– Я предположил, что могли приехать из общества за вещами, и Алина просто вынесла их из дома и отдала, – в этом случае ваш секретарь мог и не заметить такого маленького события. Но он настаивает, что это невозможно, так как у этих обществ нет достаточных средств для сбора вещей и они никогда никого не посылают за ними по домам и тем более по вечерам. Из чего следует, что пакет с одеждой был приготовлен для самой Алины и она ушла с ним. И с документами.

И это сообщение осталось без ответа.

Кис тоже помолчал, попивая коньяк – на сей раз маленькими глотками. Мурашов, гад, был прав – так коньяк действительно вкуснее...

– Ваш секретарь – он откуда? Как он к вам попал?

– Он из Орла... Подался в столицу в поисках заработков, на стоянке при супермаркете охранником работал. Я несколько раз парковал там машину... Однажды он мне сказал: что ж вы, мол, на такой классной машине разъезжаете, а сами вынуждены по магазинам ходить и за продуктами следить? Сразу видно – ни жены, ни домработницы. И, главное, охраны у вас нет. А в наше время это легкомысленно! Я посмеялся... Наблюдательный малый. Вот, говорю, не удосужился завести себе ни жену, ни охранника... «Насчет жены – это правильно, – поддержал он, – женщины умеют только тратить. Вам надо мажордома завести – недаром в Англии на эту должность всегда брали только мужчин. Могу предложить свою кандидатуру: буду вас охранять – я Чечню прошел – и дела ваши вести...» Я снова посмеялся – расторопный парень! –

и взял его.

– Очень рискованно – вот так, без рекомендаций, не зная человека! Не обсчитывает?

– Я на него могу во всем положиться. Он ведет хозяйство безупречно. Совершенно незаменимый в доме человек... Преданный.

«Преданный»? Лично у Киса были в этом сомнения. Хотя, кто его знает, Алексу он, возможно, и предан. Георгий принадлежит, несомненно, к рабскому племени, готовому в лепешку разбиться для своего покровителя... До поры до времени, впрочем. Рабская натура – мстительная, всегда готовая к свержению тех, кому «преданно» служила...

– Давно это было?

– Четыре года тому.

Значит, Георгий уже с год царствовал в доме Алекса, когда появилась Алина. И «мажордом» принял новую хозяйку в штаны. Предприимчивый и пройдошистый, он воспринял ее как соперницу...

Странная, однако, беспечность со стороны Алекса: взять в дом совершенно незнакомого человека с улицы... Захотелось в демократа поиграть? Как со спальней Алины, которая не «соответствует его вкусам»? Должно быть. Алекс – по всем признакам сноб, а снобы любят иногда делать демократические жесты, с народом брататься...

– Вы хотя бы навели справки о его прошлом?

Алекс усмехнулся:

– Вы прямо как мой заместитель Сева! Он тоже мне надоедал, что надо бы проверить парня...

– Ну и как? Проверили?

– Сева что-то узнавал. Да ничего особенного не выудил. Нормальный парень, старательный.

– Я могу с этим Севой поговорить?

Алекс удивленно уставился на Киса:

– Вы в чем-то подозреваете Георгия?

– Я пока никого не подозреваю. Чтобы подозревать, нужна информация. Вот я и пытаюсь ее найти.

– Пожалуйста... Позвоните завтра на работу, вот телефон, Всеволод Владимирович...

– У вас в доме сквозняки? – спросил Кис, переписывая номер к себе в блокнот.

– Не понял?

– Георгий сильно простужен. Сквозняки, говорю?

– На такой жаре легко простудиться... Куда-то ездил в субботу, у него выходной полсубботы и воскресенье. И простудился.

– Куда он ездил? К родственникам? Другам?

– Родственников у него в Москве нет. Вроде он к кому-то на день рождения ездил, наверное, к друзьям... Послушайте, вы моего секретаря в чем-то подозреваете?

– Я так спрашиваю, по профессиональной привычке... Вернемся к вашей жене. Для того чтобы понять, замешано ли в этой истории разорванное письмо, мне нужно узнать как можно больше о ее прошлом. Нельзя, в конце концов, исключить, что это письмо было любовным... А для того, чтобы понять, действительно ли она ушла от вас, мне нужно как можно больше узнать о ее настоящем. То есть о ее жизни

с вами.

– Она не могла меня бросить, – сообщил наконец невольник Мурашов. – Она меня любит.

Алексей внимательно посмотрел на него. Нервное напряжение, бессонная ночь и коньяк сделали свое дело, и он был не то чтобы пьян, но и не совсем трезв. «Тем лучше, – подумал Кис, – проще будет разговаривать».

– Расскажите мне все, что вы знаете о прошлом Алины.

– Я вам уже все рассказал, – удивился Мурашов.

– Этого мало. Сколько лет вашей жене?

– Двадцать пять...

– Вы женаты три года, и до этого у нее была какая-то своя жизнь. Где? С кем? Кто были ее друзья?

– Ну Катя, ее подруга детства...

– Это я знаю. Видел ее письма. Катя живет по-прежнему в Наро-Фоминске, и я к ней съезжу сегодня же. А с каких пор живет в Москве Алина? Вы ведь с ней в Москве познакомились?

– Да, она жила уже в Москве к тому времени, – Мурашов крутил в руках пустую рюмку, – года два или три, наверное. Работала секретаршей. Она и к нам секретаршей пришла наниматься. Мы тогда переехали в новое здание, набирали персонал, дали объявления в газеты...

– А где она до этого работала?

– Я уже не помню название конторы...

– И где жила?

– Она снимала комнату в районе проспекта Мира... Вам нужен адрес? Я посмотрю, может, где-то есть в бумагах...

– Вы у нее были? С ее друзьями встречались?

– Нет. Мы познакомились так быстро, и все произошло так стремительно... Я предпочел не задавать вопросов о ее прежней жизни.

Интересно, Алекс действительно так беспечен? Ничего не разузнал о Гоше, которого взял не просто на работу, а доверил ему дом; не расспросил свою будущую жену о прошлом... Нежелание копаться в подробностях, которые могут оказаться неблагоприятными? Слепое доверие? Или уверенность, что, переступив порог его дорогого ухоженного дома, благодарные счастливицы не подведут своего благодетеля?

– Почему? Вам казалось, что у нее не слишком приличное общество? Недостаточно приличное прошлое? – атаковал Мурашова детектив. – Почему вы не заинтересовались ее знакомыми?

– Знаете, я предпочитаю общаться в своем кругу. Я трудно нахожу общий язык с людьми не моего круга... И потом, она мне сказала, что у нее нет друзей.

– И даже никакой подруги нет?

– Я вам уже говорил, у нее одна подруга детства, Катя, – в голосе Алекса зазвучало раздражение.

– А в Москве? Неужели во всем городе не нашлось для молодой девушки близкой подруги? Вы находите это нормальным?

– Она сказала, что у нее нет никого! – разозлился Алекс.

Детективу это почему-то понравилось. Наверное, потому, что, разозлясь, Мурашов наконец обнаружил нормальные человеческие эмоции, которые не казались фальшивыми.

– Почему я должен ей не верить? – нетрезво-запальчиво продолжал Алекс. – К тому же, если бы у нее были действительно какие-то друзья, то она бы их пригласила на нашу свадьбу, не так ли? А была только Катя!

Надо так понимать, что Мурашовым все же руководило доверие? Такое вот прекраснородушное доверие к людям? Как же он бизнесом занимается, бог мой? Впрочем, книги по искусству – это, наверное, не совсем тот бизнес, в котором каждый затылком чувствует дуло пистолета...

– По-вашему, у нее не было и мужчины в то время? – доставал издателя неумный Кис.

– Ну, наверное, не было, – пожал плечами Мурашов. – А то как бы тогда могло все это между нами случиться?

– «Любовь с первого взгляда», как писали в прессе?

– Что-то вроде того.

– Вы мне можете рассказать, как это произошло?

– Это необходимо? – Александр наконец взглянул на Киса.

– Желательно.

Александр помолчал, теребя рюмку, наконец поставил ее и снова взглянул на Киса.

– Как я вам уже сказал, – начал он тихо, – мы только что переехали. Я возглавлял издательство уже четвертый год, дела пошли очень хорошо, и все начали приставать ко мне: женись да женись. Мои друзья скорее шутливо, а папины друзья – они все люди больше армейские, старой закалки, да и посты у них были всю жизнь нешуточные... Так вот, они прямо-таки настаивали. А то, мол, неприлично. Ну знаете сами, наверное, – это звезды ищут скандалов, а деловой человек должен быть женат и вести благопристойный образ жизни... Некоторые стали всерьез подозревать, уж не гомосексуалист ли я... Мне, по правде говоря, жениться не хотелось. Я отдавал себе отчет в том, что я богат, занимаю хорошее положение в обществе, внешностью тоже не обделен – девушки сами в постель просились...

У Мурашова сделалось неприступное лицо, словно Кис был та самая девушка, которая просилась к нему в постель. Кис чуть не прыснул со смеху.

– Нынешние девушки, если вы заметили, – продолжал Мурашов, – делятся на два типа: у одних глаза голодных щенков- Попрошайек, еще немного, и кажется, кинутся к тебе, виляя хвостом, и лизнут руку: «Возьми меня!»; у других, наоборот, на лбу вывеска-ценник: «Попробуй подойди! Я стою дорого!» И те и другие пытаются мне что-то продемонстрировать, навязать какие-то отношения: то ли благотворительности, то ли купли-продажи...

Странное дело, Кис вроде тоже живет в Москве и ездит, и ходит по тем же улицам, и видит, стало быть, тех же девушек, только почему-то Кису никто ничего не хочет продемонстрировать. Ни руку лизнуть, ни навязать!.. В пушистых ли ресницах разница? Или в том, что по одним и тем же улицам они ездят на разных машинах? Женская навязчивость как реакция на иномарку?

– ...А я не люблю ни угодливость, ни натужные демонстрации, – продолжал Алекс. – Может, оттого, что я долго жил на Западе, я ценю в людях самодостаточность, сдержанность, умение жить своей жизнью и уважать себя вне зависимости от собственного материального положения... Но все же я стал подумывать – дело к сорока, вроде бы действительно пора жениться... И даже уж было решился найти одну свою бывшую любовницу... И тут как раз пришла Лина.

Он задумчиво налил себе еще коньяку, забыв предложить на этот раз детективу, и замолчал. Кис не мешал ему, понимая, что в этот момент человек не просто вспоминает, но и заново оценивает свои воспоминания, поступки, жизнь...

...Алекс был талантлив. Алекс был красив. Алекс был блестящ и успешен. Алекса окружал тот ореол роскошной жизни и изысканных манер, который был присущ немногим избранным, вырвавшимся из-за железного занавеса поглядеть на мир. К восемнадцати годам Алекс имел больше женщин, чем иной мужчина за всю свою жизнь. Он их не искал – они за ним охотились сами. Он просто плыл по течению, а вокруг него резвились стайками мелкие рыбешки-одноклассницы, заплывали крупные рыбки бальзаковского возраста из темных вод художественной богемы – Дом художника, Дом архитектора, Дом кино и прочие дома всех видов творчества обильно плодили эту породу в своих заводах. В юном Алексе, помимо вышеперечисленных достоинств, на которые так падко женское сердце, их притягивала какая-то наивная честность, шедшая от воспитания отцом-военным, человеком принципиальным, с твердыми, даже жесткими, представлениями о долге и чести. Наткнувшись на один из таких принципов, можно было расшибить лоб, как о бетонный столб; но между этими столбами клубилась податливая материя повседневной жизни, и отец Алекса умел лавировать в ней с простодушной мужицкой хитрецей, которая и позволила ему сделать карьеру. И эту хитрецу Алекс тоже унаследовал, и именно благодаря ей он ловко и быстро выпутывался из сетей, раскинутых дамами всех возрастов, не позволяя затянуть себя в отношения, начатые не по его инициативе и не имеющие для него особой ценности – во всяком случае, достаточной ценности, чтобы их продолжать. Вот если бы он сам начал...

Но он не начинал – никогда. Он не успевал захотеть женщину, понять, что она желанна, – как она у него уже была. Конечно, не все вешались на шею – но тех, других, у него просто не было времени заметить и ими заинтересоваться: на его шее вечно кто-то висел, его вечно кто-то покрывал поцелуями обожания и восхищения.

К девятнадцати годам Алекс так и не узнал, что такое любовь, если не считать некоторого сердечного трепыхания на пару месяцев, сопровождавшего его первую связь – ему было 15, ей 26, она увидела его в каком-то из Домов и увезла к себе...

Все кончилось разом, когда умерла его мать. Он не знал, как он любил ее, пока она была жива. Она была рядом – как воздух, как вода, как первоочередная, но всегда насыщаемая потребность. Когда ее не стало, он понял, что источником его душевного равновесия, его внутренним комфортом, его самосознанием, в котором он был уверенным в себе и счастливым человеком, была его мать. Матери не стало, и пустота обрушилась на Алекса горным обвалом и подмяла его.

Депрессия длилась два года и была отягощена депрессией его отца. Они оба потеряли равновесие, которое держалось в их жизни на этой миловидной женщине, учительнице по образованию, работавшей, впрочем, всего лишь несколько первых лет после института... «Исчез светоч нашей жизни», – говорил отец, напиваясь на табуретке на кухне, и неловкость этой высокопарной фразы еще больше ранила Алекса.

Женщины и девушки, крутившиеся вокруг него, толпой бросились сочувствовать, утешать, убаюкивать, давать ему свою любовь взамен потерянной материнской – будто ринулись соревноваться, кто нежнее и заботливее... Может быть, они почувствовали, что это их шанс завоевать неуловимого Алекса окончательно? Как бы то ни было, они ошиблись. Алекс не нуждался в сочувствии и утешении. Алекс не нуждался в том, чтобы кто-то пытался заменить ему мать. Он оборвал все свои связи, все свои приключения, все свои влюбленности разом.

Он ринулся как одержимый в творчество. Он учился. Он жил как монах. Пара-тройка друзей, творчество, отец – на этом замыкался круг его жизни.

Спустя несколько лет он с не меньшей одержимостью бросился в дела управленческие, организаторские – открылось новое дыхание, новые таланты. Он основал издательство – папа был тогда еще жив и помог связями – и с энтузиазмом принялся строить свое дело.

Вот эта одержимость и стала знаком, под которым он прожил всю свою жизнь почти до сорока лет. Конечно, он давно не жил по-монашески, у него были женщины – время от времени кому-нибудь да удавалось затащить Алекса в постель и в отношения. Но он привык воспринимать весь женский род как амазонок-охотниц, только в отличие от древних воительниц – охотниц за мужчинами. Посему он все с той же ловкостью, натренированной в юности, рано или поздно отделялся от претенденток на свою руку и сердце. Ухаживать за женщинами? Это казалось Алексу чем-то вроде атавизма, безвозвратно ушедшего в прошлое. Ныне наступил век эмансипированных дам, расталкивающих мужчин во всех сферах деятельности, теснящих их даже из классического ритуала ухаживания. Теперь женщины не выходят замуж – теперь они берут себе мужей, был убежден Алекс. Но роль мужа при амазонке вовсе не прельщала его... Да и вообще семья – зачем она Алексу? Свободен, успешен, обеспечен, располагает собой и своим временем, как хочет... Женщины у него и так есть, так что сексуальная сторона жизни тоже в полном ажуре...

Возможно, он бы пошел на такие жертвы, если бы полюбил. Загвоздка же была именно в том, что ему так и не удалось влюбиться.

Но дело шло к сорока, и – общественное мнение, что тут сделаешь! – оставаться холостяком уже было неприлично и подозрительно. Алекс стал обдумывать, как бы такую найти, чтобы была необременительна в семейной жизни и не скучна в общении...

И тут появилась Алина.

– В новом здании, – продолжал Алекс, – не было своего буфета, и на обед все сотрудники ходили в ближайšie кафе или ели на месте бутерброды. В тот день я ушел пораньше, один, чтобы наскоро перекусить и вернуться побыстрее в кабинет – мне предстояла важная встреча. Я спустился в вестибюль и увидел Алину в стеклянных дверях, она как раз входила. Ничего особенного в ней я не нашел – по крайней мере, в тот первый миг, – и так бы она и прошла мимо меня, если бы...

Если бы она, уставившись отчего-то испуганно на меня, не замешкалась на мгновение. Спohватившись, она так неловко толкнула тяжелую дверь, рванулась – слишком рано, дверь еще не успела открыться, – что стукнулась лбом о стекло. Она замерла, потом выскочила, но у нее прищемило дверью сумку и упали очки – дверь их смяла. Она страшно растерялась, смутилась, покраснела, стала пытаться все это поднять – я даже испугался, что ее сейчас дверью задавит, и кинулся ее вытаскивать. Вытащил сначала ее, потом ее сумку, потом то, что осталось от очков. «Сожалею», – сказал и протянул ей свой улов. А она... Она смотрела на меня своими огромными близорукими глазами и улыбалась так, знаете, легко и смущенно немного. Меня поразили эти глаза, их цвет. Прозрачные и глубокие... Я спросил, могу ли я ей чем-нибудь помочь. А она меня в ответ спросила, как пройти в кабинет к главному: она, оказывается, пришла по объявлению – наниматься ко мне в секретари! Представляете?

Кис представлял. Фотография Алины, очень хорошо выполненная, стояла на письменном столе ее мужа: тонкое акварельное лицо с озерными глазами смотрело с полуулыбкой прямо на Алексея... Чего ж тут не представлять!

Мурашов улыбался своим воспоминаниям.

– Я даже не раздумывал, я сразу понял: надо ее уводить. Уводить, пока она не стала моей секретаршей, – нет ничего пошлее, чем жениться на собственной секретарше!

Я ей что-то наврал, что главного сейчас нет – меня то есть, но она не знала, что я – это он, – что

главный уехал в командировку и что лучшее, что она может сделать в данный момент, – это согласиться пообедать со мной.

Она согласилась. Расспрашивала меня о специфике работы в издательстве, о том, что предстоит ей делать, если главный редактор ее наймет... Потом мы ужинали. Потом мы снова обедали и снова ужинали. Я ее всячески охранял от ее собственных попыток получить место в моем издательстве. Мы гуляли, мы ездили на пикник, мы ходили в кино, в театр, я за ней страшно ухаживал. Кажется, я в первый же момент почувствовал, что уж если мне суждено жениться, то лучше всего на этой девушке. В ней было что-то необычное. Нестандартное. Смешное. Красивое. Такой неловкий ангел... И, главное, в ней не было этой дешевки, она не заглядывала с надеждой в глаза, не изображала на своем лице полную готовность, не пыталась набить себе цену, не тщила обворожить... В ней было достоинство человека, который сам намерен устраивать свое счастье и ни от кого ничего не ждет. Разве что алых парусов, как Ассоль...

– И вам захотелось выступить в роли принца?

– Признаться, да. Захотелось.

– Облагодетельствовать?

– Это плохо?

– Собственно... Нет, почему же... Только это не совсем то же самое, что любовь с первого взгляда.

– Намек? – нетрезво усмехнулся Алекс.

Кис сделал удивленные глаза:

– Помилуйте, какой намек?

– Вот какой: мол, этот жест я для себя сделал, свое тщеславие потешил. А хоть бы и так! Любовь для других только у святых бывает. Мы все любим для себя. Вы не согласны?

Кис спорить не стал. «Романтическая история! – мысленно проворчал он. – И чего тут романтического? Выбрал подходящую кандидатуру на вакантное место жены – вот и вся романтика!»

– Короче, – продолжил Мурашов, не дожидаясь ответа, – две недели я врал про командировки, а когда врать стало уже невозможно – она нервничала, что упустит место, – я ей предложил выходить за меня замуж. Она согласилась. Вот и все, собственно. О том, что я – это и есть ее потенциальный работодатель, она узнала только перед нашей свадьбой.

– Она не обиделась на вашу уловку?

– Нет, смеялась.

– Эта фотография... Я могу ее взять? Или другую какую-нибудь, где она хорошо видна...

– Я вам дам. Другую.

Александр снова налил себе коньяку и предложил жестом Кису. Тот отказался.

– Вам тоже не стоит, – сказал Кис. – Вам нужно поспать немного. Вы ведь на работу должны идти, не так ли?

Мурашов помотал головой и выпил свой коньяк залпом.

– Нет, – он поставил рюмку на стол со стуком, – я никуда не пойду. Я буду звонка ждать. От вымогателей.

– Боюсь, что вы его не дождетесь... Так вы мне ничего не можете рассказать о прошлой жизни вашей жены?

– Нет.

– Послушайте, Мурашов, если вы что-то скрываете... Вы хотите, чтобы я нашел вашу жену или нет?

– Незадолго до свадьбы я ее спросил: «Ты хочешь мне что-нибудь рассказать о своем прошлом?» Она задумалась. А потом говорит: «Нет». Ну, я больше спрашивать не стал. Я находил это неприличным.

Ну да, у«ангелов» биографию не спрашивают! Да только была ли ангелом Алина Дементьева, вот что интересно!

– Вот как? – сухо спросил Кис. – А если бы оказалось, что она преступница, только из тюрьмы вышла?

– Я в это никогда не поверю. Что в ее короткой жизни могло быть? Разве что мелкие грехи, которые есть у каждого. А я, знаете ли, не любитель копать в...

Александр замолчал, не закончив фразу, и внимательно взглянул на Киса.

– Скажите, вы испытываете ко мне неприязнь?

Кис растерялся. Это была правда.

Он не любил таких: квартира – в наследство, дача – в наследство, связи, которые практически все определяют в успехе дел, – в наследство, даже приятная наружность, которая так нравится женщинам, – и та в наследство! Манеры и образование – тоже родительский капитал, а что ты сам-то? Жизнь – как розовый надушенный платочек, а чуть столкнулся с ее неприглядной стороной – и в кусты: не верю! Он и жену-то свою как следует не расспросил, кто она да что! Демократизм? Деликатность? Как бы не так: просто боялся узнать что-нибудь нерозовое, ненадушенное. А оно там есть, носом чую! – злился Алексей. Ангел ему, видите ли, зандобился вместо жены! Да только ангелы не сбегают от мужей по ночам...

– Это необходимо обсуждать? – ответил он сухо вопросом на вопрос.

Мурашов подумал.

– Ну что ж, это род ответа, – произнес наконец Алекс. – Вам это не мешает работать?

И Кис с изумлением почувствовал, что краснеет.

Глава 10

Ее разбудил звук ключа, повернувшегося в замке. В окно пробивался яркий утренний свет. На лестнице стоял Филипп и смотрел на нее.

– Вставай, – негромко сказал он, когда их глаза встретились.

Аля послушно встала. Ей было холодно.

– Пойди умойся.

Избегая его взгляда, Аля спустилась. «Удобства» были во дворе. Филипп молча выпустил ее из дома и двинулся за ней. Не доходя до туалета, Аля обернулась:

– А в туалете дверь можно закрыть? Или ты боишься, что я сбегу через выгребную яму?

Он не улыбнулся на дерзкую шутку и ничего не ответил.

Проводив Алю обратно в дом, он показал ей умывальник в закутке возле кухни.

Она пустила холодную воду – другой не было – и подставила под нее свои ледяные руки. Ее бил озноб.

Выйдя из кухни, Аля притаилась в маленьком сумрачном коридорчике, разглядывая Филиппа – он был ей хорошо виден на солнечном свету, заливавшем большую комнату. Он все так же, как и четыре года назад, носил длинные волосы, схваченные в хвост на спине, но теперь его льняные волосы потемнели, подернулись пеплом, стали жестче; жестче стали и черты его лица. Голубые глаза его, напротив, будто выцвели, сделались совсем светлыми и непрозрачными. Его рот, мягкий и безвольный детский рот, рот сластены и неуправляемого шалуна, по-прежнему контрастировал с тяжелым суровым подбородком, в котором давала себя знать примесь эстонской крови. За эти четыре года он возмужал, раздался в плечах и вроде даже вырос. Он был в шортах, в черной майке без рукавов, под его бронзово-красной, обожженной первым загаром кожей, покрытой густыми светлыми волосками, ходили мускулы, которые он явно выставлял напоказ.

Филипп заметил, что Аля его рассматривает, и немного смутился.

– Поешь. Я чайник вскипятил. Тут есть кофе растворимый, будешь? – проговорил он.

На столике в кухне стояла банка с импортным кофе, надтреснутая голубая чашка и сковородка с поджаренными в масле кусочками белого хлеба. Аля кивнула головой и прошептала: «Спасибо».

– Скоро Марго придет, так что ешь. Потом времени не будет.

Аля размешала кофе в чашке, добавила сахара, взяла остывшую жирную гренку со сковородки... Она отвыкла от этой еды, но когда-то – боже мой, как это было давно! – когда-то любила, и Филипп готовил ей часто по утрам, ему нравилось готовить ей завтрак...

Они пили кофе молча. Аля смотрела в свою чашку. Филипп смотрел на Алю.

Наконец Аля подняла глаза.

– У меня нет таких, – ее голос сорвался, и она откашлялась, – денег.

– Не надо, Аля, – сказал Филипп. – Не надо, не начинай все сначала.

Аля замолчала. Она смотрела, как Филипп допивает кофе, и вдруг сказала:

– Как, по-вашему, я буду расплачиваться в магазине? Кредитной карточкой? – Ее голос окреп, ее озноб прошел, ее щеки порозовели, и теплота кофе разлилась по всему телу.

Филипп удивленно посмотрел на нее:

– Ну да... А как же еще?

– Так вот, в плане у Марго есть один просчет! – торжествующе проговорила она.

Филипп внимательно глянул на нее, словно проверяя на слух ее интонацию.

– Какой? – спросил он без всякого выражения.

– Мне никто не продаст бриллианты на такую сумму по кредитной карточке. Нужен заверенный чек.

– Что это такое – заверенный чек?

– Когда покупка на крупные суммы, то требуется чек, в котором банк заверяет, что клиент располагает такой суммой на своем счету. И у Картье его обязательно потребуют.

Аля до некоторой степени блефовала. Когда они были в Париже, Алекс, покупая ей золотой браслет за наличные, заметил, что нет ничего лучше наличной формы оплаты, пояснив мимоходом, какие трудности ждут того, кто вздумает оплачивать подобные покупки банковской карточкой или чеком. Объяснения Алекса Аля помнила смутно, тем более что дело было в Париже, и каковы порядки этой фирмы в Москве, где они делали покупки также за наличные, она не представляла; но полагала, что такие же, и оттого рискнула.

У Филиппа на лице отразилось сомнение.

– Расскажешь это Марго. Я в этом ничего не понимаю, – сказал он сухо.

Аля допила свой кофе. Оставшиеся двадцать минут они провели в молчании.

Марго влетела оживленная и веселая.

– Ага, встали, даже кофе попили, я смотрю. Молодцы! Ну, здравствуй, подружка! Хорошо спала? – Марго расцеловала ее в обе щеки.

Аля не ответила. Она смотрела на Марго, удивляясь, что за предыдущие несколько встреч не заметила того, что ей бросилось в глаза теперь, на безжалостно ярком свету утреннего солнца. Ее черные кудри все так же вились, ниспадая роскошной волной с плеч, ее черные глаза все так же горели, но в них появился лихорадочный отблеск, под глазами легли синюшные одутловатые тени, на скулах пятнился нездоровый румянец. «Здорово она пьет, должно быть... Или наркотики? – подумала Аля. – Жаль».

– Что молчишь? Свое колечко ждешь? На, забирай. Как обещала. Мне чужого не надо!

«Чужого, – усмехнулась Аля, надевая свое кольцо. – А полмиллиона, должно быть, твои... Ищет ли меня Алекс? Что думает о моем исчезновении?..»

– Ну что, поехали? – вернула ее к действительности Марго.

– Она тут что-то про чек говорила... Спроси ее, Марго, я ничего не понял, – буркнул Филипп.

– Что еще? – вскинулась Марго. – Давай скорей, все ждут.

У входной двери действительно топтались Антон с Геной.

Едва Аля закончила объяснения, как Марго взорвалась:

– Ты уж не знаешь, что и выдумать! То денег нет, теперь и кредитная карточка не годится! Ты мне

сама сказала, что вы все покупки делаете у Картье – вы постоянные клиенты, вас там знают! Кто же посмеет унижить своего постоянного клиента подобным недоверием? Не такие ведь фирмы, как Картье, правда же?

– Во-первых, не такие уж мы постоянные клиенты, не каждый же день Алекс мне драгоценности покупает! А во-вторых...

– А во-вторых, – перебила Марго, – никаких заверенных чеков не существует! Я же тебе сказала, Аля: не ври! Я в банк ходила и все разузнала: покупки делаются либо за наличные, либо по карточке. И все. Никаких чеков.

– Допустим... – Аля немножко растерялась, но тут же взяла себя в руки. – Допустим, от меня не потребуют заверенный чек. Но они все равно проверят! Они возьмут кредитную карточку и сделают потихоньку звонок в банк, чтобы убедиться в моей кредитоспособности. И когда они увидят, что у меня такой суммы нет...

– Врушка!

– То они вызовут милицию. Потому что попытка купить драгоценности под необеспеченный счет – это почти то же самое, что воровство...

– Ты блефуешь! – вне себя от ярости кричала на нее Марго, нависая над ней так, что ее черные волосы неприятно лезли Але в лицо.

– Хорошо, – рассердилась Аля, отмахнувшись от черных прядей Марго. – Пошли! Сама увидишь. Мне-то что, собственно! Пошли!

Она вскочила со стула, всем своим видом выражая готовность.

Но Марго, против ожидания, села, уставясь на Алю.

– Что сидишь, пошли, говорю! Я согласна. Кстати, где моя сумка?

– Правда, что ли, будут звонить в банк?

– Правда. Где моя сумка?

– Если папашка поднял тревогу, то банк может сообщить ему о звонке из ювелирки, – подал голос Антон.

– Вряд ли, – высказался Гена. – Милиция ее искать не станет, а Мурашов сам вряд ли додумается предупредить банк.

Компания затихла, обдумывая ситуацию. Алина наконец увидела сумку на столе и хотела было ее взять, как вдруг Марго вскочила и, опередив Алю, дернула сумку к себе.

Аля удивилась:

– Отдай мне сумку, Марго, зачем она тебе?

Марго перевернула сумку и высыпала ее содержимое на стол.

– Ты что, наличные ищешь? Там немного, на бриллианты не хватит.

Антон, углядев среди разных мелочей цветной пакетик с гигиенической прокладкой, развернул ее и нашлепнул клейкой стороной Гене на лоб:

– Теперь ты у нас, Гена, будешь с крылышками!

И, разумеется, заржал. Гена недовольно поморщился и, сдернув с лица прокладку, смял ее и швырнул в угол. Антон развеселился пуще прежнего.

– Слушай, а пидоры еще прокладками не начали пользоваться? – давился он от смеха. – У вас месячные из ж...ы не текут?

Марго послала Антону нежную улыбку, оценив утонченную шутку, и весело повернулась к Але.

– Я наличные не ищу, – сообщила она Але, – я их уже вчера нашла. Что правда, то правда, на бриллиант там не хватит! Но на наш вчерашний ужин хватило! – засмеялась она. – Скажи-ка, ты мне правду сказала про звонок в банк?

– Конечно, правду!

– Ну и хорошо. Я кое-что получше придумала! – С этими словами она выдернула из кучи разных бумаг и косметичек кредитную карточку Али и победно помахала ею в воздухе. – Вот! Мы сейчас едем к первому же банкомату, и ты снимаешь всю сумму наличными!

Антон разулыбался. Должно быть, он находил Марго необыкновенно сообразительной.

Аля повернулась и направилась к стулу. Марго проводила ее непонимающим взглядом.

– Чего уселась? – грубо спросила она Алю.

– Из этого тоже ничего не получится, – ответила она.

– Что ты опять придумала? – накинулась на нее Марго. – Что опять не так?

– Во-первых, такие деньги нельзя получить в банкомате, он выдает только ограниченные суммы; а во-вторых, у меня там нет такой суммы! И автомат просто проглотит мою карточку, если мой счет не обеспечен! Ведь банкомат подсоединен к компьютеру, а компьютер все знает...

– А у тебя там таких денег нет, – язвительно сказала Марго.

– Да пойми ты, Марго, это невозможно! Твой план никуда не годится!

– Заткнись! – зло бросила ей Марго. – Надоела! И то не так, и это не этак! Не держи меня за идиотку, ладно? Ты все врешь, только чтоб денег не давать!

– Хорошо, вру. Пошли, Марго.

Аля действительно решила. Пусть, в конце концов, автомат проглотит карточку – какая ей, в сущности, разница? Она согласна на все, что угодно, лишь бы выбраться с этой дачи, вернуться в Москву! Может, в городе ей удастся сбежать от шальной компании, попросить помощи у прохожих, позвать милицию? Надо было сразу это сообразить и согласиться!

Марго все это время, не двигаясь с места, внимательно наблюдала за лицом Али.

– Значит, у тебя нет такой суммы? А сколько у тебя есть? – впивалась Марго глазами в ее лицо.

– Не знаю точно. Около десяти тысяч, может, восемь или девять, – устало ответила Аля.

– Твой муж, значит, бедный? А дачку в три этажа, которая стоит не меньше миллиона баксов, получил в подарок от партии и правительства? И «БМВ» в придачу? И бриллианты, которые он тебе дарит?

– Почему? – не поняла Аля. – Он купил это все сам, на заработанные деньги. На дачу, правда, Алекс кредит брал в банке...

– И разорился?

– Нет... Отчего же...

– Так что ты мне тут заливаешь, что на вашем счету денег нет?!

Алина наконец поняла, чего от нее добивается Марго.

– Это на нашем – нет. На нашем общем счету.

– И где же твой муж хранит свои денежки?

– В банке, разумеется... Только на другом счету. Отдельном. И этот счет только на его имя, я не могу оттуда снимать деньги.

– Ты мне голову морочишь, да? – бросила испытующий взгляд Марго.

– Слушай, Марго, я тебе уже предлагала: поехали в банк, я тебе покажу свои счета. Или – хочешь, я в банке сниму все, что там есть, и отдам тебе? И ты меня отпустишь.

Марго, не шевелясь, смотрела на нее.

– Марго?

Марго словно застыла.

– Марго? Ты меня слышишь? Я тебе предлагаю все деньги, которые у меня есть на счету.

«Что я говорю? – с ужасом подумала Аля. – Что я делаю! Если она согласится, деньги придется заказывать, такую сумму не выдадут сразу... Сегодня пятница, значит, придется ждать до следующей недели, в лучшем случае до понедельника – они меня не отпустят до понедельника! Нет, нет, это тоже не годится!»

– Или, лучше, давай, я тебе куплю бриллиант на те деньги, – торопливо заговорила она вслух, – которые у меня есть на счету. Это, конечно, не то же самое, что за сто тысяч, но тоже очень красивый...

Марго по-прежнему не произносила ни звука и задумчиво смотрела на Алю.

– Лучше, чем ничего, правда? – продолжала убеждать ее Аля.

– Хуже, – вдруг сказала Марго. – На кой ляд нам твои восемь тысяч? Мы их прогуляем в три месяца... Фил, сделай-ка нам всем кофейку, – распорядилась она. – А вы что там столпились? – обратилась она в сторону дверей. – Не видите, как дело повернулось? Сядьте. Мотай в свои апартаменты, – это уже к Але, – подождешь, нам надо кое-чего обсудить.

Делать было нечего. Аля пожала плечами и отправилась на чердак.

– Можно, я окно открою? – спросила она, поднявшись.

– А? Что? – подняла сосредоточенное лицо Марго.

– Окно можно открыть? А то мне Филипп запретил...

– Открывай, – отмахнулась Марго. – Если выпрыгнешь – ноги переломашь.

Глава 11

Бреясь, Кис обдумывал план действий. Заглянуть в книжный клуб, расспросить: вдруг романчик на стороне проклюнется? Опросить соседей по даче, хотя шансов немного: в дачных поселках люди живут в пределах своих участков, и заборы разъединяют обитателей дач с прочим неспящим миром... Проверить благотворительные общества, с которыми имела дело Алина: вдруг все же кто-то приезжал забрать вещи; поискать такси, на случай если она все-таки вызвала такси.

Он дал распоряжения своему помощнику Ване, хотя и то, и другое представлялось Алексею столь маловероятным, что вряд ли стоило терять время на проверку: факт, что Алина организовала свой уход из дома, был очевиден. Никто ее не похищал, и никакие вымогатели Мурашову не позвонят. Ясное дело, «честный» Мурашов крутит дела и теперь боится, что что-то сделал не так или не вовремя – и его «партнеры по бизнесу» решили его наказать и припугнуть: похитили его жену – вот чего он боится. Но на самом деле все куда проще и тривиальней: его «ангелочек» махнул крылышками и упорхнул. Вот куда и почему – другой вопрос.

Масло на дороге... Если не такси (а я уверен, что это не такси) – то кто? Какая другая машина – старая машина с протекающим баком – увезла Алину и кто был в ней за рулем? Бывший любовник?

Ладно, этим займемся позже. Пока что у Киса в планах были два визита: к Всеволоду Владимировичу, то бишь заместителю Мурашова Севе, который пытался навести справки о секретаре-охраннике, и к подруге детства Кате.

Но первым делом Кис, освежившись душем, занялся проявлением оттиска письма, оставшегося на чистой бумаге. Письмо, несомненно, было написано Алиной и могло оказаться важным для расследования. Кис настрогал лезвием грифель карандаша и растер его пальцем по поверхности белого листка. Проступили буквы.

Когда он прочитал текст, то даже рассмеялся: можно никуда больше не ходить, можно спокойно лечь спать. Все стало ясно, как белый день: «...разойтись, дав друг другу свободу и тем самым шанс быть счастливым, то есть любить и быть любимым».

Бедняга Мурашов. Это будет удар для него. Позвонить ему? Нет, сначала поспать немного. Потом, на свежую голову.

Алексей растянулся на кровати.

«Что-то в этом не то», – сквозь наплывающий сон подумал он вдруг. Письмо не закончено и не подписано. И не оставлено. И в мусорной корзинке письма нет. Значит, Алина забрала его с собой. Передумала? Решила избежать любых объяснений с мужем, даже посредством письма? Могла передумать, конечно. И все же человек, который так старательно пытался объяснить свое поведение, решил не объяснять вообще ничего? Кто знает... Но что-то тут царапается.

Есть в этой истории еще какие-то мелочи, совсем мелкие мелочи, которые тоже царапаются.

Сначала разорванное письмо от неизвестного (или неизвестной) – тому два месяца. Задумчивость, которую заметила домработница. Допустим, это прежний любовник объявился...

И еще что-то, что он сейчас сообразить не может. Но оно есть, это «что-то»... Надо навестить ее подругу. Кто знает, может, там, у этой Кати, и Алина обнаружится...

Кис поставил будильник и мгновенно заснул.

Было бы явным преувеличением сказать, что короткий сон его освежил. Голова была ватной. А настроение – плохим. Он никак не мог найти свой обычный тонус в работе, то энергичное, сдержанное возбуждение, в котором его помощник Ваня называл Алексея «Кис в сапогах», имея в виду сапоги-скороходы.

Ему не нравилось дело Мурашова. В нем было что-то странное, тяжелое. Без всякого энтузиазма он набрал номер дачи. Новостей у Мурашова не имелось, ни «вымогатели», ни жена ему не звонили. Поколебавшись, Кис сообщил ему содержание неоставленного письма.

– Этого не может быть, – сказал Александр. – Она не могла меня бросить. Она не могла от меня уйти. И потом, у нее нет для этого причин. Она меня любит. И у нее никого нет, кроме меня. И ничего, кроме того, что я ей дал.

– Тем не менее это так. Это почерк вашей жены, поверьте мне. И она писала это письмо вам. Только по каким-то причинам она его не оставила.

Мурашов замолчал надолго.

– Очень хорошо, – сказал он наконец невпопад.

– Вы хотите, чтобы я продолжал расследование? – спросил его Кис.

Мурашов не ответил.

– Меня кое-что настораживает во всем этом. Мелочи, но мне бы хотелось их прояснить. Я бы вам предложил продолжить.

– Очень хорошо, – снова некстати заявил Мурашов. – Продолжайте.

Голос у него был странный. Словно автоответчик. «Что-то неладное с ним происходит. Должно быть, это хорошенькая оплеуха по его спеси».

Всеволод Владимирович оказался весьма подвижным, невысоким и крепким, как боровичок, мужчиной лет пятидесяти. У него был тот неразборчивый цвет редких волос, который встречается у поседевших блондинов, и пронзительные голубые глаза. На маленьком треугольном подбородке сидел смешливый, проказливый рот, делающий его лицо мультяшным, рисованным.

– Что, не понравился вам Гоша? – ошаршил он Киса вопросом, едва Алексей изложил суть своего интереса.

Алексей посмотрел на смеющийся рот и ответил осторожно:

– Не в восторге.

– Скользкий тип, это верно. Я действительно наводил о нем справки, но ничего существенного не накопал. До стоянки, куда он устроился охранником, он работал в ларьке, продавал сигареты, кофе и прочую якобы импортную лабуду, сделанную в Чимкенте и других не столь отдаленных местах... Он там поссорился – недостача вышла, ему пришлось платить, и Гоша решил уйти из опасной системы, где хоть зарабатывал он побольше, но и терял немало, а главное – рисковал многим. Отчего вышла недостача – иди знай, может, обсчитался, может, денежки прикарманил. То есть, может, честный человек, а может – вор... Поговорил я с мужиками, его знавшими, – рассказали, что Гоша сроду в Чечне не служил, где-то отирался в стройбате, сумел справочки нужные достать. Но это тоже с чужих слов, не по документам. Документы нынче никакого доверия не вызывают, если вообще есть. Трудовые книжки, например, теперь далеко не все имеют... Раньше порядка было больше, а?

– При тоталитарных системах всегда порядок, – неохотно буркнул Кис: не хватало еще политических

дебатов!

– Эх какой детектив нынче пошел образованный! – с легкой ехидцей хихикнул Всеволод Владимирович.

– Больше ничего не удалось узнать о нем? – проигнорировал его смешок Кис.

– Нет. Я же не ФБР и не ФСБ, у меня возможности маленькие... Но я Алексу все же сказал. Хоть Гошка и по мелочи соврал, но соврал, может, лишь для того, чтобы цену себе набить, что вполне извинительно, – а все ж соврал.

– И что Мурашов?

– Конечно, Алекс считал, что все это мелочи, недостойные внимания. В этом весь Алекс: психолог он паршивый, а желание быть хорошим, никого не обидеть в нем сильнее всего...

– По вашему мнению, Алина могла решить от него уйти?

– Противный тип этот Мурашов, а? – Неожиданно смеющийся рот изогнулся в хитрой, аппетитной улыбке, а голубенький глаз заговорщически подмигнул.

– Какая разница? Нравится – не нравится, спи, моя красавица... Алекс Мурашов – мой клиент. И значения не имеет...

– Послушайте меня, батенька, – Всеволод Владимирович перегнулся через стол к Алексею. Лицо его вдруг посерьезнело, смех угас в глазах и стерся с губ, напрочь исчезла веселая мультяшность. Сразу прибавилось возраста; голубые глаза заструили холодок, который, казалось, уже пролез за шиворот, а рот, устав хлопотать о смехе, собрался вдруг в скупую полосочку узких губ. – У Алекса большая проблема: он никак не найдет гармонии между собой и миром.

Всеволод Владимирович откинулся обратно на спинку своего стула, вытащил зубочистку из нагрудного кармана и заправил ее в зубы, изучающе глядя на Киса, как если бы он задал задачу и теперь ждет ответа от нерадивого студента.

Кис и впрямь озадачился: к чему весь этот пассаж?

– Это имеет значение для поиска его жены? – осторожно спросил он.

– Пока не поймете Алекса, не поймете и Алину, – отрезал Сева. – Людские проблемы – надеюсь, вам это известно – приключаются обычно оттого, что их, людей, недолюбили... Так вот, у Алекса проблема обратная и редкая: его перелюбили. Любовь Алексу силком в рот впихивали, как манную кашу... Как бы вы повели себя, скажите на милость, если бы оказались на его месте?

И тут же в лице Всеволода Владимировича мелькнуло жалостливое сомнение в том, что сидевший перед ним частный детектив мог когда-нибудь оказаться в положении всеобщего любимчика.

– Вы бы, к примеру, укрылись в иронии, – пронизательно посмотрел на него Всеволод Владимирович. – Стали бы подсмеиваться над теми, кто вас любит, обращали бы все в шутку... Не правда ли? – Ответа от Киса он дожидаться не стал, он в нем явно не нуждался. – Другой бы сделался сух и непроницаем для потоков нежности, иной стал бы смотреть на людей свысока, упиваясь собственной значимостью. Но Алекс всегда был хорошим мальчиком... А что это вы так на меня смотрите, батенька? Вы не верите, что бывают на земле хорошие мальчики? Ваш опыт копания в человеческом дерьме уничтожил все иллюзии?

– Прошу прощения, я очень ценю глубину вашей философской мысли... – Кис выдержал маленькую паузу, глядя с легкой улыбкой на Севу. – Но мне бы хотелось вернуться непосредственно к теме. У меня не так много времени, к сожалению...

– При чем тут философия? Вы должны понять, откуда ноги растут! Так вот, вы бы повели себя так, я бы иначе, а Алекс – старался быть для всех приятным и дружелюбным, как бы всех любить в ответ. Но дело как раз именно в этом «как бы». Ведь чтобы самому любить, надо в любви нуждаться, верно? А его перекормили. И потому он фактически всю жизнь только и делал, что пытался вежливо и осторожно увернуться, никого не обидев... И оттого-то стал таким сладким, что твое мороженое... Согласны? – Смех снова вернулся на свои обычные позиции, и лицо вновь сделалось молодым и мультяшным.

Кис лишь пожал плечами. Смеющиеся глаза изучали лицо детектива некоторое время, и у Алексея сложилось впечатление, что заместитель-психолог теперь пытается проанализировать его, Киса, комплексы: «А вас, батенька, явно недолюбили...»

«И тебя тоже, батенька, – мстительно подумал детектив. – То-то ты прыгаешь, придуриваешься, в мультяшку играешь, на меня наскакиваешь без всякого повода... Любишь ты дружка своего Алекса до преклонения и завидуешь ему до ненависти... И с твоей любовью-преклонением Алекс небось тоже обошелся, как с манной кашей: проглотил с отвращением и криво улыбнулся, вежливый малый...»

– Но самое главное, – продолжал Всеволод Владимирович, – Алекс мог оказаться слишком приторным и для Алины... Она девушка молодая, неопытная, могла и не оценить... Так-то, батенька. А вы говорите – философия!

– Короче говоря, вы считаете, что она могла уйти от Алекса?

– Могла.

– О ней вы случаем справок не наводили?

Улыбка вно вь покинула его лицо.

– Нет.

Кис помолчал, пытаясь понять, говорит ли неправду Всеволод Владимирович или и в самом деле счел недостойными подобные демарши за спиной у своего босса и друга.

– А сами вы как к ней относитесь? – решил зайти с другой стороны детектив. – Вы, как я посмотрю, хороший психолог, – польстил он, – и, возможно, сумели что-то почувствовать в характере Алины...

– Она много страдала в своей жизни... Но я не знаю, с чем это связано, – поспешно добавил Всеволод Владимирович, и Кис быстро уточнил для себя: врет Сева. Узнавал что-то об Алине и наверняка узнал, но – не признается.

– Осиротеть в шесть лет – это не сахар! – помог ему выкрутиться Кис. – Тот самый случай, когда недодали любви, верно?

– Несомненно! – обрадовался подсказке Всеволод Владимирович. – У нее есть некоторые странности... Но, чтоб вы знали, – Всеволод Владимирович назидательно поднял указательный палец, – она тоже хорошая девочка. А у хорошей девочки с хорошим мальчиком обычно ничего хорошего не получается! Притягиваются всегда плюс и минус – знаете физику, да? – а два плюса – это ничего, никакой реакции... Такие союзы удаются в более позднем возрасте, когда двое, наевшись до тошноты минусов, оставив за плечами разводы, неудачи, страдания, сходятся с готовностью оценить именно плюсы... Ценность добра открывается только тем, кто страдал, ценность любви – тем, кто терял любовь.

– Угу, – кратко согласился Кис, боясь навлечь на себя новые потоки философских рассуждений с поучениями. – Значит, она могла уйти. И могла уйти – тайком? Не оставив даже письма, не объяснившись?

– Признаюсь, вот здесь мне трудно сказать что-то определенное. Люди часто боятся объяснений и делают другим куда больнее, исчезая неожиданно и тревожно... Знаете, я думаю, что если бы люди умели

объясняться, то на земле не было бы ни войн, ни преступлений.

– Вы совершенно правы... – искренне одобрил Кис: его собственный опыт мгновенно отозвался согласием с этой мыслью.

– Что вы намерены делать, Алексей Андреевич?

– Сейчас поеду к ее подруге Кате, может, что-нибудь у нее интересное узнаю.

– Правильно! – горячо поддержал его Всеволод Владимирович, и Кис снова уверился в том, что заместитель Алекса что-то знает. Но не скажет.

Однако, судя по его горячему одобрению, направление Кис явно выбрал правильное, и у Кати его поджидает ценная информация...

Глава 12

Сначала Аля слушала голоса.

Гена осыпал упреками Марго («Строишь из себя самую умную! Твой «гениальный» план! Я так и знал, что все провалится!»).

Марго шипела в ответ («Сам ничего придумать не можешь! Жрешь за мой счет! Делать ты последний, а критиковать ты первый!»).

Потом голос Филиппа («Кончайте базар!»).

Потом Антон («Заткнитесь все, пусть Марго говорит!»).

Постепенно она прислушиваться перестала. Она лежала на жестком тюфяке и думала об Алексе. Он, должно быть, сообщил в милицию о ее пропаже. А милиция? Гена вот обронил, что милиция вряд ли ее ищет. Значит, она предоставлена самой себе – как хочешь, так и выкручивайся?

Ну и ладно, выкручусь как-нибудь. Потом расскажу Алексу – вот он удивится!

Что я расскажу, балбесина? Что мой бывший любовник, что моя бывшая подруга, которую я не посмела ему показать на глаза, решили его обокрасть? Хорошенькие у меня друзья, хороша я... А там еще Марго, разозленная неудачей, выложит Алексу ее тайну!

Нет, вчера она все правильно решила: надо уходить от Алекса. Надо начинать новую жизнь, снова исчезнуть, раствориться в толпе, чтобы больше не было в ее жизни Марго, напоминания о страшной тайне; чтобы была в ее жизни любовь, настоящая, яркая, сильная – такая, которая поможет ей самой забыть о прошлом...

Аля пощупала неоставленное Алексу письмо в кармане своей широкой юбки. Опять новую жизнь...

Это было вчера. Сегодня, когда она находилась во власти Марго, когда ей было так... не то что бы уж прямо страшно, но неуютно и одиноко, идея уходить от Алекса уже казалась ей не такой уж очевидной и обоснованной.

Ей представился Алекс, каким она видела его последний раз, уходя к себе в комнату: его затылок с короткими завитками волос, абрис хорошо очерченной скулы, тень на щеке от его пушистых, как у девушки, каштановых ресниц, осенявших карие глаза, его бархатный баритон...

«Если бы ты был не так занят, Алекс! – упрекнула Аля его мысленно. – Если бы ты был не так предупредителен! Если бы ты не был так деликатен! Так ненастойчив, так ненавязчив! Если бы, если бы...

Если бы ты любил меня, Алекс».

Ей показалось, что она задремала, когда до ее слуха донесся громкий голос Марго: ее звали в комнату. Все сидели точно так же, как вчера, когда она вошла сюда первый раз, и смотрели на нее. Только теперь Марго придвинула стул: «Сядь, Аля».

Аля села, обводя взглядом компанию. Судя по лицам, они что-то придумали.

– Нам нужны полмиллиона, – сказала Марго, – и мы должны их получить. На меньшее мы не согласны.

– Я согласен на большее, – сказал Антон и заржал.

Марго нежно улыбнулась своему дружку.

– Я же вам сказала, что у меня их нет! – удивилась Аля. – Вы что, опять не верите?

– Верим. И поэтому ты сейчас позвонишь своему мужу и попросишь их у него.

– Что?!

– Что слышала. Позвонишь мужу и попросишь у него эту сумму.

Аля обвела глазами компанию. Марго смотрела на нее сурово, Филипп – мрачно, исподлобья, у Гены бегали глаза, а Антон, как обычно, дебилно ухмылялся. Но эти разные лица единила одна общая черта – они все были полны решимости.

– И как, по-вашему, я должна у него это «попросить»?

– Все очень просто, Аля. Ты ему скажешь, что попала в одну крайне неприятную историю, что тебе срочно нужно пятьсот тысяч баксов. И если он хочет, чтобы ты вернулась домой, он тебе должен их срочно перевести на ваш общий счет, не задавая вопросов.

– Мне не нужны пятьсот тысяч!

– Правильно, – кивнула Марго, – поэтому ты их отдашь нам. Вернее, купишь нам бриллианты, как договаривались.

– Умные вы... – Аля покачала головой. – Почему бы вам самим не позвонить? Так ведь обычно делается: похищают и требуют выкуп.

– Ты же только что сказала, что мы умные. Верно? Вот поэтому мы звонить не будем. Мы тебя не похищали и никакого выкупа не требуем – за это есть статьи в Уголовном кодексе. Мы придумали куда лучше: ты звонишь и просишь передать тебе деньги для твоих личных нужд.

– И отдаю их вам...

– Умница, ты все поняла. И милиции нечего делать в этой истории: жена просит деньги у мужа, подумаешь! Никакого криминала.

– И если он меня спросит зачем? Как я ему объясню это? Это ведь не пятьсот рублей!

– Ты что, не поняла? Скажешь, что у тебя серьезные проблемы, которые необходимо срочно решить! И что ты ему объяснишь потом, что сейчас ты не можешь, времени нет и возможности.

– И что я, по-вашему, ему потом буду объяснять?

– Что хочешь. Не наша забота. Это будет потом.

– А если я потом скажу, что вы – вымогатели?

– Он тебе не поверит. И у тебя нет никаких доказательств. И не будет, мы об этом позаботимся.

– А если он откажется?

– Не откажется. Мужчины в таком возрасте все готовы отдать за молодую жену.

– Ты так говоришь, как будто ему шестьдесят лет. Ему всего сорок два!

– А тебе – двадцать пять. Он старик для тебя! – подал наконец голос Филипп.

– Неправда!

– Что, стыдно, что за старика замуж вышла? А? Брак по расчету, ну, признайся!

– Эй, эй, Фил, потом будешь выяснять отношения! – вмешалась Марго.

Аля увидела, как лицо Филиппа стало наливаясь кровью – ей был хорошо знаком этот недобрый знак

подступающей ярости, – и поспешила сменить тему.

– А если он все-таки откажется? Это вы так думаете, что он меня любит, что он для меня на все готов. А он меня не любит. Я для него вроде кошки. Есть в доме – и хорошо, а нет – так и не надо...

– Не пытайся, моя дорогая, навешать мне лапшу на уши! – перебила ее Марго. – Бесполезно! Кроме того, ты должна ему дать понять, что если он немедленно не выполнит твою просьбу, то разгорится скандал, дело дойдет до прессы... Если он женой не дорожит, хоть ты и врешь, – так уж карьерой дорожит наверняка.

– Какой скандал? – не поняла Аля. – Ты о чем?

– Ни о чем. Ты просто дашь ему понять, что возможен скандал, очень крупный скандал. Но без объяснений. Напусти тумана. У каждого делового человека, имеющего приличное состояние, всегда есть грешки, которые в один прекрасный день могут выплыть наружу... И тогда – скандал, прощай, карьера... Так что он тебе даже вопросов задавать не станет. На воре шапка горит!

– Мой муж – честный человек!

– У-тю-тю, какие мы наивные! Честные богатыми не бывают!

– А если он все-таки попросит объяснений?

– Объяснять будешь дома, потом.

– Что объяснять?

– Что хочешь, я тебе сказала! Выдумывай сама. Это уже будут твои проблемы. Поняла?

– Поняла...

– Вот и хорошо. Звони.

– Подожди... А если он милицию вызовет? – пыталась Аля найти дефекты в плане Марго.

– Сомневаюсь! Не будет он натравлять милицию на собственную жену! Тем более возможность скандала, о которой ты ему скажешь...

Самое ужасное было в том, что их план был действительно технически неплох. Деньги перевести со счета на счет – на свой же счет – не проблема, банк это сделает быстро; что же касается Алекса... То он, скорее всего, согласится! Вот это хуже всего. Аля понятия не имела, какими суммами располагает ее муж, но была уверена, что никаких миллионов у него нет, и он кинется по всей Москве собирать требуемую сумму... И она – как она будет ему потом в глаза смотреть? Что объяснять? Историю про старых добрых друзей? И правда ведь, он ей даже не поверит...

– Но я не знаю, может ли Алекс перевести на мой счет такую сумму? С чего ты взяла, что у него есть полмиллиона долларов? Это ведь какие деньги!

– Есть, есть, – заверила ее Марго. – Я справочки навела.

– «Справочки»? И кто же тебе дал такие справочки?

– Не твоего ума дело.

– Но я уверена, что у него нет таких денег! – настаивала Аля.

– Пусть у друзей одолжит. У богатых людей богатые друзья, так что найдет!

– Да как же он отдавать такие суммы будет? Ты в своем уме, Марго?

– Ничего-ничего. В крайнем случае дом продаст. И машину. Наскребет как-нибудь! Звони давай.

– Сейчас обед начался, все равно его в кабинете нет, – тянула время Аля.

– До которого часа?

– До двух...

– Сейчас только несколько минут второго, может, твой муж еще не ушел... Позвони сейчас!

– И банки тоже закрываются на обед. Он не успеет. Все равно придется ждать до трех часов.

– Правильно она говорит! – вдруг высказался Гена. – Не надо ему давать слишком много времени на размышления! Пусть позвонит ближе к делу.

Марго посмотрела на Антона. Тот кивнул. На Филиппа: «Как хотите».

– Хорошо. – Марго встала. – Тогда ты остаешься с ней, Фил. Около трех пусть звонит. Если что, сам знаешь... – Она холодно посмотрела на Алю. – Я позвоню тебе в три, Фил.

Марго встала.

– Надо ехать, мальчики, дела ждут!

Компания потянулась к выходу. И еще через несколько минут Аля осталась вдвоем с Филиппом.

...Филипп избегал смотреть на Алю. Он боялся того, что подступало к горлу. Его мутило от нежности и от ненависти. Он не мог продохнуть от желания и гнева.

Он разрывался пополам.

Как всегда.

Ему часто казалось, что душой он похож на человека, разбитого инсультом: одна часть живет и двигается, испытывает чувства и эмоции, как любой нормальный человек; другая – неподвижная, тяжелая, закованная в глухую, неуправляемую ненависть.

...Ненависть в него вливали медленно, по капле, как яд. Каждые каникулы, каждый летний наезд маленького Филиппа к родителям матери в Хаапсалу бабушка – странно, но особенно бабушка, при молчаливом согласии дедушки, – пыталась вместить в его детское сознание всю свою бездонную ненависть к «русским захватчикам». Под захватчиками разумелись не только те, кто «освободил» Эстонию во Вторую мировую, но и все последующие поколения, включая ныне живущих, включая детей, включая еще не родившихся «русских»...

Особым «захватчиком» был его папа – прямо не говорилось, но часто намекалось, что папа захватил его эстонскую маму и увез ее в проклятый город Москву – нарочно, чтобы лишить дедушку с бабушкой дочери и сделать им плохо... Уезжая с каникул, Филипп увозил с собой мутную, душную злобу. Которую не знал, куда поместить.

Он и без того был ребенком эмоционально неуравновешенным, его частенько бросало в крайности – от истеричной сентиментальности до злобной агрессивности. Две эти крайности были припечатаны маминым заветом: мужчина должен быть сдержан, неболтлив и не показывать эмоций...

Раньше Филиппу казалось, что две половинки его души скреплены колющей булавкой: стоило впасть в одну из крайностей – разрыдаться над убитым голубем или, напротив, впасть в бешенство от обиды, – он наталкивался на мамин взгляд, будто на ее острие. Тогда лицо его каменело, взгляд становился непроницаемым, капризный и безвольный рот замыкался в жесткой складке – он становился таким, каким его хотела видеть мама. Он был послушным сыном. На него было легко влиять. Мама радовалась, видя, что сын становится настоящим мужчиной. Во всяком случае, по ее понятиям.

Мамино воспитание было настолько успешным, что Филиппу никогда не приходило в голову спросить у родителей совета: как управиться с тщательно возвращаемой бабушкой ненавистью?

Не мог же он в самом деле ненавидеть веселого и доброго («беспечного», говорила мама) русского папу, русских друзей, русский город Москву, в котором он жил?!

Конечно, не мог. По возвращении с каникул бабушкина ненависть к русским быстро выветривалась, как эстонский акцент.

Оставалась просто ненависть.

Еще аморфная, еще бесформенно-зыбкая, она укреплялась с каждым летним наездом в Хаапсалу, с половым созреванием, с неизбежными мальчишескими драками, постепенно превращаясь в глухое, но устойчивое желание мести. Неизвестно, кому и за что, – но мести.

В эстонских древних легендах, которые часто читала ему бабушка на эстонском языке, рассказывалось о волках-оборотнях. Они нравились Филиппу, эти волки, и он, слушая повествования, всегда принимал их сторону. «Но ведь они плохие, воруют овец у хуторян, да и на людей нападают», – говорила бабушка.

Но Филиппу не было жалко овец, не было жалко хуторян – ему было жалко волков, против которых одиноко жившие по хуторам крестьяне собирались воедино и шли войной...

«Надо быть добрым мальчиком, нужно жалеть овец и людей», – воспитывала бабушка.

Филипп удивлялся: если быть добрым, то нужно жалеть всех, разве нет? И волков тогда тоже!

Нет, терпеливо объясняла бабушка, волки плохие, они крадут овец, и людям тогда нечего кушать.

Но ведь волкам тоже хочется кушать! И они кушают овец, потому что они голодные – точно как и люди, которые кушают овец, потому что они голодные. Почему же волки плохие, если они делают то же самое, что и хорошие люди?

И как же быть «добрым мальчиком»: быть добрым мальчиком вообще – или в зависимости от того, кому принадлежат овечки? – ломал голову маленький Филипп над несоответствием этики и права частной собственности.

«Конечно, нужно быть добрым вообще, – объясняла бабушка. – К своим. К чужим не нужно. Волки – чужие. И русские – тоже».

Постичь идею добра в бабушкиной интерпретации он не смог.

Он просто запомнил, что волков-оборотней жалеть не нужно. Русских, кажется, тоже. И тех и других надо ненавидеть. И оттого, что он не мог ненавидеть, было стыдно. Он ненавидел сам себя. И еще кого-то... Он не знал кого. Просто иногда необъяснимая ярость подступала, и он задыхался от нее, не зная, на кого ее вылить и как от нее избавиться.

Маленькому Филиппу снились сны, в которых он сам был волком-оборотнем, отверженным людьми и волками одновременно, – гордым одиноким охотником. Однажды он напал на овцу – во сне, разумеется, во сне, – но, проснувшись, еще помнил вкус и цвет крови.

С тех пор, когда подступали внезапные и необъяснимые приступы ярости, свет в его глазах мерк, наступали беспросветные багровые сумерки, как если бы солнце внезапно рухнуло за горизонт, обдав землю прощальным кровавым лучом...

Он дрался, как все мальчишки, – но совсем не так, как все мальчишки. Он всегда выходил из драк победителем. Не зная приемов борьбы, не накачивая мускулатуру, он побеждал, потому что дрался насмерть. Как дерутся волки.

Потом он долго не мог прийти в себя, удивляясь собственной беспощадности, и на следующий день, видя разбитое в кровь лицо вчерашнего соперника, он испытывал мучительную жалость, стыд и раскаяние. Даже поначалу пытался просить прощения... Потом перестал: понял, что такое не прощают.

Друзья постепенно отходили от него. Они, как в его снах, отвергали Филиппа.

В четырнадцать лет он увлекся игрой на саксофоне. Родители удивились – в семье никогда не было музыкантов. Но все было очень просто: саксофон выл, саксофон выражал себя тем же образом, которым выражают себя звери, – долгим, протяжным, горловым, душераздирающим звуком с хрипотцой...

Бабушка больше не читала ему легенд, но теперь он сам на каникулах ворошил потрепанные книжки, жадно выискивая новые и новые истории про волков-оборотней. Эстонским он владел плоховато, но все же основную нить истории удавалось ухватить, а остальное дорисовывало воображение. Так было и в тот раз, когда он наткнулся на легенду, повествующую о волке-оборотне, похитившем девушку... Легенда умалчивала о том, что сделал волк с девушкой, но воображение предложило свои услуги.

И страсть с тех пор тоже стала багрового, кровавого цвета.

Он полюбил фильмы об оборотнях – как раз тогда стали показывать все эти, ранее запрещенные, ужастики. И ему всегда представлялось, что в тот момент, когда он будет обладать женщиной, он перегрызет ей горло.

Но ничего подобного не случилось. Его первая девочка оказалась, как и он, неопытной, и все было глупо и неловко, и стыдно наутро. Потом уже было ловко, и уже был опыт, и другие девочки были, и оказалось, что он – как все. Как нормальные мужчины. Никому горло перегрызать не хотелось. В общем, его это порадовало. И немножко – совсем чуть-чуть – разочаровало...

Глава 13

Наро-Фоминск оказался довольно большим городом, серым, пыльным и провинциальным, с невзрачной типовой застройкой времен «развитого социализма». На прямых улицах перед облезлыми домами росли редкие чахлые деревья, и жаркий ветер вольно мотал по раскаленному асфальту клочки высохших от зноя листьев.

Катю он нашел без труда. По ее домашнему адресу ему указали на библиотеку, и через пять минут ходьбы он был уже на месте.

Катя выдавала книжки каким-то подросткам. Это была некрасивая особа, рыхлая и прыщавая, с бесцветными глазами и с неряшливыми серыми волосами.

Без особых эмоций пережив сообщение об исчезновении Алины, Катя провела Алексея в глубину библиотеки, к двум старым продавленным диванам, перед которыми стоял обшарпанный столик с липкими кругами на поверхности от небубранных чашек из-под чая.

Катя была немного озабочена информацией о пропаже подруги, но не удивлена и не взволнована, отметил про себя Алексей. Похоже, ничего особенно драматического во всем этом она не находила – по крайней мере, версия о похищении ей даже не пришла в голову. На вопросы Киса она откликнулась весьма охотно, наслаждаясь любопытными взглядами коллег, двух пожилых женщин, которые то и дело проныривали мимо них, стараясь услышать хоть обрывки из разговора. Под звуки ее назидательного голоса Кису представилось, что он перелистывает пахнущий пылью дидактический роман, снятый с полки провинциальной библиотеки...

...Окончив школу, почти все знакомые девочки разъехались из городка кто куда – работать, учиться или замуж. Катя и Аля, две близкие подружки, остались. Катя никогда не стремилась учиться, она и школу закончила с трудом, а для замужества она, по ее собственному выражению, «пока не нашла достойного». Аля тоже «не нашла достойного», но учиться собиралась. Только никак не могла решить где. Но она и не торопилась: поступив в школу в шесть лет, Аля закончила ее в шестнадцать и считала, что у нее есть в запасе время, чтобы хорошенько подумать и не ошибиться в выборе. Пока что она начала изучать информатику на местных курсах – решила, что ей это непременно пригодится в будущем.

...Первое пыльное, жаркое, скучное лето их «взрос-лой» жизни подруги провели в городе. Дядя Алю не баловал, никогда не возил ее куда-нибудь к морю или хотя бы в деревню, он сам вел довольно аскетический образ жизни и Алю заставлял. Все думали, что это оттого, что он бедный, а оказалось, что он просто жадный: после его смерти у Али осталось небольшое наследство. Не бог весть что, конечно, но стало понятно, что на эти деньги он мог бы Алю получше одевать и хоть иногда развлекать... Правда, после школы, уже незадолго до своей смерти, он вдруг понял, что Аля – девушка, а не ребенок, и стал иногда покупать ей довольно красивые вещи... Не самые дорогие, конечно, но хоть что-то! А то ходила она как замарашка... Впрочем, Аля, если вы ее еще не видели, – очень миловидная и, несмотря на ее простенькие вещички, всегда обращала на себя внимание. Если не с первого взгляда, то уж со второго точно...

И уже знакомая Алексею зависть отчетливо зазвучала в этом месте повествования, отчего Кис в очередной раз подивился нерациональности, с которой люди охотно растрачивают время и душевные силы впустую. Нет бы потратить время с толком на себя – собственной внешностью подзаняться, волосы, скажем, причесать, а то и подкрасить, прыщи вывести, фигуру привести в порядок! А там, глядишь, и «достойный» появится, и собственная судьба примет очертания, достойные наименования «счастливой»...

...Единственным развлечением, продолжала Катя, которое дядя навязывал Але, были походы. Он

долгое время работал пионервожатым и страсть к жизни в палатке сохранил до конца своих дней. Аля терпеть не могла эти походы: ради чего, спрашивается, идти километры лесом, затем спать в неудобной палатке на жесткой земле, измазанной от ушей до пяток антикомарином, и всю ночь слушать кровожадный звон москитов над головой, когда дома есть чистое белье, мягкая постель и душ? Впрочем, если подумать, то дядя, может, был не такой уж и жадный: просто у него был вкус к походной, простой жизни. Как в пионерлагере: минимум удобств, максимум дисциплины. Он ей внушал, что она, дочь геологов, должна уметь жить по-спартански... Ну и вот эти походы были единственным развлечением за все лето. Если, конечно, не считать за развлечение обработку грибов и ягод, которые они притаскивали килограммами из таких походов... Да еще и травы: зверобой, брусничный лист, прочая растительность. Всем этим Аля была вынуждена заниматься, ее дядя считал, что это и есть правильный, разумный и натуральный образ жизни. А Аля их ненавидела – и грибы, и травы, и варенья из ягод, но должна была варить, сушить, солить, мариновать... И Аля сильно захандрила тем летом. Стала страшно жалеть, что не решилась поступать куда-нибудь, а теперь уж что, поздно...

– Все это я вам рассказываю, чтобы вы лучше поняли, почему Аля уехала с Марго, – пояснила Катя.

Кис, который уже с трудом подавлял зевок, оживился:

– Что за Марго? Кто такая?

– погодите, – назидательно остановила его Катя, – я еще не закончила. Про то, как Аля захандрила...

...С осени Аля пошла работать в библиотеку, в которую уже за два месяца до нее устроилась Катя. И только и мечтала, чтобы год поскорей закончился, чтобы можно было уехать поступать – куда угодно, только подальше от дяди, от «города детства»... Катя пыталась ее вразумить: «Зачем тебе уезжать отсюда, ты в этом городе родилась, и здесь могила твоих родителей! – убеждала она Алю. – Ехать в незнакомый город, одной там жить, без друзей, без родственников! А тут и я, и твой дядя, все-таки родная душа!»

– Но, как я понял, они с дядей не были близки?

Катя пожала плечами:

– Он был одинокий холостяк, никогда не имевший семьи...

– Алина жила с дядей с тех пор, как погибли ее родители?

– Почти сразу. Сначала ее должны были взять бабушка с дедушкой. Но дедушка был инвалид, а бабушка слегла после смерти дочери, Алиной мамы. Да так и не встала... Аля была для Виталия Петровича скорее долг перед погибшим братом. И он его выполнял, этот долг, но без особых эмоций. Так... – Она помолчала, вспоминая. – Он, как я вам сказала, человек был сухой, без эмоций, аскетичный... Знаете, когда он приходил забирать ее из интерната, я смотрела на них и думала: вот Жан Вальжан, увозящий маленькую Козетту... Так они шли молча, хоть и рядом, но каждый сам по себе... Мы как раз тогда читали с Алей «Отверженных».

– Родители Алины – ей было шесть лет, когда они погибли?

– Шесть с половиной... Они оба геологами были, вечно в экспедициях, Аля была фактически на руках у бабушки с дедушкой... Родители ее очень любили и всегда баловали, когда приезжали, но только они почти сразу уезжали обратно... Мама у Али веселая была. Я ее помню смутно, но помню, что веселая. Пела все время... А папа – с бородой. И играл на гитаре.

«Ну да, – думал Кис, слушая Катю, – таежная романтика, обветренные лица, хриплые, прокуренные голоса: «Держись, геолог, крепись, геолог, ты ветру и солнцу брат...» Так, кажется, пели в шестидесятых у костров пионерских лагерей... Бедолаги, попавшиеся в сети советской пропаганды, не знавшие семьи и юта, они в короткие наезды домой пытались наверстать все то, чего лишила их никому не нужная,

тяжелая и бессмысленная кочевая жизнь: баловали дочку, встречались с друзьями, пекли пироги...»

– И пироги пекла?

– Кто? – опешила Катя.

– Алина мама.

– Откуда вы знаете? Пекла! У них вечно гости толпились, а мы с Алей сидели в углу и смотрели, слушали песни, разговоры... Ну и кушали, конечно.

«И дочку называли Алина. Какое прозрачное, старинное, кружевное имя! Не здешнее, не сейчашнее, такое чужеродное и неуместное в суровой и скудной реальности геологической жизни! Таежным романтикам хотелось, наверное, чего-нибудь более романтического, чем глухая и совсем неромантическая при ближайшем рассмотрении тайга...»

– Так что вы там о Марго говорили? – встрепенулся Кис.

Но Катя не сдалась, смакуя свой рассказ.

– Погодите, дойдем и до Марго! Сначала вам надо понять, почему Аля решила уехать!

И Кис подумал, что девушке редко выпадает возможность быть внимательно выслушанной и посему она решила использовать данную оказию до конца. И еще подумалось, что Катя старается оправдать тот факт, что подруга бросила ее вместе с городом детства, – Кате совершенно необходимо было убедить Киса (и себя) в том, что у Алины были серьезные психологические проблемы и она, хоть и дорожила дружбой с Катей, но просто не могла поступить иначе...

– ...Осенью Аля стала еще рассеянее, чем обычно, и еще задумчивее. Осенняя погода на нее плохо действовала, – объясняла Катя, – дожди, хмуро, темнеет рано, а в городке у нас скучновато. Аля, правда, развлечений не искала, она книги любила читать, и еще мы с ней в кино ходили. В ноябре ей исполнилось семнадцать лет, а в декабре умер ее дядя... Аля осталась одна в трехкомнатной квартире – ее дядя после смерти Алиных родителей сменял их и свою квартиру на одну. Аля совсем как-то растерялась. Стала замкнутая, печальная... Конечно, вы понимаете: сначала родителей потерять, потом дядю... Я утешала ее, как могла. Знали бы вы, сколько слез на моем плече Аля выплакала! – гордо добавила она. – А сразу после Нового года приехала Марго.

– Маргарита, что ли?

Катя кивнула.

– Маргарита. Пасечник фамилия.

– А почему вдруг Марго? А не Рита, к примеру?

– А она сама себя так называла. Аля, когда мы еще маленькие были, рассказала ей «Королеву Марго», знаете, Дюма написал... Маргошка книжек-то не читала, но любила слушать, когда Аля рассказывала. И так ей понравилось, что она заявила, что теперь тоже Марго будет зваться. С тех пор и повелось...

– Ну-ну, я перебил вас, продолжайте! – испугался Кис нового затяжного экскурса в подробности детства.

– Заявилась, значит, Марго к нам. Я лично чуть в обморок не упала: вся в коже, с заклепками, металлы на ней повсюду дренькают, по четыре серьги в каждом ухе – стыдно по улице пройти с ней! А Аля – ничего. Подруга, говорит. Это, мол, самое главное. А какая Марго подруга? Соседская девчонка, дружили по выходным – мы ведь с Алей учились в интернате, а Марго в обычной школе. И сразу после школы Марго уехала отсюда. В Москву. Мы вот с Алей с детства и на всю жизнь. А Марго что? Уехала-приехала, воду

замутила и опять уехала. Расхлебывать мне оставила.

– Что расхлебывать? – поинтересовался Алексей.

– Она стала звать Алю в Москву, с собой, – с неостывшей обидой пояснила Катя. – Марго там где-то в ресторане устроилась, официанткой. Ну и Алю стала тащить: что, мол, ты тут киснешь, в глуши, тут даже парней нет, так и пропадешь. До сих пор небось девственница, ну признайся! – так она Але прямо и сказала, ей и не стыдно нисколько! Смотри, говорит, какая ты красавица – тебе в Москву надо, к людям...

Катя помолчала.

– А я что, не люди, что ли? – с глубокой обидой произнесла она. – Говорила я Але, предупреждала... – И она погрузилась в свои размышления.

– Родители Марго до сих пор живут здесь? – вернул ее к действительности Кис.

– Нет, переехали. Я даже не знаю куда. Да что они вам могли бы сказать? Они сами свою дочь годами не видели... Она что подруга, что дочь – все одно: плохая...

– Вы остановились на том, что Марго стала звать Алю в Москву, – мягко напомнил Кис.

– Да, так вот, стала она звать, мол, у нас в ресторане официантки нужны, поедем, я тебя на работу устрою, жить со мной будешь, и парни там интересные... Какая из Али официантка, скажите мне на милость, когда она книжки от полки до стойки донести не может? Если не книжки уронит, то очки, а если не очки, то сама упадет... Я ей так и сказала прямо: ты только на эту Марго посмотри, говорю, куда ты лезешь? Она-то везде устроится, а тебе надо, чтобы рядом верный друг был, ты же беспомощная, как ребенок! Втянет тебя еще в какое-нибудь дело нехорошее! Ты только глянь, глянь на нее, у нее у самой на лице такое написано!.. Не буду употреблять выражения...

– И что Алина?

– Не поехала. А в конце зимы у нас инвентаризация была, она полезла снять книги с верхней полки (я не досмотрела, а то бы не позволила ей!), ну и сначала она книги уронила, а потом и сама упала с лестницы. Стала их пытаться поймать и упала. Не то чтобы сильно ударилась, она уже невысоко была, но расстроилась ужасно. Сидит на полу и плачет. И вот тут она мне говорит: «Поеду я в Москву...» И через неделю уехала.

– Что вам известно о ее дальнейшей жизни в Москве? Она вам писала?

– Писала?! Она мне, конечно, писала, да только мне все наперед было известно! Предупреждала я ее: хорошего ни от Москвы, ни от Марго не жди? Предупреждала! А она вот не поверила!.. Поселилась она с Марго в одной квартире, и на работу ее взяли в ресторан. Вроде все ничего было, Аля была довольна. Ну как довольна, вы же понимаете, когда вокруг допоздна люди, шумно – вроде и весело. Только все это пустое! Люди приходят по своим делам и со своим весельем, а Аля с ног валится от усталости, и Марго – какая она подруга? С ней ни поговорить не о чем, ни помочь не поможет. Наоборот, только распоряжается. Я-то за Алей следила, чтобы она не перенапрягалась, она такая хрупкая... Она не жаловалась сама, нет, но я-то знаю! А Марго ею просто помыкала. По письмам видно: «Марго мне сказала сделать то, Марго мне сказала сделать се, да не так, а этак...»

– И Аля как, подчинялась?

– Она может сделать что угодно по доброте, Аля. Она считала, что Марго ее любит и о ней заботится, а она тоже делает для Марго, что может.

– А что, это неправда?

– Что Марго ее любит? Марго себя одну любит, вот и все! А заботится она так: держит в подчинении.

Она еще в детстве была такая. Это характер. Ничего с этим не поделаешь, рецепт только один: от таких, как Марго, нужно просто подальше держаться, и все!

– У Алины не появился в Москве парень?

– У Али-то? Нет. Это у Марго каждый день новый, а у Али нет.

– А что вы знали наперед?

– Да как что? Что ничего хорошего из этого не получится! И была права! Аля от них сама сбежала! Поняла что к чему, наконец! Я только не все знаю, не все подробности, потому что сначала Аля перестала мне писать, после того как они с этими музыкантами познакомилась, а потом опять стала писать, но уже после того как на новую квартиру переехала и адрес велела никому не давать.

– Вот как? – заинтересовался Кис. – И что за музыканты?

– Устроились они с Марго на время отпуска подработать в столовой какого-то дома отдыха под Москвой. Там они и познакомилась с этими музыкантами, трое их было. Они тоже приехали подрабатывать в отпуске. Дом отдыха для каких-то ветеранов, так группа эта там им по вечерам все старые песни играла... У Марго сразу роман случился с их главным, он ударник, что ли, у них в группе, не помню уже. После отпуска она стала пытаться их в ресторан пристраивать. Аля тоже как будто этим делом увлеклась: Марго ей голову забила, что они с этими ребятами заработают много денег, потому что они, видите ли, гениальные музыканты, надо только их хорошо продать. Я до сих пор помню, Аля мне так и написала: «надо их хорошо продать»... Я вам потом ее письма покажу, они у меня дома.

Кис ее поблагодарил.

– Короче, – продолжала Катя, – директор ресторана сначала их взять-то взял, но контракт с ними не продлил. Нашел, что не так уж они хороши, видать. И Марго с Алей решили уволиться и уйти с этой группой. Марго уже к тому времени чуть не «менеджером» у них стала, нашла им какие-то еще контракты. А Аля так... На побегушках, наверное. Что она там еще с ними могла делать? И зачем уволилась из ресторана? Может, одна боялась остаться, без Марго, – с явной неприязнью предположила Катя. – А может, еще какая-то причина, не знаю. Она мне вскоре перестала писать. Год прошел или даже больше, как она вдруг мне написала, что сменила адрес, что учится на курсах секретарш и работает. Адрес новый просила никому не давать, если спрашивать будут. А потом она встретила Мурашова, он вам уж, наверное, сам рассказал.

– Почему вы решили, что Алина сбежала от Марго? Может, она просто переехала...

– Как – почему? Она мне сама так написала! – возмущенно воскликнула Катя. – Я хорошо помню, так прямо и написала – «я от них сбежала»!

– Она вам причину указала?

– Да я ведь вам сказала, что от таких, как Марго, надо держаться подальше! Аля наконец поняла это!

– Я бы хотел узнать, Катя, как Алина это объяснила сама...

– Так то же самое! Что я была права! Что этот образ жизни ей не нравится! С Марго, с музыкантами этими... Еще она написала, что она не жалеет, что это был для нее опыт, который не позволит ей сделать ошибки в новой жизни... Что она теперь знает жизнь и так далее.

– И что означает «сбежала»? Тайком, что ли?

– Именно! Никому не сказала, собрала свои вещи и переехала по новому адресу.

– Вы знаете почему? Почему не сказала никому?

– А что, по-вашему, Марго способна ее понять? Марго – она примитивная, как инфузория. Ей объяснять – замаешься. Только скандал может устроить, и все. Да и эта свита ее, музыканты... Они бы не отпустили Алю.

– Они ее пытались искать? К вам кто-нибудь обращался за ее адресом?

– Ко мне – нет. У меня никто не спрашивал.

– Понятно. Так, значит, по-вашему, до встречи с Мурашовым у Алины не было никакого друга, никакого мужчины? Никаких брачных предложений?

– По крайней мере, она мне ничего такого не писала.

– Вы только переписывались все это время? Не встречались?

– Виделись, когда она уже с Мурашовым познакомилась. Я на свадьбе у них была тоже.

– А после ее замужества?

– Я два раза ездила к ним, у них на даче останавливалась. Первый раз через полгода после свадьбы. А второй – еще через год.

– И с тех пор вы не встречались?

– Нет. Только переписывались.

– Какое у вас впечатление, счастлива она в браке?

– Не знаю. Аля вообще очень странная. То она такая тихоня, всего боится, то вдруг решит, что знает, как надо поступать, – и поступает, советов не слушает. Решила замуж выходить за Мурашова. Я, конечно, понимаю, партия хорошая, но я ей говорю: «Ты хорошо подумала? Ты его-то любишь?» И знаете, что она мне в ответ? «Какая разница, – говорит, – в семейной жизни не это главное». А что, интересно, главное? И это Аля, которая всегда мечтала о настоящей любви, о такой, знаете, как в романах! Я даже боялась за нее – где найдешь в наше время настоящую любовь, возвышенную! Смотрите, на экранах только что делается – от манекенщиц всяких, моделей там, проходу нет! Как будто красивое лицо и длинные ноги – самое главное! Кого сейчас интересуют душа, благородство, ум, искренние чувства? Эх, что и говорить...

– Так Алина вам сказала, что любовь – это неважно? – вернул Катю к теме Кис.

– Да. Я тогда удивилась... Ну, думаю, должно быть, у нее новая теория! У нее все время какие-то теории. Например, одно время она считала, что настоящую любовь надо заслужить. Не перед человеком, которого ты полюбишь, ты его, может, даже пока и не встретила, а так...

– Перед богом, что ли? – попытался помочь ей Кис.

– Нет. Ну что-то вроде того, что хорошее притягивает к себе хорошее. Она этими мыслями со мной только делилась, больше ни с кем. Кто бы ее еще мог понять!

– А какие у нее еще были «теории»?

– Когда она решила к Марго ехать, я ей напомнила про все эти ее рассуждения. А она мне заявила, что теперь она поняла, что стремиться общаться только с хорошими людьми – это род гордыни. Надо быть терпимой к слабостям... Так, кажется. Да, я даже ее спросила: «Так ты меня бросаешь и уезжаешь к Марго, чтобы не быть гордой?»

– Значит, когда она замуж выходила за Мурашова, у нее была, по вашему мнению, не любовь, а теория?

– Я не могу вам точно сказать. Она за то время, что мы не виделись, изменилась, стала не такая, как

раньше. Стала будто больше уверена в себе, все время улыбалась, так, знаете, немножко иронично. Вроде над собой ирония или над всеми – не поймешь. Как бы все в шутку делает. А ты ломай голову: любит – не любит, всерьез говорит или нет!

– Ну, а по вашим ощущениям? Слова словами, но ведь что-то можно и почувствовать? – наводил Кис.

– Ох, вы меня замучили. Не знаю я. И по ощущениям – не знаю. Со стороны все вроде бы нормально, хорошая такая пара, внимательные друг к другу. Муж у нее человек очень приятный, вежливый, настоящий джентльмен. Да вы и сами, верно, видели?

– Ну подумайте, Катя, влюбленные люди то взглядом перекинутся, то дотронутся, то улыбнутся. Такие мелкие знаки особенного внимания. Не замечали?

– Могу вас заверить, друг на друга они не кидались. Аля вообще не такая, как эти все, которые на улицах чуть не любовью занимаются, напоказ, как животные. Да и муж ее – человек воспитанный.

– Хорошо, – сдался Кис, чувствуя, что он не сумеет объяснить Кате предмет своего вопроса, – хорошо, а вот скажите мне, изменились ли их отношения со временем? От вашего первого приезда до второго?

Катя задумалась, созерцая грязный столик.

– А ведь, пожалуй, вы правы... – произнесла она наконец. – Действительно правы... Я теперь понимаю, что вы имеете в виду. Что-то у них таки изменилось. Не сумею вам в словах выразить, но изменилось. Как, знаете, вроде выключили что-то или занавес опустили, как в театре...

– Будто спектакль закончился, вы хотите сказать?

– Это, может, чересчур сильно сказано, что спектакль, но сравнение ваше похоже... Вроде как роли свои сыграли – и разошлись. Каждый в свой угол. Только «да, дорогой», «да, дорогая» – и все.

– Как по-вашему, могла Алина уйти от мужа?

– Это было бы очень глупо.

– Я понимаю, Катя, это ваше мнение, – начал терять терпение Кис, – но я хотел бы узнать – Алина могла бы это сделать?

– От нее никогда не знаешь, чего ждать. Это такая тихоня, знаете, в тихом омуте черти водятся. Могла, наверное. Она советов не ждет и не слушает. Если б слушала, столько бы глупостей не наделала! А потом, чего вы спрашиваете? Она ведь таки уже ушла, как я вас поняла? Так чего ж теперь спрашивать!

– Верно. Но я должен проверить все возможности. Как вы думаете, Катя, если Алина решила уйти от своего мужа – это в ее характере уйти вот так, не сказав ни слова, ничего не объяснив, просто исчезнуть?

– А как она, по-вашему, сделала с Марго? Так и сделала!

– Ну это разные вещи – то подруга, а то муж.

– Ну, не знаю. Аля на все способна.

– Она оставила свою машину. И драгоценности тоже не взяла. Что вы мне на это скажете?

– С нее станется!

– То есть вас это не удивляет?

– Меня уже ничего не удивляет.

– Скажите мне, Катя, вы бы к коричневой юбке взяли темно-синюю сумку?

– Темно-синюю?

– Да, с белой каемочкой.

– А кофточка какая?

Кис достал из кармана бумажку:

– Бежевая. Майка. Трикотажная.

– Это Аля так была одета?

– Аля.

– Ну, смотря куда. Если в магазин – то мне все равно, какого цвета. А если в гости... С белой каемочкой?

– Я уже все понял, Катя, спасибо.

– Нет, не взяла бы, наверное...

– Спасибо, я уже понял.

– Хотя смотря какого оттенка...

– Вы мне уже ответили на мой вопрос, я уже вполне удовлетворен вашим ответом, спасибо, Катя! Скажите мне лучше, куда она могла отправиться, по-вашему?

– Ох, что вам сказать? Аля со мной все меньше и меньше делится своими мыслями и планами. Раньше она мне все рассказывала, всем со мной делилась... А теперь даже не предупредила, что Алекса собирается бросить...

У Кати положительно была потрясающая способность переводить разговор на себя. Но Кис давил подступающее раздражение, испытывая скорее жалость к этой нескладной девахе, чем неприязнь.

– Так вы думаете, что она просто ушла от мужа?

– Не пойму я вас, Алексей Андреевич, вы ведь мне сами так и сказали!

– Вообще-то я сказал, что она исчезла. Но, судя по всему, ушла она сама, добровольно...

– И потом, что еще могло произойти? Что, ее могли похитить?

– Это ее муж так думает, но я, признаться, сильно сомневаюсь.

– Вот видите. У нее врагов нет. Ее всерьез-то никто не воспринимает – она безобидная, как птичка. И к тому же жаловалась она мне в письмах, что у нее жизнь пустая, скучная. Так и ушла, наверное! Глупо, конечно, опять она советов моих не послушалась, а я ей говорила, не валяй дурака, у тебя все есть, о чем другие только мечтать могут...

– Могла она, по-вашему, вернуться к прежней компании? Вам неизвестно, Алина с ними не возобновляла контакт?

– Аля – нет... – Катя усмехнулась. – А вот они – да!

Она кинула на Киса взгляд, который можно было бы назвать торжествующим. Кис, поглядывая на ее возбужденное лицо, ожидал продолжения, но и Катя ждала вопроса. Тогда он его задал:

– Что вы этим хотите сказать?

– То, что я была права! – выпалила Катя. – Я ее сразу предупредила, что нельзя с Марго связываться, хорошего не жди!

Она замолчала, смакуя собственную правоту, и Кису снова пришлось отвлечь ее от сладостного самосозерцания:

– Я вас правильно понял: Марго возобновила контакт с Алиной?

– Именно. И знаете зачем? Чтобы выпросить у Али обноски! Видно, совсем плохи ее дела!

– Да как же Марго ее нашла? Ведь, как вы сказали, Алина сбежала, адреса не оставила и со своей стороны контакт с бывшей подругой не возобновляла?

– Не знаю. Аля мне только написала, что Марго каким-то образом нашла ее адрес и прислала ей письмо.

– Письмо!.. И в письме попросила вещи?

– Ну да. Написала, что просит Алю помочь ради старой дружбы или что-то в этом роде.

– И примерно когда Аля получила это письмо, вы знаете?

– Пару месяцев назад, по-моему.

– А нынешний адрес Марго вам неизвестен? Может, она живет на прежней квартире? Аля не упоминала?

– Нет. Не знаю, знает ли Аля, а я не знаю. И знать не хочу, прошу заметить.

– Заметил. Что еще было в письме Марго?

– Я уже не помню точно. Но смысл у Марго был такой, что нехорошо, мол, старых друзей забывать, смотри, в гости к тебе придем всей компанией...

Кису не хотелось признаваться, что он читал письма Кати к Алине. Но в ее письмах не было никаких комментариев типа «я тебя предупреждала и была права», что ему показалось довольно странным. Он решил зайти с другой стороны:

– Кроме писем, вы еще как-то общаетесь? Перезваниваетесь?

– Иногда. Но если вы имеете в виду, что она мне что-то еще по телефону говорила, то нет. По телефону – это так, про здоровье, про родителей моих спрашивает и так далее. Аля, во всяком случае. У нее там этот секретарь все время вертится, подслушивает. Так что у нас с ней исключительно светские разговоры. Я, конечно, другое дело, я могу себе позволить что-то сказать, он же не слышит. А Аля только на вопросы отвечает. Вот, например, несколько дней назад я ее спрашиваю: «Как там Пасечник, все еще побирается, обноски выпрашивает?» А Аля мне в ответ: «И не только». Понимаете, она из-за секретаря так отвечает, не хочет вслух говорить. Ну, я догадалась: «Что значит «не только»? – говорю. – Неужто ты ей и деньги даешь?» Ну, Аля подтвердила... Я ей, знаете, прямо так и сказала: «Да гони ты эту дрянь Марго, не давай ей ничего! Я тебя еще тогда про все предупредила, когда ты к ней в Москву собралась уезжать? Предупредила! Может, ты наконец советы научишься слушать? Так вот, мой тебе совет: гони Маргошку, и баста!» Так и сказала ей, что вы думаете!

– А что Алина?

Катя пожала плечами и ничего не ответила, отчего-то покраснев.

– Значит, секретарь подслушивает разговоры?

– Так мне Аля сказала.

– Если он подслушивает по параллельному аппарату, то ваша конспирация ничему не служит – он слышит вас обеих!

– Не знаю, Аля не говорила как. Просто у нее доверия к нему нету. Противный тип, замечу между прочим. Так на меня посмотрел, когда я пришла! Вроде как на мне этикетки вывешены, а на них цена

каждой вещи. И презрительно отвернулся – недостаточно дорогая цена, видать... Я бы на Алином месте нажаловалась на него мужу да и выгнала бы его к черту. А Аля говорит: «Противный – не доказательство. А жаловаться на него не за что. Он ведет себя безупречно». Ну выдумала бы, что он к ней в отсутствие мужа приставал! Тоже мне, премудрость великая! Но она не хочет – слишком порядочная. А какой, скажите мне, смысл быть порядочной с непорядочными людьми?.. Поэтому мы все в письмах друг другу пишем. Так что давайте-ка я лучше принесу вам их. Если они вам помогут Алю найти – то в добрый час. А найти ее надо, и поскорее, а то опять глупостей наделает. Уйти от такого мужа – ну скажите мне, это же уму непостижимо! Ради чего, я вас спрашиваю? Куда? Я всегда за нее беспокоилась, она ведь как ребенок! Вечно идеи какие-то, вечно решения принимает самые несуразные!

Катя подняла свое грузное тело из кресла и отправилась за письмами Али.

Глава 14

...Пять минут протекли с убийственной медлительностью, напрягая их тяжелое молчание каждым содроганием стрелки. Аля судорожно искала какую-нибудь разрядку, понимая, что пребывание с Филиппом наедине было опасным.

– Я есть хочу, – сказала она небрежно. – Давай поедим, а?

Филипп подумал.

– Вообще-то я тоже хочу есть... Посмотрим, что тут у них можно найти.

Они мирно подкрепились найденными консервами, словно ничего особенного не происходило, словно они были добрые друзья, которые делят не первую и не последнюю трапезу. Аля не была голодна, она так нервничала, что ее даже подташнивало, но сделала вид, что голодна, и ела с наигранно-беспечным, здоровым аппетитом, лишь бы как-то заполнить опасное время наедине с Филиппом.

Ее актерские усилия имели неожиданный положительный результат: холодящий спазм в животе начал понемногу рассасываться, отпустить. Аля даже повеселела.

Она вымыла тарелки и чашки, чувствуя на своей спине взгляд Филиппа. Закончив, она повернула к нему честно-сонное лицо со слипающимися глазами.

– Я хочу спать, Филипп, я умираю, как хочу спать!

Он колебался. Ему не хотелось ее отпустить.

– Скоро уже звонить, – неуверенно сказал он.

– Еще не скоро, Филипп, еще почти полтора часа есть. – У Али язык с трудом поворачивался. – Я этой ночью почти не спала... – сонно лепетала она.

Филипп глянул на нее и согласился.

– Ладно, иди спи. Около трех я тебя разбужу.

«Да, у меня несомненно талант», – подумала Аля и произнесла вслух:

– Ты милый, – и пошла, покачиваясь, наверх. – А ты что будешь делать? – спросила она с лестницы.

– Тоже спать.

Поднявшись на чердак, Аля некоторое время прислушивалась – никаких признаков, что Фил намерен войти к ней, не было. Судя по всему, он действительно хотел спать и растянулся на диване в гостиной.

Вот так, все запросто удалось. Аля забралась на тюфяк и села, прислонившись спиной к стенке и подобрав под себя ноги, накрыв их краем широкой юбки. Сначала поесть, потом поспать – что может быть естественней? А время идет себе, идет, опасное время наедине с бывшим любовником... Главное, не сфальшивить – она и не сфальшивила. И вот, пожалуйста, ее оставили в покое...

Надолго ли? Алина была уверена, что Филипп не простил ей побега. Он был абсолютным собственником – совсем не такой, как Алекс, который всегда предоставлял ей свободу (ненужную ей, впрочем). Алина должна была принадлежать Филиппу целиком – каждая клеточка ее тела и каждая минута ее жизни, каждый ее взгляд и каждая ее мысль.

Поначалу она блаженно окунулась в его всепоглощающую любовь. У нее ее никогда не было – не то что всепоглощающей, а просто никакой любви. Филипп, казалось, встретился на ее пути для того, чтобы спасти ее, чтобы вернуть ей веру в любовь. В то, что близость между мужчиной и женщиной может быть

полна наслаждения. Филипп был необыкновенно заботлив и нежен в постели, он был с ней – для нее, он ей служил... Причем так искусно и умело, что ей действительно удалось забыть прошлое.

Впрочем, это чересчур сильно сказано – «забыть»... Скорее, спасая свою психику, она просто старалась ничего не вспоминать, оставив в своей памяти наглухо задраенный сундук, в котором была чернота.

Только спустя месяцы она поняла, что попала в западню. Филипп не выпускал ее. Он контролировал каждый ее вздох. Чуть ему казалось, что она мыслями или взглядом отвлеклась от него, – начинался скандал. Это происходило всегда внезапно и всегда жестоко. На него накатывали приступы неуправляемой ярости – как на некоторых женщин накатывают приступы истерики, – и тогда он бывал страшен...

Алина помнила, как он в первый раз ее ударил. Это случилось через пару месяцев после начала их совместной жизни. Квартира, которую они снимали с Марго, была двухкомнатная...

...Это было ужасно. В соседней комнате гроыхала кровать («сексодром» – называла ее Марго) под любовными баталиями Марго с Антоном. Ее стоны и его рычание долетали до них. Алина не могла отделаться от чувства, что она подслушивает.

И не могла заниматься любовью с Филиппом. Она тянула время. Он смотрел недоверчиво, когда она попыталась объяснить, в чем дело и что ее смущает. Он ей не верил. Он считал, что она ищет предлог, чтобы не быть с ним.

Алина не сумела убедить его, не смогла выразить запредельные для Филиппа ощущения некоей моральной нечистоплотности, которые она испытывала от этого параллельного секса. Он смотрел на нее тяжелым взглядом. «Ты все усложняешь, – сказал он. – Не строй из себя принцессу».

Как позже, несколько лет спустя, Георгий ей посоветовал «быть проще»...

Алина не понимала, что значит «быть проще» и «не строить из себя принцессу». Ей не нравилось так, и все! Но если она, изо всех сил барахтаясь и выныривая из мутных вод прошлого, окрашенных в тона насилия и нелюбви, сумела поверить в любовь, то она так и не научилась протестовать. Это оказалось труднее, чем любить.

Она молча пошла в ванную. И в коридоре столкнулась с Антоном. Антон был совершенно голым.

Алина остановилась, остолбенев. Антон окинул ее двусмысленным, понимающим взглядом и, по своей привычке, ухмыльнулся. И оттого, что ей стало неимоверно противно и стыдно от этих запараллельных половых актов, она растерялась окончательно. Вжавшись в стенку, давая пройти Антону, она смотрела на него, заливаясь краской и не зная, куда девать глаза, всю себя...

По лицу Антона, вдруг разом потерявшему ухмылку, она поняла, что сзади стоит Филипп. Алина обернулась. Филипп молча взял ее за руку, отвел в их комнату и, прикрыв за собой дверь, ударил.

Рука его была тяжелой. Он разбил ей губы.

Он посмотрел на нее несколько мгновений, заметно борясь с искушением ударить еще раз. Затем круто развернулся и отошел к дивану. Уселся, закинул ногу на ногу и с деланой небрежностью спросил: «Ну, и как тебе он?»

Ах, почему она тогда, сразу же, не повернулась и не ушла? Почему не выгнала его, не сказала, что ничего больше между ними не будет и не может быть?! Почему вместо этого она пыталась прилежно понять, чем заслужила такое обращение, и стала вникать: кто «он» и что значит «как тебе?»

Оказалось, что Филипп, наблюдавший за ее столкновением с Антоном со стороны, решил, что она с любопытством рассматривает его голое тело...

Алина принялась оправдываться (зачем, бог мой, зачем? Не надо было!)...

Филипп слушал ее лепет недоверчиво; потом лицо его смягчилось, он притянул ее к себе, стал просить прощения, ласкать... Потом было упоительно хорошо в его объятиях, и наутро все забылось – ну, не забылось, а отошло, как плохой сон.

Но только спустя какое-то время повторилось, уже по другому поводу, но он снова ее ударил; потом это стало происходить регулярно...

И однажды Алина сбежала. Она знала, что Филипп ни за что на свете не отпустил бы ее добровольно. А она больше не могла так жить – ни с Марго, ни с Филиппом, ни вообще такой жизнью, в которой безделье перемежалось планами разбогатеть, алкоголь с наркотиками, секс – с побоями...

Ей хотелось нормальной, здорово организованной жизни, в которой есть дом, есть постоянная зарплата, есть семья... И если семья пока не была в ее власти, то остальное можно было устроить: это зависело только от нее, от ее дисциплины (которой Алине было не занимать) и ее работоспособности. И она начала жизнь заново.

Когда она встретила Алекса, она решила, что бог внял ее мольбам и в награду за ее старания послал ей этого человека.

В нем было все, чтобы осуществить ее мечту о семье.

Нет, тогда она еще не понимала, что бог вовсе не раздает подарки прилежным девочкам за хорошее поведение. Алекс оказался просто человеком, которому она попала на дороге ровно в тот момент, когда ему надо было жениться. И о любви тут не могло быть и речи...

Аля вспомнила, как частенько, особенно после их свадьбы, она бросала взгляды на сосредоточенного за работой мужа, и ей безумно хотелось встать, приблизиться к нему, запустить свои пальцы в его каштановые вьющиеся волосы, развернуть это красивое, породистое лицо к себе, сесть к нему на колени, заставив отложить работу, впечатать поцелуй в его полные чувственные губы... Но она никогда не посмела бы этого сделать. Он работал; он был занят серьезными делами; он, в конечном итоге, если бы хотел, сам подошел бы к Але или позвал бы ее... Но он ее не звал – значит, не хотел отвлекаться. Не хотел Алю.

Что ж, она не станет навязываться. Она будет смотреть никому не нужный телевизор, пить свой холодный лимонный чай, отламывая кусочки шоколадного печенья... И будет играть роль примерной жены, будет заботиться о нем, появляться с ним в свете, ни на что большее не претендуя. Образец тактичности и ненавязчивости. Именно то, что Алексу нужно.

Он и сам такой: тактичный и ненавязчивый.

Слишком тактичный и слишком ненавязчивый.

Заботливый до приторности.

Внимательный до тошноты.

Словно он тоже взял на себя роль, но не справляется, переигрывает.

Роль?

Аля так удивилась этой мысли, что даже привстала с тюфяка.

Алекс?

Но зачем?!

А зачем она приняла свою роль? Ну, это понятно: ее с самого начала не отпускало чувство, что ее

облагодетельствовали, что их неравное положение всем бросается в глаза; что все уверены, что с ее стороны это брак по расчету; что Алекс «пригрел» ее, потому что почувствовал, что она нуждается в поддержке... И коль скоро ему пора было жениться, он и выбрал ее, Алю, без роду без племени, «маленькую секретаршу», которая будет ему всю жизнь благодарна...

Поэтому Аля старалась всячески показать свою независимость, свою ненавязчивость; поэтому она старалась не воспользоваться через меру теми внезапными благами, которые ей дал Алекс, – материальными, социальными; поэтому она не любила выходить в качестве его жены; поэтому она крайне редко делала покупки для себя и вообще тратила деньги. Его деньги.

Ну а он – зачем? Алексу не нужно играть никакие роли! У него все в порядке, он хозяин положения, он «благодетель» – никаких комплексов, никакой нужды к кому-то приспособливаться или что-то доказывать... Он сильный, он хозяин положения, он хозяин ее самой...

Или?..

Аля снова опустилась на тюфяк, подобрал колени.

Вот оно что... Он пытался показать мне, что он вовсе не хозяин! Ни мне, ни моему времени, ни моим чувствам, ни деньгам! Что я ему ничем не обязана!

Он просто-напросто дал мне свободу...

Которая мне не была нужна.

Но он этого не понял.

Аля, не замечая того, раскачивалась на соломенном матрасе из стороны в сторону, улыбаясь с горькой иронией.

«Бог мой! – думала она. – Какие мы оба милые, какие мы оба деликатные, какие тонкие: мы убили собственную любовь, потому что, едва она успела завязаться, как мы кинулись давать друг другу свободу и независимость!

И каждый из нас принял от другого этот жест как знак равнодушия, как знак нелюбви.

Потому что любовь – это добровольная несвобода, это зависимость, это право собственности. Это право выразить себя и быть понятым и принятым в своих притязаниях... От этого возникают свои проблемы в отношениях, но это уже другой вопрос.

Во всяком случае, это – любовь.

То, чего у нас нет».

Глава 15

Катя отсутствовала неожиданно долго, и Кис уж начал было терять терпение, когда она наконец вернулась и вручила Алексею небольшую стопку писем. Пообещав все непременно вернуть в целости и сохранности, Кис шагнул на улицу из пропахшей стареющей бумагой библиотеки. Жара начинала спадать, день клонился к вечеру. Кис нашел маленькое, не очень чистое кафе, в котором в этот час не было ни души, заказал себе пиццу и пиво и в ожидании заказа позвонил Мурашову.

К телефону подошел Георгий и, покашливая, сказал, что если в этом нет большой необходимости, то он не хотел бы будить хозяина, который только что сомкнул глаза после бессонной ночи и всей этой нервотрепки в ожидании звонка от вымогателей. Никто, однако ж, не звонил – ни жена, ни похитители. Кис сообщил, что у него есть кое-какие соображения, но это не срочно, и будить Алекса не стоит. В ответ Георгий прощально раскашлялся.

– Где вас угораздило простудиться? – не удержался Алексей, уже собираясь положить трубку.

– Не знаю. По жаре, знаете, все время потеешь, и чуть ветерок – вот и простуда.

– И где же это вы ветерок подхватили?

– В субботу в город ездил, должно быть, в машине продуло...

– Дела?

– Да нет... Так, с друзьями пивка попил.

Кису до смерти хотелось разузнать что-нибудь о друзьях этого скользкого типа. Если бы ему удалось выудить что-нибудь более конкретное, чем собственная интуитивная неприязнь к Георгию, он бы не преминул выложить Алексу: нате вам, господин издатель, вот ваша беспечность, вот ваши игры в лояльность – вот кого вы в дом взяли! Но как узнать, кто водится у Георгия в друзьях?

– Это хорошо, – осторожно начал он, – что у вас друзья есть в Москве. Вы ведь не москвич, а столица, знаете, не очень приветлива к своим «гостям»...

– Хороший человек всегда найдет друзей, – произнес Георгий с грузинским акцентом и, резко сменив тон, сухо обрезал: – Если у вас ко мне больше нет вопросов, то я бы предпочел заняться делами.

Кис разочарованно отключился.

Покончив с пиццей, он взял картонный стаканчик с дурным жидким кофе и стал просматривать письма Алины. Надо отдать должное Кате, при всей ее ревнивой тенденциозности в описаниях, она довольно верно набросала портреты Алины и Марго. Но при всем при том кое-что упустила.

Стиль! Вот на что люди редко обращают внимание, а ведь выбранное из ряда возможных слово часто содержит в себе целую историю. Между словом «выпросить» и словом «требовать» пролегает пропасть... Должно быть, Кате было куда приятнее представлять Марго выпрашивающей подачку.

Но Марго не выпрашивала вещи. Она их, по выражению Алины, «стала требовать».

Кис задумался. Что это, собственно, меняет? Ну, требовала. Мелкий шантаж: дай мне вещи, а то всей компанией приду к твоему мужу на глаза? Допустим. Значит, Алина для нее последние два месяца вещи собирала. «Последнее время все больше сама», – сказал Георгий.

Интересно, в самом ли деле Георгий подслушивал телефонные разговоры Алины или ей только почудилось? Почудилось. Если бы подслушивал – уже бы давно настучал Алексу про сомнительных дружков! Потому как завистливый Гоша не упустил бы такой шанс свергнуть конкурентку, потеснившую его

в доме Мурашова и обливающую его ежедневно ледяным душем равнодушия...

...Пакет Алина приготовила к четвергу тоже для Марго? Или все-таки для себя?

Это лиловое платье, по которому так убивалась Мария Сергеевна... Алина сказала мужу, что оно ей надоело. Чтобы оправдать исчезновение этого платья из дома? Передачу этого платья в «благотворительную организацию», то есть – Марго?

Предположим. Тогда это должна была быть машина Марго. Она приезжала за пакетом... А Алина при этом куда ушла? Зачем? Не взяв с собой даже минимум одежды? Жить с Марго? Вернуться к прошлой жизни, от которой уже один раз сбежала, не оставив адреса?

А если пакет был сложен все же для нее самой? Могла ли она сбежать от мужа из-за этого шантажа? Боясь, что муж увидит, узнает ее старых друзей? Друзья, наверно, не слишком симпатичные, раз она их боялась показывать... Но сбежать из-за этого? Маловато для такого серьезного решения.

А что не «маловато»? Выходя замуж, Алина поделилась с Катей «теорией» о том, что любовь не самое главное в браке. Но в неоставленном письме она пишет именно о любви, вернее, о ее отсутствии. «Теория», стало быть, не выдержала проверку практикой.

Отсутствие любви – это «маловато», чтобы разрушить удачный в житейском смысле брак? Или, наоборот, веское основание?

Смотря кому. Сколько супружеских пар живет без любви, даже не задаваясь вопросом о ее наличии или отсутствии... Но для Алины, похоже, это действительно важно. Кружевная спальня, символ счастья... Должно быть, все долгое, спартанское и одинокое детство ей мечталось о счастье. И, как это часто бывает у обделенных людей, Алина в понимании своего счастья оказалась очень требовательна и не согласна разменивать его ни на комфорт, ни на покой... Ей нужна полнота счастья, на всю катушку. В полном противоречии с расхожим представлением, по которому, казалось бы, человека, обделенного с детства, весьма легко облагодетельствовать: тот, у которого нет ничего, будет рад и малости. Ан нет! Именно обделенные имеют сверхвысокие запросы и не останавливаются ни перед чем в их осуществлении. Не потому ли среди звезд шоу-бизнеса ярче всего блещут провинциалы, задышавшиеся в детстве в пыльной тиши маленьких городов? Не потому ли самые крупные состояния добыты бывшими бедняками, которым детство отказывало даже в пустячных удовольствиях? Не потому ли, не найдя с Алексом любви – обязательного и основного компонента ее счастья, – Алина решила отправиться на ее поиски?

С другой стороны, расстаться с мужем, с обеспеченным, комфортным бытом – очень уж непростое это решение. Все начать сначала, самостоятельно; найти работу, жилье. Она уже не девочка, питающаяся иллюзиями, – опыт есть и, кажется, не слишком сладкий. Должна понимать, что это такое: все начать сначала... И при этом решиться уйти в неизвестность, ночью, с одним пакетом личных вещей, не поговорив с мужем, не оставив ему даже письма?

Но, может, ей так легче, так проще было выполнить свое решение? Как сказала Катя, «то она такая тихая, всего боится, то вдруг решит, что знает, как надо поступать, и поступает, советов не слушает». И объяснений избегает.

Тогда на чем она уехала? И, опять, куда? Машина Алины стоит в гараже...

Кис развернул последнее письмо и рассеянно пробежал глазами текст. Ага, Марго Алину по-прежнему шантажирует... Нет, не по-прежнему: теперь она уже просит деньги, хотя пока только маленькие суммы «на жизнь»... «Деньги – ерунда, – писала Алина, – к тому же такие маленькие суммы Алекс вряд ли заметит... (Если заметит – то не представляю, как и что буду ему объяснять!!!) Дело в другом: этот призрак

прошлого меня пугает... И самое ужасное заключается в том, что я не могу понять, откуда она узнала... Прости, что задаю тебе снова вопрос, который уже задавала в прошлом письме: не говорила ли ты об этом Марго?»

«Об этом» – это о чем? – запустил пятерню в волосы Кис. И что там в прошлом письме Алина спрашивала? Кис принялся перечитывать предыдущее письмо, но безрезультатно: в нем Алина не задавала подруге никаких вопросов. Означает ли это, что существует еще одно письмо, которое Катя не отдала Алексею?

«...Прости, что задаю тебе снова вопрос...»

Конечно, существует. Катя слишком долго возилась дома: стало быть, отбирала письма. И письмо это содержит тот самый вопрос Алины к Кате, который для Киса мог бы послужить ответом на его собственный вопрос: чем шантажирует Марго Алину? Если кое-какие шмотки еще укладывались в схему: «Не дашь – явлюсь твоему мужу на глаза», то уж деньги... Деньги пока еще относительно маленькие, но аппетиты Марго явно прогрессируют... И Алина, вместо того чтобы послать бывшую подругу по хорошо известному адресу, боится, что Алекс прознает. И тогда ей придется это как-то объяснять. А объяснять не хочется. «Призрак прошлого», стало быть, выглядит пугающе... И Алина платит Марго за молчание.

Что ж, с Катей ему расставаться рано.

Он поймал ее уже на выходе из библиотеки. Не церемонясь, Кис спросил:

– Вы мне дали не все письма. Где оставшиеся?

Катя попыталась сделать честное лицо, но Кис быстро пресек ее неумелые актерские попытки. Он сжал ее локоть и произнес прямо в ухо:

– Мне нужны все письма Алины, все. Понятно?

Катя густо покраснела, отчего ее прыщи проступили еще ярче.

– У меня его нет... – пролепетала она. – Я его выбросила...

– Неправда!

– Честное слово!

Кис отступил на шаг и посмотрел, склонив голову набок, на девушку. Похоже, что так оно и было. Более того, Алина наверняка тоже уничтожила письма от Кати, в которых обсуждался тот самый «вопрос» и «призрак прошлого», иначе бы Кис нашел его. Может, боялась излишнего любопытства секретаря...

– Зачем?

Катя опустила голову.

– В письме было написано нечто такое, что вы побоялись его хранить?

Катя бросила на Алексея взгляд, полный ужаса.

– Вы понимаете, что этот секрет и стал основой шантажа? И что Алина, может быть, теперь в опасности? – нажал Кис.

Лицо ее изображало неподдельное отчаяние.

– Та-ак, – протянул Кис, – тут явно требуется время и место для разговора!

И он потащил Катю в кафе, из которого вышел четверть часа назад.

Прижав руки к груди, глядя на него умоляющими глазами, в которых блеснули слезы, Катя заклинала его никому, никому и никогда, никогда не рассказывать о том, что она собирается ему поведать...

Глава 16

...Он сидел на кровати возле нее и смотрел на нее. Она ощущала его взгляд сквозь закрытые веки. «Алекс, – растроганно подумала Аля, – ты пришел...»

Постепенно просыпаясь, она почувствовала нестерпимую головную боль и хотела пожаловаться на нее мужу, встретить участие в его карих глазах и услышать его ровный и ласковый голос: «Это не страшно, дорогая, я тебе принесу таблетку, хочешь?»

– У меня голова болит, – сказала она жалобно и вдруг вспомнила: она решила уйти от Алекса!

Она решила уйти. От Алекса.

Она решила уйти? От Алекса?

Нет, надо это получше обдумать; нельзя принимать такие решения под настроение, это несерьезно. Пока ничего не надо ему говорить, ничего. Она не готова к этому.

Аля открыла глаза.

На кровати сидел Филипп.

– Ты разговаривала во сне, – сказал он, склонившись над ней.

– Да? – с трудом разомкнула губы Аля. – И что я сказала?

– Не знаю, я не разобрал.

Аля усилием воли стряхивала с себя тяжелый сон и постепенно припоминала чердачную комнату, окно, Марго... Все, что из ее сна оказалось правдой, – это головная боль, бившаяся в левом виске.

– Я, наверное, сказала, что у меня голова болит.

– Может быть. Вставай. Уже без двадцати три.

– У меня голова болит, – настаивала Аля.

– У меня тоже, – сухо сообщил Филипп.

Аля мельком взглянула на его лицо, показавшееся так близко от нее, и сочла за лучшее встать.

– Пусти, – сказала она, – я встану.

Но он не двинулся с места, он сидел на ее постели, не сводя с нее глаз и не давая ей встать. Он медленно запустил руку ей под спину, в обхват, вокруг талии, где трикотажная майка задралась, открыв горячую от сна упругую кожу... Он потянул ее тело на себя – гибко выгнулась поясница, живот обнажился навстречу его губам – нежный, незагорелый еще живот, – и лицо Филиппа стало наклоняться...

Алекс! Ей Алекс приснился! Вот странно, ей приснилось, будто она его любит... Чуть. Это близость Филиппа ее волнует. Волнует, да, – всегда волновала... И во сне это связалось с Алексом. Но только во сне, на самом деле между ними все совсем не так, между ними нет этого, нет того, что было с Филиппом, того головокружения и...

– Ай! Ты что, с ума сошел, Филипп? – Она села рывком на кровати.

Филипп оторвал свои губы от нее и поднял глаза. На ее коже стыла влажная полоска от его языка.

Он посмотрел на нее вопросительно, не понимая. Потом в его глазах мелькнула ярость. Потом он ее спрятал. Потом он выпростал свои руки из-под ее одежды. И сказал как ни в чем не бывало:

– Пошли звонить.

И Аля поняла, что ступила на минное поле.

...Алина заморозила Филиппа с первой встречи. Светлая головка с пепельным оттенком в легких волосах, задумчивые, загадочные синие глаза, тихая и нежная, сдержанная и немногословная – она идеально подходила под девушку из эстонской легенды. Ей бы синюю ленточку вокруг лба да платье хуторянки – и она стала бы ожившей иллюстрацией из той детской книжки.

Он влюбился в Алину как никогда сильно. И ни за что на свете он не хотел бы, не мог бы сделать ей больно. Он был готов носить ее на руках, он был готов посвятить ей свою бессмысленную жизнь...

До первой ревности.

Это потом, час спустя, с невыразимым раскаянием глядя на ее разбитые губы, он не мог понять, что на него нашло.

Это потом, час спустя, он с удивлением осознал, что ревность была совершенно беспричинной.

Это потом он плакал и просил прощения...

А тогда свет в его глазах померк, наступили беспросветные багровые сумерки, как если бы солнце внезапно рухнуло за горизонт, обдав землю прощальным кровавым лучом...

Как ни раскаивался Филипп, как ни клялся больше никогда – слышишь, Аля, я тебе обещаю: никогда! – не поднимать на нее руки, но единожды прорвавшаяся жестокость словно отворила створки подсознания, и волк-оборотень вышел на охотничью тропу.

Сколь нежен и предупредителен был он с ней в любви, столь жесток становился при малейшем всплеске ревности. А ревность всплескивалась с отчаянной и регулярной беспричинностью. Может, это то странное, звериное желание перегрызть горло любимой женщине искало таким образом свой выход? Может, невозможность это сделать – он любил ее, боже, как он любил ее! – компенсировала себя таким образом? И тогда он находил предлог, чтобы выплеснуть скопившуюся жестокость, ту глухую, яростную ненависть, которую он никогда не знал, куда приложить.

Может, может... Филипп не умел заниматься самоанализом, во всяком случае, таким, который высвободил бы подсознание и помог бы с ним разобраться. Ему было давно ясно, что в душе его соседствуют два противоположных начала, и все, что он мог сделать, – это обуздать в себе волка-оборотня. Задавить его, загнать, забыть.

И он пытался. Честно пытался. И безрезультатно. Волк стал выходить на тропу все чаще и чаще...

Все кончилось однажды и разом. Алина, до сих пор прощавшая его и каждый раз верившая новой клятве: «Больше никогда, Алина, слышишь, клянусь, никогда!» – Алина сбежала от него.

Он дернулся, разъяренный, – найти!!!

Марго пустилась в крик. Антон и Гена были на ее стороне...

Филипп никогда не отличался инициативой. Он привык подчиняться своей властной матери, властной бабушке – он всегда делал то, что скажут. Он не умел, не научился жить самостоятельно, занятый дрессировкой поселившегося в душе волка. У него не было никаких целей в жизни, он не думал ни о карьере, ни о деньгах – хотя бы в той минимальной степени, которая обеспечивает минимальные потребности. Его ничего не интересовало, кроме волков-оборотней, саксофона и потом – Алины. Поэтому он легко принял создавшееся положение, при котором распоряжалась Марго. С женщиной он не мог

соперничать – самцы бьются с самцами, а самкам уступают. Марго, под силовым обеспечением Антона, взяла на себя функции лидера их маленького отряда – ну и пусть. Зато с утра, открывая глаза, он знал, что нужно ехать туда-то и туда-то, делать то-то и то-то: Марго ему и всем указывала. Это избавляло от мучительной необходимости обозначать самому список собственных дел и искать для этих дел цель...

И потому, когда Марго стала исходить криком: «Не смей Альку искать! Или я, или она!» – он смирился. Просто он подумал: если я ее найду – перегрызу горло.

Лучше не надо.

Потому что потом я покончу с собой.

И еще он подумал: эти – Маргошка с ее командирскими ухватками, дебиловатый Антон, женственный Гена, – это все, что у меня есть из людского племени. Если я их потеряю, то мне останется только уйти в лес, к волкам...

Аля привела себя наскоро в порядок, плеснула в лицо холодной водой, протерла очки.

Филипп терпеливо ждал.

– Ты поняла, что говорить? – наконец спросил он, протягивая ей телефон.

– Я не представляю, как я все это могу ему сказать!

– Сделай голос такой... Подходящий для ситуации. Растерянный. Поплачь в трубку. Он должен тебе поверить. Скажешь, чтобы шел в банк немедленно...

– А если я не сумею?

– Тогда я сам позабочусь, чтобы ты плакала натурально, – его глаза приобрели блеск. – Тогда ничего и играть не придется. Ясно?

– Ясно...

– Звони.

Аля молча смотрела на трубку, которую Филипп вложил в ее руку.

– Чего ждешь? Звони!

Она перевела глаза на Филиппа.

– Звони, я сказал!

– Не буду.

– Что-о-о?

– Не буду, – повторила Аля.

– То есть как это – не буду? Ты что?!

– Не буду. – Она швырнула телефон в стену.

Рука Филиппа взлетела, тогда как все его тело одновременно рванулось поднимать телефон, от которого отскочил кусочек пластмассы. Аля проследила за его рукой и, поднырнув под нее, бросилась к лестнице, выдернула торчащий в замке люка ключ, влетела на чердак и закрылась изнутри дрожащей рукой.

Филипп, покачнувшись от промаха, не успел сообразить, что случилось. А когда сообразил – было поздно. Аля была надежно защищена дверью, запертой на ключ.

– Открой, дрянь! – кричал он отчаянно и колотил в дверцу. – Открой!

Аля молча сидела на матрасе по-турецки, созерцая дверцу, содрогающуюся под его ударами. Ее занимали два вопроса: разбился ли телефон окончательно и может ли Филипп вышибить дверцу?

Телефонный звонок заставил подскочить обоих по разные стороны от двери.

– Звонила? – раздался голос Марго в трубке.

– Нет, – переводя дух, ответил Филипп.

– То есть как это – нет?!

– Отказалась.

– Как она могла отказаться? Ты что с ней делал, Фил? Ты что с ней делал?! Почему она отказалась?

– Ничего я с ней не делал! Пальцем не тронул! А она отказалась.

– Тут что-то не то. Ты мне что-то недоговариваешь, Фил! Она не могла послушаться, у нее на это характера нет!

– Значит, ты ошиблась, Марго. Ты ее больше четырех лет не видела, и у нее за это время характер прорезался. Она телефон чуть не расхерачила о стенку.

– А-а-а, черт! Надо было мне самой! Меня бы она не посмела послушаться! Ну-ка дай мне ее к телефону!

– Не могу. Она закрылась в комнате, изнутри.

– Как закрылась?

– На ключ. Могу дверцу выломать, если хочешь.

– Не вздумай! Мы в чужом доме, родители Гены не должны знать о нашем присутствии... Я сейчас приеду. Жди.

Аля слышала, как приехала Марго. Они о чем-то пошептались с Филиппом. «Готовятся к разговору со мной, – подумала Аля. – Пусть. Я тоже готова».

Она им скажет правду. Все, как есть. Только чуть-чуть передвинет во времени и то, что она собиралась сделать, выдаст за сделанное. И это «чуть-чуть» изменит все. Они сами поймут, что все их планы неосуществимы. И, делать нечего, отпустят ее домой.

– Аля! – раздался вкрадчивый голос Марго. – А, Аля? Открой мне!

Аля спокойно открыла дверцу. Марго бросила победоносный взгляд на Филиппа.

– Спустись, иди сюда... Присядь... Ну, объясни мне, дорогая, почему ты не хочешь звонить? – проникновенно заговорила Марго, усаживаясь рядом с Алей. – Ведь ты мне всегда помогала, ты всегда была хорошей подружкой... Я, конечно, понимаю: пятьсот тысяч – это не то же самое, что дарить шмотки... вещи, я хотела сказать. Но твой муж не обеднеет, у него их еще много останется, этих тысяч, не так ли? – Марго внимательно глядялась в лицо Али. Но Аля никак не отреагировала на ее вопрос. – Ты хорошо выглядишь, Аля... Очень хорошо. Совсем не изменилась, даже еще красивее стала – правда, Филипп? Вот что значит для женщины быть богатой! Бедность – это заботы, а заботы старят, Аля, старят. Уносят красоту и молодость. А на кремы всякие да косметические кабинеты тоже деньги нужны... Мы ведь просим у тебя совсем немного – по сотне тысяч на каждого. Так, только дух перевести. На ноги встать...

– А кто пятый? – удивилась Алина.

– Какой еще пятый? – вскинула брови Марго.

– Ну, ты сказала: «По сотне на каждого»...

Марго бросила быстрый взгляд на Филиппа.

– Я просто округлила... Ну, пусть сто двадцать пять – что это за деньги? Так только, квартиру купить... Еще немножко останется, чтобы жизнь новую начать... А, Аля?

Аля молчала.

– А? Хорошо жизнь новую начинать, правда? Ты ведь это знаешь, по себе знаешь, правда ведь? Я тоже хочу, подружка. И ты должна мне помочь. Ведь это – просто удача, слепая удача, что ты вышла замуж за богатого. А удача несправедлива! Почему у тебя есть все, а у меня – ничего? Ты этих мужниных денег не заработала, Аля, не твоим трудом они нажиты... Так что ж ты их так бережешь? Мужа своего бережешь, деньги его бережешь, а друзья, значит, побоку? Нехорошо это, подружка. Я для тебя столько сделала! Неужели ты забыла? Все добро, которое ты видела, от меня. Как я о тебе заботилась? Кто, скажи мне, тебя из глуши вытащил в столицу? Кто тебе работу нашел? Кто тебя у себя дома поселил? А, Аля?

На лице у Али отразилось сомнение и почти раскаяние, она снова себя чувствовала беспомощной и бестолковой, маленькой девочкой, ведомой по жизни заботливой старшей сестрой, доброй подружкой Марго.

– Если хочешь знать, – с упреком вразумляла ее Марго, – даже своим замужеством ты обязана мне. Сидела бы ты до сих пор в своей деревне, если бы не я! И никакого бы издателя – не то что дорогих книжек, даже туалетной бумаги, – сдержанно улыбнулась Марго, легонько стрелнув глазами в сторону фыркнувшего от смеха Филиппа, – не встретила бы. Вот так-то! Ты разбогатела благодаря мне. Все, что у тебя теперь есть, – это благодаря мне. И неужели, Аля, ты хочешь остаться неблагодарной, неужели ты не хочешь мне отплатить добром за добро, неужели ты не хочешь поделиться хотя бы малой частью своих преимуществ с подружкой, которой ты обязана...

Через силу, преодолевая власть обволакивающей речи Марго, гипнотическую власть этой песни Сирены, которая заставляла ее испытывать необъяснимый стыд и раскаяние, Аля произнесла заготовленные слова:

– Это невозможно, Марго. Я ушла от своего мужа.

Глава 17

– ...Как я вам уже говорила, – начала Катя, нервно переводя дыхание, – Виталий Петрович был человеком аскетичным, любил походы, жизнь в палатке, у костра... И Алю приучал к такой жизни... Только Аля все это не любила...

Кис усиленно закивал головой, боясь, что Катя снова пустится в долгие объяснения.

– Ну да, я вам это уже рассказывала... И вот, в то лето, когда мы закончили школу...

Кис ловил каждое слово, слетавшее с ее губ, угадывая между мучительными паузами и прерывистыми вздохами все то, что не договорила – по неведению или по умолчанию, – все то, что не посмела выговорить Катя...

...В то лето, когда Аля закончила школу, Виталий Петрович привычно наметил расписание походов в лес. Он прекрасно знал, что Аля не любила этот летний аскетическо-туристический образ жизни, но не придавал ни малейшего значения ее эмоциям. «Хочу – не хочу», «люблю – не люблю» – это все капризы. А капризам он потакать не намерен.

Алина так и осталась для него чужим ребенком, хоть и племянницей. Впрочем, своих детей он никогда не стремился иметь, представляя себе некое существо, которое начнет требовать от него внимания и любви, исключительно как обузу.

Он и женщин сторонился, время от времени удовлетворяя свои сексуальные потребности со случайными партнершами, как правило, одинокими и опустившимися. Подавляя брезгливость, он все же предпочитал именно этот сорт женщин по одной простой причине: они не ждали и не требовали от него ни эмоций, ни продолжения отношений. Виталий Петрович не собирался заводить отношения с кем бы то ни было, в нем не было ни малейшей потребности в привязанностях, в эмоциях, в чувствах. Если они у него и возникали, то только от общения с природой, от преодоления трудностей, которые он искал и любил в походах. Природа давала ему все, но при этом ничего не требуя взамен; она безвозмездно насыщала его энергией, а преодоление трудностей концентрировало его жизненные силы, укрепляло, возвращало собственные потраченные усилия новой энергией – опять же ему, Виталию Петровичу. И в этом энергообмене ему не нужен был третий, ему не нужен был ни объект приложения его забот, ни источник сил – все уже было воплощено в его отношениях с природой... Если можно назвать отношениями одностороннее потребление.

И осиротевшая Алина, дочка брата, была большой и неприятной неожиданностью в его жизни. Но, не смея отказаться от родственного долга, он изначально строго ограничил присутствие Алины в своей жизни, в своей среде обитания. Она не имела права ему помешать, она не смела изменить привычный образ и ритм жизни – она должна была ему подчиниться и при этом стать не видной и не слышной. Слово «нет», как и слово «не хочу», не существовали в языке, которым пользовался Виталий Петрович.

Алина его боялась. Он никогда не повышал на нее голоса, не поднял на нее руки, но она испытывала страх перед ним. Всегда щедро любимая родителями и бабушкой с дедушкой, она столкнулась с чем-то ей непонятным. Неразговорчивый и неласковый, дядя Виталий обращал на Алину взгляд только тогда, когда отдавал распоряжение или делал замечание. Она и не искала ни его взгляда, ни его ласки – она приняла его таким, как он есть. Травмированная смертью родителей, семилетняя Аля, и при их жизни толком не имевшая семьи, стала безразлична к миру, который обошелся с ней столь сурово, и уже больше ничего не ждала от него. И от дяди тоже. Помыть посуду? Пожалуйста. Погладить? Сию секунду. Аля научилась мыть

посуду, стирать и готовить простейшие блюда, начиная с восьми лет. Она никогда не перечила, беспрекословно и старательно выполняя все его распоряжения, кося испуганным глазом в его сторону, когда яичница пережаривалась или тарелка выскользнула из рук и с грохотом билась. И под его суровым, осуждающим взглядом тарелки бились еще стремительнее, а яичница мгновенно превращалась в угли...

«Ты на редкость неловкий ребенок, – говорил дядя Виталий. – Так у нас скоро совсем посуды не останется. Мне придется вместо конфет (он давал Алине пару конфет по воскресеньям) идти покупать посуду...» И она чувствовала себя безмерно виноватой и справедливо наказанной лишением конфет.

Как это свойственно детям, Алина приняла дядино требовательное равнодушие как норму и относилась к нему примерно так же, как к воспитателям в интернате: слушаться их нужно, а любить – вовсе не обязательно.

Она проводила время за чтением – нет, за поглощением книжек, погружаясь жадной мечтой в вымыслы Дюма и Вальтера Скотта, и мыслями делилась с маленькой плюшевой собачкой, повязанной розовой ленточкой, – ее единственной игрушкой и подружкой, не считая Кати. Дядя ей кукол не покупал, считая это блажью, как и нарядную одежду, впрочем. Алина в десять лет кое-как научилась держать иголку в руках и обшила свое старое, серое, вытертое шерстяное одеяло розовой оборкой: так она, безмолвно принимая навязанный ей образ жизни, пыталась свить свое одинокое, бедное гнездышко уюта на неприветливом склоне дядиной жизни...

...Кис вспомнил кружевную спальню. Вот оно откуда: и сверхопрятность – дядина дисциплина; и неуместная, старинная, старательная романтичность – она уже тогда вычитала ее в романах, она уже тогда видела ее в своих девчоночьих мечтах... которыми делилась с плюшевой собачкой. Это ее потертый носик до сих пор торчит из-под подушки. И еще, может быть, с Катей. Простоватая и нетонкая, хотя отзывчивая и любвеобильная, готовая всегда помогать и покровительствовать, Катя, с ее врожденно-щедрым материнским инстинктом, обрушившимся на Алину в виде несколько навязчивой опеки, осталась ее единственной привязанностью в жизни...

...В то лето Виталий Петрович, собираясь в первый в этом сезоне в поход, привычно и педантично проверил Алин рюкзак, поднял Алю затемно, и с первой электричкой они выбрались за город, в лес.

Погода стояла великолепная, и они, прошагав целый день, набрав лесных ягод и трав, стали устраиваться на ночлег. Аля возилась вокруг палатки, распрямляя и натягивая ее края, а Виталий Петрович, наблюдая за ее привычными и ловкими действиями, думал о том, что девочка из джинсов выросла и придется покупать ей другие. Да и маечка стала тесновата в груди...

Вот тут-то и екнуло где-то меж ребер. Уставившись в голубую маечку, словно впервые в жизни, он с изумлением разглядывал две нежно очерченные округлости, аккуратно обозначенные соски, симметрично приподнимавшие майку... Виталий Петрович стряхнул с себя наваждение и угрюмо улегся на ночлег. Они спали в разных палатках – Аля всегда тащила на себе свой рюкзак, вздымавшийся над ее плечами, как гора, в котором было все для ее личного, индивидуального пользования, начиная от ее палатки и кончая запасными носками. Бывший пионервожатый не делал поблажки ни девочкам, ни детям вообще: все обязаны были уметь жить в экстремальных условиях, по-спартански, на хлебе и воде, на подножном корму, орудовать топором и пилой, разбираться в лесных травах, грибах и ягодах – в общем, если вдруг война случится, то Алина выживет одна посреди глухого леса.

Казалось, ничего особенного не произошло, и он тогда легко заснул и больше не думал о девичьих формах, введших его в столбняк на пару-тройку секунд... Но с тех пор взгляд его сделался другим. Он замечал теперь и голенастые стройные ноги, в которых цыплячья подростковость уже нахально заявляла о своей женственности, и схваченные тугими джинсами крепкие ягодицы, и нежную шею, и маленькое

ушко... Он даже потащился в магазин и купил Але платье!

Он был недоволен собой, даже зол; но ничего не мог с собой поделать.

Жар разгорался медленно, но упорно и неотвратимо. Месяц спустя в очередном походе у Виталия Петровича не оказалось палатки.

– Как такое могло быть? – театрально сокрушался он. – Согласись, Алечка, это на меня не похоже! Как я мог забыть ее!

Он впервые назвал ее Алечкой, как когда-то давно, в другой жизни, звали ее родители, но она не обратила внимания. Эмоции так давно и привычно не текли в русло родственных чувств к дяде, что ее несколько не заинтересовала неожиданная и неуклюжая смена тона.

– Ты ведь не позволишь мне спать под открытым небом, пустишь меня в свою палатку? – хитрил-юлил он, боясь, что сейчас она все поймет и откажет.

Алина равнодушно согласилась. Ночью он осторожно потянул «молнию» на ее спальном мешке и положил свою обжигающую руку на ее нежную грудь. Алина что-то пробормотала во сне и перевернулась вместе с мешком. Он замер. Проснулась? Поняла, что к чему? Или это во сне? Или она только делает вид, что спит, а сама с ним заигрывает?

Ему почему-то не пришел в голову вопрос, с какой стати Аля, никогда не проявлявшая к дяде ни малейших чувств и даже просто интереса, стала бы с ним заигрывать?..

Он снова потянулся к Але. Обвив ее рукой, он запустил ладонь в тепло ее тела. Аля вдруг напряглась. Проснулась? Испугалась? Или ждет от него дальнейших действий?

И снова не мелькнуло ни тени сомнения, что Алина, еще ребенок и при всех условиях – племянница, диковатая и мечтательная, не может ждать от него каких бы то ни было действий! Потому что – дядя; потому что – старый; потому что такие, как Алина, не занимаются сексом, такие натуры любят – и тогда себя отдают. О любви же к Виталию Петровичу – даже родственной – не могло быть и речи...

Аля, окончательно пробудившись, не могла поверить собственным ощущениям: ее обвивала рука дяди, лезла куда-то в клетчатую ковбойку, в лифчик, ухо щекотало от шумного дыхания с астматическим присвистом...

Алина замерла. Как нужно себя вести в таких случаях? Она не знала. Это был ее дядя, человек, который научил ее всему... Он научил ее разбираться в грибах и ягодах, он научил ее за одну минуту заправлять свою постель и держать дом в чистоте и порядке, он научил ее жить самостоятельно и ничего не просить...

Но он не научил ее, как себя вести, когда покушаются на твое тело и при этом полностью игнорируют наличие души!

Кричать?

Сопrotивляться?

Молчать?

Протестовать?

Она не знала.

Но то, что делал дядя, не нравилось Але. И очень сильно испугало ее. Она рывком села.

– Что случилось, дядя Виталий? – голосок ее дрожал.

– Спи-спи, я просто тебя поглажу.

– Не нужно меня гладить! Я не люблю. И ты меня разбудил к тому же!

– Ну-ну, больше не буду. Спи.

Он и в самом деле убрал с нее руки и откинулся на спину рядом, пытаясь понять, чего хочет Аля. И опять в его голову не пришло, что Аля просто хочет спать. Аля хочет, чтобы ее оставили в покое. Аля хочет, чтобы дядя больше никогда не прикасался к ней так.

Его размышления сводились к следующему: поняла она, к чему он ведет свою игру, или нет? И если поняла, то, значит, прикидывается такой невинной девочкой... которая не знает, что бывает между мужчинами и женщинами... Может, и вправду не знает? Ей уже шестнадцать, не может быть, кто-нибудь да просветил! А вдруг у нее уже кто-то был? А вдруг она уже не девушка?

Сначала такое предположение его порадовало: с девственницей возни много!.. Но тут же больно прихватило в груди от ревности.

Он тронул Алю за плечо:

– Ты спала с кем-нибудь?

Аля ответила не сразу. Он уж было подумал, что она заснула и не слышит его вопроса, но она вдруг произнесла: «Нет».

Всю долгую паузу перед ответом Аля пыталась проанализировать, что творится с ее дядей...

И поняла. И сказала себе, что это их последний совместный поход. И уж тем более с единственной палаткой...

Как ни странно, ему все же удалось заснуть, а утром он обнаружил, что Али в палатке нет. Он застал ее за приготовлением простенького завтрака из консервов, и его плотоядный взгляд выхватил круглые колени, тонкую талию, стыдливо отведенные от него глаза...

Она все поняла, мелькнула догадка.

Но почему-то ему не пришло в голову, что поняла – не значит, что согласилась!..

И понимание, которое он прочел в ее стыдливом взгляде, словно отворило шлюз, в который ринулась потоком его страсть.

Виталий Петрович распластал Алю на траве.

Она не вырывалась – понимала, что не справится с превосходящим ее по физической силе дядей...

Он же усмотрел в этом согласие. Впрочем, попытаться Аля оказать сопротивление, он усмотрел бы в этом кокетство...

Алина оказалась девственницей, и, возможно, он причинял ей боль, но она не обронила ни звука. Закончив, Виталий Петрович встал и посмотрел с легким выражением извинения на нее. Она отвела глаза. Она ничего не сказала, не упрекнула, не высказала обиды...

И он решил, что Алина принадлежит ему.

Он выждал пару дней, полагая, что девственница должна за этот срок оправиться от нанесенного ей ущерба. На третий день, уже дома, ближе к ночи, просто дернул ее за руку и посадил к себе на колени. Ему хотелось посмотреть, как она поведет себя, – вдруг понадобилось выражение ее эмоций, вдруг сделалось небезразлично, как к нему относится другой человек...

Аля, посидев секунду, молча встала и ушла в свою комнату, не обернувшись. Она была уверена, что

этим сказала дяде все...

Виталий Петрович остался в некотором недоумении, но быстро заверил себя, что Алина его дразнит.

И он пошел за ней.

На этот раз Алина попыталась оказать сопротивление, но это только распалило его. Он снова овладел ею, на этот раз уже по-настоящему, со всей страстью, не сдерживаемый мыслью о девственности и прочих неприятностях. В какой-то момент ему показалось, что еще немного, и он просто проткнет ее насквозь... Но она снова молчала, вскрикнув лишь один раз, когда он посадил ее на себя и его изголодавшийся по женской плоти член уперся, как таран, в нежную девичью матку.

Несколько дней потом Аля болела. Он пытался быть с ней ласковым, даже немного заискивал – она снова молчала и отводила глаза. Что-то нашептывало ему, что она вовсе не кокетничает, что она его не хочет. Хуже: что она его ненавидит... Но он не хотел вслушиваться в этот мерзкий голос, шептавший столь невыносимые вещи.

Он насиловал ее теперь регулярно. Впрочем, он сам так не считал. Он избегал давать их отношениям название, и, уж конечно, он не называл их словом «любовь», хотя бы потому, что не знал, что это означает... Просто – «отношения». Тот факт, что Аля ни словом, ни взглядом, ни жестом не давала ему повода заподозрить, что с ее стороны может существовать некое отношение к нему, ему как-то не мешал. За ее молчаливой покорностью зрела и наливалась ненависть, но дядя, дорвавшийся до юного женского тела, ничего не замечал и не хотел замечать.

Никогда, никогда в жизни он так не жаждал обладания женщиной! С Алей он просто потерял последний разум... К тому же Аля ничего не требовала. Ее не надо было любить, ей не нужно было его внимание, его нежность.

И оттого-то он любил ее.

Виталий Петрович стал входить во вкус. Он вдруг открыл, что многое упустил в своей жизни, и резво принялся наверстывать. Крепкий и плотный, он крутил ее хрупкое, еще не до конца сформировавшееся тело, как циркач, он замирал, выжидал и нападал, вонзаясь в нее неожиданно и сильно, словно хищник в трепетную плоть. Будучи человеком беспредельно эгоистичным, он при этом совершенно забывал об Алином удовольствии, полагая, что если ему хорошо, то и ей тоже. Он не знал ласк, нежных касаний, способных снять напряжение, возбудить, расположить – пусть не душу, но хотя бы тело – к любовным баталиям. Нет, он приступал сразу же, кидая ее на кровать и крутя во все стороны, – так он демонстрировал свое мастерство, так он наверстывал упущенные им годы.

И Алина молчала, уступая с холодной покорностью дядиному натиску. Привыкшая к дисциплине, приученная не проявлять свои эмоции, Алина не знала, как должна выражать себя душа. Она не представляла, как выглядит протест, она не умела выкричать свое несогласие с насилием.

Ей казалось, что она его уже ясно выразила – всем своим видом, своим холодным отчуждением, своим молчанием, своим «нет»! Но дядя ничего не хотел понимать, не желал вникать в ее чувства. Они были несущественны, неважны, не интересны и полностью им игнорируемы, как долгие годы игнорировались не существующие в его языке слова «хочу» и «не хочу», «люблю» и «не люблю»...

Виталию Петровичу было невдомек, что на этом языке говорит душа. И даже само ее наличие ему было невдомек. Его занимало только нежное девичье тело. Примерно так же, как природа: источник одностороннего насыщения его потребностей.

Но душа наличествует.

И протестует.

В один прекрасный день Виталий Петрович смертельно отравился маринованными грибами.

Экспертиза показала, что в банке грибов содержалась крайне ядовитая волоконица Патуйяра. Как она могла попасть в банку, как она могла затесаться среди хороших грибов, когда всем было известно, что Виталий Петрович опытный грибник, – уму непостижимо! Все качали головами и сочувствовали Алине: бедняжка, видно, суждено ей оставаться сиротой – то родители погибли, а теперь, вишь, и дядя...

Алина молчала, только сделалась бледной, синие глаза зияли на прозрачном лице в половину пространства. Все отнесли ее бледность за счет печали.

Но однажды Аля не выдержала. Катя просидела с ней всю ночь, пытаясь утихомирить внезапную истерику. «Водки выпей, это лучше валерьянки, полегчает», – советовала она.

Аля выпила. Катя была единственным человеком, которому она доверяла и которого она любила, чувствуя в ней искреннюю и бескорыстную (ну, разве чуть-чуть корыстную: Кате льстила дружба красивой девочки, которая сильно поднимала ее престиж среди знакомых) преданность.

И под утро было обронено признание, что она замариновала волоконицу Патуйяра вместе с другими грибами, надеясь, что рано или поздно дойдет до этой банки очередь, и тогда дядя ее съест...

Очередь до отравленной банки дошла в декабре.

Милиция если и подозревала Алину, то доказательств у них не было; к тому же девочка осталась сиротой; к тому же прехорошенькая; к тому же несовершеннолетняя...

Дело было быстро списано в архив.

Некоторое время Кис потрясенно молчал, уставившись невидящим взглядом в голубой пластик стола.

Катя нервно кусала губы.

– Как об этом узнала Марго? – заговорил наконец Алексей. – Неужто Алина была так неосторожна и доверила ей свою тайну?

Катя не ответила, по-прежнему кусая губы и отводя глаза.

Что ж, понятно, как узнала об этом Марго...

– Зачем вы ей рассказали? – сурово спросил Кис. – Вы ведь, Катя, сами утверждали, что Марго – средоточие всех мыслимых пороков! Как же вы так оплошали?

Катя залилась слезами.

– Я пошла к ней... – рыдала она, – я хотела ее попросить, чтоб она оставила Алю в покое... Чтобы не подбивала уехать... И Марго... Марго стала... Издеваться надо мной...

Кис вынул из кармана пакетик с бумажными носовыми платками и протянул один Кате. Та шумно высморкалась, но плакать продолжала.

– Она смеялась над нашей дружбой... Говорила... Говорила, какая, мол, такая дружба?.. Ты на себя посмотри и на Алю – кто ты ей? Аля, мол, так просто, от нечего делать с тобой связалась, просто, чтобы время провести, а то в этой дыре ни мужика приличного не найти, ни даже подружки-и-и...

Очередной носовой платок проследовал по тому же назначению.

– И вы похвастались, что пользуетесь безграничным доверием Алины? И в доказательство рассказали

Марго ее тайну?

Глядя на потоки слез, которые с новой силой хлынули из Катиных глаз, Кис выложил пачку платков на стол и покинул кафе, оставив Катю в одиночестве доплакивать свое предательство.

Глава 18

– Ты опять врешь! – кричала разъяренная Марго. – Ты пытаешься нас всех надуть! У тебя все время отговорки! Ты вечером была дома! Никуда ты не ушла, врешь, гнусная обманщица!

– Нет, Марго, это правда, – твердо произнесла Аля. Она чувствовала прилив решимости – так с ней бывало всегда, когда она чувствовала себя окончательно припертой к стенке.

– Почему ты мне сразу это не сказала?!

– А зачем было говорить? Это мои личные дела, а твой план и так никуда не годился...

Филипп посмотрел на Марго и хмыкнул. Марго бросила на него уничтожающий взгляд.

– Ты врешь, все врешь, мерзавка! Ты где была вчера вечером? Дома!

– Я как раз вчера это решила. И написала ему письмо. И это письмо осталось у меня в спальне на столике. Алекс его наверняка уже нашел.

Марго остолбенело смотрела на нее, пытаясь понять, правда ли это.

– И что ты там написала, кретинка?!

Аля усмехнулась на «кретинку», чувствуя, как она обретает власть над ситуацией, что Марго растерянна, положена на лопатки.

– Я написала, что не люблю его, что он не любит меня, и самое лучшее – это расстаться. Я ему написала, чтобы он меня не искал. Так что он меня даже не ищет. Он считает, что я от него ушла.

– Боже мой, дура, вот дура! – застонала Марго. – Вы где-нибудь видели такую дуру, как эта!

– Ну, как хочешь, Марго, – сухо ответила Аля. – Можешь обзывать меня сколько угодно, но ты сама видишь, что я не могу просить у него денег. Он их просто не даст. Не даст женщине, которая его бросила.

– И куда ты собиралась от него уходить? Куда?!

– Куда-нибудь. Я еще не решила. Но у меня есть профессия – я курсы секретарей закончила, два языка. Нашла бы что-нибудь...

– Нет, я не могу это слышать! Не могу! – взвыла Марго. – Ты недоразвитая, Аля! Ты всегда была такой. У тебя мозги двухлетнего ребенка!

– Ладно, пусть, – обиделась Аля. – Но вы сами видите, что ваш план неосуществим. Так что отвезите меня домой или просто в Москву, я сама до дома доберусь... Я вам теперь не нужна.

– Врет она, Марго, – вдруг высказался Филипп. – Не верь ей.

– Да она и врать-то не умеет... Дебилка, – задумчиво пробормотала Марго.

– Знаете что, мне надоело слушать ваши оскорбления. Я в своей комнате подожду, пока вы переварите информацию. – Аля встала и направилась к лестнице.

Филипп вдруг сделал большой прыжок и обхватил ее сзади, прижав ее руки к телу. Прежде чем Аля успела что-нибудь понять, он выковырнул ключ из ее кулачка и пихнул ее к лестнице:

– Теперь можешь идти.

Аля с независимым видом прошествовала вверх и прикрыла за собой дверцу.

– Нет, Марго, – продолжал, понизив голос, Филипп, – нет. Умеет. Ты забыла, как она от нас смылась?

Ты забыла: у нас начинался концерт в семь, она сказала: «Голова раскалывается» – и ушла? А сама тихонечко вернулась в Москву, вещички собрала и на новую квартиру съехала? Она ведь заранее все продумала и квартиру заранее сняла! Умеет она врать, еще как умеет!

– А если не врет?

– Если не врет... Тогда... Не знаю.

– То-то. Эх, черт, все планы насмарку! Кто бы мог подумать, кто бы мог такое предположить? Вот идиотка, вот кретинка! Дегенератка паршивая!

Марго никак не могла поверить, что Аля, всегда такая податливая и уступчивая; Аля, которую Марго в минуты прилива нежности называла младшей сестренкой, – что эта Аля оказалась способна ей противостоять...

Для Марго жизнь представлялась без загадок: либо ты королева, либо ты свита. Она, Марго, всегда была королевой. И Аля, находясь рядом с ней, могла получить место только в свите. Аля и не спорила, она спокойно приняла свое место, как и положено. Она служила Марго, и это само собой разумелось: на то и свита при королеве. Но... со временем Марго поняла одну странную вещь: Аля служила ей потому, что ее любила, а не потому, что признала ее главной, как это всегда было с бессловесными девочками, всю жизнь теснившимися за спиной Марго...

Еще более странным было то, что любила Аля Марго потому, что считала ее хорошей. Это полностью ускользало от понимания Марго. Ведь в жизни важно, чего ты добиваешься, что у тебя есть, какое положение ты занимаешь! А быть хорошей? Какая-то ненужная, идиотская, детская цель! Что это за понятия такие – хороший, плохой? Кого это интересует? Даже в фильмах теперь только и показывают красоток-преступниц, убийц и садисток – вот кто сейчас в моде, вот кто кумир, вот на кого молится молодежь! Алина была старомодной и глупой... И Марго пыталась ей это объяснить. Причем из лучших чувств: в конце концов, она тоже любила Алю... По-своему, но любила. Злилась – за то, что та ускользает от привычной схемы отношений, понимания жизни, всем своим существованием опровергая правоту Марго, – но любила...

И напрасно. Алька была диссиденткой в ее маленьком мирке. А инакомыслие надо было выжигать каленым железом. Потому что если не мы его – то оно нас. Так и вышло в конечном итоге: за всю свою любовь и заботу Марго получила от Алины плевков в душу. Пока Алька была рядом – пусть и несогласная с ней, но рядом, – это было еще терпимо. Марго, бывало, по пять раз на день спрашивала: «Аль, ты меня любишь?» И всегда получала утвердительный ответ, гревший ее душу. И Аля исправно слушалась свою королеву, а уж по каким причинам – не столь важно в конечном итоге. Но, сбежав, Алька будто заявила: дерьмо вы. И ничего общего у меня с вами нет.

Разве такое можно было простить?! Так мало того, эта предательница еще себе какого мужа отхватила! Богатого, красивого, ух! Этого Марго перенести не могла.

Но то, что она услышала сейчас, было еще хуже: Алька, видите ли, собирается от него уйти! Другая бы сдохла на месте от счастья, а эта, видите ли, выделяется, таким мужиком бросается! Запредельно!!! Кого она из себя строит, если ей уже и Алекс не годится? А ведь в одном дворе росли, и Марго всегда была впереди всех!.. Самая красивая, самая разбитная, самая главная...

– Слушай... – прервал поток ее мыслей Филипп. – Все равно надо заставить ее позвонить. Чем рискуем, в конце концов? Если она не позвонит, у нас денег точно не будет. А если позвонит, то еще могут быть.

– А ведь ты прав... Если она действительно ушла от муженька своего, то, может, он захочет ее вернуть

такой ценой? И потом, у нас в запасе еще скандал... Она его припугнуть скандалом-то всегда может.

– Он подумает, что Аля его шантажирует.

– А тебе-то что, что он о ней подумает! Не твоя печаль!

– Да я не в том смысле... Может не дать денег. Одно дело – бедняжка жена, запуталась в какой-то истории, надо выручать; другое дело – бросившая его жена грозит скандалом... Но попробовать надо.

– Надо, надо! Правильно ты говоришь: запуталась! Пусть скажет, что запуталась и что может выйти скандал – двух зайцев разом! Он ее, бедняжку, пожалеет... Даже на самом деле хорошо, что она ему такое письмо оставила – гарантия, что он ее не ищет, что милиция по следу не идет. Так у нас есть время в запасе. Покупатели-то только в воскресенье вечером придут...

– Аля! – позвала она. – Спустись!

– Ты меня отвезешь в Москву? – с надеждой спросила Аля, спустившись по лестнице.

– Обязательно. Как только ты купишь нам бриллианты.

– Ты снова за свое? Я же тебе объяснила, Марго! Это никак невоз...

– Не тараторь! Это ничего не меняет. Слушай сюда: ты звонишь и настаиваешь, чтобы муж тебе перевел деньги. Даешь ему понять, что ты запуталась в одной неприятной истории. Намекаешь ему на возможный скандал. Он, может, захочет тебя вернуть такой ценой. А если нет – скандала испугается. Впрочем, мы это все уже обсуждали. Звони.

– Но, Марго, как ты не понимаешь...

– Звони, я сказала!

– Я не могу этого сделать...

– Я тебя не спрашиваю, можешь ты или не можешь! – заорала Марго. – Я тебе говорю: звони! И молча!

– Вряд ли сумею молча позвонить... – попыталась пошутить Аля.

– Та-ак, еще одно слово, и я тебя... – задохнулась Марго, – и я... – выкрикивала она, не находя слов, должных обозначить расправу заслушивание, – и я!.. Я сама позвоню Алексу и расскажу ему эту чудненькую историю о баночке маринованных грибов! – выпалила она.

Алина едва не подскочила. Она бросила взгляд на Филиппа: как же Марго могла при нем!.. Филипп смотрел в окно со своим обычным угрюмо-непроницаемым видом. Казалось, он даже не обратил внимания на слова Марго.

Марго пристально вглядывалась в ее лицо, пытаясь вычитать реакцию на свои слова.

– Ты... Ты не сделаешь этого!

Марго довольно усмехнулась.

– Сделаю. Если ты не сделаешь того, что тебе велели.

– Но ведь я же тебе объяснила – я ушла от мужа! Какая мне разница теперь, что он обо мне подумает!

– Разница, разница, – заверила ее Марго. – Ушла ты там или что – ты не захочешь, ведь правда же, чтобы он знал такую правду о тебе?

– Ты гадкая, Марго. Я никогда не думала, что ты...

– Вот уж в чем точно нет никакой разницы, так это что ты думала и чего ты не думала. Даю тебе две

минуты. Если ты не звонишь Алексу – ему звоню я.

И Марго демонстративно уставилась на циферблат наручных часов.

Мысли лихорадочно прокручивались в голове Алины. Если Марго позвонит и Алекс все узнает... То Марго уже точно ничего от Алины не добьется! В самом деле, таким звонком она лишится основания для шантажа. А им нужны деньги! Заварив кашу, они уже не отступятся. Если бы Аля не была здесь, а они просто сидели бы вчетвером, обсуждая свой дилетантский план похищения и выжимания из нее денег, то можно было бы и передумать... Но теперь, когда полдела сделано и Аля похищена, когда деньги уже маячат, а бриллианты сверкают в глазах, и покупатели придут в воскресенье – нет, теперь они будут всеми средствами (всеми – это какими еще? – передернулась Аля) добиваться от нее денег...

Из чего следует, что Марго блефует. Не будет она звонить Алексу. И рассказывать ее ужасный секрет не станет. Это просто-напросто не в ее интересах.

– Две минуты истекли. Звони.

– Нет.

– То есть как это?! – задохнулась от злости Марго. Алине показалось, что бывшая подруга сейчас ее ударит.

– Вот так: нет. Иди и звони моему мужу. А меня отвези в Москву – после твоего звонка, как ты понимаешь, никакие просьбы к Алексу с моей стороны невозможны.

Марго сильно пихнула ее в спину, подтолкнув к лестнице, и прошипела:

– Убирайся наверх, пока я тебя не пришибла!

Алина спокойно поднялась наверх.

– И дверцу прикрой, шалава!

– Маринованные грибы – это те, которыми отравился ее дядя? – тихо спросил Филипп.

– Да... – рассеянно отозвалась Марго.

– И что... это Аля?

– Тебя это не касается.

Некоторое время они молчали. Филипп хмуро и сосредоточенно обдумывал что-то. Марго тоже. Наконец Филипп нарушил тишину:

– Что будем делать, Марго?

– Ты прав, она изменилась, сволота!.. Не пойму, откуда и характер прорезался – такая всегда бесхребетная дура была... Я тебе ее оставляю улаживать.

– Ты уходишь?

– Да, не надо перед соседями светиться.

– А если – если она будет отказываться? Может, ты лучше останешься? А то я один ни за что не ручаюсь...

– Ну-ну, не скромничай, – с кокетливым ехидством возразила Марго. – Ты один куда лучше справишься! Приласкай ее – ласками от женщины можно многого добиться... – Марго, склонив голову к плечу, смотрела на Филиппа весьма двусмысленно. – Может, она еще не совсем тебя забыла... – словно размышляя вслух, проговаривала она, слегка растягивая слова. – Тем более если она собралась от мужа

уходить...

У Филиппа сверкнули глаза. Марго, пряча довольную улыбку, добавила строго:

– Только смотри, без глупостей! Ты, конечно, припугни ее немножко. Но немножко, Фил! Не увлекайся. А то я тебя знаю... Надо, чтобы, когда она домой пойдет, у нее картинка была хорошая!

У Филиппа начало наливать кровью лицо. Марго, внимательно глянув на него, сказала вдруг хлопотливо:

– Кстати! Если она и вправду от мужа ушла, мы ее можем в долю взять. Подай ей идею... Пусть тогда не пятьсот, а шестьсот тысяч просит!

И, окатив Филиппа своим искусственно-заливистым смехом, она покинула дом.

На стук двери Аля высунулась сверху:

– Марго! Марго, стой! Отвези меня в Москву! Я ведь вам теперь не нужна! Марго!.. – По лестнице поднимался ей навстречу Филипп. Он улыбался.

– Куда это ты собралась, моя маленькая? В Москву?

Аля отступила назад.

– И что ты там будешь делать, в Москве? Куда ты пойдешь? В этот раз небось не успела квартиру снять, а, малышка? – слащаво сюсюкал он, но глаза его угрожали. – Побудь со мной немножко, детка, тебе все равно торопиться некуда, никто тебя не ждет, раз ты старичка своего бросила, никто тебя не ищет...

Забравшись к ней на чердак, Филипп аккуратно прикрыл дверцу люка за собой. Алина отступила к окну.

– А мы ведь с тобой четыре года не виделись, не так ли? Даже побольше будет, а? – И он вдруг резко сменил тон: – Соскучилась по мне? Ну, отвечай, соскучилась?

Он схватил ее за руку, дернул резко на себя, и Аля с размаху невольно прижалась к нему всем телом.

Она замерла. Знакомый запах, который всегда вызывал в ней желание. Или тело вызывало в ней желание, а запах был спутник, знак этого желания? Или эта властная манера брать ее в свои объятия, вжимать свое тело в нее...

Нет, она его больше не любила. Нет-нет, не любила нисколько. Но сексуальная сторона их отношений, надо признать...

– Эй, ты что там, заснула, что ли? – Филипп выпустил ее из рук и заглянул, наклонившись, ей в лицо.

– Мне плохо, – жалобно сказала она. – У меня голова раскалывается!

– Пройдет. Звони – и домой пойдешь.

– Мы уже обо всем договорились! Ведь нет никакого смысла звонить!

– Есть смысл. Позвонишь, как договаривались, с тем же текстом.

– Какой смысл? Я не понимаю, объясни!

Аля пыталась потянуть время, что-то придумать, чтобы уклониться от звонка – не будет же она в самом деле просить деньги у Алекса; а пребывание с Филиппом наедине следовало всеми средствами занять чем-то отвлекающим – иначе он примется выяснять с ней отношения, а это может далеко его завести...

Все эти соображения промелькнули в ее голове разом, и она прослушала объяснения Филиппа.

Он, однако, уже замолк и теперь стоял перед ней в угрожающей позе и ждал ее ответа. Надо было что-то сказать...

– Все равно я ему сейчас звонить не буду, – сказала, позевывая, Аля.

– Это почему еще?

– Он на работе.

– Ну и что?

– А зачем панику разводить? Представь – а вдруг у него кто-то в кабинете есть? – вдохновенно сочиняла отговорки Аля. – Как только я скажу про полмиллиона долларов, так все по его лицу сразу поймут, что что-то случилось, какая-то темная история, шантаж... Жена шантажирует мужа – значит, есть причины! И скандал разгорится сам собой. С какой тогда стати он будет давать деньги? Шантажировать надо в секрете!

– А ты спроси сначала, один ли он.

– Ну пойми же, Филипп, я ведь ему оставила письмо, что ухожу от него! И вдруг звоню и прошу денег. Да еще каких денег нешуточных! Да еще угрожаю! Поставь себя на место Алекса! Он ведь разорется так, что все сотрудники прибегут во главе с секретаршей!

Аля схитрила, очень сильно схитрила. Алекс не кричал никогда. Когда он сердился, голос его становился жестким и холодным, даже надменным, и он в таких случаях говорил внятно и отдельно, чеканя каждое слово. И, разумеется, никакие секретарши и сотрудники не могли его услышать через обитую дверь. Хитрость же Алины состояла в том, что она призвала Филиппа поставить себя на место Алекса. Это был беспроигрышный вариант: Филипп заводился резко, с места в карьер; тогда он не только кричал – он впадал в бешенство. Он мог ударить, избить, он не просто мог, но и хотел сделать больно... А уж если представить себе его реакцию на звонок женщины, которая его только что бросила... Аля поежилась.

Зато, поставив себя на место Алекса, Филипп будет судить по себе и убедится, что звонить Алексу на работу было бы крайне неосторожно с их стороны.

Филипп смотрел на нее, пытаясь понять, блеф это или нет. Во всем, что касалось «поставить себя на место другого», его воображение было крайне скудным, и к его услугам он прибегал весьма редко, но сейчас, после Алиных слов, вся сцена так живо нарисовалась ему, что он почувствовал, как кровь начала приливать к лицу. Он бы с такой суккой, которая его бросила да еще денег требует, он бы с ней... Убил бы! Сорвал бы злость на телефоне, на секретарше, на всех и всем, что могло подвернуться под руку; он выкрикивал бы ругательства, он бы возмущался, изрыгая проклятия!.. И, действительно, все тут же поняли бы, в чем дело. Что верно, то верно: скандалом не грозят, устраивая скандал...

Филипп сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, с трудом подавляя поднимавшееся бешенство.

Он посмотрел на Алю. Вид ее был спокоен, на лице осталось выражение ленивой рассудительности, с которым она ждала ответа от Филиппа. Что ж, с одной стороны, ее логика казалась убедительной. С другой, что-то Аля слишком покладистой выглядит, об их интересах заботится.

– И когда ты ему позвонишь? – спросил он осторожно.

– Часов в восемь, домой.

– Поздно слишком.

– Он всегда так приходит!

– Банки закроются!

– Еще завтра день есть. Перевести деньги – это дело пяти минут.

Филипп явно не знал, какое решение принять. Предоставив его сомнениям, Аля подошла к окну и выглянула. День едва начал клониться к вечеру. Крыши утопали в зелени, где-то вдалеке неслышно журчали машины по узкой ленте дороги – пейзаж мирный и ясный. Только почему она была здесь, в этом незнакомом ей дачном поселке, названия которого она даже не знала? Это было так странно, так не похоже на реальность, словно она потеряла себя в темноте кинозала, где в ослепительном сиянии и правдоподобии экрана разворачивалась и вовлекала в себя иная, выдуманная жизнь... Но в кинотеатре можно было небольшим усилием сознания разъединить себя с экраном, обнаружить себя в уютном кресле темного зала, нащупать и разглядеть свои руки и колени, своих соседей по ряду и успокоиться: вот он ты, на месте. А здесь, в этом брызжущем июньском свете, в этом реальном жарком дыхании ветра, влетающего мимоходом в окно, в этой незнакомой комнате, среди персонажей-призраков, которых она вычеркнула из своей жизни четыре года тому назад, разворачивалась история невыдуманная, хоть и неправдоподобная, как кино; и, как ни странно, в самом деле с ее участием, словно она переступила порог экрана, и не может найти дорогу обратно, и забыла магическое заклинание...

Окно было действительно высоко. «Может, связать простыни и спуститься, как это в кино делают? – подумала Аля. – Бред. Я же не каскадер киношный. Ничего они мне не сделают. Не буду звонить, и все».

– Хорошо, – сказал Филипп. – Я Марго скажу. Пусть она решает.

– Как хочешь.

– Возле умывальника есть аптечка. Может, там что-нибудь найдется от головной боли?

– Пойду посмотрю.

Голова у нее уже не болела несколько, но все годилось, чтобы как-то занять время, чтобы минное поле не взорвалось. Поторчав некоторое время у аптечного шкафчика, она вернулась в комнату.

– Нашла?

– Нашла.

– Кофе хочешь?

– Хочу.

«Что я буду делать в восемь часов? – думала Аля. – Что будет делать Филипп, когда я откажусь позвонить? Будет бить меня? Когда, интересно, Марго приедет? Она ему не позволит меня бить... Хотя... Кто знает...»

Нет, не позволит. Все-таки Марго не такая. Она стержовина, конечно, и авантюристка; она завистлива. Но она все же не дрянь. Она не допустит, чтобы били ее подругу, хоть и бывшую!

Может, все-таки согласиться, позвонить? Ну да, а если Алекс и впрямь переведет эти деньги? И потом они заставят ее идти покупать бриллианты?»

Аля попыталась представить себе, как она войдет, тесно окруженная «друзьями», в магазин Картье. Рядом с ней наверняка окажутся Антон и Филипп – два крепких, мускулистых «телохранителя». Ну, допустим, она закричит. Раньше, чем продавцы поймут, отчего это она зовет на помощь, ее «бодигарды» уже выволокут ее из магазина, запихнут в машину, и она снова окажется на этой даче. Ее будут бить...

И Марго позволит, вдруг отчетливо поняла Аля.

Так что самое разумное, что она может сделать, – это согласиться и действительно купить им бриллианты.

Ну да! Выторговать у Алекса полмиллиона долларов и потом сообщить ему: я тебя решила бросить, дорогой? А деньги – это не для меня, это для моих бывших дружков? Если хочешь, вот тебе приметы, обратись в милицию, пусть поищут? А их уже и след простыл – наверняка Марго продумала, куда и как отходить. Да и как доказать? Сама деньги попросила, сама бриллианты купила – и на друзей свалила. Они отпрут: ничего не знаем. Купила – Аля и куда-то их дела – тоже Аля... У нее и спрашивайте.

Нет. Это исключено. Ухожу я от Алекса или остаюсь с ним – в любом случае я не могу согласиться участвовать в этом плане.

А я ухожу? Или остаюсь? Ухожу, наверное. Слишком поздно что-то менять. Слишком далеко мы зашли во взятых на себя ролях. Теперь Алекса не изменишь; меня, впрочем, тоже...

...Звонить нельзя, это ясно. И что же я буду делать?

А ничего. Потяну до восьми часов, а в восемь скажу: нет, голубчики, я передумала. Не буду звонить, и все. Не убьют же они меня! Аля передернулась от этой мысли и пролила кофе.

– Ты чего? – спросил ее Филипп.

– Ничего. Кофе пролила.

Она взяла губку и стала вытирать стол. «Интересно, что же Алекс делает? Должно быть, ищет меня. Ведь он даже представить себе не может, куда я могла подеваться...»

Аля посмотрела на часы: было начало седьмого. До восьми у нее еще есть почти два спокойных часа, надо только поосторожней с Филиппом – не спровоцировать его.

Зазвенел телефон. Аля слышала, как Филипп изложил Марго все ее соображения. «Да-да, она обещала позвонить в восемь. Ну, знаешь, ты ведь сама сказала, что у нас еще есть время. Ее муж не ищет... Смотри сама, но я так думаю, что да... Завтра и магазины и банки – все открыто. Да, не беспокойся!»

Аля убрала кофейные чашки и вернулась в комнату.

– Ну как? – спросила она. – Что Марго сказала?

– Она нашла такое решение разумным. Даже хорошо, твой муженек поволнуется подольше – поговорчивее будет.

– С чего ты взял, что он вообще волнуется?

– Ну как, жена его решила бросить – не каждый день случается! – Глаза Филиппа снова заблестели ревниво и плотоядно.

– Ему все равно, – с показным равнодушием сказала Аля, надеясь погасить этот блеск. – Я тебе уже говорила, я для него вроде кошки.

– Я тебе не верю.

– Как хочешь. – Аля пожала плечами. – Марго когда приедет? – решила она сменить тему.

Но неудачно. Краска прилила к лицу Филиппа:

– Тебе что, без нее плохо?

– Да нет, – поспешила его заверить Аля.

– Тебе не нравится быть со мной наедине?! – Минное поле начало взрываться. – Тебе со мной плохо, да?!

– Да нет же, Фил, с чего ты взял? – с фальшивой беспечностью зашебетала Аля, высматривая глазами, где ключ от ее люка.

– Что ты ищешь? – угроза, в голосе была угроза.

– Пульт... Для телевизора...

Ключа нигде не видно было, должно быть, Филипп положил его в карман.

– Ведь тут телевизор есть, – продолжала щебетать Аля, – можно посмотреть! Ты не знаешь, как он включается?

– Не знаю. – Филипп двинулся на нее.

– Что ты хочешь, Филипп, что ты в самом деле, успокойся, ну, остановись... – растерянно бормотала Аля, отступая...

Глава 19

Выйдя на улицу, Кис снова позвонил. Ваня отчитался: как Алексей и предполагал, не нашлось ни такси, ни благотворительных организаций, которые могли быть хоть как-то причастны к исчезновению Алины. Визит в книжный клуб также не принес ничего интересного. Что же касается соседей, то двое из них слышали мотор машины и один неопределимый женский голос, но никто не полюбопытствовал выглянуть за забор. Какая женщина, какая машина – никто не знает.

Машина. Машина, машина. Что-то тут не то, но никак не могу схватить.

Машина совсем не помешала бы в «новой жизни». К кому бы ни ушла Алина – машина всегда пригодится. Почему она ее оставила?

«Она ничем особенно не дорожит» – это ее муж так сказал. Может быть, может быть.

«Решения она принимает самые несуразные!» – это ее подруга сказала. Согласен. Не взять машину, когда не знаешь, как и на что будешь жить, – несуразно.

Какая-то неясная мысль крутилась у него в голове насчет машины, но безуспешно. «Ладно, – отмахнулся он, – если Алина принимает решения против всякой логики, то я тут бессилён. Все, что я могу сделать, – это попытаться найти логику самих ее поступков. И для этого нужно следовать логике вещей. А по логике вещей, если кто и может пролить свет на эту историю, так это Марго. С нее и начнем».

На руках у него было два адреса, данных ему Катей: первый, по которому Аля проживала вместе с Марго, и второй, на который она сбежала от Марго.

Он решил, пока еще не слишком поздно, побеспокоить соседей по последнему адресу Алины.

Узкая, стиснутая высокими домами довоенной постройки улица, выходящая к Садовому кольцу, в этот долгий летний вечер кишела детьми, велосипеды и мячи въезжали под ноги, маленькие собачонки кидались со всех сторон на его ботинки, ревниво охраняя свои собачьи территории, пока Кис пробирался через все эти препятствия к многоэтажному грязно-розовому дому.

«И скромница, и прилежница, и красавица!» – таково было единодушное мнение соседей об Алине.

– Уж насчет красавицы можно и не упоминать, и так всем известно! – проворчал Кис, не зная, как вырваться из патоки сладко-восторженных определений словоохотливой хозяйки, у которой Аля снимала до замужества комнату.

– Нет, не говорите, это еще как важно! Когда девушка красивая, так у нее вечно то тусовки, то парни, то музыка – и допоздна, и до утра, и как хотите! Не говорите мне, уж я знаю – у нас тут полно таких! А Аля – скромная девушка. К ней никто никогда не ходил, да и некогда ей было, занята она была с утра до вечера. Работала и училась – это вам не каждый так может! И вот еще я вам скажу: она – сама доброта. Несколько раз с моими шалопаями сидела и денег не взяла. Где теперь таких девушек найдешь? А? Вот то-то. Мы так были рады за нее, что она хорошую себе партию нашла. Вот так бы всегда: хорошей девушке и по заслугам...

Кис насилу вырвался. Здесь было искать нечего.

Он направил свою машину в район Лужников, проклиная транспортные пробки и гадая, что ждет его по старому адресу. Переехала ли Марго, не оставив следов? Живет ли по-прежнему там? Кис склонялся к мысли, что да: он не нашел у Алины ни телефона, ни адреса Марго. Что означало, скорее всего, одно: она их знала наизусть, так как это было когда-то ее собственным телефоном и адресом...

Паркуя машину, Кис прикидывал, как себя вести с Марго и что ей говорить. Если он застанет ее дома, конечно. Если она все-таки не сменила адрес...

Запах мочи, измаранные стены подъезда, грязная площадка третьего этажа.

Кис позвонил. Звонок не работал.

Кис постучал. Никто не ответил.

Кис подождал и постучал еще, посильнее.

На стук открылась соседняя дверь. Из двери пахло чесноком.

Маленькая невзрачная женщина в невзрачном платье высунула неопределенное лицо неопределенного возраста.

– Вы Марго ищете? Она в ресторане. И не шумите тут. Нечего шуметь, в ресторан идите, там и шумите.

Женщина собралась закрыть дверь.

– Подождите секунду, какой ресторан?

– Вы, значит, не из ее друзей будете? – подозрительно сказала женщина в щель недозакрытой двери.

– Не совсем...

– А кто?

– Я частный детектив, – полез Кис за удостоверением, – ищу Маргариту...

Дверь захлопнулась, и уже из-за нее до него донесся голос хозяйки:

– Не знаю я, где она, ничего не знаю!

Кис поразмышлял, стоит ли ему настаивать или попытать счастья с другими соседями, и решил в пользу последнего. Он переместился к третьей двери и только протянул руку к звонку, как дверь отворилась: видимо, все, что происходило на этой лестничной площадке, было достоянием каждого.

Невысокая, плотно сбитая женщина в коротких шортах на коротких белых ногах улыбалась.

– Что, Марго небось ищете?

Кис кивнул. Она хохотнула.

– Валера! Поди сюда!

Она снова хохотнула и сообщила Кису со странной улыбкой:

– Он все у меня про Марго знает.

В дверях появился мелкий мужчина в обвисшей пижаме, со всклокоченными волосами – вернее, тем, что осталось от них.

– Что вам нужно? – спросил он сдержанно, пытаясь придать некоторое достоинство своему голосу и пижаме. Его жена похотывала у него за спиной.

– Добрый вечер. Я ищу Маргариту Пасечник. Могли бы вы мне подсказать, где она может быть в данный момент?

– А почему вы спрашиваете у меня?

– Видите ли, вы ведь соседи... И потом ваша жена мне сказала, что вы...

– Что она вам сказала?! Что ты сказала?! – закричал мужчина, обернувшись к жене, и бросился в глубь

квартиры. Отпущенная хозяином дверь стала прикрываться, и Кис вставил ногу, не давая защелкнуться замку.

– Конечно, ты должен знать про Марго! Ведь ты же ее любовник! – доносилось до него. – Любовник Марго! – кричала женщина, задыхаясь от хохота. – Ну, расскажи, где твоя любовница? Расскажи этому господину, а то он ее ищет, может, он тоже ее любовник! Два любовника обсудят между собой дела полюбовно! – умирала она от смеха.

Кис чувствовал себя так, словно он был на экскурсии в сумасшедшем доме. До него доносились звуки падающих предметов, крики мужчины, грохот и стуки, хохот и повизгивания женщины. Он решил не вмешиваться и подождать.

«Почему Алина сбежала от Марго? – раздумывал он, отключившись от семейной сцены. – От подруг разве бегают? Такое ему в практике пока что не встречалось. Сбегают от мужчин».

Там был мужчина, музыкант... Алина о нем писала Кате очень сдержанно, но, зная Катин характер, можно вполне предположить, что Аля просто не захотела делиться с ней подробностями, чтобы не навлекать на себя очередную порцию морализаторства и поучений со стороны подружки... «Самый симпатичный парень из группы – саксофонист, и я ему, кажется, нравлюсь...» Вот и все.

Все ли? Нет, наверняка отношения были, был роман...

От него она и сбежала.

Почему? Бил? Пил? Ревновал?

А теперь вернулась к нему опять? Куда-то же она должна была деться... Было бы странно, конечно: если раз уже сбежала, была сыта по горло, наверное.

Однако, кто ее знает, с Алексом ей скучно было: «Душа моя, ты жалуешься на скуку – это грех...» Может, ей с этим не скучно? Как бишь его имя? Филипп, вот как. «Самый симпатичный парень из группы – Филипп, саксофонист...»

Дверь снова открылась. Кис очнулся от размышлений и заметил, что из квартиры не доносилось ни звука. Мужчина, переводя дух, в котором чувствовалось отчетливое присутствие алкоголя, снова попытался придать своему лицу и своей пижаме достоинство и спросил его строго:

– А вы, собственно, по какому делу ее ищете? И кто вы такой?

– Я частный детектив, агентство АКИС, – Алексей достал удостоверение.

– Во! – из-за дверей раздался короткий хохоток. – Твою Марго уже милиция ищет!

Мужчина бросил свирепый взгляд в глубь квартиры и сказал назидательно:

– Не милиция, дура, а частный детектив. Она, видите, – обратился он к Кису, – ревнует меня (он приосанился) без повода. Я, понимаете, одно время в ресторан ходил Марго слушать...

– Она разве поет, Марго?

– Пела. Теперь уж нет, а было время – пела. У нее голос красивый... Так моя дура приревновала.

– А что же Марго петь перестала, раз голос красивый?

– Контрактов, говорит, нет. Да и то, честно сказать, – мужчина понизил голос, – музыканты ее – никудашные. Ей бы с настоящим ансамблем! Она на сцене – как королева. А они – как щенки голодные. Только она с их руководителем живет, и куда же ей в таком раскладе деваться? Она что, натворила чего-нибудь, Марго? – с затаенным беспокойством спросил мужчина.

– Давно у них работы нет? – не ответил на его вопрос Кис.

– Месяца три уж, побольше даже, сидят на голодном пайке.

– Если контрактов нет, она, должно быть, снова официанткой работает?

– Нет... Последнее проживают. Теперь они в том ресторане, где Марго раньше работала, каждый вечер околачиваются, все четверо. В баре... Директор их прикармливает, по старой дружбе.

– Прикармливает?

– Ну, стаканчик им ставит...

– Вы хорошо осведомлены.

– Да что ж тут хитрого... – мужчина немного смутился. – Я туда тоже хожу частенько, рюмочку пропустить... Ее тут у нас все знают, королеву Марго. Все рядом...

– Все четверо – это кто ж такие? Марго и музыканты?

– Они самые. Этот, с которым она живет, – Антон, ударник; потом Филипп, саксофон; и клавиши – Гена. Педик.

– Ресторан как называется?

– «Стрела». Два квартала отсюда. А вы почему Марго ищете?

– Так уж небось натворила! – раздался визгливый крик его жены, но уже без хохота. – Давно пора ее за все ее шашни в тюрьму посадить! Вот! Я давно тебе говорила, сучка она, твоя Марго!

Ее муж снова зыркнул куда-то в квартиру, потом ступил на лестничную площадку и прикрыл дверь за собой. Из кармана пижамы он извлек мятые сигареты и задымил. Кис тоже достал сигарету. Мужчины молча спустились на несколько ступенек вниз и встали между лестничными пролетами у распахнутого в темнеющее небо окна.

– Вы мне так и не сказали, зачем это вы Марго ищете? – грустно спросил мужчина. – Правда чего натворила?

– Нет. Пока – нет. Или, честно, скажу так: пока не знаю. – Алексей скосил глаза на своего погрузневшего собеседника. – Вас Валерой, я слышал, зовут?

– Валерой...

– Так вот, Валера, здесь четыре года тому назад жила вместе с Марго еще одна девушка, Алина Дементьева. Вы ее знаете?

– Знаю, – без всякого выражения кивнул сосед.

– Она пропала. И я ее ищу.

– Вот оно что...

– Расскажите мне о ней, что можете.

– Вы думаете, Марго в этом замешана? – встрепенулся мятый Валера.

– Я пока ничего не думаю, – успокоил его Кис. – Пока что я просто хочу поговорить с Марго, ведь они были подруги. И со всеми, кто мне может об Алине хоть что-нибудь рассказать, – с вами, например.

– Понятно. Что вам сказать? Подруги они, конечно, были, но это была странная дружба. Огонь и лед – какая дружба может быть? Обе они девушки видные, красивые, но только одна рядом с другой не смотрится. Марго – яркая, шумная, энергичная – королева! Распоряжается, и все бросаются выполнять.

А Аля – тихоня, нерасторопная, бестолковая. Красивая, конечно, но так... Ни рыба ни мясо, если понимаете, что я хочу сказать... Холодная какая-то. Марго все за нее решала и делала. Няничлась с ней прямо! В ресторане еще когда работали – Марго в три раза больше успевала! И все весело так, с улыбкой, с шутками! А тихоня эта – то забудет заказ, то уронит, то перепутает и улыбается как-то... натужно. Марго пыталась ее хоть чему-нибудь научить, да все пустое. Я, конечно, дурного про нее сказать не могу... А вот все же неблагодарная она. Сбежала, адреса даже не оставила, бросила подругу без «спасибо» и без «до свидания»...

– И почему сбежала?

– Кто ее знает. Без объяснений. Очень Марго на нее тогда обиделась. Гром и молнии метала. Не прощу, кричала, ни за что не прощу! Она даже искать Алю не стала. И другим запретила, я сам слышал... Там один из группы, Филипп, хотел ее найти, так она кричала: «Или я, или она! Не допущу предательницу! Если будешь ее искать – выгоню из группы!»

– Вот как? В группе, стало быть, Марго распоряжается?

– Хе, – мотнул Валера головой, – это надо знать Марго. Она куда придет, там и распоряжается. Как-то само собой так получается, характер у нее такой. А может, Аля и правильно сделала... Объективно говоря, она тут не в своей тарелке была. Она потом куда подевалась? Вы небось знаете?

– Знаю. Замуж вышла.

– За хорошего человека?

– За хорошего... А вы разве о ее замужестве не слышали?

– Нет, не интересовался... Вот и хорошо, что за хорошего. Тут этот Филипп за ней увивался... Скажу вам откровенно, никакой радости у нее с ним не вышло. Скандалил, кричал – аж у нас было слышно. Ревновал вроде бы.

Кис подумал, что сосед сочувствует, зная не понаслышке, каково так жить. У него самого такое же за приоткрытой дверью стоит...

– Правильно! – вдруг донесся до них голос с лестничной площадки. – Правильно ревновал! Обе они шлюхи, за ними глаз да глаз! – Жена помятого Валеры не рискнула показаться на глаза и кричала, высунув голову в дверь.

Ее муж даже не повернулся, только еще больше погрузился. Кис ободряюще улыбнулся.

– Что еще расскажете, Валерий?

– Да не знаю... Вы спросите прямо, что вас интересует. Я вам отвечу, если смогу. Надо же помочь, раз человек пропал... Я на самом-то деле немного знаю. Так, что-то увидел, что-то услышал... Мне ведь никто не докладывает. Разве что иногда, как столкнемся, Марго мне что-нибудь прокричит такое, вроде: «Привет фан-клубу»...

– Она вам не говорила, например, с Алей у них связь не восстановилась?

– Ничего такого я не слышал.

– Алина здесь не появлялась?

– Нет. Я ее с тех пор так ни разу и не видел.

– А последнее время – ничего необычного в поведении Марго не заметили?

– Вы ее все-таки в чем-то подозреваете?

– Да нет же! Но представьте, могло быть так: Алина задумала от мужа сбежать и договорилась заранее с Марго. Все-таки старые подруги! И это все, конечно, в секрете. А когда девушки секретничают, у них, знаете, такой оживленный, возбужденный и таинственный вид. Понимаете? – залавливал собеседника в свои сети Кис.

– Понимаю. Последнее время – это когда?

– Неделя, две, вчера.

– Вчера я ее не видел.

– Она домой не приходила?

– Приходила. Поздно. После двух ночи. Не знаю, где была, я в «Стрелу» вчера не ходил.

– А сегодня видели Марго?

– Нет.

– Уехала она сегодня рано, восьми не было, твоя Марго! – раздался голос сверху. Жена Валерия стояла в дверях.

– Спасибо за информацию, – дружелюбно обратился к ней Кис. – А обычно она когда уходит?

– По-разному. – Мужчина угрюмо покосился на свою жену.

– Ну да, по-разному! То в час, то два, то в три. Спит до полудня небось! – сообщила его жена.

– Вы не видели ее сегодня днем? – спросил женщину Кис.

– Приходила она. Где-то около часу дня пришла, потом вскоре опять ушла, потом опять пришла, около трех часов, и опять выскочила как ошпаренная. Потом вернулась в районе шести и посидела дома спокойно часа два примерно и снова ускакала. – Женщина торжествующе посмотрела на своего мужа.

Но ей не удалось его впечатлить. «Шпионка. Сплетница», – бросил презрительно мужчина через плечо.

Зато она впечатлила Киса.

– Что-нибудь еще заметили необычного за последнее время? – ухватился он за нового свидетеля.

– Нет, – отрезала сухо женщина. – Много чести ей будет – следить за нею. У меня своих дел полно. – Она гордо вскинула голову и скрылась в дверях своей квартиры. Но щель все-таки оставила, чтобы подслушивать.

– Спасибо вам огромное, – послал ей вдогонку в щель двери Алексей и снова повернулся к Валере. Он бы предпочел разговаривать одновременно с обоими супругами, но это было, очевидно, невозможно. – Ну, так последнее время, Валерий, вы ничего необычного не замечали?

– Это, что ли, неделю-две?

Кис устал от своего собеседника, медлительность которого, выдававшая нежелание возвращаться домой, начинала выводить его из терпения.

Валера думал. Кис подавил желание забарабанить пальцами по подоконнику. Наконец сосед сообщил:

– Было необычное: у них было тихо. Последние дни у них было тихо – ни музыки, ни попоек, ни скандалов. И ничего такого, как вы говорите – оживления там особенного, не было. Хотя все вместе почти каждый вечер собирались.

– С каких пор у них необычно тихо?

Валера пожал плечами:

– Я же не записывал дату. Дней пять-шесть, наверное.

– Машина какая у Марго?

– «Жигули», «шестерка», белые. Она ее купила подержанной.

– Номер помните?

– Что-то такое... Нет, не помню.

– Марго где обычно паркует машину?

– Вон там, – сосед показал из окна за угол.

Уф! Кис понял, что можно заканчивать разговор. Поблагодарив Валерия, Кис проводил его сутулую спину в пижаме сочувственным взглядом и покинул душный подъезд.

Выйдя на свежий ночной воздух, Алексей вдохнул полной грудью. Хотелось спать. Хотелось просто лечь. Хотелось кофе или даже лучше коньяку... Сколько он этой ночью спал? Часика четыре, никак не больше. И потом еще утром полтора... Да, маловато будет.

«Жигулей» Марго, как он и ожидал, нигде не было. Он завернул за угол и стал медленно продвигаться, пригнувшись и заглядывая под тесно припаркованные машины.

Сгустившиеся ночные тени дышали на асфальте, жалобно замирая и бледнея в проплешинах тусклого света фонарей. Присвистнув, мимо прошуршал парень на скейте. Беззвучно пронеслась над головой вспугнутая птица. Кис протиснулся между двумя машинами и наклонился: то ли тени, то ли... Он чиркнул зажигалкой.

Масляные пятна жирно покрывали асфальт.

Глава 20

...Филипп прижал ее к стенке. Его губы впились в ее рот. Аля пыталась его оторвать от себя – безуспешно. Она отворачивала от него свое лицо – он покрывал поцелуями ее шею, он водил, едва прикасаясь, губами по нежной коже ключиц и плеч, шумно вдыхая запах ее тела. Его рука пробралась к ней под майку, ловко высвободила грудь из лифчика и стала ее ласкать, умело и властно, именно так, как она это любила... Боже мой, именно так! Он знал, как; и он это не забыл.

Ее тело накрыла сладко-судорожная волна, от которой мутилось сознание. Его колено втиснулось между ее бедер, волоски его ноги защекотали ее чуткую кожу... Але сделалось жарко. Она задыхалась. Она сопротивлялась. Она понимала, что заниматься с Филиппом любовью нельзя, не следует; дело даже не в Алексе, она от него уходит, уже практически ушла; дело в том, что нельзя с Филиппом, нельзя... нельзя... Она его не любит, и возврата к их отношениям быть не может...

Она закрыла глаза. Голова ее плыла и пылала. Руки Филиппа наведывались и там, и сям, горячо и жадно исследуя те места, которые принадлежали ему четыре года назад. Мысли Алины окончательно спутались, и уже ничего не было ясно, что нельзя и с кем...

– Я четыре года об этом думал! – шептал он. – Четыре года! – Руки Филиппа продолжали свой горячечный бег и труд. – Четыре года, почти каждую ночь!

Аля едва не теряла сознание.

– Даже в постели с другими женщинами представлял – тебя...

Ее руки, отталкивавшие Филиппа, ослабли, и он вжался в нее всем своим тяжелым телом. Аля содрогнулась, обмякла и опустила голову ему на плечо...

– А ты, блядь, все это время спала со стариком, которого не любишь и который даже не любит тебя! – вдруг заорал он и рывком поставил ее прямо.

Она не сразу поняла. Они стояли друг против друга, шумно переводя дыхание, оба покрасневшие и растрепанные. Ее юбка завернулась сбоку за резинку пояса, майка была спущена с плеч, очки висели на одном ухе.

Наконец до нее дошел смысл его слов. Она стала медленно оправлять одежду. Отвернула задрвшую юбку, и внутренний карман легонько кольнул ее бедро. Письмо! – вздрогнула Аля. Письмо мужу было там, в кармане. Хоть бы Филипп не заметил! Надо его куда-то спрятать...

Филипп не заметил.

Филипп смотрел, как она наводит порядок на себе.

И, когда она закончила, он ее с наслаждением ударил.

Очки слетели и разбились. Она было кинулась за ними, но он ее не пустил, держа меж своих упертых в стену рук. Он взял ее за подбородок и повернул ее лицо к себе.

Аля заставила себя посмотреть ему в глаза. И тогда он снова ее ударил, наотмашь, по другой щеке.

– Дрянь продажная. Сука. Проститутка, – сказал он и залепил ей еще одну пощечину для верности.

И отошел.

Аля молча подняла разбитые очки. Отнесла их в мусорное ведро. Вернулась. Поднялась по лестнице на чердак и, даже не прикрыв за собой дверцу, легла на тюфяк.

Теперь ей было все равно, войдет Филипп или нет, что он будет делать и говорить.

Она лежала без слез и без сна, отвернувшись к стенке. В доме стояла тишина. «Самое ужасное в том, что он прав. Я не люблю Алекса, никогда не любила. Я вышла замуж не за него, я вышла замуж за комфорт и уют предложенной мне жизни, за возможность начать жизнь сначала, по-другому...

Нет, он не прав! Я хотела Алекса любить! Он мне нравился, очень нравился, и я была готова его любить, я начинала его любить... Мы оба – мы начинали друг друга любить – и все испортили. Сами.

Я не продажная, нет; я надеялась полюбить его, вот в чем дело! Я надеялась; и когда поняла, что этого не случится, я решила с ним разойтись. Честно разойтись! Филипп просто сводит счеты. Он меня любит до сих пор... И ему больно видеть, что я его больше не люблю...

Больше? Больше не люблю? Неправда. Я и Филиппа никогда не любила. С ним вышло то же самое, что и с Алексом, – мне нужно было расстаться с прошлым, со всем тем ужасом, в который превратил мою жизнь дядя Виталий, – и я кинулась в отношения с Филиппом, пытаюсь реабилитировать в моей душе само понятие любви... И эти отношения я приняла поначалу за любовь.

Приняла за любовь, а не любила. Вот это будет – правда.

Я вообще никого никогда не любила. Я не знаю, что такое любовь. Я ее искала, да, но так и не нашла. Поэтому я ушла от Филиппа. Поэтому я должна уйти от Алекса. Чтобы найти любовь».

Аля вздохнула. «Я должна это сделать», – заверила она себя еще раз. Но ей почему-то не нравилось ее решение. Что-то в нем было неправильным, но она не знала, никак не могла уловить – что.

Внизу раздался какой-то звук. Она напряглась.

Это гулковатый звук перекладин лестницы. Филипп поднимался к ней.

А это его шаги уже по чердаку.

Один.

Другой.

Третий.

Аля едва удержалась, чтобы не прикрыть голову руками в ожидании очередного удара. Ее спина окаменела.

Она услышала его дыхание над собой.

– Алечка... Маленькая моя, не плачь! Прости меня! Я...

Аля осторожно обернулась. Филипп стоял на коленях у ее тюфяка. Он плакал.

– ...Я так люблю тебя! – шептали его по-детски вспухшие от плача губы.

Так было всегда: он ее бил, потом плакал и просил прощения. Потом начинал целовать...

– С чего ты взял, что я плачу? – холодно спросила Аля.

Он глянул на нее: ледяной взгляд, надменное и отрешенно-чужое лицо... Такую Алину он не знал. Та, которую он знал, должна была тоже плакать; должна была сейчас припасть к нему, захлебываясь от рыданий, ища защиты у него – от него же; он бы гладил ее по голове, утешая, шепча нежные слова; потом бы они занимались любовью...

– Убери от меня руки, – спокойно приказала Аля. – И убирайся из комнаты.

Она сама себя не узнавала. Она бы никогда не подумала, что способна так разговаривать с Филиппом – так смело, так независимо, так жестко. Она вообще не умела так разговаривать – ни с кем. А уж тем более с Филиппом. Его она всегда боялась и теперь не понимала, откуда взялась в ней вдруг такая отвага...

Филипп ошеломленно посмотрел ей в глаза. Кажется, он не верил своим ушам. Он медленно поднялся с колен, зачем-то отряхнул их... И послушно и молча покинул чердачную комнату.

Аля была потрясена самой собой.

Больше Филипп к ней не заходил. До восьми часов; в восемь он сунул голову в дверь и сказал без всякого выражения:

– Уже время звонить.

Аля не шелохнулась. «Все гораздо проще на самом деле, – додумывала она свою мысль, – странно не видеть таких простых решений. Нужно только дойти до дверей, открыть их и оказаться на улице. Там – дорога, машины проезжают, люди в окна смотрят, можно закричать...» Аля чувствовала в себе небывалую, новую для нее отвагу.

Он подождал. Не получив никакого ответа, Филипп поднялся в комнату и сел на краю люка.

Аля пристально посмотрела на Филиппа. Нет, он спокоен, он будто принял как должное, что она прогнала его. Конечно, это нормально: он должен понять, что их отношения закончились четыре года назад и возврата к ним нет. Аля изменилась, и жизнь ее тоже изменилась: она больше не принадлежит Филиппу, у нее нет ничего общего с ним, а у него нет никаких прав на нее. Она замужем. Он должен с этим смириться.

Замужем! Мысль об Алексее больно кольнула в груди. Но времени размышлять об этом не было.

– Восемь, Аля. Ты обещала позвонить в восемь. Сейчас уже Марго будет перезванивать. Поторопись.

– Какой смысл? Все равно банки до утра закрыты.

– А нет, а нет! Ты мне больше не морочь голову. То одно, то другое, то третье – ты все время находишь отговорки!

– Зачем давать ему ночь для размышлений? Подумает, рассудит, что никаких фактов против него у меня быть не может, что я просто блефую, угрожая ему скандалом; а то, что я якобы «запуталась», по зрелом размышлении может у него вызвать только удовлетворение: нечего было от мужа ночью сбегать!

– Кончай, я сказал!

– Разве я не права? – спокойно продолжала Аля. – Разве это не логично? Я ведь о ваших интересах забочусь, – сказала она ехидно.

Филипп растерялся. Он ничего не понимал.

– Позвони Марго, спроси у нее, что делать, раз сам не можешь сообразить, – с издевкой посоветовала Аля.

– Я и без Марго разберусь, – тяжело ответил он. – Вставай.

– Я никуда звонить не буду, – твердо сказала Аля.

– То есть – как это? Ты обещала! Мы договорились!

– Я передумала.

– Ты нас обманула! – В его голосе начала закипать ярость.

– Думай, как тебе нравится.

– Нет, ты позвонишь! Вставай! Вставай, я тебе сказал!

– Нет.

– А я говорю – да! – Филипп подошел к тюфяку и стал с него стаскивать Алю. Аля скатилась на пол и села возле постели.

– Бесплезно, Филипп. Ты можешь меня притащить к телефону или телефон ко мне – я звонить не буду.

– Но почему?! Ты же была согласна! Тебе-то что, раз ты от него ушла!

– Ты все равно не поймешь, Филипп... Я не могу просить деньги у человека, от которого я ушла. Я не могу вымогать у него эти деньги. Хотя они и не мне, а для вас – все равно, обязанной ему буду я.

– Послушай... – Филипп сел на пол рядом с ней. – Послушай-ка. Раз ты ушла от него – тебе ведь тоже деньги нужны, верно? Попроси у него шестьсот тысяч: одна сотня будет для тебя. Уж по крайней мере, будешь знать, за что ты ему обязана. Хорошая мысль, а?

Аля рассмеялась.

– До чего же ты прост, Филипп!

– А что? Разве плохо?

– Для тебя, наверное, хорошо.

– А ты, значит, такая особенная, для тебя, значит, не хорошо... – начал заводиться Филипп.

«Пусть заводится, – бодрилась Алина, – именно это мне и нужно сейчас...»

Их разговор был прерван телефонным звонком. Звонила, несомненно, Марго. Филипп нехотя встал и без всякого энтузиазма спустился вниз к телефону. Аля последовала за ним.

Слушая, как он мучается и путается в объяснениях, Аля сама взяла у него из рук трубку.

– Я никуда не буду звонить, Марго... А вот так, без всяких объяснений. Звоните сами, если вам так хочется. – И она передала трубку Филиппу.

Марго, судя по всему, крепко отчитала Филиппа, так что он был красный, как помидор, когда закончил разговор. Аля, глядя на него, рассмеялась:

– Что, намылило шею начальство?

Филипп посмотрел на нее. Она была необыкновенно хороша... Этот смеющийся нежный рот... Эта тонкая гибкая шея... Эти близорукие, сиреневые, с огромными кошачьими зрачками глаза!..

Он вскочил. Аля тоже. Он кинулся к Але. Она помчалась от него. Она смеялась, она дразнила его. Она заставляла его принять игру.

Он бегал, разгораясь, за ней по комнатам. Аля носилась вокруг стола, Аля запрыгивала на диван, пробегая по нему на другую сторону, юбка вспенивалась над ее округлыми коленками, открывая быстрые белые ноги...

Заливисто хохоча, Аля опрокинула ему под ноги стул, потом другой и третий и, пока он путался в них, бросилась в коридор. Еще немножко, и она была у двери!

Заперта, конечно. Ничего, вот замок – р-раз! А, черт, еще один! Нет, не в эту сторону! Ну, быстрее!

поворачивайся!..

Нет, не может быть! Третий замок тоже заперт! В какую сторону?! Скорее, Аля, скорее!

Поздно. Он настиг ее у дверей.

– Вот ты как, – сказал он, отдуваясь. – На этот раз не уйдешь.

Он прижал ее к дверям. Как тогда, днем, к стенке. Но теперь он не целовал, не ласкал ее – он просто начал расстегивать шорты... Расстегнул.

– Нет, Филипп, нет!

– Да, моя маленькая, да! Да, моя девочка! Сейчас Марго приедет, больше ждать некуда...

Он начал сдирать с нее трусики, нетерпеливо прижимаясь к ее животу мощно вздыбленным пенисом, мешая сам себе; трусики не снимались, завернутый передний край юбки падал между ними, разделяя два жарких тела, Аля пихалась и царапалась.

– Ты ушла от мужа, – дышал он ей в ухо, – правда, ты ушла от мужа? Возвращайся ко мне, я тебе все прощу, я люблю тебя, слышишь, я люблю тебя, – бредил он, – и ты меня любишь, правда ведь, любишь? И эта маленькая писечка, – он загреб в горсть ее лобок, – хочет меня! Признайся, твой старикашка не умеет, как я...

Там, сзади нее, под ее правым локтем, был последний неоткрытый замок – только бы повернуться, только бы повернуть круглую шайбочку, только бы!..

Задыхаясь от желания и нетерпения, Филипп потянул ее колено к себе на бедро, шаря руками под ее беспрестанно падающей юбкой...

Письмо! Она не перепрятала из кармана письмо!

Все. Карман легко царапнул его по руке. «Что там у тебя? Что ты за ерунду в карманах носишь, царапается – мало твоих ногтей...» Он отпустил ее колено, его штаны съехали, и он так и стоял, все еще прижимаясь к ней обнаженным горячим низом и откинувшись назад верхом... Его глаза бегали по бумаге.

Когда он закончил читать, он отодвинулся от нее, застегнул шорты и странно посмотрел на нее.

– Значит, письмо ты мужу на столике оставила...

Она хотела было ему сказать, что это черновик, что письмо она действительно оставила... – но поняла, что бесполезно, он уже ей не поверит. Он отодвинул ее от дверей, заново закрыл все замки, подтолкнул в комнату. Ей пришлось вернуться.

Она не представляла, что ее могло ожидать теперь.

Без всяких комментариев Филипп придвинул ей телефон, и Аля поняла, что выхода у нее больше нет. Что надо хотя бы сделать вид, что она звонит... Может, набрать какой-нибудь посторонний номер? Выпалить ошарашенному незнакомцу все, что она должна сказать, и повесить трубку? Что же придумать, что же предпринять?

Аля взглянула на часы: Марго скоро приедет. Не убьют же они ее, правда?

Филипп, все также молча, опять подтолкнул к ней телефон. Придется звонить...

Аля решила. Она набрала, щуря без очков глаза, номер. И сразу же нажала на рычаг:

– Я не могу говорить, когда ты у меня над душой стоишь. Если ты хочешь, чтобы я хорошо сыграла свою роль, уйди. В другую комнату. Чтобы я тебя не видела.

– Хорошо. Но я буду слушать.

– Слушай, если тебе так хочется. Главное, чтобы я тебя не видела.

– Я уйду, когда ты номер наберешь. Я хочу видеть, какой ты номер набираешь.

Ну что ж, он не оставил ей выбора. Аля набрала свой домашний номер и сделала знак Филиппу удалится. Тот послушно завернул в дверной проем соседней комнаты.

Трубку снял Алекс.

– Алекс... Я от тебя ушла, понял? Мне от тебя ничего не надо. Не ищи меня. Я дам о себе знать сама, – выпалила Аля в телефон. И прежде чем Филипп успел подскочить, она уже разъединилась.

...Он бил ее и целовал. Целовал и бил.

Ее лицо горело от его пощечин, ее губы распухли от его поцелуев.

Сначала она сопротивлялась, пыталась вырваться, убежать. Но это только распяляло Филиппа.

Он охотился. Он отпускал ее, следя за ней хищным взглядом; и снова настигал, сминая, заламывал руки, ласкал; и вновь давал ей уйти, не упуская из виду, следуя за ней глазами, готовый к броску, и снова нападал, опрокидывал, целовал, бил...

У нее больше не было сил. И она сдалась.

Он овладел ее неподвижным телом на полу, грубо, уже без ласк, без всех тех сладостных штучек, которые он умел делать и которые она когда-то так любила. Аля, механически содрогаясь от мощных и грубых натисков его тела, безразлично смотрела в потолок невидящим взглядом. Возбуждение, которое Филипп в ней вызывал еще сегодня утром, исчезло, развеялось, сменилось холодной усталой горечью. Тело не отзывалось на насилие. Он даже ей не был противен, он был ей никак. Противна была ей она сама; вся ее жизнь была ей – противна. Она все делала не так, она жила – не так, и все было ее виной – все, что с ней случилось.

...Закрывшись на кухне, она стояла у умывальника, глядя на свое отражение в мутном зеркале и вспоминая вчерашний (как странно – всего лишь вчерашний!) вечер, свою светлую спальню, свое огромное зеркало на туалетном столике, в котором она так легкомысленно обсуждала со своим отражением уход от Алекса... В этом чужом зеркале, висящем в неуютном закутке чужого неуютного дома, она себя не узнавала, словно само ее отражение стало ей чужим. Оно расплывалось и кривилось, оно дразнилось, оно создавало карикатуру на нее... Или что-то изменилось в ней?

Это потому, что у меня нет очков, вдруг вспомнила Аля.

Это потому, что я плачу, вдруг поняла она.

...Сначала Филипп оправдывался, а Марго кричала. Потом Филипп стал кричать, что это Марго всю кашу заварила со своими дурацкими идеями. К нему присоединился подголоском Гена. Потом вдруг Антон открыл рот и произнес:

– Коза ты. Я тебе сразу сказал, что у тебя ничего не выйдет.

Ободренные этой неожиданной поддержкой, Гена и Филипп возобновили свои упреки с удвоенной силой. Теперь Марго защищалась и доказывала, что план-то был всем хорош, вот только исполнители хреновые...

Устав от их перебранки, Аля оторвала ухо от дверцы чердачного люка. «Нет, не ищет меня Алекс. Почему он, собственно, должен меня искать? Я позвонила и сказала, что я его бросила...

Алекс, Алекс, но неужели ты меня так плохо знаешь! Неужели ты поверил!

А почему он не должен поверить? Ведь это правда, бросила. Ну, пусть только собиралась бросить, это ничего не меняет. Это правда, вот он и поверил.

Да, но я бы не могла уйти так! Я бы сначала с тобой поговорила... Надеюсь, может быть, в глубине души, что еще можно что-то изменить... Что ты меня остановишь. Я ведь даже это письмо писала только потому, что оно писалось, складывалось в голове! Разве ты не понял, что в моем исчезновении что-то не то? Что я нуждаюсь в помощи? Найди меня, ищи меня, Алекс!..»

В гостиной подозрительно затихли. Алина снова прижалась ухом к дверце.

– ...Это вымогательство и похищение, Марго, – говорил негромко Филипп. – Ты сама твердила, что мы на это не пойдем. Весь твой план на том и держался, что Аля все сделает сама: и деньги попросит сама, и бриллианты на них купит сама же...

– И что ты предлагаешь? От всего отказаться?

– Не знаю.

– То-то. У нас нет выбора. Надо нам звонить.

– И ее муж заявит в ментовку! – сказал Гена.

– И когда Алина даст показания, нас найдут в два счета, – добавил Филипп.

– Тогда нам придется ее убить, – сказал Антон и коротко хохотнул.

Глава 21

«Стало быть, Марго, – думал Алексей, заводя мотор. – Марго ждала Алину и увезла ее на своей машине».

Алексей развернулся и поехал в сторону «Стрелы». «Машина! Что же это она вертится у меня в голове? Я что-то упустил. Давай сначала: Аля не взяла свою машину. Это странно, но можно понять: она «ничем особенно не дорожит» и у нее вечно бывают «несуразные» идеи. Допустим, она хотела остаться независимой от мужа или показать ему, что ничего из материальных ценностей она не берет – гордая. И что? И... и...

И вот что: кредитную карточку она взяла! И кошелек с наличными! Вот оно, вот что странно: когда берешь деньги, то уже нечего демонстрировать, то уже нет никакого смысла не брать машину. Ни-ка-ко-го.

Правильно. Когда начинаешь жизнь сначала, очень трудно обойтись без минимума для старта, и Алина должна это знать – не первый раз она начинает с нуля. А машина – это совсем неплохо для минимума. Тот, кто привык передвигаться на своей машине, больше не мыслит себя без нее.

Нет, если она хотела уехать тихо, без шума, – продолжал свои соображения Кис, – то не устраивала бы спектакль с ночным исчезновением, а уехала бы просто-напросто днем, вроде по делам. Днем, когда на самом деле все менее заметно и менее слышно, чем посреди ночи-то... И на машине, на своей машине! Минимум есть минимум... С сумкой все более-менее понятно: Алина днем надевала синий костюм, синяя сумка была сложена, и вечером, перед уходом, она не стала перекладывать деньги и документы в другую сумку, взяла синюю... Видно, ей действительно все равно, ведь еще Георгий заметил, что она к тряпкам равнодушна...

И все же впечатление такое, что все делалось наспех, как-то непродуманно, несерьезно, особенно для женщины, бросившейся в самостоятельную жизнь, и...

Для женщины? Вот, ну конечно! Вот что еще не вяжется в этой истории никак: она не взяла косметику! Ни кремчика, ни лосьончика, ни флакончика духов, ни тюбика помады: все, по свидетельству Марии Сергеевны, было на месте. Нет, увольте меня из детективов, но так не бывает: женщина не может уйти без косметики. Допустим, она может не взять драгоценности из щепетильных соображений (такого, правда, в моей практике еще не было; но допустим), но она не может не взять косметику! Это уже минимум миниморум».

Неоновая вывеска была видна издалека. Подъехав поближе, Кис увидел невзрачное бетонное здание, которое раньше могло принадлежать столовой или «пищевому комбинату». Однако внутри «Стрела», против всех ожиданий, оказалась весьма приличным рестораном. Оформленный с аляповатой претензией, он был при этом чистым и уютным. И, видимо, безопасным, если судить по «качкам», которые с дружелюбной улыбкой крокодилов встретили его у входа.

Поднявшись по ковровой лестнице, Кис вошел в душноватый зал. Ресторан был почти полон. В эти долгие, медленно догорающие летние вечера народ засиживался за ужином допоздна, а сегодня к тому же была пятница, конец недели, и никто никуда не торопился. Распивалась неспешно водка; велись неспешные беседы; играл оркестр из двух человек – клавиши и ударник (недостающие инструменты успешно заменяла электроника); пела нежным голосом белокурая ладная девчушка, напоминающая куклу Барби, и в такт ее песне перед небольшой эстрадой топталось несколько человек.

Но Марго там не было. Не было ее и в баре на первом этаже – ни одна из женщин, находившихся в

ресторане, не подходила под описание Марго. А она Кису была нужна, очень нужна. Все указывало на то, что она замешана в исчезновении Алины.

Кис выбрал столик в зале, в углу – удобно как пункт наблюдения (вдруг Марго придет?), к тому же народ не мешает размышлять.

Сначала кофе и коньяк (может, поесть? – нет, я не голоден, да и дороговато тут...); потом позвонить Мурашову, устраивался за столиком Кис, потом расспросить директора. Это, скорее всего, тот, у служебного входа возле эстрады, в черном костюме с галстуком, оглядывающий зал цепким хозяйским взглядом: низенький, плотный, смуглый, лысеющий, лет около шестидесяти. Но сначала кофе и коньяк. И еще немного подумать. Еще осталось что-то неясное в уставшем мозгу.

Кофе был хорош, коньяк – кстати. Директор посматривал на Киса со сдержанным любопытством – угадал чужого. «Погоди, милый, скоро свое любопытство удовлетворишь, – подумал Кис, вытягивая под столом ноги. – Надо мне хоть чуть-чуть передохнуть. И посоображать».

Стопроцентно, Алина уехала с Марго. Где они могут быть? Прячутся, на случай если Мурашов будет искать? Но тогда почему она не оставила уже написанное письмо? Ее муж, по крайней мере, не дергался бы от мыслей, что с ней случилось что-то плохое, что ее похитили...

Похитили. Самое смешное заключается в том, что похоже... Похоже, ее и вправду похитили!

«Погоди-погоди, не так быстро, – одернул себя Кис. – Давай-ка по порядку. В этой истории будто бы смешались две отдельные сюжетные линии: с одной стороны, уход Алины от мужа, с другой – похищение Алины. Как будто кто-то намеренно морочит ему голову... Или... как будто обе истории случайно переплелись!»

Он достал блокнот и ручку и начертил простенькую таблицу: «ушла» – «за» и «против».

Письмо ведь Аля написала, что хочет уйти? Написала. Это «за». Но не оставила – «против». Пакет сложила с вещами... Для кого? Если для себя – «за», для Марго – «против». Косметику не взяла – «против». Свою-то ручную сумочку она забрала – это «за»: с деньгами, с паспортом, с правами – какие еще документы ей могут быть нужны? Документы на машину ей не нужны без машины... Наверное, в машине и остались. Может, и права там же? Я не проверил, но это, в общем-то, ничего не меняет...

Боже, какой я идиот! Кис вскочил, едва не опрокинув стол. Вот оно, что крутилось все время в голове: машина! Он бросился в мужской туалет – не голосить же на весь зал, – где вытащил свой сотовый телефон и спешно набрал номер.

– Георгий? Добрый вечер, Кисанов. Нет, потом, я потом с хозяином поговорю, сначала сделайте вот что... Але, але, Георгий, куда вы пропали? Это вы, Мурашов? Погодите, после расскажете, сначала пошлите Георгия машину осмотреть! Я сделал непростительную ошибку – не осмотрел машину внутри... Вот что значит предвзятость! Я был до такой степени убежден в своей теории, что она ушла сама... Как это ничего не меняет? Я уверен, ее документы в машине, вся ее сумка, скорей всего... Они должны быть там. Я тоже частенько в машине оставляю свой портфель, когда в гараж ставлю... Да просто потому, что Алина не собиралась их брать! Да подождите же, Мурашов, я вас выслушаю – но можете вы сначала послать Георгия?

– ...Мурашов, Мурашов, подождите, я вас прошу, пошлите Георгия! Поймите, это очень важно: я думаю, вы были правы – вашу жену похитили.

– ...Не понял? Я был прав? То есть?

– ...С чего вы взяли, что она сама ушла? Подождите, я запишу... «...ничего не надо» – не так быстро, я

вас прошу – «...дам о себе знать сама» – все? Когда она позвонила? То есть больше двух часов назад?.. Тут что-то не то. Послушайте, Александр, не надо отменять расследование. Поверьте мне, тут что-то не то! Вы Георгия послали? Хорошо. Я действительно начал думать, что вашу жену похитили. У меня для этого появились серьезные основания.

– ...Я не знаю, как это вяжется с ее письмом! Никак не вяжется, если честно. Может, просто совпадение. Она ведь его все-таки не оставила... И теперь с этим звонком – тоже не знаю. История очень запутанная.

– ...И что, он нашел что-нибудь в машине? Держу пари, что ее сумочку... Как нет? Странно... Только паспорт? Он хорошо осмотрел? Что-нибудь еще? Погодите, запишу, – Кис прижал трубку к уху плечом и нацарапал в записной книжке: «Пакет бумажных платков, рецепт, помада, конфета...» – Все? Где все это было? Ага, понимаю: как будто она все это выронила впопыхах, да? Это вносит какой-то дополнительный нюанс, Алекс, который я пока не понимаю, но в целом я был прав. Нет, Алекс, это я сейчас прав, а не тогда, когда я вам сказал, что она от вас ушла. Сейчас, понимаете? А тогда, вначале, я был не прав... Послушайте, Александр... Да вы можете меня выслушать, черт возьми!

– ...Все, все, давайте спокойно, давайте. Я вас слушаю, говорите. Да... Угу... Сказала, сказала! Что вы мне повторяете, что она вам сказала! Это слова! А у меня на руках факты. Хватит того, что она не взяла паспорт!

– ...Но не до такой же степени она рассеянная! Она же не погулять вышла! Уйти от мужа – серьезный шаг, такие шаги продумывают, Мурашов. Не взять паспорт! Что она может без него?

– ...Алекс, я не подозревал, что вы такой романтик. Что значит «ненавидит»? Вы жили с вашей женой изо дня в день и не знали, как она к вам относится? Помнится, только вчера вы меня уверяли, что она вас любит. И потом, причем тут «ненавидит»?.. Да, написала, что хочет от вас уйти, но письмо ведь не оставила! И это, кстати, вовсе не означает, что она вас не любит, это означает только то, что она так думает. Не понимаете? А вы, скажите мне, вы свою жену любите? Вы уверены? Вот, а она считает, что нет. Как это – откуда я знаю? А кто вам ее письмо прочитал? Вы слишком много выпили, Мурашов... Она вам написала, что вы ее не любите. Она так думает. И она ошибается, не так ли?

...Хорошо, допустим, она вас не любит. Допустим, она вас ненавидит, раз вы так настаиваете. Допустим, исходя из этого Алина решила ничего не брать – ни деньги, ни машину, – чтобы не быть вам обязанной ничем... Я говорю «допустим», Александр, перестаньте паниковать! Но документы-то тут при чем, черт побери? Любит – не любит, а документы всегда нужны! Это совсем из другой оперы. Ладно, мы теряем время. Я позвоню, как только смогу.

...Нет, все, что вы можете сделать, – это сидеть и ждать. Для помощи мне у меня есть помощники. Я им плачу. А вы платите мне. Вот мы и сделаем все, что нужно!

Не ожидая ответа, Кис с облегчением захлопнул крышку телефона и спрятал его в карман. Мурашов обрушил на него такой поток слов и противоречивых эмоций, что у него голова распухла. «Б-р-р», – Кис помотал головой, стряхивая с себя впечатления от разговора. К директору!

...Марго шикнула на Антона. Голоса стали еще тише, и Алина больше не смогла ничего разобрать. Только гулкий стук ее собственного сердца раздавался в ушах.

Она попыталась его унять. Она попыталась успокоиться. Он шутит, этот Антон? У него всегда были дебилские шутки...

Конечно, это шутка.

Конечно.

До нее вдруг снова долетели слова, произнесенные Марго неосторожно громко: «...пойми, мы не можем ее отпустить с испорченной картинкой! Это прямое доказательство, что ее принудили! Вот только если сделать так, как предложил Антон...»

Продолжения Аля не услышала – на сей раз шикнул Антон, и голоса снова снизились до неразборчивости. Но она уже пять минут назад слышала, что именно предложил Антон...

Только никак не могла поверить.

Она подошла к окну. Ночь обвееяла, освежила ее лицо. Ночь, которую она так любила... Ночь. Неужели последняя в ее жизни?

Нет, не может этого быть! Они на это никогда не пойдут. Филипп ее любит.

Да, но только не он решает. Решает все Марго.

А она если и слушает кого-то, то только своего дебила Антона.

И Антон сказал, что ее придется убить.

Ею овладел страх. Поплыли в памяти истории, которыми заполнен эфир и газеты: тут убили, там пытали; там за большие деньги, а там просто так, оттого что прикурить не дали...

Да уж чего там пресса, с горькой иронией усмехнулась Алина, ей за примером далеко ходить не надо: она сама убийца.

Всплыло вдруг воспоминание: когда ей было одиннадцать лет, влюбился в нее мальчик, живший в соседнем с интернатом дворе. Вовка по прозвищу Сало был хулиганом и, кажется, грозой окрестных дворов. Аля его не боялась – чувствовала, что влюблен. Они в свои одиннадцать лет вели философские разговоры, и Аля все пыталась объяснить Вовке – как понимала сама в свои годы, – что есть хорошо и что есть плохо, и что в жизни все должно быть по-доброму и справедливо... Вовка внимательно слушал, пока в отдалении топталась его свита, поджидая своего маленького пахана... Иногда спорил, иногда соглашался. Он любил слушать Алю и приходил в интернатский двор каждый день.

Девчонки вопили: ты с ума сошла, он же хулиган! Немедленно прекрати с ним отношения, ты же себя роняешь!

В конце концов Аля их послушалась. И потом постоянно жалела об этом. Потому что Вовка на самом деле мыслил, он по-своему искал истину, и эта истина была ему нужна, жизненно необходима; а девчонкам было жизненно необходимо только сплетничать. Уже будучи взрослой, Аля поняла, что подружки добивались их разрыва просто из зависти и она, по своей вечной слабыхарактерности, потеряла друга.

Впрочем, какая дружба могла быть между ними? Кем он стал? Одним из криминальных авторитетов? Он уже не мог сойти со сложившегося пути... И, как бы внимательно он ни впитывал Алины слова в одиннадцать лет, они бессильны что-либо изменить в его жизни. Так что теперь – если сам еще жив, – он тоже убивает и грабит... И, может, иногда философствует по старой привычке после баньки за водкой... Вспоминает ли он маленькую светловолосую Алю? Если и вспоминает, то смеется, должно быть...

А уж как бы посмеялся Вовка по прозвищу Сало, если бы узнал, что его маленькая наставница в области нравственности и сама – отравительница! Не прошло и пяти лет со времен ее душеспасительных бесед с маленьким хулиганом, как она, рассуждавшая о добре и зле, сделалась преступницей. Убийцей...

Да, конечно, разумеется, у нее не было выбора: ей некуда было бежать из дома в свои шестнадцать.

Ей некому было доверить постыдный секрет, не у кого было просить помощи. А обратиться в милицию означало бы ославить себя на весь городок и ежедневно, ежечасно, ежеминутно ловить на себе двусмысленные взгляды... Объяснять в милиции и суде: «Да, вот так он меня положил, вот так ноги раздвинул»? Доказывать то, чему свидетелей не было и не могло быть?

Нет, это было выше ее сил! И она сделала то, что было в ее силах: принесла из лесу в кармашке горсточку грибов и положила незаметно в кастрюлю с маринадом...

Но у нее все-таки есть оправдание!

У нее есть оправдание? Полно, не надо играть с собой в прятки! Кто же не найдет себе оправдания? Еще Достоевский заметил, что нет ничего проще, чем подвести философско-оправдательную базу под преступление. И сразу топор становится легок в руках...

Аля рывком поднялась с тюфяка. Хватит! Есть у нее оправдание или нет, но она сделала то, что сделала. И теперь бессмысленно об этом думать. Всем этим мыслям о прошлом место в том черном сундуке, в который она давно научилась их прятать! А сейчас следует подумать о настоящем!

Но ей стало до такой степени плохо от собственных уничижительных мыслей, что слезы ринулись из глаз, как горные потоки по весне. Было жалко себя – за то, что она такая плохая, за то, что она такая несчастная, за то, что собралась уходить от Алекса, за то, что сидит на этом дурацком чердаке...

За то, что ее собираются убить.

Может, это и шутка... Но что-то от таких шуток делается не по себе.

Надо что-то придумать. Надо бороться! Надо спастись!

Но как? Они там, внизу. Остается только окно...

Аля утерла слезы и высунулась из окошка: все-таки очень высоко. Но, что хуже всего, под окном кусты и какая-то бочка. Если прыгнуть – точно убьешься. В самом деле, может, связать простыни? Под чердаком есть небольшой карниз: встать на него, затем еще чуть-чуть спуститься – и можно будет опереться о нижний подоконник, а там недалеко и до земли...

Но до нее снова долетел голос Марго, и она поторопилась к люку. Склонившись, она вслушивалась в долетавшие слова – Марго явно говорила по телефону и, хоть и старалась, прикрывая трубку ладонью, но, видимо, не могла говорить тише – иначе на том конце провода ее не было слышно.

«...Прямо сейчас! Можешь?»

«С кем это она? Что нужно сделать прямо сейчас?» – холодела от страшных догадок Аля.

«Ты мне как-то сказал, что тебе бы это доставило удовольствие. Вот и получишь...» Дальше последовало что-то неразборчивое, сказанное Марго со смехом.

Господи, уж не наемного ли убийцу с садистскими наклонностями они зовут?! Спастись! Бежать! Немедленно!!!

«Ты прав... – вновь расслышала Аля голос Марго. – Как скажешь... Хорошо, так и сделаем... Понимаю... Не беспокойся, клиент будет тепленький! Она уписается со страху еще до того, как...»

Дальше Аля не стала слушать. Она схватилась за простыню. Нужно ее разорвать и связать полосы!

Нет, нельзя – будет трещать! Нужны ножницы!

Аля тихо обошла комнату, всматриваясь в тусклом свете в хлам, лежавший в дальней части чердака. Спустя некоторое время ей удалось найти старый перочинный нож. Она до крови сломала ноготь, открывая лезвие. Прикинув, какой ширины должны быть полосы, она начала тихо резать простыню поржавевшим

тупым ножом.

Вдруг внизу произошло какое-то движение. Аля быстро спрятала свою работу под одеяло и прислушалась.

Кто-то поднимался к ней.

– Аля! – ангельским голоском позвала ее Марго. – Ты не спишь там, часом? Спустись, а? Дело есть.

Аля от страха готова была выпрыгнуть в окно без всяких простыней. Но крышка люка приоткрылась, и Филипп буркнул, отводя глаза:

– Спустись.

Аля медлила, охваченная дурным предчувствием.

– Ну, – грозно проговорил Филипп, – я чего сказал! Спускайся!

Он подождал, пока она встала на лестницу, и только тогда освободил ей ступеньки. Аля даже не успела понять, что произошло, но, едва ее нога коснулась пола, ее подхватили несколько рук, и спустя мгновение она лежала на диване связанная. Рот ей завязали грязным вонючим полотенцем.

– Все, уходим, – деловито распорядилась Марго, избегая смотреть на Алю. – Давай, Фил, на выход!

Филипп мялся. Аля отчаянно мычала. Филипп вышел в прихожую, и оттуда донесся его шепот, достаточно громкий: «Может, мне все-таки остаться? Прослежу, как и что...»

– Не вздумай! – отчеканила Марго. – Уходим все, как договорились. Нужно, чтобы на это время у нас у всех было полное алиби. Пошли, пошли, чего стоишь!

Последним вышел, тревожно обернувшись, Филипп. Аля осталась лежать на диване. Она слышала, как Марго завела свою машину...

В доме все затихло. Горел свет, звенела тишина, ночная бабочка билась в абажур. Аля лежала беспомощная и неподвижная, жертва, готовая на заклятие, и не было никакой возможности спастись!

В глазах ее копилась слезы и тихо и мокро стекали к вискам...

Глава 22

Кис не ошибся – маленький круглый человек был действительно директором, а может, и владельцем этого заведения. Он проследовал за Алексеем к его столику в углу и удобно расположился, откинувшись на мягкую спинку диванчика. Кис торопился, предчувствие подсказывало ему, что действовать надо незамедлительно, но хозяин для начала подозвал официанта, велел принести ему для гостя закуски и только потом приступил к ответам на нетерпеливые вопросы детектива. Говорил он неторопливо, раздумчиво, делая долгие паузы и тщательно подбирая слова.

– Голос у Марго есть, это вам правду сказали, но какую карьеру она могла сделать? – Директор говорил мягко и доброжелательно, и в его голосе сквозил тот легкий кавказский акцент, который бывает у выросших в Москве грузин и армян. – Она, извините, неисправимо вульгарна, голос пропитой и прокуренный, под глазами всегда отекающие круги: мало, что пьет и курит, еще и «травкой» балуется.

– Она наркоманка?

– Не то чтобы... Но покуривает эту дрянь.

– Вы ее из-за этого уволили?

– Я бы ее уволил – из-за всего этого, да добавьте необязательность, недисциплинированность... Опаздывала, а то и вовсе не приходила! Разве мы можем себе позволить так работать в нынешние времена-то? Никак не можем! Но ушла она сама. Карьера ей, видите ли, пригрезилась великая.

– А музыкантам, значит, вы отказали, договор не продлили?

– Было дело. Она с ними и ушла от меня.

– Никудышные, стало быть, музыканты?

– Да нет, дело вовсе не в этом! У Филиппа совсем даже неплохие способности, иные вечера играл – закачаешься; да и остальные могли бы... Но нужно ведь не только уметь играть и петь – нужно работать уметь! А они не умеют и учиться не хотят. Многие самостоятельные группы начинали, как они, и теперь стали настоящими профессионалами, заметными хотя бы в нашем, ресторанном, мире. А эти ребята безнадежно опоздали. Сейчас требования уже ого-го-го, у нас нынче и консерваторские подрабатывают, и для таких лабухов уже места нет...

– А мне вот довелось слышать, что вы ее и всю группу каждый вечер бесплатно угощаете? Водочку или что там ставите?

– Ставлю... – Хозяин вздохнул. – Я должен рассказывать?

– Не обязательно. Но я не фининспектор и не милиция. Мне просто нужно понять Марго.

– Шантажирует она меня, по мелочи, – снова вздохнул хозяин. – С тех пор, кстати, как Аля их всех бросила. То ли она при Але не посмела, то ли ее раньше такая идея – меня шантажировать – не осенила. Водятся за мной мелкие грешки. Налоги там... Мелочи, в общем-то. Марго об этом знала, когда здесь работала, – я поначалу ей доверял, она мне показалась девчонкой разбитной и толковой, у нее в принципе есть деловая хватка... Но, понимаете, от мелких грешков бывают крупные неприятности... Вот я и решил, что дешевле им наливать, тем более что это не всегда, они, бывает, по контрактам на месяца два-три уезжают. – Хозяин глянул в лицо детективу. – Хватит таких объяснений?

– Хватит.

– Любит она власть... – Директор печально покачал головой с видом мудреца, познавшего суетность

этого мира.

– И что, – не понял Кис, – это плохо?

– Плохо, – удивился глупому вопросу директор. – Конечно, плохо! Сами посудите: человек, который любит власть, – не уважает других людей! Власть ведь как осуществляется? Это когда навязывают свои мысли и свою волю другим. Значит, других за идиотов считают, у которых нет своей воли и мыслей!

– Тогда любая политическая партия...

– А что вы думали? Конечно! На том и держатся, что навязывают людям нужные партии взгляды и поступки! Как секты. Почему, скажите мне, частная собственность считается неприкосновенной, чуть кто покушается – сразу вор, сразу криминал! А чужая душа таким, как Марго, представляется колхозным полем – кто хочешь, тот по нему и гуляй? Как хочешь, так и вспахивай? А Марго по этой части мастер, у нее дар прямо какой-то – убеждать людей! Я и сам поначалу попался... Ей-богу, я бы издал закон о неприкосновенности частного мировоззрения...

– Позвольте, но тогда и любой начальник, облеченный властью...

– Э-э, нет! Я ведь не о тех говорю, кто властью облечен, а о тех, кто власть любит! Это разные вещи. Иерархия нужна, без нее порядка ни в государстве, ни в делах не будет!

Кис торопливо покивал, соглашаясь, и вернул разговор в нужное русло:

– Алину Дементьеву помните?

– А как же! Такую девушку не забудешь... Аля – это ангел, залетевший по рассеянности не туда. Ни Марго, ни мой ресторан, ни Филипп этот, ни жизнь кочевая с ансамблем – все это было «не туда». Официантка она была никудышная, и, если бы я ее не любил, сразу бы выгнал. Но я ее любил... Хорошая она девочка. Нежная душа. Только все у нее невпопад в жизни было... Я уж был рад за нее, когда узнал, что она замуж вышла! За такого крупного человека! Вот это по ней – спокойная жизнь за надежным плечом. Очень рад был! Марго тогда, когда Аля от них всех сбежала, кричала: «Она без меня пропадет, она еще увидит!» А вот – не пропала! Утерла нос Марго.

– А Филипп? Как отреагировал на исчезновение Али?

– Долго мрачный ходил, несколько месяцев. Но ничего не говорил, насколько я помню.

– Не искал ее?

– Не знаю. Но думаю, что нет. Марго бы не потерпела: Аля для нее была предательницей.

– Откуда вы знаете о ее замужестве?

– Как-то пару месяцев тому в гостях был, листал журналы хозяйские от нечего делать. Обычно-то я такие журналы не читаю – светская жизнь там всякая... И вдруг смотрю – Аля! На фотографии, я имею в виду. С мужем, на приеме каком-то. Я, главное, из текста понял: она жена крупного издателя! Ну, думаю, дела! Вот молодец! Так я страничку ту из журнала вырвал и унес. И как только Марго заявила ко мне в очередной раз вечером со своей свитой, я не удержался, прямо при всей честной компании под нос сунул фотографию: «Погляди, – говорю, – Марго, на свою подружку! Ты все боялась, что пропадет без тебя Аля (это я так сказал – «боялась») – ничего она не боялась за Алю, рада была бы, если бы у подружки жизнь не сложилась!), а вот, поди-ка, не пропала! В большие люди вышла! Глянь, глянь на фото – ну истинная королева!» Марго аж позеленела от злости – это ведь ее у нас тут некоторые «королевой» зовут... А Аля на том фото воистину хороша: на ней было такое платье, знаете, как на приемы надевают, – длинное, с вырезом на спине, – в руках бокал, и сама улыбается, и волосы ее светлые вьются... Хороша, хороша! Я за нее, поверьте, как за собственную дочку был рад. В ней такое что-то всегда беззащитное было... Что

хочется ее защитить, понимаете?

Кис кивнул. Он понимал.

– И что Марго на это сказала?

Хозяин помрачнел.

– Ничего не сказала, только, говорю я вам, зеленая аж стала вся. Выхватила у меня из рук журнальную страничку, глазами в нее так и впиалась... Она не то чтоб Алю не любила, пожалуй, любила даже, по-своему. И даже уважала, хотя и не показывала. Но она с Алей соперничала, всегда старалась ее задвинуть, быть впереди нее, быть первой во всем. Я же вам сказал – Марго власть любит. Алей она распорядилась, как хотела.

– А Алина подчинялась?

Хозяин задумался, подбирая слова.

– Как вам сказать... Подчинялась. Но не из чувства униженности или зависимости, а... как, знаете, доверчивый исполнительный ребенок, который старается для взрослых что-то сделать... Она Марго поначалу будто за старшую сестру держала... У Марго, я вам говорю, талант убеждения есть – она быстро сумела внушить Але, что только о ней и заботится... И Аля была ей благодарна. Она ведь девочка одинокая, у нее семьи толком никогда не было – вот и придумывала себе привязанности. Понимаете?

– Пожалуй.

– В ней не было этого духа соперничества, как у Марго. Ей не в тягость услужить, даже наоборот, в радость. От доброты. Понимаете вы, что я хочу сказать?

– Вполне.

– Она щедрая сердцем, Аля. Знаете, это ведь на самом деле идет от силы – уступчивость. Сильному не жалко уступить, у него ничего не отнимется. А слабый – он своего никогда не отдаст, потому что ему страшно: а ну как отнимется у него что-то, так он последние силенки потеряет, на ногах не устоит... Потому-то слабый отчаянно завистлив и у других отхапать не прочь – все ему кажется, что ему мало, что он несчастен, что ему всего на свете не хватает. А сильный чувствует свою силу, и ему хватает и так. Можно даже и другим уступить и услужить – как бы поделиться. Я вот это и называю щедростью... Так что хоть Марго ею и помыкала, а все же Аля – сильный человек. А у таких людей всегда в конечном итоге все хорошо складывается. Их вот эта внутренняя сила и выносит из всех жизненных бурь.

– Вы философ, – уважительно заметил Кис.

– А как же, – удивился директор, – жизнь разве зря жил? Разве зря грешил, чтобы и к старости ничего не постичь и не осмыслить? Тогда всей жизни грош цена! Вот только... С Марго я промашку дал... – вздохнул директор, разводя руками. – Зря я ей сказал об Алином замужестве.

– Почему?

– Вчера Марго в ресторан в этом платье явилась. Которое тогда, на фото, на Але было.

– Лиловое?

– Лиловое... А вы-то откуда знаете?

– Да я вроде как детектив.

– Ну да, ясное дело... Так я понял, что она Алю нашла и платье у нее вытребовала... Откуда же еще такое же платье могло у нее взяться? Не на заказ же она сшила? Это какие деньги – на заказ сшить! А Маргошка последнее время все у меня в баре отирается: значит, контрактов нет. И денег, соответственно,

тоже. Нет, она небось Алю достала, Марго по этой части мастер!..

Хозяин вздохнул. Кис спросил участливо:

– По себе знаете?

– Ох, знаю...

– Что вчера в ресторане было, расскажите подробно.

– Да что было... Ужинать они пришли. Давно они у меня не ужинали... И за все заплатили, даже за алкоголь. Марго официанту таким презрительным жестом деньги протянула, а на меня все косилась: вижу ли я... Не знаю уж, где они деньгами разжились. Может, тоже у Али? Марго аж прямо светилась торжеством. И по ресторану разгуливала с бокалом в руках, прямо как Аля на фотографии. С пьяницами всякими разговаривала – ее тут многие знают, у нас есть свои завсегдатаи. Я вам говорил, некоторые ее «королева Марго» зовут. Она и рада, строит из себя королеву. Хотя, вправду сказать, платье Алино ей тоже идет. У них один размер. Они раньше одежду на двоих покупали. Да и вообще она красивая, если честно. Только характер сволочной.

– Ничего не говорила – виделась она с Алей?

– Нет. Только сказала, что не одна Алька такая умная, она теперь тоже в гранд-дамы выйдет... Да только куда ей? Все это пьяный треп. От зависти.

– Может, и нет... – сказал задумчиво Алексей, – может, не просто треп. Что еще она говорила? Что-нибудь особенное?

– Дайте подумать... Вы подозреваете, что Марго замешана в исчезновении Али?

Кис приблизил к нему свое лицо и прошептал доверительно:

– Подозреваю.

– С Марго станется, – вздохнул директор. – Только как она могла украсть Алю? Не вещь ведь.

– Ну, как – это дело техники. Что еще было необычного вчера? Время прихода, время ухода, слова какие-то, взгляды особенные?

– Понимаю, вроде как у них заговор, да?

– Именно!

– Так. Значит, пришли: позже, чем обычно. Обычно после девяти. А вчера – около половины первого. У меня до трех открыто. И пришли без Филиппа, не было его с ними.

– Отлично.

– Ушли, как обычно, с закрытием. Взгляды, слова: были очень оживлены. Я вчера подумал – из-за платья. Но теперь понимаю: могла быть и другая причина. И вот деталь интересная: Гена обычно с этой компанией редко появляется, только когда им чего обсудить надо, а так он к своим ходит – он гомосексуалист. А вчера он с ними пришел. Посидел какое-то время и хотел было уйти, так Марго на него так шикнула! Не пустила.

– Интересно.

– И еще: Антон – это который дружок Марго – всегда молчит. Только пьет и смеется. Марго любит представляться, главную роль играть – она всегда вроде как на спектакле, на зрителей работает. А он обычно смотрит на нее и улыбается, и что он думает – неизвестно. Хмылит и молчит. Я так до сих пор и не понял, дурак он или умный... А вот вчера на эти ее слова про «гранд-даму» он ей крикнул: «Кончай,

Марго!» И на меня посмотрел. Обычно-то я вроде как стенка, он на меня никогда не смотрит – не нравится, что я с ними контракт не продлил! Как вы думаете: испугался, что Марго сболтнет, чего не следует?

– Очень возможно!

– Есть еще одна странность... Теперь, как начнешь думать, так сразу детали разные вспоминаются, и все уже кажется подозрительным... Может, я и ошибаюсь...

– Это не страшно, – заверил его Кис.

– Марго вчера так как-то нарочито руку все отставляла, вернее, выставляла, что я начал думать – хочет свои кольца показать, что ли... И что там у нее такого, особенного может быть? Попытался рассмотреть. Я, конечно, ее украшения не знаю, никогда не обращал внимания, так что сравнивать не могу. У нее всегда много чего на руках понанизано, и все кольца крупные, большие, дешевые. А все же вчера я заметил одно кольцо, желтый металл и сверкающий камень. Вроде бриллианта. Ну, думаю, куда ей, за двадцать рублей, наверное, на рынке купила. А теперь вот с вами говорю и думаю: где платье, там, может, и кольцо?

– Не исключено. У Алины было на пальце кольцо, золотое, с бриллиантом, свадебный подарок ее мужа. Разговоров их не слышали?

– Нет, к сожалению. Я и не прислушивался, оно мне надо?

– Сегодня не появлялись?

– Нет.

– Где они еще могут быть, кроме квартиры Марго? Адреса Филиппа и Гены у вас должны быть, раз вы контракт подписывали?

– А как же! Сейчас, мигом.

Глава 23

Прошло, наверное, около часа томительной тишины, когда Аля услышала, как распахнулась входная дверь. Ее, стало быть, не заперли, оставив открытой для кого-то, у кого нет ключей...

И этот «кто-то» вошел.

От ужаса Аля крепко зажмурила глаза.

Кто-то громко хмыкнул – удовлетворенно и насмешливо.

– Что, не все коту масленица, а?

Голос был знаком.

Аля открыла глаза.

Над ней стоял Георгий, секретарь Алекса, и ухмылялся дебильной Антоновой ухмылкой.

– До меня дошли слухи, что ты тут плохо себя ведешь! – произнес он с издевкой.

Так вот кого они позвали! Аля уставилась на Георгия в полном изумлении, не понимая, какую роль собирается играть секретарь ее мужа. Неужто...

Неужто роль ее палача?!

– Чего смотришь, глаза вылупила? Да, это я! Раньше так не замечала, а теперь вдруг мной заинтересовалась? И с чего бы это? Отчего бы тебе не сказать, как обычно, твоим ледяным высокомерным голоском: «Георгий, будьте любезны, сделайте то, сделайте се? Будьте любезны, Георгий, развяжите меня...»? А-а, не можешь? Трудновато выделываться, когда ручонки-ножонки связаны, а роток заткнут? Только и осталось, что глазки таращить! Ну-ну, таращь на здоровье: вот он я!

Он наклонился к ней близко-близко и уставился прямо в Алины зрачки.

– Ты меня три года не замечала, я всегда пустым местом был для тебя, правда же? Зато сейчас уж я наслажусь твоим вниманием!

Он уселся на стул, приставленный вплотную к дивану, на котором лежала связанная Аля, и закинул ногу на ногу.

– Чем я хуже тебя, а? За что ты меня презираешь? За то, что мне не повезло, как тебе? Что у меня в карманах пусто? Я все могу простить, но только не презрение! Помнишь, как я тебе намекал, что был бы рад с тобой переспать? Ты на меня посмотрела, как на бревно! Ты даже мужу не пожаловалась! Словно я не мужчина! Ты меня не удостоила даже доносом! Ты просто через пять минут забыла о моем существовании, гадина!

Он привстал и больно ущипнул ее за щеку, и без того горевшую от пощечин Филиппа.

– Молчишь? Правильно, что ты можешь сказать? Уж лучше молчи... Ух, что я с тобой сделаю! Что я сейчас с тобой сделаю!

Он мечтательно закатил глаза.

Але отчего-то показалось, что Георгий на самом деле не очень хорошо представляет, что именно он собирается с ней сделать, но зато очень старается сам себя накрутить.

– Я такое сделаю!.. Я все, все, что давно хотел, – все сделаю! А? Испугалась? То-то! Как сквозь меня смотреть под крылышком-то у мужа – так пожалуйста, а теперь валяешься тут связанная, сама, как бревно, – так глазенки отвести не можешь? Страшненько, да? Сейчас-то ты в моей власти, а? Ты это-то понимаешь?

И секретарь пихнул ее в бок коленом, чтобы его слова дошли до нее получше.

Он встал и прошелся по комнате, поглядывая на нее, словно размышляя. Алине снова подумалось, что Георгий не слишком хорошо представляет себе дальнейший план действий... Она никак не могла понять, зачем он здесь: убить ее? Напугать? Поиздеваться? Или он еще сам не решил?..

– Ладно, – вдруг произнес он. – Даю тебе последний шанс выкрутиться: звонишь Алексу, как договаривалась с Марго. Просишь пол-«лимона» баксов. И потом чапаешь обратно, под крылышко. Лады? Кивни мне, если согласна.

Вот оно что! Не добившись от Алины денег, Марго призвала на помощь Георгия! Но откуда же она его знает, интересно?

Аля не шелохнулась, все так же глядя на него расширенными от напряжения и отвращения глазами.

Он засмеялся.

– Ты переигрываешь, Линочка. Слишком вошла в роль неприступной светской дамы. Кто ты есть на самом деле? Да никто, ноль в квадрате! Нищая провинциальная шлюшка! Повезло, это да: вышла за богатого, с положением! Урвала свой кусок! Чем ты лучше проститутки, скажи мне? Ты точно так же продалась за деньги! Какого же хрена ты выделываешься? Оттого, что денешки завелась? Так не твои – мужнины! А проститутка – она и есть проститутка, и обращаются с ней, как положено с панельной девкой...

«Они спелись с Марго... – поняла Аля. – Не знаю как, но понимаю почему: у них совершенно одинаковый взгляд на меня. И на жизнь. Они меня считают такой же хищницей, как они сами, просто более везучей. И завидуют. И хотят поиметь свою долю... Но все же, зачем Георгий приехал? Заставить меня позвонить? Марго увезла всю компанию «алиби делать»... Что означает, что меня отдали Георгию на откуп... А его-то интерес каков? Отомстить мне за свое унижение, которое он сам, в силу своих узколобых комплексов, себе придумал? Но не будет же он меня из-за этого убивать? Если он только не маньяк...»

Аля с интересом посмотрела на Георгия. Нет, на маньяка он не похож. Примитивный, ограниченный, завистливый – но не сумасшедший. Надо признать, что роль прилежного, исполнительного секретаря у него неплохо получалась... Хотя Аля всегда чувствовала в нем какую-то грязь и фальшь. И она не ошиблась: он оказался просто подлецом. Надо будет Алексу об этом сказать.

Мысль об Алексее пронзила ее отчаянием, и вместе с ней другая, еще более страшная мысль: раз Георгий пошел на это, значит, он не боится, что она пожалуется Алексу! Следовательно... Он пришел ее убить?

Да, но ведь они до сих пор не добились от нее денег! Зачем им ее убивать? Они должны сначала заставить ее позвонить Алексу... И Георгию наверняка пообещана его доля, вот что! Вот они, пятьсот тысяч, – «по сотне на каждого»! Потому он и приехал – чтобы ее заставить!

«Мы не можем отпустить ее с испорченной картинкой...» То есть с избитым лицом? Значит, Марго защищает своих, чтобы в случае чего их не обвинили в избиении... которое явно свидетельствовало бы о вымогательстве, о том, что Алю вынудили требовать деньги у мужа! А на Георгия ей наплевать, если что – свалит на него... Но он сам – неужто не понимает, что его подставили?

Или он и вправду собирается ее потом убить? Но сначала он должен заставить ее позвонить Алексу, это ясно. И пока она не позвонила – она жива.

– ...Я красивее твоего мужа! – говорил меж тем Георгий. – И моложе в два раза! Отчего же ты на меня смотрела свысока – не сейчас, сейчас свысока на тебя я смотрю, – а раньше, всегда? За то, что секретарем простым работаю, а не издателем, да? И ты строишь из себя барыню, которая не может опуститься до того, чтобы спать с прислужгой? А я тебе не прислужга, я мужчина! А ты до такой наглости дошла, что смотришь на меня, словно я предмет обстановки! – распаялся Георгий. – Ты даже при мне однажды халат не застегнула! Чуть не голяком прошлась! Я думал – девушка хочет, ну что ж, обслужим, ты красивая женщина, я – красивый мужчина, отчего же нам не сойтись в постели? Да как только я тебя окликнул, ты вздрогнула, словно привидение увидела, и скорей халатик свой запахивать! То есть – ты меня до этого не заметила! Просто не заметила!!! А я человек! И мужчина!

Аля хотела ему сказать: «Бог мой, Георгий, но это же не повод, чтобы кидаться в постель! Есть же любовь! Это она приводит людей в объятия друг к другу!» Но не сказала.

Не только потому, что рот ее был завязан и могла она только мычать. Нет, дело было в другом. Она ведь сама, только вчера, написала Алексу, что не любит его. И что он ее – не любит. И они все же сходились в постели... Вот так, как говорит Георгий, без любви, просто потому, что их связывает положение мужа и жены... Так получается, что Георгий, при всем своем цинизме, прав: если можно спать без любви с Алексом, то почему нельзя – с Георгием?

Нет, нет, не так! Неправда! Она любила Алекса! Она хотела близости с ним! Просто у них отчего-то не получилось... Быть близкими не получилось.

«Господи, – сказала себе Аля, – я совсем запуталась. Сейчас вдруг кажется, что я любила Алекса, только загнала свою любовь своими же комплексами куда-то в темный угол своего сознания, такой темный, что сама теперь разглядеть не могу...»

Она очнулась от своих мыслей, потому что Георгий снова склонился к ней с приторной улыбкой киношного садиста. Он вынул из нагрудного кармана что-то оранжевое и плоское, нажав какую-то кнопку... И только когда сверкнуло острие лезвия, она поняла, что это каттер.

Она много раз видела у Алекса на столе такие каттеры, которыми он аккуратно вырезал иллюстрации и фотографии, когда работал над оформлением книги, – многие книги издательства были сделаны им самим...

Георгий коснулся острым металлическим уголком ямки между ее ключицами и с улыбкой посмотрел на нее.

– Как ты думаешь, что я сейчас с тобой сделаю?

«Ничего», – с надеждой подумала Аля. Георгий был фальшив, фальшив всегда, даже сейчас фальшив, в роли то ли насильника, то ли убийцы... Он так натужно настаивал на том, что она должна испугаться, что ей даже почти не было страшно.

Георгий меж тем легонько оттянув на себя ее майку, повел по ней лезвием вниз, царапая острием ее кожу. Было больно, но не очень, терпимо. Аля приподняла голову. Увидела она две вещи: яркие бисерные капельки крови, местами выступавшие на длинной царапине, и глаза Георгия, с живейшим интересом вглядывавшиеся в ее лицо. Пока Аля продумывала, что для нее разумнее: сделать вид, что испугалась (чего он явно ждал), или, наоборот, напустить на себя уверенность и спокойствие, Георгий решил для ее пущего устрашения пуститься в объяснения.

– Я тебя ножичком порежу, да? Смотри, какой острый! – сунул он ей под нос лезвие. – Смотри, как чикает!

Дойдя до края майки и оставив на Алиной коже красную тонкую полоску, дошедшую до пупка,

Георгий снова приставил каттер к ее груди.

– Боишься, признайся! – требовал он. – Ты теперь в моей власти, что хочу, то и сделаю! Могу и на кусочки разрезать! – вымогал он у Али признаки страха.

Это было до такой степени абсурдно, что ей и в самом деле стало немножко страшно. Все же он, пожалуй, ненормальный...

Георгий, с удовлетворением уловив приметы испуга, чикнул по ее лифчику и развел две половинки в стороны, с любопытством изучая ее грудь.

– Не запахнешь теперь! – говорил он. – Теперь я сам тебе распахну все, что захочу! И буду смотреть везде, где понравится! И ты не сможешь меня не заметить, потому что вот он я, перед тобой!

В подтверждение своих слов Георгий сдернул ее юбку, легко соскользнувшую со связанных ног, и принялся за разрезание трусиков. Закончив, он торжествующе вытянул из-под нее остатки одежды и посмотрел на Алю победно.

– Ну, теперь давай, изображай барыню в голом виде! – хихикнул он.

Где-то Але приходилось слышать или читать, что в обнаженном виде человек теряет чувство собственного достоинства. Георгий, видать, тоже слышал или сам додумался и решил унижить таким образом свою неприступную хозяйку...

Однако Георгий то ли недоигрывал, то ли переигрывал, но его ход не произвел ожидаемого им эффекта. Але было, конечно, неуютно и крайне неприятно находиться перед ним голой, но отчего-то не страшно. Она равнодушно отвернула голову к стенке.

Георгий растерялся.

– А ну, вставай! – вдруг заорал он, снова пытаясь себя накрутить.

Он рывком поднял ее, и Аля едва не упала, не найдя сразу опору тесно связанными ногами. Георгий придержал ее и поставил ровно.

Зло глядя на нее, он ухватил ее за грудь и больно потискал некоторое время, пытаясь разглядеть на Алином лице признаки смятения и страха или хотя бы униженности. Но и на этот раз не нашел на нем ничего из ожидаемых эмоций. Аля женским чутьем поняла, что в нем говорит не столько мужской темперамент, не давнее стремление уложить ее в постель, сколько задетое самолюбие и жажда поквитаться с ней за нанесенные обиды. Оставалось только гадать, что для нее опаснее...

Георгий лихорадочно соображал, что теперь предпринять. Он тоже чувствовал свою неубедительность. И оттого начал злиться не на шутку.

– Ты на меня так не смотри... – прошипел он. – Чего ты мне хочешь доказать? Что ты меня не боишься, да? Что я для тебя даже сейчас пустое место, да? Что тебе даже голой передо мной не стыдно, да? А я вот тебя сейчас оттрахаю, будешь знать!

Он сунул свою ладонь в ее пах, но тесно сведенные веревкой ноги не позволяли ему проникнуть дальше. Георгий пихнул ее в спину, и она упала на диван лицом, стукнувшись коленями об пол.

– Думаешь, я тебя развяжу? Не радуйся! Я и так найду доступ!

И он, воспользовавшись ее положением на коленях, снова запустил свою руку между ног. Спустя тридцать секунд он, должно быть, уверенный в том, что сумел сломать Алю, гаркнул в ее ухо:

– Говори, будешь звонить? А?

И бросил ее на диван, на этот раз на спину, чтобы заглянуть ей в лицо.

На лице у Али было выражение брезгливой скуки.

Георгий ударил ее по лицу. Глаза Али наполнились слезами от боли, и это чрезвычайно понравилось секретарю – наконец-то ему удалось вызвать у Али хоть какую-то реакцию!

Георгий с явным удовольствием ударил второй раз. Потом третий. Посмотрел на ее лиловеющие щеки и спросил снова:

– Будешь звонить?

Который раз за этот день Алина получала оплеухи? «Позвоню, – подумала она, – и будь что будет. К Алексу мне возврата нет, сейчас я у него потребую для себя деньги, потом я куплю на них бриллианты для Марго и этой компании, и потом я уже никогда и ничего не смогу объяснить... Не смогу и не стану. Оправдаться я могу перед Алексом только одним способом: рассказать о шантаже Марго. Тогда придется рассказывать о волоконнице Патуйара, о насилиях дяди Виталия. А это равносильно уходу. Только в первом случае я ухожу, сохранив хоть какое-то достоинство, а во втором случае – Алекс меня сам бросит, потому что жить с изнасилованной малолеткой и убийцей он не захочет: мужчины не прощают насилия, даже если женщина в нем трижды не виновата...

...Но все эти рассуждения хороши для случая, в котором я остаюсь жива. В чем я сильно не уверена... Кажется, как только они получают бриллианты, они меня убьют...»

Знает ли Георгий ее тайну, сболтнула ли ему Марго? Аля вспомнила, как Марго, распалившись, кричала в присутствии Филиппа про банку с маринованными грибами....

Но если бы Георгий знал, он уже давно бы шантажировал Алю! Нет, нет, Георгию Марго ничего не рассказала. Она все же не такая дрянь...

И тут же скорректировала свои мысли: нет, Марго просто не стала делиться такой плодоносной информацией – зачем ей конкуренты в деле шантажа? Так что Георгий не знает. И не сможет наябедничать Алексу.

От этой мысли ей неожиданно полегчало.

Впрочем, Георгий, скорее всего, получит свою долю и исчезнет, к Алексу не вернется. Он, наверное, уже придумал, куда и как сбежать с деньгами. К грузинской родне, например, теперь это за граница... Интересно, как это он ушел из дома? Что сказал Алексу? Под каким предлогом выскользнул? Или Алекса нет дома? Где же он? Он меня ищет? Конечно же, ищет! Возможно, он вызвал милицию, и они пытаются вычислить, куда я пропала! Может, они наведались к Кате, Катя рассказала им о Марго... И они идут по ее следу! Может быть, они уже близко! И спасут Алю!

Эта мысль придала ей сил. И даже когда Георгий снова ударил ее наотмашь по лицу, решимость не покинула ее.

Она выдержала его вопросительный и грозный взгляд. «Пока у меня нет денег, я жива», – как заклинание мысленно повторяла она. «Я жива, пока я не позвонила... Нужно только выиграть время – Алекс спасет меня!»

Еще одна увесистая оплеуха обожгла ее скулу. После чего Георгий, видя явную неэффективность своих усилий, задумался.

– Сейчас я принесу уют, – наконец радостно проговорил он, прищурился, – включу его и поставлю на твой живот. На этот беленький, нежненький животик. – Он протянул руку и пощипал в обозначенном месте. – Тебе понравится, вот увидишь! – заверил он ее. – А сам в это время буду тебя трахать...

Он рывком согнул Алины ноги, завел их к голове и принялся разглядывать с ухмылкой

недоразвитого подростка открывшуюся ему генитальную перспективу.

Аля со всей силой ударила его связанными ногами. Георгий, не ожидавший удара, приземлился на полу поодаль. Молча встал и, бросив на нее мстительный взгляд, ушел в другую комнату, откуда слышался звук открываемых мебельных дверец.

Он искал уют.

Вернулся он спустя пять минут.

С утюгом.

Аля закрыла от ужаса глаза. «Все, – подумала она, – выхода у меня нет. Надо соглашаться звонить».

Георгий включил утюг и, весело и плотоядно посматривая на Алю, уселся в отдалении, ожидая, пока он нагреется.

Аля замычала.

– Что, не терпится испытать острые ощущения? – хохотнул секретарь.

– Я согласна... – промычала Аля.

– Что? Не пойму, скажи погромче, – издевался он.

– Я согласна! – мычала она. – Со-глас-на!

Он не мог не понять!!!

Но он отвернулся от Али.

– А утюжок-то уже горячий...

И Георгий направился к стоявшему на полу утюгу.

– Не надо, – мычала она, – я согласна!

Георгий приближался к ней с утюгом. С расширенными от ужаса глазами Аля с отчаянием ждала, что раскаленный металл зашипит на ее коже.

Утюг коснулся ее живота.

Георгий захохотал.

Аля закричала.

Глава 24

Темные окна и безмолвные двери ожидали Киса по обоим адресам. В квартире Марго также по-прежнему царили тишина и мрак.

Ее звонкий хохот оглашал в это время одно из арбатских кафе, куда вся компания заявила «делать алиби». Они вели себя напоказ шумно, привлекая внимание посетителей и в особенности персонала, который поглядывал на их столик с недоумением и любопытством. На пьяных эти молодые люди похожи не были, пили только пиво, но вели себя как-то чересчур вызывающе, громко вскрикивая, размахивая руками и взрываясь время от времени излишне возбужденным смехом. Может, обкурились?..

Впрочем, кажется, за тем столиком просто травили анекдоты...

Только Филипп сумрачно молчал, почти не прикоснувшись к своему пиву, и кружка неприкаянно теплела и потела на столе. Наконец он не выдержал и дернул за локоть шумно веселившуюся Марго, утиравшую слезы от смеха над рассказанным Геной анекдотом.

– Зачем туда поперся секретарь? – тихо, сквозь зубы спросил он.

Антон немедленно наострил уши и стал зорко поглядывать в их сторону, словно готовясь подавить возможный бунт в зародыше.

– Я же тебе сказала, – пожала плечами Марго, – он ее напугает и заставит позвонить.

– И как он ее пугать будет?

– Изобразит из себя садиста, готового на все. Он на нее обижен, на свою хозяйку, так ему в радость будет над ней поизмываться!

– Еще раз спрашиваю: что именно он будет с ней делать?

– Господи, ты тупой, Фил! Повторяю: пугать! Может, побьет немножко... Ему что, он потом смоется! Не бойсь, ничего с твоей принцессой на горошине не случится! Никто ее убивать не собирается.

– Я хочу знать, как он будет Алю пугать?

– Да ну тебя, – отмахнулась Марго, не заметив, как тяжело налился его взгляд, как окаменела челюсть... – Анекдот из-за тебя пропустила! Давай сначала, Генка!

Филипп залпом допил пиво и ушел в туалет.

...О его отсутствии компания забеспокоилась только минут двадцать спустя. Антон проверил туалет, Марго обошла кафе, Гена прочесал прилегающую часть Арбата: Филиппа нигде не было.

Бесплодно промотавшись по Москве больше часа, Кис вернулся в ресторан. Он наткнулся на директора в коридоре возле кухни.

– У кого из них есть дачи?

– Уф, вы меня напугали... Что, не нашли?

– Найду. У кого из них дача есть?

– Ни у кого! Откуда? Это все народ малоимущий.

– Так... А родители? У кого родители поблизости живут, в Подмоскowie? Или родительская дача?

– Только не у Антона. Он с Украины. А у других – не знаю.

– Подумайте. Повспоминайте. Может, кто-то говорил что-нибудь вроде «у родителей был...» или «к родителям поеду». Или другие родственники. Сестра там, брат, дяди-тети...

– А ведь правда ваша... Эх вы, прямо точнехонько попали! Говорил Гена. Опоздал он один раз сильно, оправдывался, что трудно добираться от родителей. По Горьковскому направлению, кажется, дача. Или живут там... Но я, может, и путаю чего, давно ведь было дело.

– Стало быть, адреса не знаете...

– Сожалею... Рад бы помочь, но не знаю.

– Спасибо и на том... Я вашим туалетом воспользуюсь, можно?

Кис вымыл руки и ополоснул лицо, чтобы прогнать усталую сонливость. Вытершись на удивление чистым полотенцем, он подошел к зеркалу и стал разглядывать свое отражение в неярком свете туалета.

Худощавое лицо, тонкий нос, умные зелено-карие глаза, немного покрасневшие от усталости; в складке губ залегло неистребимое выражение скепсиса; темные волосы с первой проседью у висков – жесткие, коротко стриженные: иначе с ними было никак не сладить, волосы вились и торчали во все стороны, как хотели. Он был легок, невысок, пружинист, малость сутул – ничто в его внешности не выдавало его реальной силы и ловкости.

Но, самое досадное, ничто в его внешности не позволяло сойти за того, за кого ему теперь нужно было позарез себя выдать, – Кис был из тех представителей мужской породы, от которых, несмотря на некрупные габариты, веет на ближайшие сто километров мужиком.

«Да, – скептически комментировал свое отражение Алексей, – не Бельмондо». Он прошелся по туалету, кося на себя в зеркало, повернулся и так и сяк, сделал несколько жестов и вздохнул. «Этот номер не пройдет», – сказал он разочарованно.

Покинув ресторан, он достал свой сотовый и покрутил в руках в раздумье. Ванька наверняка спал. Но из них двоих его помощник был, несомненно, лучшей кандидатурой. Третьей все равно не было.

– Дело есть, Ваня, – сказал он сурово в трубку. – Просыпайся.

– Чего делать? – спросил его сонный голос.

– Работать. У тебя уши не проколоты?

После некоторого молчания голос осторожно спросил:

– Кис, ты чего, переработал?

– Я серьезно говорю. Я никогда не обращал внимания.

– Иди ты... Знаешь куда?

– Знаю. Только не я туда пойду, а ты.

– Чего?

– Слушай внимательно: надо к «голубым» в клуб сходить. Сечешь? Меня там сразу вычислят, ты же понимаешь. Так что тебе водить.

– Ты чего, еще не нашел эту девицу? Плохо работаешь, Кис.

– Иван!

– Не пойду. Спокойной ночи.

– Из квартиры выгоню.

– Я что, по-твоему, на голубого похож? – дурашливо обиделся Иван.

– Но я совсем не гожусь! Из нас двоих ты лучше сыграешь... Ты моложе... Я тебе премию дам, а? Третьего у нас все равно нет... Давай, Ванек, вставай и одевайся. Найди что-нибудь у себя в гардеробе подходящее... ладно, хорош! – вдруг обрезал Кис. – Ложись спать дальше.

– Ты чего это? А премия?

– Иди на... Спи.

– Так идти или не идти? Тебя не поймешь! – заржал Иван.

...Только спустя мгновение Аля поняла, что уют был холодный.

Георгий хохотал долго и смачно. Аля не могла отдышаться от пережитого ужаса.

– А я ведь могу и по-настоящему нагреть, а? Как тебе тогда понравится? Или ты без утюга согласна? – размахивал он утюгом над ее лицом.

– Согласна!!! – замычала Аля.

– Согласна, кажется? Я не ошибся? Ты сказала «согласна»?

– Согласна!!! – мычала Аля.

В самом деле, теперь у нее нет ни малейшего выхода! Утюг она не выдержит... К тому же, как только ее развяжут, у нее будет какая-то новая возможность сбежать, позвать на помощь... В конце концов, до момента, как она купит им бриллианты, у нее есть время...

И она снова замычала:

– Согласна!

– Так-то оно лучше, – удовлетворенно хмыкнул Георгий.

Он резко опустил «молнию» на своих джинсах и, ухватив ее за связанные ноги, снова завел их к голове.

– Нет, – билась Аля, – я позвонить согласна, позвонить!

Аля попыталась брыкаться, но попадала мимо. Георгий хохотал.

– Сейчас я наберу номер твоего муженька и дам ему послушать, как я тебя трахаю, – издевался он, пристраиваясь.

Аля мычала.

– Не хотела со мной по-хорошему, теперь по-плохому будет! Думаешь, у тебя ноги связаны, так я не сумею? Думаешь, я тебя развяжу? Не-ет, милая, я и так справлюсь! Я тебя во все дырки отделаю!

Он был зол не на шутку. Казалось, он вовсе забыл, что он здесь для того, чтобы вынудить ее позвонить Алексу. Придерживая одной рукой ее ноги в согнутом положении, он пытался помочь себе другой рукой. Аля извивалась ужом, изо всех сил дергала ногами, надеясь попасть ему по лицу...

– Ах так? – в ярости прорычал Георгий. – Ладно.

Он снова включил утюг и на этот раз показал издали Алине регулятор температур, поставленный на максимум.

Вернувшись к ней, он рывком потянул ее ноги на себя и злорадно предупредил:

– Каждое брыкание – одна секунда, которую раскаленный утюг простоит на твоём животе. Пять раз брыкнешься – пять секунд простоит, а секунды с раскаленным утюгом долги, Линочка... Десять раз – десять секунд. И так далее.

С этими словами он, внимательно глядя Алине в глаза, медленно, смакуя её поражение, завел её ноги вверх и начал опускать свою «молнию».

Но, едва Аля почувствовала его прикосновение к себе, она не выдержала и брыкнулась.

– Раз, – усмехнулся Георгий.

Аля попыталась попасть ему по лицу.

– Два, – удовлетворенно отсчитал он.

Она попыталась ударить в пах.

– Три, – едва ли не радостно проговорил он.

У Алины на глазах выступили слезы отчаяния. Он свою угрозу выполнит, нет сомнения...

Она отвернула голову к стенке, бессильно предоставив своё спеленутое путами и страхом тело во власть секретаря...

Но, едва он попытался втиснуть в неё свой член, Алина снова резко опустила ноги, задев его скулу.

– Четыре, – сладострастно сказал Георгий, потирая скулу, и опять ухватил её ноги...

Страшной игре конца не предвиделось.

...Кис набрал другой номер. Трубку сняли сразу.

– Не спите, Александр?

– Как видите.

– Вы рвались мне помочь... У меня для вас есть работа. Правда, деликатного свойства...

– То есть?

– Скажите, Мурашов, у вас уши не проколоты? Я не обратил внимания.

Наступила тишина, как на кладбище.

– Але? Александр, вы здесь?

– Здесь.

– Я думал, связь прервалась... Так что насчет ушей? Вы можете серьги носить?

– Кисанов, вы пьяны?

– А вы?

– Не ваше дело... – помолчав, ответил Мурашов.

«Даже лучше, – подумал Кис, – он еще не совсем протрезвел».

– Послушайте, если вы действительно хотите мне помочь найти вашу жену, вы должны сделать то, что я вам скажу.

– Что именно?

– Найдите у вашей жены, если удастся, маленькие клипсы, простые, вроде тонкого колечка; оденьтесь

в джинсы, футболку или майку, кожаную куртку или, еще лучше, кожаный жилет на голое тело, хорошо бы татуировку на плече...

– Татуировку тоже найти в шкафу?

– Сейчас наклейки делают... Вдруг у Алины есть?

– Вы в своем уме? Как вы себе представляете мою жену с татуировкой на плече?!

– Ну, хотя бы маленький шейный платок, цепочки...

– Как панк, что ли?

– Не совсем, – уклончиво ответил Кис.

– Я, кажется, начинаю понимать... – Алекс помолчал. – Это необходимо?

– Да. Это единственный контакт, который может нас вывести на след Алины.

– Ну конечно, я понимаю: я плачу вам деньги, но не могу требовать, чтобы вы взяли за такую... – нетрезво усмехнулся он, – работу. Что ж, это логично, что вы просите меня.

– Вы не с той стороны заходите, Мурашов! Поймите, вступить с ними в отношения не так просто... Надо, чтобы вас приняли за своего. Надо прикинуться, сыграть, как роль! Я к этому совершенно непригоден, меня сразу разоблачат, и все сорвется – чужому они ничего не скажут. А пускать кулаки в ход – последнее дело. Всегда останется в запасе на крайний случай... Вы куда больше подходите на эту роль!

– Спасибо за комплимент, – отчего-то грустно усмехнулся Алекс.

– Право, я серьезно! У вас глаза такие... красивые. И манера мягкая... И потом, вы, как это называется, «секси». У вас должно получиться. Если вы согласны, конечно.

– Хорошо... Я согласен. Только... Я этого никогда не делал. И не знаю... Но если это необходимо, чтобы найти Лину... Я согласен.

– Вот и хорошо. Я вас буду ждать у метро «Сокол». Возьмите все с собой, что я вам перечислил.

– А в таких случаях... Я... Извините, я не знаю, в таких случаях презервативы надо взять?..

Кис захохотал.

– Бог мой! Вы действительно любите свою жену, теперь я в этом уверен. – Он вытер слезы, наворачнувшиеся от хохота. – Нет, Александр, вы меня неправильно поняли. Так далеко заходить не придется. Нужно просто пойти в клуб, где собираются гомосексуалисты, и поговорить. Весь ваш риск – что побьют, если догадаются, что вы чужак. Но не больше.

Кис убрал телефон. Для него до некоторой степени было неожиданностью, что Мурашов согласился. Когда Алексей только набирал его номер, перед его глазами стоял образ расклеившегося, распустившего нюни чистоплюйчика, который слегка попачкался в грязи и теперь не нашел ничего лучшего, как хлестать коньяк. В тот момент Кису хотелось его эпатировать, спровоцировать, встряхнуть хорошенько, и он сам не знал, что им руководило в большей степени: желание решить проблему с помощью Мурашова или желание его унижить, подставить и потешиться?

Впрочем, без разницы! Важно то, что он согласился.

Бедняга Иван, упустил свою премию.

Кис критически осматривал Алекса. Он и сам точно не знал, как должен выглядеть гей, – собственно, среди них типажей было великое множество, и нужно было найти для Алекса некое верное, не фальшивое

решение. Кис поправил на шее Алекса платок, убрал, по размышлению, цепочки, снял чересчур женскую, крупную клипсу, стер неровно наложенные румяна, уклоняясь от перегарного дыхания Мурашова.

– Ну, – нетерпеливо дернулся под его руками Алекс, – рассказывайте дальше!

– ...Из чего я сделал вывод, что Алину увезла Марго. С целью похищения.

Кис рассказал Алексу все, что он узнал от Кати и опрошенных им свидетелей, опустив только то, что считал себя не вправе рассказать: темную историю с дядей, отравившимся волоконницей Патуйяра.

– И вы полагаете, что они в доме родителей Гены?

– Ладно, так, пожалуй, пойдет. – Кис обошел Мурашова и посмотрел на него сзади. – Будете играть человека с положением: не можете себе позволить ходить на работу с проколотыми ушами, татуировками и прочей атрибутикой. И стрижка ваша соответствует этому образу. Значит, так: вы старый знакомый Гены, живете в Питере, в Москве проездом, общаетесь с Геной крайне редко. Если у него в клубе есть уже «дружок», вам намекнут – возможно, грубо, – что не надо его искать...

Кис знал этот клуб. Собственно, это был не клуб в строгом смысле этого слова, а кафе, облюбованное гомосексуалистами. Теперь в Москве таких было несколько, но он был уверен, что Гена проводит свое время в ближайшем к его дому: машины у него не было, а из клуба он наверняка возвращается далеко за полночь. При его финансах – не на такси же! Если наиболее известные заведения такого рода в центре были относительно безопасны – там собиралась элита, многие завсегдатаи были людьми искусства, – то в местном царили нравы куда проще. И теперь он начал побаиваться собственной затеи, отчего старался проинструктировать Алекса на все случаи жизни.

– Тогда скажете, – продолжал он, пряча свое беспокойство, – что намек понял, но вы совсем по другому делу: старый долг хотите вернуть. Это – святое. Скорее всего, скажут, как найти. Дома вы у него были, его там нет. Поезд в Питер у вас завтра, и Гена нужен срочно. Настаивайте на адресе его родителей или их дачи.

– Почему вы думаете, что они к родителям Гены Лину увезли? – повторил вопрос Алекс, и Кис снова уклонился от перегарного облака. – Это глупо!

– Я предполагаю, что дом пустой. Возможно, его родители в отпуск уехали – начало лета, еще не очень жарко, пожилые люди предпочитают именно в такое время отдыхать... Чем эта компания и воспользовалась: у них других вариантов практически нет. Пройдитесь-ка... Правда, остается еще непроверенным Филипп. Нет, не так. Представьте, что вы женщина... Но у Гены уже известно – есть то ли дом, то ли дача родителей, и я делаю ставку на это. Да не так, это чересчур! Не надо так вилять бедрами, даже женщины так не ходят! Нормальные, по крайней мере... Нет, погодите, я неточно выразился! Нужно не то, чтобы как женщина, а просто немного женственно, мягко. Небрежно так, легко... Вот, теперь хорошо. Отлично! Я же говорил, что у вас получится.

– А если вы ошибаетесь?

– Маловероятно. Но если выйдет ошибка, придется начинать все сначала.

– А почему она мне позвонила и сказала?..

– Не знаю, – перебил его Кис. – И сейчас некогда ломать над этим голову. Ну что, Александр, вы готовы?

– Ну, это было бы преувеличением так сказать...

– Не скромничай, дорогой, ты у нас такой душка! – съехидничал Кис.

Алекс улыбнулся.

– Ладно, я пошел.

– Я вас буду ждать недалеко от выхода. Пятнадцать минут, Александр, не больше! И в посторонние разговоры не вступайте!

– Помню, – сказал, не оборачиваясь, Алекс и кокетливо махнул ему рукой. – Жди меня, милый, я приду!

«Даже хорошо, что он слегка поддатый, роль лучше получится», – успокаивал себя Кис, с тревогой следуя за ним на некотором расстоянии.

Глядя в спину Мурашову, который шел, мягко раскачиваясь и ставя ноги ровно перед собой, Кис подумал, что вообще-то на самом деле до некоторой степени, пожалуй... он вполне неплохой парень, этот Алекс.

Глава 25

...Когда над головой Георгия внезапно материализовалась из воздуха вторая голова, Алина вздрогнула от неожиданности.

И только спустя мгновение поняла, что это голова Филиппа.

Она оцепенела. Как загипнотизированная, смотрела она на большое полено, которое начало возноситься над головой секретаря.

Георгий принял ее замешательство за окончательное признание поражения и проговорил торжествующе:

– Так-то оно лучше, крошка! Перспектива с утюжком возбуждает, правда? Ну ничего, потерпи немножко...

Полено достигло крайней верхней точки размаха и, словно в замедленной съемке, чуть качнувшись, плавно пошло вниз.

– ...и мы с тобой получим удовольствие... – договаривал Георгий. – Сначала одно, потом дру...

Он осекся, увидев выражение Алиных глаз. Замерев на мгновение, он что-то понял и стал оборачиваться...

Поздно. Удар обрушился на его череп с такой силой, что Аля зажмурилась.

Когда она раскрыла глаза, Георгий лежал с раскроенным черепом у дивана.

Он был мертв.

Обнаженное тело Алины было забрызгано его кровью.

Филипп возвышался над ней, словно статуя Командора. У него были безумные, побелевшие глаза. Он слегка раскачивался, глядя куда-то в пустоту, баюкая, как ребенка, окровавленное полено.

Все, он сошел с ума, обмерла Аля. А если полено сейчас опустится на нее?!!

Внутри все болезненно скрутило от ужаса. Она скорчилась, подтянув ноги к животу, и застонала. Филипп перевел на нее взгляд и, словно придя в себя, неожиданно отшвырнул полено, рывком схватил Алю с дивана и крепко прижал к себе. Он крупно дрожал и непослушной трясущейся рукой гладил ее по волосам.

Казалось, он снова впал в странное забытие. Прошло, наверное, минут десять, прежде чем Филипп очнулся и принялся развязывать Алину. Она встала, не чувствуя под собой ослабевших ног.

– Он тебя насильовал? – тихо спросил Филипп каким-то странным, отсутствующим голосом.

– Пытался, – кратко ответила она.

– Но ему не удалось? – уточнил Филипп все тем же невыразительным голосом.

– Нет.

– Пойди умойся.

Аля, еще не веря в случившееся, обойдя, как в бреду, труп, поплелась к умывальнику и стала мокрыми руками оттирать с груди и живота кровь.

Филипп, стащив чужое полотенце с вешалки, намочил его и обтер ее ноги сзади – там было больше всего крови.

– На. – Филипп стянул с себя черную майку и протянул Але. Але утонула в ее широтах.

– Умойся, – сказала она. – У тебя все лицо в крови...

Филипп, не глядя в зеркало, обтер лицо полотенцем и бросил его на раковину.

– Почему? – спросил он без всякого выражения.

Але посмотрела на Филиппа с недоумением. Почему хотел изнасиловать? Потому что подонок, почему еще?

– Я имею в виду... Он требовал, чтобы ты позвонила?

– Требовал.

– А ты?

– Сначала отказалась. А когда он принес утюг...

– Утюг? Он тебя пытал утюгом?!

Алине показалось, что глаза его стали совсем белыми. Светлыми-светлыми, с сузившимися волчьими зрачками.

У нее свело колени от неясного ужаса.

– Да... – пролепетала она. – То есть на самом деле нет... Он сделал вид, что нагревает его. Я не знала, что утюг холодный... И согласилась.

– И ты позвонила?

– Нет.

– Почему? – требовательно произнес Филипп.

– Я не буду звонить, Филипп. Отпусти меня. Пожалуйста... – с тихой, безнадежной мольбой проговорила Алина.

– Я не о том... Почему ты не позвонила, если согласилась? – Филипп снова говорил тихо и невыразительно, но теперь Але отчетливо услышала, как в этом белом, ватном тумане шока вздымалась волна бесконечной, всеразрушающей ярости.

– Он не дал мне телефон, – старательно пояснила она, боясь, что попадет «из огня да в полымя». Что такое ярость Филиппа, ей было хорошо известно. – Не знаю почему, но, когда я сказала «согласна», он попытался меня изнасиловать...

– Понятно. Это Марго.

Алина не поняла, при чем здесь Марго, но промолчала, не смея спросить. Филипп смотрел в сторону, что-то обдумывая. Наконец он повернулся к ней и произнес с неожиданной легкостью, пожалуй, даже несколько развязной веселостью, в которой слышалось облегчение, причины которого были Алине неведомы:

– Мы с ней договорились, что это говно твой секретарь тебя припугнет как следует, ударит разок другой... Он, вонючка, вишь ли, обижен твоим невниманием, так у него руки чешутся! Я на это согласился. Но у него в другом месте чешется, выходит... А она, значит, Маргошечка, ему карты в руки дала, чтобы он с тобой разборки на свой лад устраивал! Ладно, я это сам улажу. Поди наверх. И закройся там на ключ. Держи.

Филипп с улыбкой, все той же легкой, почти веселой улыбкой, протянул ей ключ от чердака.

Стараясь не смотреть на труп Георгия, Алина направилась к лестнице. Нехорошее предчувствие холодило ей спину. Заперев люк, Алина уселась в полном оцепенении, бессмысленно крутя ключ в руках...

Она слышала, как внизу Филипп размашисто мерил шагами гостиную. Потом что-то делал, скрипя стулом. Потом снова шагал.

Спустя какое-то время раздался звонок телефона.

– Нет, это не Георгий. Да, я. Что значит – «смылся»? – говорил в трубку Филипп все с той же странной легкой веселостью. – Я просто поехал проверить, как тут дела. Мне этот секретарь доверия не внушает. Он? Да тут он, куда ж ему деться? Нет, он к телефону подходить не хочет... Ему, видишь ли, стыдно: он с поручением не справился. Не позвонила она никуда! И не будет звонить! Да, бил, у нее все лицо в кровоподтеках. И не только бил, еще и утюгом пытал. Вот так – утюгом! Ну он же козел, зря ты его позвала!.. Да она из себя партизанку строит! Я ж тебе говорил: ты ее не знаешь, Марго. Она сильно изменилась за последнее время...

Аля, слушая Филиппа, никак не могла понять, что он затеял. Он говорил неправду, и ему это было зачем-то нужно. Только зачем?

– Что делать, что делать! Возвращайтесь сюда, и будем звонить сами, другого выхода нет. С дороги? Почему? А-а, правильно, из автомата не засекут. Давайте, мы вас тут с Георгием ждем... Как ты сказала? «Убрать»? Ну, Антон, он же у нас умный, всегда дельные вещи предлагает... Нет, я серьезно! Вы, главное, приезжайте поскорей, а что с ней делать и как, обсудим потом. Надо будет – уберем, чего нам стоит!..

За пятнадцать минут Кис выкурил три сигареты, прикуривая их одну от другой, впиваясь глазами в дверь клуба каждый раз, когда она открывалась. Ему казалось, что сейчас из нее выкинут побитого Мурашова.

На исходе двенадцатой минуты дверь поткрылась и на пороге оказался Мурашов и еще какой-то невысокий, наголо бритый, крепкий парень, с которым Алекс расцеловался почти нежно. «И еще раз спасибо!» – бархатно пророкотал он, покидая клуб.

«Уф!» – отлегло на сердце у Киса.

– Ну как? – кинулся он навстречу Александру.

Тот протянул ему листок. На листке был адрес и даже план.

– Он бывал на даче родителей Гены. Но при всем при том он не постоянный дружок Гены, обошлось без сцен ревности.

– Слава богу, считайте – повезло.

– Пришлось пожертвовать моим номером телефона.

– Да? Легко отделались.

– Особенно если учесть, что я ему не свой номер дал.

Кис улыбнулся.

– У вас разнообразные таланты, скажу я вам. Спасибо.

– Не за что. Я для себя сделал. Моя жена ведь.

– Зато моя работа. Но я бы не смог. У меня нет таких бархатных глаз, как у вас, и такого бархатного голоса – тоже нет.

– Да что ты, Лешенька, я тебе нравлюсь, да?

Оба засмеялись.

– Поехал я, – сказал Кис.

– Я с вами.

– Нет.

– Я что, по-вашему, только на роль геев гоюсь? – искоса глянул на него Мурашов.

– Дело не в этом. Я не имею права рисковать вами. Для меня это работа, профессия, у меня на риск лицензия есть. А у вас – нет.

– Кончайте, Кисанов, я еду за вами на своей машине. Только подождите минуту, Георгия предупрежу.

Глядя на спину Мурашова, колдующего над своим сотовым, Кис колебался. Он мог уехать сейчас, пока Мурашов звонил, и таким образом оторваться от него... Кис взялся за дверцу своей машины.

Все, однако, решилось само собой. Мурашов, прижав трубку ухом к плечу, удивленно произнес:

– Странно... Георгий не подходит.

«Черт его знает, какие темные делишки творит эта темная личность в отсутствие хозяина! – подумал Кис. – Держу пари, что в один прекрасный день он преподнесет сюрприз Мурашову!»

– Спит? – сказал он вслух.

– Видимо... Где ж ему еще быть? Погодите, прослушаю свой автоответчик.

Снова Алекс сосредоточился над телефоном. Внезапно он уцепился за рукав детектива и заговорил:

– Послушайте, послушайте! Мне оставили запись на автоответчике! Мужчина! Незнакомый! Сказал, что перезвонит через полчаса! У него есть информация о моей жене! Это, наверное, от них, от похитителей!

Кис выхватил телефон у Алекса и вслушался в глуховатый и простоватый мужской голос с хохляцким говорком.

– От них, – кивнул Кис. – Это ударник группы, Антон. Надо срочно ехать домой, Александр. Ждать звонка. Доедете за полчаса?

– Постараюсь!

– Сможете записать разговор на магнитофон. Сможете?

– Да. Как вы думаете, деньги будут просить?

– Скорее всего.

– Я соглашусь.

– Нет. Вернее, пообещайте, но потом. Требуйте, чтобы сначала они предоставили вам возможность увидеть вашу жену живой и здоровой. Или хотя бы услышать ее по телефону.

– Они, по-вашему, на это пойдут?

– Не думаю. Но вы настаивайте до последнего. Если почувствуете, что номер не проходит, соглашайтесь на их условия. Пока они рассчитывают на деньги, ее жизнь, я думаю, в безопасности.

– Вы мне не говорили, что ее жизнь может быть в опасности... – медленно произнес Александр, и лицо его застыло в жестком выражении. – Я с вами поеду. Я поручу Георгию вести переговоры от моего

имени. Он может и сам записать разговор.

– Нет. Они не будут разговаривать ни с кем, кроме вас. Дело принимает теперь слишком серьезный оборот. Они начнут нервничать, если не застанут вас дома, – подозревать, что вы заняты поисками жены. Кроме того, вы ничего не можете поручить вашему секретарю, поскольку он не подходит к телефону. Вы должны ехать домой.

Алекс нехотя кивнул Кису и убрал телефон в карман кожаной куртки.

Кис дотронулся до его плеча легким жестом.

– Я не думаю, что жизнь Алины в опасности. Ее бывшие друзья пока что мучаются дурью. Но все же нужно действовать быстро. И осторожно.

– Хотите сказать, что дурь может далеко завести...

– Именно. Бывает, начинают с шалости, потом попадают в ловушку собственной глупости и разгоревшейся агрессивности. Марго – не убийца, просто завистливая соперница. Но у каждой истории есть своя логика, и иногда она становится неподвластна тем, кто историю затеял... Как я понимаю, крупную сумму наличными в минуту не снимешь, нужно сначала заказывать их в банке, а это займет пару дней, должно быть?

– Не меньше 48 часов.

– Вот и хорошо, на этом и играйте. Вам нужно двое суток, но для начала вы желаете увидеть или хотя бы услышать вашу жену. Блефуйте! Они не профессионалы, может, и пройдет...

– Они наверняка потребуют, чтобы я не сообщал в милицию. И я им пообещаю.

– Наверняка потребуют. И вы, конечно, пообещаете.

– Может, действительно в милицию сообщить?

– Сразу после их звонка. По коням, Александр, надо торопиться! Я вам позвоню при первой же возможности. У моей «сотки», к несчастью, батарейки сели, но я найду автомат.

– Возьмите мою машину. Она быстрее вашей, и в ней есть телефон.

– Нет.

– Возьмите, Алексей. Я на вашей домой поеду. А вы мне сможете из машины домой позвонить, да и я вам тоже.

– Я не гарантирую сохранности машины.

– Неважно. Меня интересует только Лина.

– Лады.

Они обменялись ключами и машинами. Алекс устроился на высоком сиденье вездеходной «Нивы», которую детектив, вопреки моде, предпочитал всем импортным машинам; Кис переложил карты и небольшой чемоданчик в черный полированный «БМВ» Мурашова.

– Удачи! – негромко произнес Алекс и захлопнул дверцу. Кис молча махнул рукой и плюхнулся на сиденье, кожаная обшивка которого, недовольная вторжением чужака, что-то сердито проворчала под его тяжестью.

И через секунду темная дорога проглотила две машины, разъехавшиеся в разные стороны.

...И снова Аля слышала, как внизу Филипп размашисто мерил шагами гостиную до тех пор, пока не

зашумел мотор.

Хлопнула входная дверь.

– Все отлично! – оживленно проговорила Марго, входя. – Мурашов переведет деньги с открытием бан...

Ее голос осекся, она поперхнулась.

«Увидела Георгия на полу», – поняла Аля.

Марго сдавленно захрипела, и почти сразу же Антон заорал:

– Ты чего, блин, е...нулся или чего?

Ответом ему был звук удара.

Хлопнула входная дверь. Кто-то пришел или вышел? Аля изо всех сил вслушивалась, но ничего не могла понять... Они дерутся? Из-за того, что Филипп убил Георгия? Почему Марго их не остановит? Где она? Ее не слышно... Только молчаливый стук ударов доносился до чердака. Марго ушла, оставив их драться? Или... Алине вспомнились его побелевшие, с сузившимися точками черных зрачков глаза. Или Филипп бьет Марго?.. Тогда где же Антон? Почему не заступится? Неужто сбежал? Струсил? Это за ним закрылась входная дверь?

Она все же решила и, приоткрыв люк, осторожно выглянула. Бились двое, Антон и Филипп. Мертвый Георгий с окровавленной головой по-прежнему лежал ничком у дивана. Ни Гены, ни Марго не было видно. Означает ли это, что дверь хлопнула, закрываясь за ними?

Аля приоткрыла люк чуть шире и высунула голову, стараясь рассмотреть часть прихожей, видную из комнаты...

И, едва не свалившись в люк, в ужасе отпрянула.

В проеме двери в веревочной петле висела Марго.

Глава 26

Слепые, спящие окна; черные силуэты деревьев; благоуханный воздух летней ночи; бесшумный быстрый бег ухоженной машины; тихое журчание музыки по радио. Кис, как это ни странно, чувствовал себя отдохнувшим, в хорошем рабочем тоне.

Он уже сворачивал на указатель «Дерюжкино», где находилась дача родителей Гены, когда в машине зазвонил телефон.

– Полмиллиона. Долларов, – услышал он голос Алекса.

– Кто звонил? Антон?

– С украинским говором.

– Он. Наличными?

– Представьте, нет. Они оказались куда умнее, Алексей, чем вы предполагали. Завтра, как только откроется банк, я должен перевести деньги для Лины на наш общий счет.

– Та-а-ак.

– Если я хочу увидеть свою жену. И если я не хочу крупного скандала.

– То есть?

– Антон мне заявил, что он говорит от имени моей жены, якобы она ему поручила.

– Врет!

– Я потребовал Лину к телефону, но мне было сказано, что звонят с улицы, что рядом ее нет. И что она пока не хочет со мной говорить, но когда «недоразумение» утрясется, она вернется и все объяснит. А если я не переведу эти деньги, то я не получу ни жены, ни объяснений, но буду иметь скандал, на котором вся пресса с удовольствием погрееет руки. И тогда прощай моя карьера.

– Эта угроза имеет под собой какие-нибудь основания?

– Вряд ли.

– И это как бы все от имени Алины?

– Во всяком случае, так он дал понять. Он говорил достаточно уклончиво. Если прогнать магнитофонную запись, то трудно будет с определенностью сказать, что это: похищение с требованием выкупа или шантаж со стороны моей жены при содействии дружков...

– Главное, что вы записали на магнитофон, а там разберемся!

– Я попытался сбить его с толку, напомнив, что она уже звонила и сказала, что уходит от меня, что ей ничего не нужно. И как это связать теперь с требованием денег и угрозами?

– И что он ответил?

– Ответил, что «ситуация изменилась». И что Лина мне потом объяснит, когда она вернется. А вернется она, разумеется, после получения денег.

– Неплохо придумано. Марго, должно быть... Теперь дайте мне сосредоточиться, Алекс. Что они намерены делать со счетом Алины...

На некоторое время в обоих телефонах застыла тишина. Наконец Александр не выдержал:

– Они ее силой потащат в банк?

– Смысла нет. Ей же никто пятьсот тысяч, даже в рублях, наличными не даст, да еще и с общего счета. Банк потребует вашу подпись... Так они не выкрутятся... А вот если... Послушайте, где ваша жена делает обычно покупки? Какие магазины – дорогие магазины, не одежды, а ювелирные, антикварные, художественные салоны, короче, магазины, где можно сразу потратить очень крупную сумму, вы посещаете регулярно? Где ее и вас знают владельцы, продавцы?

– Понимаю, понимаю... Галереи можно вычеркнуть – прежде всего потому, что для покупки картины или другого произведения искусства нужны знания, вкус, опыт. Собственно, антикварные магазины можно вычеркнуть по тем же причинам. Остается ювелирный.

– Согласен. К тому же подпольный художественный рынок очень специфичен, перепродать непросто, вряд ли у них на него доступ есть... Значит, остается ювелирный. Золото, бриллианты. Обращайтесь в милицию, Алекс. Дайте им всю информацию, адрес дома, номер телефона в машине, чтобы они могли со мной связаться в случае необходимости. Впрочем, если компания там – я буду занят...

– Слушаюсь, шеф!

Кис усмехнулся. Как это получилось, что они с Мурашовым вдруг обрели взаимопонимание? Он даже не заметил, как симпатия к Александру вытеснила его скептическую неприязнь. Наверное, это произошло тогда, когда он согласился в клуб сходить... Или позже, когда Алексей боялся за него, наблюдая за дверьми клуба... Или когда Мурашов вызвался вместе с ним на дачу ехать?..

Телефон в машине снова зазвонил.

– Алексей!..

– Да? – оторвался от своих размышлений Кис.

– А может... Все-таки... Может, Лина все-таки сама ушла от меня? И попросила своих бывших друзей помочь получить деньги?.. Может, даже обещала с ними поделиться... Их четверо, как вы мне сказали, с Линой – пять. Получается – по сотне на каждого...

– Вы что, Мурашов, опять за свое принялись? Не смешите меня.

– Я подумал, паспорт из сумки мог просто выпасть впопыхах...

– Ага, и ваша жена так торопилась от вас уйти, что даже заранее не приготовила документы, сумку схватила впопыхах, выронила из нее самый главный документ и помчалась на ночь неизвестно куда сломя голову? Без объяснений, без даже малюсенького «прощай»? А теперь просит пятьсот тысяч долларов для своих личных нужд и для своих бывших друзей, с которыми она больше четырех лет не виделась?

– Я уже не знаю, что и думать...

– Ну-ну, припомните еще, что она вам письмо писала, что она вам позвонила и сказала об уходе... У меня такое ощущение, что вы совсем свою жену не знаете. Я вам простой вопрос задам: могла она с вами так поступить? Да или нет?

– Вы какой-то странный детектив, вы детектив наоборот. Это я должен был бы доказывать, что моя жена не могла так поступить; а вы должны мне говорить: еще и не то бывает, еще не то видели...

– Поначалу так оно и было. Потому что я не имел ни малейшего представления о вашей жене, о ее личности, характере...

– А теперь?

– А теперь у меня такое ощущение, что я ее знаю лучше вашего. И могу вам с уверенностью сказать:

нет. Алина не могла так уйти от вас, она просто не способна на это. Она человек тонкий, «нежная душа», как сказал ее бывший начальник... Обделенная любовью, излишне сдержанная, не уверенная в себе, она, не имея ни смелости, ни опыта для решения проблем и конфликтов, начинает принимать меры только тогда, когда уже доведена до отчаяния. Но она не умеет защищаться и потому просто избегается («всеми способами», – едва не добавил Кис, памятуя, как решила Алина проблему с дядей) от людей, с которыми эти проблемы связаны... Ваша жена катастрофически нуждается в любви, ей по этой части сильно недодали в жизни, и она ее упорно ищет... И уходить от вас она собралась лишь потому, что не сумела разглядеть вашу любовь. Ее ли комплексы тому виной, ваша ли озабоченность делами, неумение вашу любовь проявить – но, так или иначе, она ее с вами не нашла и собралась было отправиться на поиски счастья... Но вряд ли ей счастье представляется в форме вымогательства у вас денежных знаков в компании с ее старыми дружками.

– Сдаюсь. Вы правы. Меня просто охватывает временами паника...

– Это только в фильмах бывают роковые красотки с ангельским лицом и душой убийцы... Люди на самом деле находятся куда надежнее, куда крепче в плену собственного характера и воспитания, чем многие думают... И уж если душа нежная – так нежная. Вы правы только в одном: она действительно думала от вас уйти. А все остальное – просто совпадение, удивительное совпадение...

Кис помолчал, выглядывая в темноте названия улиц поселка.

– В тот вечер, в четверг, – снова заговорил он, – Алина еще не была готова покинуть вас, она только приняла спонтанное решение и пыталась вам это в письме изложить. Зато Марго была уже готова выполнить задуманное. Она, представляется мне, заранее запланировала похищение именно на этот вечер. Не зря у них было «необычно тихо» последние дни, как сказал сосед... Она приехала якобы за пакетом с вещами. И когда Алина вынесла ей пакет, Марго ей, должно быть, сказала что-то вроде: «Сядь в машину, дело есть». И увезла ее... Все, Алекс, больше не могу говорить, я подъезжаю!

– Знаете, что? Я тоже еду, я ведь теперь свободен! Я помню адрес.

– Бессмысленно, Александр. Все будет закончено раньше, чем вы доедете. И даже раньше, чем доедет милиция.

– Вы один, а их четверо!

Кис отключил телефон.

...Аля схватилась за горло, как будто это ее шею перехватила тугая, смертельная петля. Она не могла выдавить из себя ни звука, она не могла оторвать глаз от безжизненного тела, висевшего в дверном проеме, от черных кудрей, упавших на лицо...

Филипп, поняла она. Больше некому. Он отомстил Марго за меня. Бежать.

Бежать!!!

Бежа-а-ать!!!

Она едва не уронила приоткрытую крышку люка.

Так, тише, спокойней, Алина! Возьми себя в ру-ки... Точнее, возьми крышку в руки... Вот так, тихонько, аккуратно положи ее на место... Теперь закрыть на ключ.

Дрожащими пальцами она обхватила непослушное металлическое тельце ключа и вставила его в замок. Тихо-тихо повернула. Закрyla.

Внизу загремела, падая, какая-то мебель. Паника снова овладела Алиной, и она заметалась по чердаку.

Бежать через дверь было невозможно. Даже если допустить, что занятые дракой Антон и Филипп не успеют ее схватить, то она все равно не сможет протискиваться рядом с бездыханным телом Марго, висящим в проходе!

Оставалось окно. Она, помнится, убеждала себя, что нужно разрезать простыни... И нож остался тут, под одеялом...

Аля схватила его и, болезненно напрягая свои близорукие глаза, продолжила начатую работу.

Драка внизу продолжалась, но ритм ее ускорился. Все чаще трещала и ломалась мебель, все жестче были удары. Теперь Антон и Филипп обменивались восклицаниями и ругательствами, и дыхание обоих сделалось столь тяжелым, что их было слышно наверху.

«Скорей, скорей, Аля! – торопила она себя. – Если драку выиграет Антон, он меня убьет!»

А если Филипп? Филипп решил расправиться со всей бандой... Он, всегда угрюмо-послушный, вдруг взбунтовался!

«Нет, он не взбунтовался, – снова вспомнились Але его побелевшие глаза. – Он просто сошел с ума».

Он решил им всем отомстить за то, что они отдали ее Георгию... Марго, должно быть, с Филиппом сторговалась: сошлись на том, что Георгий припугнет и побьет немножко Алю – Филипп насчет «побить» и сам не против, полагая, что это является одним из способов общения. Но Марго, видимо, дала Георгию карт-бланш...

«Ты сказал, что тебе это доставило бы удовольствие...»

Алина легко представила, как Марго, залиvisto смеясь этим своим искусственно-мелодичным смехом, небрежно бросила секретарю: «Она твоя. Делай с ней что хочешь. Лишь бы она позвонила...» И предусмотрительно увела Филиппа, понимая, что «что хочешь» – это не совсем то, на чем они сошлись с Филиппом. Как он не хотел уходить! Как не хотел оставлять ее одну, связанную, готовую для издевательств Георгия! Словно чувствовал...

Впрочем, почему «словно»? Он именно чувствовал каким-то звериным чутьем, что все повернется вовсе не так, как ему обещали, – не потому ли он бросил дружков и вернулся на дачу?

И теперь, если Филипп выиграет последний бой с Антоном, он, несомненно, заявит свои права на Алю. Если он ради нее готов перебить своих единственных друзей, то это явно не для того, чтобы потом отпустить Алю к Алексу!

Так скорей, скорей же, Аля!

Наконец простыни были разрезаны. Теперь следовало их связать, померить, хватит ли длины – узлы ведь съедают длину; надо было придумать, как их закрепить на окне.

Грохот внизу раздался прямо у подножия лестницы, ведущей к ней на чердак. Аля испуганно замерла. Кто-то хочет подняться к ней?

Антон?

Филипп?

Зачем?!

Она кинулась к люку и тихо подергала его, желая удостовериться, что не забыла его запереть. Кто-то из двоих явно находился на лестнице. Может, драка загнала его на ступеньки?

А что, если Антон решил взять Алю в заложницы?

Или задушить ее, отомстив Филиппу за смерть Марго?!

Она резко выключила свет и бросилась к окну.

Природа была безмолвна, ни шороха, ни шевеления листьев. Даже воздух был неподвижен. Пряно пахло травами, цветами, землей. Похоже, будет гроза...

Вдалеке мелькнула фарами машина. Она ехала медленно и не совсем уверенно, будто водитель искал дорогу.

Может, это за мной? Может, это Алекс? Может...

Нет, не может. Как бы он нашел эту дачу? Наверное, какой-нибудь запоздалый гость из города, приехавший на выходные к знакомым, не помнит точно дорогу...

Внизу снова что-то загрохотало.

Уже занималась ранняя летняя заря, край неба наливался красноватым светом, на фоне которого очертились тугие угрюмые тучи. Тяжелый, плотный воздух отчетливо запах собирающимся дождем.

Разглядев едва видную в неверном свете металлическую петлю на подоконнике, Алина стала прилаживать к ней простыню. Это оказалось непросто, полоска простыни была слишком широкой, не пролезала в металлическое ушко петли. Аля провозилась несколько минут, но наконец ей это удалось.

Свет фар мазнул по темным деревьям, на этот раз совсем недалеко. Машина медленно вползла на улицу, где находился дом, в котором прятали Алю, и исчезла из зоны видимости чердачного окна. Но сердце Алины громко забилось.

Глава 27

...Кис притормозил за два дома от нужного номера. Осторожно выйдя из машины, он тихо закрыл дверцу и, растворившись в черной тени оград, двинулся к дому.

Неясный свет пробивался через застекленную веранду. Свет шел откуда-то из глубины дома, где-то там была комната, в которой горел свет.

Кис без труда преодолел невысокую калитку. Оказавшись на участке, он осторожно откинул крючок – подготовил путь к быстрому (мало ли что!) отступлению.

Невидимые с улицы, в саду стояли белые «Жигули» Марго. Кис им порадовался, как родным: значит, его расчет был верен.

Алексей стал бесшумно обходить дом. Свет пробивался и через ставни двух окон сбоку.

Итак, Марго здесь. Тогда за каким-то из этих окон должна быть и Алина. За каким? Сидит с ними в комнате или?.. Оставалась еще одна сторона дома, которую он не осмотрел. Кис прокрался к углу: здесь были два неосвещенных закрытых окна. Зато повыше, на чердаке, маленькое темное окошко было раскрыто настежь. Кто за ним, за этим окном? Алина?

Кис, закинув голову, пытался мысленно прочертить путь в раскрытое окно. Кто бы за ним ни был, для Киса это был единственный подходящий вход в дом. Не звонить же в самом деле в дверь: здравствуйте, я за Алиной. Их нельзя спугнуть, их надо взять неожиданно и точно. И сдать милиции, которая должна вскоре появиться.

Кис любил маленькие эффекты: указать небрежным жестом на свою добычу, поверженную и обезвреженную: вот, господа, вам остается их только увезти... Ну, не в каждом, уж конечно, деле он гнался за эффектами, только когда оно ему было по плечу. Он, в конце концов, частный детектив, не более – прилаживался Кис к цоколю дома, – у него задачи скромные, так, найти-разузнать, а пиф-паф – это уже дело милиции... Но, пыхтел он, забираясь на высоковатый подоконник, с дилетантами я управлюсь, пожалуй, и один, тем более что милиция вскоре подъедет, Алекс должен был ее вызвать...

Ему показалось, что в доме раздался какой-то шум – как если бы перевернули стул или что-то в этом роде. Кис прислушался, но звук не повторился. Распахнутое окно на чердаке зияло черным провалом и казалось мертвым.

И вдруг – о боже! – какое-то тело, развевая белые одежды, беззвучно выпало из окна! Кис вздрогнул и спрыгнул на землю, сердце куда-то ухнуло, его колени ослабли – неужели он опоздал, неужели дело зашло так далеко?!

Сердце еще не вернулось на место, но сознание уже проделало свою работу, и Кис с облегчением улыбнулся своему страху: из окна свесилась, белея, перевязанная в узлах простыня.

Алина. Она была там, за этим окном. Она не теряла времени даром и готовилась к побегу. Умница девочка! Теперь ему остается всего-навсего ей помочь.

Но как ее не испугать? Позвать? Они могут услышать. Подождать внизу, помочь спрыгнуть? Она от страха умрет.

Кис прижался к углу дома, выжидая.

И вдруг до него донеслось громко и отчетливо: «Аля! Спускайся!» – кричал мужской голос.

Алина появилась в проеме окна и села на подо-конник, свесив ноги.

– Аля! Спускайся, слышишь! Все кончено!.. Аля, ответь мне! Почему ты молчишь?

Алина перевернулась, держась за простыню. На ней была вовсе не та одежда, которую описали домашние Алексею, на ней было черное короткое платье без рукавов... Какой-то сарафан... Нет, на ней была просторная мужская майка, мотавшаяся почти над головой у Киса, и ему показалось, что под майкой у Алины ничего нет.

На чердаке раздался стук. Кто-то бешено стучал в дверцу, крича без остановки: «Аля, Аля!»

Алина начала спускаться.

Чердачная дверца с треском взлетела от мощного удара.

Нога Алины достигла рамы нижнего окна и уперлась в нее.

В оконном проеме появилась мужская голова.

– Ах ты, падла, опять сбежать решила! – заорал Филипп и схватился за простыню.

Кис сделал шаг к Алине.

Она сдавленно закричала от страха и оттолкнулась ногой от рамы, снова повиснув на простыне.

– Не бойтесь, я за вами! – попытался успокоить ее Алексей. – Я от вашего мужа, частный детектив, – шептал он, стараясь поймать конец простыни, на которой раскачивалась, потеряв опору-подоконник, Алина.

Филипп тем временем ловко перевернулся, выскользнул из верхнего окошка и повис на простыне у Алины над головой.

И в этот момент простыня сорвалась с крепления под тяжестью двух тел.

Алина упала в руки Алексея.

Филипп рухнул рядом с ними. Но почти тут же вскочил, хотя должен был, по мнению Киса, сильно удариться, и бросился к ним.

Кис вложил в кулачок Алины ключи и выпустил ее из рук:

– Бегите быстро, калитка открыта, направо от дома машина вашего мужа.

Аля рванула от него и исчезла в темноте. Поняла ли, что он ей сказал?

Филипп попытался бежать вдогонку за Алиной, подволакивая ногу. Кис сделал подсечку, уверенный, что этим окончательно выведет Филиппа, явно сильно повредившего ногу, из строя.

Но он просчитался. Филипп снова свалился, но тут же встал на ноги и заехал Алексею мощным ударом в бровь, после чего поскакал, прихрамывая, вслед за уже растворившейся в ночи Алиной.

Кис немножко посидел на земле, переваривая неожиданный удар, затем встал и, убедившись, что ноги все-таки держат, рванул вслед Филиппу к фасаду дома.

Филипп заводил машину Марго. Ворота были уже распахнуты.

Алины нигде не было видно – должно быть, она благополучно выбралась из двора и уже достигла машины. Ага, звук мотора, там, на улице – это Алина заводится.

Не пустить Филиппа! Кис метнулся в лучах «Жигулей» к воротам, наперерез машине. Угрожающе взревел мотор... Алексей вовремя отпрыгнул: Филипп был явно намерен его переехать.

Кис так и остался стоять в воротах, глядя «Жигулям» вслед и изо всех сил желая Алине избежать встречи с Филиппом.

Ему же, безлошадному, только и оставалось, что надеяться на лучшее... Скорость «БМВ» значительно превосходит скорость «Жигулей»... Так что у нее есть все шансы, правильно? К тому же Филипп мог потерять ее в темноте, правильно? Так что...

На лицо ему упала теплая, тяжелая капля.

Кровь?

Кис потрогал разбитую бровь.

Нет, дождь.

Дождь внезапно полил вовсю, тихо шелестя и сбегая по листьям. Кис моментально вымок насквозь, одежда противно липла к телу, вода струилась по его лицу. Гром утробно громыхнул над головой.

Пора было и остальных членов компании навестить.

Кис направился в дом, подозрительно притихший.

...Открывшаяся картина парализовала на некоторое время даже видавшего виды детектива: Марго, повешенная в проеме двери, и два мужских тела на полу – должно быть, Антон и Гена...

Кис приблизился к Марго. Спасти ее уже было невозможно, и Кис решил не трогать тело, оставив, как есть, до приезда милиции. Он проследил глазами простенькое устройство, при помощи которого была поймана в петлю Марго. Проем, отделявший прихожую от комнаты, был занавешен плотными портьерами, через карниз которых и была перекинута веревка. Другим концом она просто была зацеплена за крючок для шнура, придерживавшего занавески. Ловушка была очевидна: Марго вошла, петля тут же спустилась на ее шею, веревка была вздернута, и ее другой конец зафиксирован на крючке. А сделал это, судя по всему, Филипп – по крайней мере, только он мог уложить Антона... Это, видимо, вон тот, привалившийся плечом к стенке, плотный, накачанный парень, с бритой круглой головой, с разбитым в кровь крупным чувственным ртом и серьгой в ухе.

По всей видимости, Антон пытался спасти Марго... Или Филипп, по каким-то причинам, решил разделаться со всей бандой?

Кис сделал шаг в сторону сидящего у стены Антона. Тронул за плечо, и Антон начал заваливаться на пол, открыв зрению детектива разможенный, окровавленный затылок. Кис склонился, пощупал пульс: как ни странно, жив. Пока жив...

Он перешел к другому телу, несомненно, мертвому, лежащему ничком у дивана, тоже с разбитой окровавленной головой, – только повыше, на макушке, – и легонько потянул его за плечо, ожидая увидеть лицо Гены...

Каково же было его изумление, когда он опознал в мертвеце Георгия!

Едва Кис вернулся на свежий воздух, как Гена обнаружился сам, выбравшись из темноты сада. Он сразу поднял руки и сообщил, что он сопротивления оказывать не будет. Ну и хорошо, мой милый, и правильно, тебе не следует...

Эх, как же Кис Филиппа упустил! И больше ни одной машины нет, и некого сейчас на дороге остановить – дачный поселок, что вы хотите...

Что там сейчас на шоссе происходит? Кажется, Филипп не успел даже понять, что их нашли, что теперь уже все бессмысленно...

– Вы из милиции? – спросил вежливо Гена.

– Нет. Я частный детектив. Что тут произошло?

– Я сам не очень-то понял... Я, сказать по правде, сразу смылся в сад...

Завизжали тормоза. Милиция!

Кис, роняя объяснения на ходу, вскочил в одну из машин и дал водителю указания ехать в сторону, в которой скрылись машины Филиппа и Алины.

Они гнали, всматриваясь сквозь дождь и зловеще-багровую предрассветную тьму. Вскоре на одном из поворотов им открылись две машины, съехавшие с проезжей части. Кис высадился почти на ходу и побежал в их сторону. Трое милиционеров следовали за ним, хватаясь за пистолеты.

Первая машина оказалась его, Киса. Носом к обочине, задом почти поперек дороги. Пустая. Значит, Алекс все-таки приехал!

Алекса он разглядел в темноте дальше, возле «БМВ», полностью съехавшего с дороги. Он сидел под дождем на мокрой грязной земле возле открытой дверцы и молча смотрел на приближающегося Киса.

Из дверцы свисала тонкая белая рука.

Капот машины был наполовину смят ударом о дерево.

Безжизненная голова Алины лежала на руле.

Часть II

Глава 28

– Я был уверен, что найду тебя здесь!

Кис размашистой походкой шел по аллее больничного парка. Алекс встал со скамейки ему навстречу.

– Леша! Куда пропал, я тебя уже сто лет не видел!

– Дела, мой друг, дела.

– Лина вышла из комы!

– Я знаю, звонил в больницу. Поздравляю. Мне сказали, что она пошла на поправку.

– Мне тоже так сказали.

– Сказали? Ты ее разве не видел?

Александр странно посмотрел на него.

– М-м, – осторожно начал Кис, – что-то не так?

– Она не хочет меня видеть.

– Вот те на... Но почему, она что-нибудь объясняет?

– Она ничего не объясняет.

Алекс уселся обратно на скамейку, вытащил пачку сигарет, предложил жестом Кису. Алексей покачал головой, достал свои, сел рядом. И, не дождавшись продолжения, заглянул вопросительно в лицо Алексу.

Тот медленно выговорил:

– У нее амнезия, Кис. Почти полная. Она помнит только свое детство.

Кис присвистнул и растерянно замолчал.

– Да, после такой травмы немудрено... – забормотал он. – Не расстраивайся, Алекс. Память к ней вернется... Не сразу, конечно, постепенно... Главное, что она осталась жива. И цела.

– Проблема в том, что... Видишь ли, она ничего и не хочет вспоминать. Она согласилась узнать только свое имя. Никакой другой информации о себе – включая информацию о своем муже – она знать не желает.

В голосе Алекса звучали усталость и горечь. Кис внимательно посмотрел на него. С того самого дня, как Алина пропала, Алекс сильно изменился. Он оброс, отпустил бороду, одевался в джинсы и совершенно потерял свой холеный лоск, напоминая скорее то ли хиппи, то ли маргинального философа – тип, уже слегка подзабытый с советских времен.

Алексей решил сменить тему:

– Значит, теперь следствие полностью зайдет в тупик. Они там очень рассчитывали на показания Алины... Филипп бесследно пропал, Антон умер в больнице, Марго убита, а Гена выкручивается, смягчает краски, все валит на остальных... Моих свидетельств недостаточно, я сам мало что видел, Алина ничего рассказать не может – вот у Гены и выходит, что она к ним приехала добровольно, решив уйти от тебя... Письмо Алины к тебе у них оказалось... А ее побег через окно Гена объясняет тем, что она поссорилась с Марго.

Кис старался избегать подробностей о былых отношениях Алины и Филиппа – Алина сама не рассказывала мужу, стало быть, и не Кису вмешиваться в это дело. К тому же Алекс не слишком интересуется ходом следствия. Все, что его занимает, – это настоящее, а не прошлое Алины...

Забавно, при их первой встрече отказ Алекса ворошить прошлое страшно раздражал Киса, казался чистоплюйством; а вот теперь, по зрелом размышлении, он склонен признать, что каждый имеет право на неприкосновенность своего прошлого, и Алекс уважает это право... Кис тоже.

– Получается, – продолжал он, – что все ограничилось лишь попыткой со стороны Марго оказать моральное воздействие. Все остальное – и убийства, и драки – это якобы просто разборки между ними и к Алине отношения не имеют. Филипп взбесился, и все тут, а отчего – Гена не знает. Напал на них и едва всех не перебил. Георгий был просто приглашен, по его словам, Марго в гости. Марго познакомилась с ним случайно, как именно – Гена понятия не имеет... Врет, конечно. Я думаю, что твой секретарь сам нашел Марго. Катя мне поведала: Алина жаловалась, что он подслушивает ее телефонные разговоры. Заинтригованный некоторыми фразами Кати о Марго, он, видимо, решил ее найти. Номер телефона Марго он увидел на определителе, позвонил, представился, заинтересовал: идея вытрясти из вас деньги принадлежала наверняка ему! Марго-то размаху не хватило, она выпрашивала подачки по малости: вещички да маленькие суммы на бедность. Георгий, должно быть, из мстительных чувств подал эту идею Марго, да и сам в долю пристроился... А Марго эта мысль понравилась чрезвычайно, и она, пообещав ему долю, получила от него ценную информацию о распорядке дня Алины, о ваших привычках... Но только теперь этого не докажешь, и у них, к сожалению, не спросишь... Жизни Алины они якобы не угрожали, оружия у них не было никакого, если не считать каттера, у милиции в распоряжении только синяки на ее лице, но после травмы, которую она получила в машине, не слишком понятно их происхождение, да царапина на животе... А к автокатастрофе Алины они непричастны. Или, скажем, очень косвенно. Дорога была мокрой, скользкой, скорость высокой...

– И Лина была без очков, – закончил Алекс. – Это я виноват, невольно... Я узнал машину, думал, ты едешь. Стал сигналить фарами... Лина то ли испугалась, то ли свет фар ее ослепил... Она на моих глазах с дороги слетела и врезалась в дерево!

Голос его дрогнул.

– Я знаю, Алекс, ты мне это уже рассказывал, – дотронулся Кис до его рукава. – Кончай все заново перемалывать! Тебе надо сменить обстановку, я не уверен, что тебе идет на пользу сидеть тут каждый день. Какой толк?

– Очень даже толк есть...

– Что, о смысле жизни размышляешь?

– Как ты догадался? Я и не представлял, что ты такие слова знаешь, – съехидничал Мурашов.

– Нечаянно сами на ум пришли. Глядя на твою физиономию философскую.

Алекс улыбнулся.

– Лина стала выходить гулять. А я на нее смотрю. Издалека. Пытаюсь приучить себя к мысли, что она меня не знает.

– По-моему, ты драматизируешь, Алекс. Постепенно память к ней вернется, вот увидишь! Нужно просто набраться терпения. Нельзя опускать руки и нельзя самому опускаться! Посмотри на себя – на бомжа стал похож! Кончай хандрить, приведи себя в порядок, работой займись. Дела небось стынут?

– Я хожу на работу, ты чего? – удивился Мурашов.

– В таком виде?!

– Представь себе. Я только днем прихожу сюда, в перерыв...

– Ну ты даешь!

– Ты неправильно понял, Кис. Я не опустил – я изменился. Мне надоело делать то, что надо кому-то. Носить костюмы и галстуки, потому что так надо. Быть любезным со всеми и всем нравиться – потому что так надо. Даже бриться – потому что так надо! Посмотри, разве мне не идет бородка?

– Идет, – усмехнулся Кис.

– Вот видишь!

– Скажем прямо, будучи совладельцем и директором издательства, можно себе это позволить. Рядового сотрудника ты бы сам уже давно выгнал.

– Этим-то обстоятельством я и пользуюсь, – кивнул Алекс. – Вот думаю, не проколоть ли ухо, не носить ли мне еще и серьгу? – прищурился он хитро.

Кис рассмеялся.

– Ну и правильно.

– Ты насчет серьги? – осведомился Алекс.

– Нет, насчет того, чтобы всем нравиться. Пустое это дело. К тому же у тебя плохо получается, мне ты, к примеру, вовсе не понравился.

Алекс хмыкнул.

– Я заметил.

– Да я и не скрывал... Знаешь, я сторонник того, что все хорошо в меру. А когда через меру стараешься, то только хуже выходит, фальшиво. Слащаво. Меня прямо затошнило.

– Ну ты любезный сегодня! Спасибо.

– Не за что, чего там, свои люди. Ладно, не обижайся, ты прав: нужно быть самим собой. Помнишь сказочку про дедушку, мальчика и осла? Хоть ты так, хоть этак, а все найдется народ, который скажет: не годится, не нравится, неправильно... Я лично давно понял: нет смысла напрягаться – всем не угодишь. Будь самим собой – по крайней мере, себе понравишься, что уже совсем неплохо...

– Тебе удалось?

– Что? – не понял Кис.

– Самому себе понравиться?

– Ну... – смутился слегка Кис, – в целом, в общем...

– ...даже очень! – закончил за него Алекс со смехом. – Ладно, чего стесняться, свои люди, как ты выразился. Мне ты тоже нравишься, если тебя это может утешить.

Кис сконфузился окончательно.

– Это, наверное, по теории твоего заместителя Севы, оттого, что я тебя невзлюбил... – пробормотал он.

Алекс, забавляясь, смотрел некоторое время с улыбкой на детектива.

– Или оттого, что ты этого не скрывал, честный малый!.. Вечером свободен?

– В конце недели.

– Приезжай ко мне.

– Договорились. Пока, Алекс, я помчался, дела!

И, смущенный, Кис потрохал по аллее, не оборачиваясь.

Конец недели выдался стылый и пасмурный, дождь бестолково и занудно барабанил по крыше дрессированным зайцем. Было довольно холодно, Алекс предложил растопить камин, и вскоре сереющий в неприветливых сумерках дымок потянулся над крышей.

...Сколько удовольствия и уюта ощутить зыбкую, тонкую плоть жара, исходящего от камина, где пламя сосредоточенно пляшет свой шаманский танец среди почерневших камней! Золотые отблески бегали по гостиной; Кис с Алексом удобно вытянулись в глубоких креслах; коньяк в рюмках ответно вздрагивал искрами огню, и к терпкому запаху поленьев примешивался изысканный запах дорогих сигар, которые Алекс предложил Кису опробовать.

Они философствовали. Разговор плавно и непринужденно скользил от одного предмета к другому; каждый был волен высказаться или молчать. Но это была только видимость, неправда, прикидка: на самом деле Алекс все заворачивал разговор на Алину, на их отношения, на попытки объяснить случившееся, а Кис подыгрывал, снисходительно прощая собеседнику эту слабость.

– Я не сторонник, – мудрствовал в ответ Кис, – самокопаний, Алекс. И ты теперь тоже пустился в самоедство, хочешь все разобрать на части и заново собрать. Как и твоя жена. Все это, конечно, неплохо... Но до некоторой степени, только до некоторой степени, в меру! Отчего люди вечно бросаются в крайности?

– По-другому не умеют, наверное.

– А мозги на что? Чтобы ими шевелить, нет? Иногда достаточно только руку протянуть для ласки, только твердо слово сказать для отказа... Ан нет, руку заробеют протянуть, слово не осмелятся сказать, а когда уже совсем не вмоготу станет – проще революцию устроить, жизнь всю перевернуть, все сначала начать! Крайности имеют разрушительную силу, скажу я тебе...

Кис думал о поведенной Катей истории, и, позволив он себе поделиться мыслями с Алексом, он сказал бы: «Вот, например, сумей тогда Алина решительно сказать «нет» дяде – то, возможно, он бы отступился? Хотя бы из страха огласки. Но она не сумела, она смолчала, скованная страхом, привычкой послушания, отсутствием опыта, боязнью позора... И, пожалуйста, – у нее остался только один возможный выход: банка с маринованной волоконницей Патуйара...»

Боже упаси, Кис вовсе не осуждал Алину – она защитила свою честь и свою душу, как сумела; он просто философствовал. Уж если на то пошло, это вообще типично для русского характера, стоит только в отечественную историю заглянуть, такой вот национальный генотип: кушаем дерьмо, кушаем, а то даже и от удовольствия причмокиваем, и в придачу спасибо говорим, и в ноги батюшке диктатору (как он ни зовись) плюхаемся; а потом вдруг р-раз! – и революция, бунт. Да какой! Сразу «кровавый и беспощадный». Нет бы там, как в других странах, гнуть свою линию твердо, но потихоньку, полегоньку, понемножку – забастовки, демонстрации-манифестации...

– Ты что замолчал? – поинтересовался Алекс.

– Об особенностях национального характера задумался, – уклончиво ответил Кис. – Так вот, Алина: она, должно быть, в школе была из тех учеников, которые, сделав пару помарок, переписывают заново всю тетрадь – чтобы все было красиво и безупречно. Чистюля! Она и в жизни своей такая: пожила с Марго и ее

компанией, нашла ошибки – решила все заново переписать. Сбежала, жила одна, трудно, но «правильно». Потом ты ей встретился, опять новая жизнь; она ее приняла, пожила, снова нашла ошибки – снова решила все переписать: уйти от тебя и все начать сначала... Ее, кажется, с детства приучили переделывать плохо сделанную работу – вот она и переделывает без остановки, род навязчивой идеи... Теперь-то, после амнезии, ей куда трудней будет: ей не переписывать, ей с белого листа писать свою жизнь придется: свою биографию, свое прошлое, саму себя...

Алексей внутренне прислушивался к своему голосу: не слишком ли он назидателен? Но Мурашов слушал его с задумчивым вниманием – хоть пиши картину «Юноша внимает старцу»...

Конечно, не потому, что Кис старше на каких-то два года. Дело, видимо, в том, что, художник по природе, Мурашов не был силен в анализе и логических построениях, и его должна была привлекать способность Алексея облекать в слова, формулировать то, что Алекс чувствовал и сам, – таким образом он получал подтверждение своим чувствам и их словесное выражение.

– Ты не думай, это не теория – это прожитое, – продолжал Кис. – Я сам свою семью так потерял. Да теперь уж что об этом говорить, мы восемь лет назад развелись. Могу только советы теперь давать подрастающему поколению...

Кис извиняюще улыбнулся, но Алекс даже не обратил внимания на это извинение, он сосредоточенно слушал.

– Твои советы хороши, Леша. Но малость абстрактны: ты забыл, что она не хочет меня видеть, не хочет знать о моем существовании!

– Она боится! Боится узнать о своих ошибках. Ты говоришь, она помнит только раннее детство? Пойми, у нее сейчас сознание ребенка, и ее страх перед собственным прошлым сродни страху ребенка перед будущим. Многие дети – приходилось ли тебе слышать – в какой-то момент говорят: не хочу вырастать, не хочу становиться взрослым. Они еще не успели надеть глупостей, они еще не испытали горечи своих будущих неудач и ошибок, они еще не ощутили на своих плечах груз ответственности за решения, которые придется принимать, но они уже испугались в их предчувствии... Так и Алина. Она не помнит свою жизнь, но чувствует, что там было что-то, что ей не понравится, какой-то груз ошибок, ответственности за неправильные решения... Вот и не хочет. Это пройдет. Что врач говорит?

– Что нельзя насиловать ее волю. Он тоже меня уверяет, что это пройдет.

– Вот видишь.

– Не вижу. Что изменится?

– Она немножко освоится в этой жизни, посмотрит, что не так уж все и страшно... Она ведь трусиха, твоя жена. Марго и сделала на это ставку – на ее робость, податливость.

– И промахнулась. Не такая уж Лина трусиха, как ты говоришь.

– Конечно. Это просто ее другая сторона. Она долго уступает, добровольно подстраивается под чужую волю и даже позволяет себя подавлять – людям и обстоятельствам. А потом – р-раз, и бунт.

– Умный ты... Что же теперь делать?

– Ждать, я тебе говорю. Ждать!

– Что изменится, я не понимаю? Ее физическое состояние удовлетворительно, ее могли бы уже выписать, а она ни в какую! Она хочет остаться в больнице просто потому, что не хочет домой!

– Слушай, а если попытаться настоять на выписке? Врач может ей что-нибудь такое объяснить, что места в клинике нужны для настоящих больных, а она уже здорова, ей нужно только приходить на сеансы к

психиатру, амбулаторно... Убедить ее, внушить, что выписка необходима...

– И что?

– Она осмотрится дома. Увидит, что это совсем не страшно. Жить – не страшно, с тобой жить – тоже не страшно. Она перестанет бояться и согласится пройти курс с психиатром. А?

– Может, ты и прав... Поговорю с ее врачом.

Мужчины чокнулись бокалами за успех.

– И вот еще... – поднял рюмку с недопитым коньяком Кис. – Давай за то, чтобы вам с Алиной больше никогда мои услуги не понадобились. Чтобы все эти игры в детектив остались позади. И чтобы дальше в вашем романе были только любовные сцены.

– Да уж, – ответил Алекс, допивая коньяк, – надеюсь видеть тебя в гостях только в качестве друга...

Было уже давно за полночь, дрова прогорели, оставив в камине мерцающие угли, подернутые серой пеной осевшего пепла. Пора было спать. Кис с хрустом потянулся, с наслаждением представляя, как он сейчас растянется на кровати...

– Иди сюда, – позвал его Алекс из кабинета.

Кис вошел. Креслу, занимавшему раньше положение сбоку от письменного стола, была дана отставка. Теперь на его месте стоял мольберт и весь край стола был завален красками. На мольберте был прикреплен портрет Алины, почти законченный.

– Нравится? – спросил Алекс.

Портрет был выполнен в одном цвете, только в разных оттенках этого цвета – Кис не знал, как называется эта техника. «Гризайль», – пояснил Алекс. Алина была на нем похожа на саму себя, хотя портрет был написан по памяти; но, наверное, Алекс не об этом спрашивал. Художники, они не так судят, как простые смертные: похоже – не похоже...

Кис искал слова. Портрет произвел на него впечатление, не совсем ясное ему самому.

Алекс понял его молчание по-своему.

– Я давно не писал красками... Честно говоря, это первый портрет Лины. Даже не знаю почему – мне никогда не приходило в голову написать ее портрет... Может, потому, что я совсем перестал заниматься живописью к моменту, когда мы с ней познакомились. Знаешь, когда-то я делил мастерскую с одним своим другом, Андрюшкой, – вместе учились, – и мы с ним писали каждый день, то в одной технике, то в другой. Это было своего рода тренировкой, упражнением в мастерстве... Теперь он работает на мое издательство, делает для нас иллюстрации, у него все та же мастерская, он пишет каждый день, а я – нет. Я руковожу. Я больше не художник – я бухгалтер, администратор и...

– Выражение лица у нее...

– Что-что? – не понял Алекс.

– Выражение лица, говорю, на портрете... Я бы сказал – спокойное, уверенное в себе. Очень похоже на Алину – а вроде как не она. На фотографиях у нее скорее взгляд вопрошающий, почти что робкий... В этом не отдаешь себе отчет, когда смотришь фото, но, глядя на твой портрет, я вдруг понял разницу... Откуда оно, это выражение, на портрете? Ты так ее видишь, что ли?

– Не знаю... Пишется как-то само. Обычно не думаешь. Наверное, я ее так вижу.

– Или ты ее так хочешь видеть. И ты прав.

Глава 29

Алина щурилась на солнце. Новые очки немного жали переносицу. Интересно, а старые не жали? А старые очки были какие?

Нет, неинтересно. Совершенно неинтересно. Совсем нет. Новые, раз жмут, лучше просто снять. И никого не видеть. Вот и хорошо. Лица расплываются, и некого узнавать: все, как один.

Там, в конце парка, решетчатая ограда. За оградой улица. По улице ходят люди и ездят машины. Это из-за них она получила удар в голову. А из-за удара в голову – потеряла память. И она туда не хочет. Ни к людям, ни к машинам. Оставьте меня все в покое. Не трогайте. Только не трогайте меня! Все. Отстаньте. Мне тут хорошо, я здесь останусь.

Как это просто: удар в голову – и памяти как не бывало. И ты с этого момента – никто, тебя зовут – никак, и ты живешь – нигде. У тебя больше нет биографии, нет прошлого, ничего, чистый лист.

Вот и хорошо, вот и отлично. Оно мне не нужно, прошлое. Пусть чистый лист; начнем с чистого листа; так лучше.

Она расстегнула две верхние пуговицы рубашки и закрыла глаза, подставив лицо нежаркому сентябрьскому солнцу.

Больничный запах сводил Алекса с ума. Даже здесь, в кабинете заведующего отделением доктора Паршина, этот запах преследовал его, проникал в ноздри, в мозг. Только один этот запах способен вызвать депрессию! Немедленно забрать Лину отсюда!

Толстый и высокий, с седящей черной бородой, доктор Паршин распахнул дверь своего кабинета и сказал сиплым басом: «Сейчас я вам наглядно объясню. Пожалуйста». Он провел Алекса в конец коридора и указал на Алину в окно:

– Видите, она гуляет всегда во внутреннем дворе, между корпусами. Она практически никогда не доходит до нашего парка. Только смотрит туда из-за угла, не покидая двор.

– Да, я заметил... Я ее вижу иногда, я в парке на скамейке подолгу сижу, жду, когда она появится.

– И знаете почему? Потому что из парка видно улицу! И она ее боится. А вы говорите – домой! Это может привести ее к нервному кризу, ухудшить ее состояние, это риск, Александр Кириллович. Риск, что память к ней вообще не вернется.

– В конце концов, это не так уж важно, память. Раз Лина сама не хочет ее возвращать... А для меня имеет значение только то, чтобы мы были вместе, чтобы она была рядом, дома. Наша семья – вот что важнее всего!

– Вы забываете, что это для вас семья, для вас она – жена. Но вы для нее – никто, и семья для нее не существует. Она сейчас в некотором смысле сравнима с ребенком, и если ей и нужна семья, то скорее в виде папы с мамой... Вы находитесь в разных системах отсчета.

– А вы что предлагаете?

– Ждать.

– Не может же она бесконечно находиться в больнице!

– Конечно, не может. Но прежде, чем вести разговор о ее возвращении домой, необходимо, чтобы она хотя бы согласилась с вами познакомиться. Чтобы она к вам хотя бы немножко привыкла.

– Но ведь она не хочет меня видеть!

– Последний раз я говорил с ней об этом два дня назад. Поговорю опять сегодня. Надо уговаривать ее постепенно, на нее нельзя давить: она страшно сопротивляется любому давлению, даже мнимому... Что-то в ее подсознании блокирует восстановление памяти – такое иногда встречается в случаях с амнезией. Так что наберитесь терпения.

Терпения! Алекс обвел глазами коридор. Белое, бесцветное, больничное, безрадостное – как тут может захотеться жить, узнавать жизнь? Больные, тоже какие-то выцветшие, блеклые, слоняются по коридору; посетители – и те будто вылиняли. У соседнего окна стоит какой-то молодой человек и, прижавшись лбом к стеклу, смотрит во двор – с тоской. Хоть и не пациент, по костюму видно: посетитель. И то – тоска. Вот что такое больница – тоска! И этот запах. Здоровому жить расхочется.

– Может быть, мне лучше подойти к ней, пока она гуляет, во дворе, и самому с ней познакомиться? «Познакомиться»... Как это странно звучит.

– Я вас понимаю. Но делать этого нельзя, ни в коем случае!

– Почему? Думаете, я ей не понравлюсь?

– Возможно, и понравитесь. А возможно – нет. Никто прогнозировать не возьмется, но вероятность негативной реакции очень высока. Она может испугаться, что способно вызвать у нее нервное потрясение, и тогда наши шансы на скорое возвращение памяти резко уменьшатся. Мы не имеем права так рисковать! Вы должны понять, что амнезия – дело крайне деликатное, тут замешана психика, и заблокированные участки мозга могут навсегда остаться выключенными, если действовать грубо... Тем более, как я вам сказал, Алина сама, подсознательно, пытается сохранить свою амнезию... Как бы вам объяснить... Как если бы она сложила свои воспоминания в некий ящик, заперла на ключ, а ключ потеряла. Но при этом такое положение вещей ее почему-то устраивает, и ключ она искать не хочет.

– Хорошо, доктор. Делайте, как считаете нужным, но только постарайтесь поскорее ее убедить, прошу вас!

– Все, что в моих силах! – оторвался от окна врач. – Заверяю вас, все, что в моих силах, я делаю!

Они двинулись по коридору к выходу.

Молодой человек у соседнего окна повернул голову и долго смотрел им вслед. Когда они скрылись из виду, он тоже двинулся по коридору в сторону выхода.

Сквозь закрытые веки тепло и розово проникало солнце.

Все-таки это неразумно; все-таки надо перестать бояться, надо согласиться на сеансы, которые помогут ей вернуть память; надо встретиться с мужем, надо узнать свое прошлое...

«Прошлое» – такое черное, крепкое, плотное слово. Прямоугольное; черный металлический ящик с тяжелой крышкой. Холодный, черный, тяжелый, с острыми углами, с кованой крышкой... Если эту крышку приподнять...

Оттуда вылетят злые духи и затащат Алину в ящик!

И крышка захлопнется.

Нет! Ни за что.

Отчего прошлое ей кажется таким черным и глухим ящиком? Что там в нем, что-то плохое?

Почему она так решила? Глупости; надо узнать, надо спросить доктора Паршина: пусть расскажет ей о

ее прошлым, хотя бы немножко, хотя бы коротко, чтобы только краешком глаза заглянуть в прожитые двадцать пять лет...

Нет, там духи! Они вылетят – и все, и уже будет поздно, с ними никто не сладит; они затащат Алину в черный ящик. Нет.

Но нельзя же жить вечно в больнице, надо из нее однажды выйти: и куда? в прошлую жизнь?

Почему это так надо? Почему, кому она обязана вернуться? Почему нельзя начать новую жизнь, без прошлого? Она его не хочет, прошлое, она хочет начать жизнь заново, разве она не имеет права? Разве они имеют право ее принуждать?

Может, сбежать из больницы?

Розовое и теплое свечение солнца вдруг исчезло, будто его выключили; серая тень легла на ее веки.

Алина открыла глаза.

Перед ней стоял мужчина. Красивый мужчина. Шатен. Высокий. Хорошо одетый. Элегантный костюм, галстук с булавкой, стрижка, как на картинке, благоухание туалетной воды. Он ей улыбался.

Что ему надо, интересно? Его улыбка показалась Алине фамильярной.

Она смотрела на него вопросительно, но он молчал.

– Что вам нужно? – спросила наконец Алина.

Мужчина, не ответив, сел на скамейку рядом с ней. Алина демонстративно отодвинулась.

– Вы меня не узнаете? – проговорил он немного настороженно, хотя по-прежнему улыбаясь.

– Нет, – без всякого любопытства ответила Алина.

Его лицо слегка расплывалось в ее глазах, было нечетким, но она решила не надевать очки – у нее не было ни малейшего желания его разглядеть.

– Совсем не узнаете?

– Бесполезно, – холодно обрезала Алина. – Я вам ничего не могу сказать. У меня амнезия.

– Я знаю, – сказал мужчина, как показалось Алине, с удовлетворением в голосе, которое ее удивило.

– Откуда? – сухо осведомилась она.

Мужчина молчал, разглядывая ее все с той же улыбкой. Алине не понравилось, как он на нее смотрел, как он улыбался, и вообще весь он – совсем не понравился! Она вскочила и двинулась было от скамейки...

– Постой, Аля, – догнал ее голос мужчины. – Постой. Я твой муж.

Крышка черного ящика медленно, тяжело приоткрылась. Духи зашевелились.

Как доктор Паршин мог разрешить ему к ней подойти?! Это нечестно; он обещал ей полный покой!

– Подожди, – сказал Муж. – Одну секунду. Ты ничего не хочешь знать, твое право; но ты должна узнать одну вещь, только одну. Потом будешь решать сама, что делать.

Алина присела, спиной к нему, и замерла на краешке скамейки. Духи завладели ее телом, схватили, загипнотизировали; она чувствовала себя парализованной, тело ее не слушалось, сознание приготовилось к прыжку в бездну, в черный ящик, и голова кружилась с тихим звоном.

– Ты должна знать, что тобой интересуется милиция, – он говорил негромко, но с напором. – Ты совершила... одно преступление. Небольшое, но тебя за него сразу же посадят в тюрьму, как только к тебе

вернется память. Так что не в твоих интересах оставаться в больнице – ты сама не замечаешь, как с тобой работают психиатры. Это происходит не только на сеансах, от которых ты отказалась: с тобой работают, когда ты спишь и когда ты ешь, каждое обращенное к тебе слово – это лечение. Не говоря уж о лекарствах. В один прекрасный день память к тебе вернется, и этот прекрасный день наступит скоро. Я только что разговаривал с доктором: он меня заверил, что это вопрос дней. И тогда к тебе придет милиция и тебя отдадут под суд.

Верно... Доктор что-то такое говорил... Что приходили из милиции и хотели задать ей какие-то вопросы, но он отказал им! Но ведь, как ей доктор объяснил, милиция приходила, чтобы узнать подробности автокатастрофы?

– Какое? – настороженно спросила Алина.

– Преступление, ты хочешь сказать?

– Да...

– С тебя пока что хватит. Тебе нельзя много информации давать сразу, а то у тебя короткое замыкание может случиться...

Что-то резануло ее слух в этих словах, но она не успела вдуматься, что именно.

– Если хочешь, спроси у доктора Паршина, – усмехнулся Муж, – он в курсе. Милиция у него время от времени интересуется, как идут твои дела, скоро ли к тебе вернется память.

Это была правда, она об этом знала. Алина молчала, не глядя на Мужа.

– Зачем вы пришли мне это рассказывать?

– Не «вы», а «ты», я твой муж. Я не хочу, чтобы ты попала в лапы милиции, я не хочу, чтобы тебя судили. Я предпочитаю, чтобы память к тебе вовсе не вернулась... В конце концов, это не так уж важно – память; главное, чтобы мы были вместе. Главное – это семья, наша семья. Поэтому я хочу тебя забрать из больницы.

Алина наконец взглянула на него. Его глаза были довольно близко, и она разглядела эти светлые, пристальные и холодные глаза охотника, которые бдительно следят за передвижениями намеченной добычи.

– Ты ведь не хочешь, чтобы тебя арестовали?

Алина промолчала, с трудом сопротивляясь разом поднявшемуся в ней страху.

– Смотри, я не настаиваю. Хотя следовало бы. Ты ведь сейчас, как ребенок, не отвечаешь за свои решения. И мне приходится принимать решения за тебя – ведь ты моя жена. Но я не имею права на тебя давить. И я не хочу тебя пугать. Подумай. Только помни, что единственное, о чем я забочусь, – это о твоём спасении.

Он встал, будто собираясь уйти.

– Я не хочу, чтобы меня арестовали... – тихо и беспомощно проговорила Алина.

– Это разумно. Я приду за тобой завтра, в четыре. Будь во дворе, на этой же лавочке. Начинаются приемные часы, и нам будет легко пройти через ворота, – он окинул Алю взглядом. – Это хорошо, что на тебе джинсы и куртка... Оденься завтра так же. И мы поедем... – Муж отчего-то запнулся. – ...к нам домой. Подальше от докторов, подальше от лечения. Нет памяти – нет и суда! Только ничего не говори доктору – я с ним все утрясу сам, когда ты уже будешь дома... Все, я пошел. Я не хочу, чтобы он видел нас вместе: он может догадаться, что я тебе сказал про это. С тобой про это запрещено говорить – они боятся, что у тебя

может шок случиться, тогда у тебя крыша совсем поедет и ты вообще никогда ничего не вспомнишь...

И снова в его речи что-то резануло ее слух, будто фальшивая нота. Но она опять не сумела понять, что именно.

– ... А они хотят, чтобы ты сама вспомнила, так тебя проще судить будет, – продолжал Муж. – Ему перед мен... милицией охота выслужиться, Паршину. Поняла? Если кто может тебя спасти, так это я. Твой Муж. Так что до завтра.

Он прикоснулся к ее руке, и Алину передернуло, будто током ударило.

Муж ушел, оглянувшись украдкой, заворачивая за угол больницы.

Алина осталась сидеть на скамейке, глядя прямо перед собой, в никуда, в черный ящик.

Духи хищно кружили вокруг нее.

«Я совершила преступление! Вот оно что... Черный ящик – это то плохое, что я сделала. Кому? И что? Разве я могла?

Невозможно, я не могла, я не такая!..

А я знаю – какая я? Какая я была? То-то. Не знаю».

Алина взяла из автомата стаканчик с горячим кофе и понесла его к себе в палату. Грузные шаги загремели по коридору у нее за спиной.

– Алина! Пойдите.

Доктор Паршин догнал ее у дверей палаты. Оба внимательно посмотрели друг на друга. «Он хочет выслужиться перед милицией...» – вспомнила Алина.

– Что с вами, у вас вид расстроенный! – сказал доктор.

– Ничего, – через силу улыбнулась она. – Все в порядке.

– Послушайте меня, деточка, – загудел его бас, когда они вошли в одноместную палату Алины и уселись, – вам совершенно необходимо развеяться. Больница – скучнейшее место, и из него нужно выбираться как можно скорее! Вы уже совершенно здоровы, и вам нечего делать среди больных! Будьте благоразумны, вам необходимо вернуться в общество, к людям, в семью... В конце концов, не хотите пройти курс психотерапии – не надо, ваше право; но не отказывайтесь встретиться с людьми, которые вас знают и любят! С вашим мужем, например...

«Встретилась уже, спасибо», – мысленно ответила ему Алина.

– Поймите, он страдает. Он вас любит... Дайте ему хотя бы шанс – встретьтесь с ним, поговорите. Вы увидите, это очень приятный молодой человек...

Действительно, вспомнила Алина, он очень моложав. Алине представлялось, что мужчина в сорок два года должен выглядеть чуть посолиднее. Впрочем, что она могла разглядеть без очков? Она просто не увидела тех мелких морщинок, которые выдают возраст...

– ...Он вам непременно понравится... – гудел доктор, – я вам обещаю...

«Он отвратительный, этот ваш – мой муж! Красивый, но отвратительный. Эта его улыбка... Взгляд... Как я только могла за такого выйти замуж! Какая я странная была», – думала Алина.

– Дома, в семье, вы будете окружены заботой, вниманием, у вас будет возможность общаться, знакомиться с людьми, гулять... Ваш муж предоставит вам определенную свободу, не беспокойтесь, он не будет настаивать на возобновлении ваших отношений – я имею в виду таких, какие у вас были раньше;

супружеские отношения, я имею в виду... Но сначала, конечно, нужно вам с ним встретиться, поговорить... Возможно, это поможет вам сладить с вашими страхами, и вы перестанете так бояться своих воспоминаний... Не отказывайтесь! Даже если память к вам не вернется, – гудел проникновенно бас, – то все равно...

«...То все равно меня отдадут под суд... – мысленно закончила его фразу Алина. – Не выйдет, мой хитрый доктор, нет!»

– Хорошо, – покладисто сказала Алина, улыбнувшись доктору. – Я согласна. Встречусь я с вашим мужем.

– С вашим, деточка, с вашим мужем!

– Конечно, с моим, я шучу. Только... через пару дней, ладно? Мне нужно привыкнуть к этой мысли, – застенчиво объяснила она.

Доктор смотрел на нее с недоверием, поскребывая черно-седую бороду. Что-то она задумала? Или нет? Не поймешь... Когда с психикой происходят изменения, то трудно ориентироваться, где правда, где фантазия, где намеренная ложь. Остается полагаться на интуицию, а интуиция, она тоже не всегда срабатывает...

– Хотите, я вам его фотографию покажу?

– Зачем? – пожала плечами Алина. К чему ей фото, если она только что видела оригинал... – Мы ведь с ним скоро встретимся!

– Так вы согласны? – переспросил доктор Паршин.

– Да-да, я же вам сказала. Через пару дней.

– Это как – через пару дней? Послезавтра или как?

– Да-да, послезавтра.

– И я могу сказать вашему мужу, что вы с ним встретитесь послезавтра? – снова переспросил он, прислушиваясь к интонации ее ответов.

– Я не пойму, доктор, вы мне не верите, что ли? – улыбнулась ему Алина. – У меня амнезия, да; но я вроде бы не сумасшедшая, отдаю себе отчет в том, что говорю, – засмеялась она.

– Вот и отлично, – положил свою большую лапу на ее руки доктор Паршин. – Вот и правильное решение!

Он встал.

– Вы умница и прелесть, деточка. Отдыхайте теперь.

И доктор покинул ее палату с недоверчивым видом. Надо же, так вдруг – и согласилась...

Глава 30

Солнечные блики скользили по парку, по дорожкам, по скамейке, на которой сидел Алекс, и он блаженно жмурился время от времени. Лину что-то не видно сегодня, она совсем не появлялась из-за угла корпуса, но это и неважно: завтра они встретятся! Завтра. Пройдет сегодня, и они встретятся!

Он ей скажет: здравствуй, жена.

Нет, не надо «жена», она к этой мысли еще не привыкла. Он ей скажет: здравствуй, Лина, моя любимая, моя дорогая, моя ненаглядная...

Нет, он, естественно, так не скажет, он скажет просто: здравствуй, Лина. Меня зовут Алекс. Я твой муж.

Нет, про мужа тоже не надо. Только: меня зовут Алекс. Или – Александр?

Значит, так: здравствуй, Лина... Может, лучше Алина? Вдруг ей не нравится – Лина? Вот так: здравствуй, Алина, меня зовут Александр.

Сухо как-то, холодно... А как? Как же?! Никогда не думал, что такие простые слова так трудно сказать!

«Здравствуй, Алина. Как дела?»

...Цветы принести? Конфеты? Он их и так каждый день передает, и шоколадное печенье, ее любимое... Может, фотографии принести, их фотографии, из прошлой жизни? Нет, это потом, если она сама захочет... Сбрить бороду? Надеть костюм? Нет, он придет, какой есть. Какой есть теперь, сейчас...

Здравствуй, Алина, я Алекс. Или все-таки Александр? Нет, вот как. Привет! Все в порядке?

Идиотизм. Полный идиотизм. Знакомиться с собственной женой, не зная, что ей сказать, как ей сказать!

Ерунда, нечего усложнять. Все очень просто: привет, меня зовут Александр, но ты можешь называть меня Алекс. Мы были когда-то друзья, ты знаешь?

Вранье, мы не были друзья. Мы не были друзьями, мы не были любовниками, мы не были даже мужем и женой – мы были супругами. Какое слово неприятное, ну просто невыносимое слово! Зато теперь все будет по-другому, все должно быть по-другому!

Но с чего же начать? Привет Алина, это я.

Кто такой «я»? Такой вот «я», как ни в чем не бывало? Это фальшиво!

...Здравствуй, Алина. Ты знаешь, мы с тобой женаты, и я твой муж, но тебя это ни к чему не обязывает, не думай. Я понимаю, что ты меня не помнишь, и не хочу тебе навязываться. Давай мы пока с тобой попробуем просто познакомиться: меня зовут Алекс...

Вот так уже лучше. Слишком длинно, правда, но зато просто, искренне – это то, что я действительно чувствую, надо быть самим собой, как Кис говорит... И он прав, черт возьми, он прав! Только это почему-то удивительно трудно. Чтобы быть собой, нужно проделать работу над собой. Смешно.

...Попробуем просто познакомиться: меня зовут Алекс, Алекс Мурашов...

Может, Саша? Когда-то Аля хотела называть его Сашей. Ей казалось претенциозным его имя на западный манер: Алекс. Но он привык к нему. Он не чувствует себя Сашей. Именно Алекс, и никак иначе. Так что же делать? Да ничего! Если быть собой – так быть! Он Алекс, и так он и назовется.

...Твоя фамилия, как ты знаешь, тоже Мурашова, но если ты предпочитаешь, то можешь носить свою

девичью фамилию: Дементьева...

Это, может, для нее не имеет никакого значения, какую фамилию носить, но важно дать ей понять, что у нее есть выбор, что она свободна, что никто ее ни к чему принуждать не будет.

...Я тебе скажу честно: мне очень хочется тебе понравиться, но я не знаю, как. Я не знаю, что тебе сказать, и чувствую себя довольно неловко, но я очень рад, – нет, я счастлив, что я тебя вижу... Я думаю, ты тоже чувствуешь себя довольно неловко, но ты не стесняйся: может, ты хочешь что-нибудь спросить...

– Извините, пожалуйста, – выдохнул ему в ухо приглушенный женский голос, – вы не могли бы мне оказать любезность?

Алекс открыл зажмуренные глаза, солнце больно ударило в самое их дно. Перед ним, чернея против света, слегка наклонившись к нему, стояла тонкая женская фигура – странно, он даже не слышал шагов! Он потер глаза и снова раскрыл их...

Бог мой, это была Лина!!! Лина, она! Стояла, слегка наклонившись к нему, и заглядывала в его лицо, воздушные пряди ее волос почти касались его щеки, ее фиалковые глаза нетерпеливо изучали его – не может быть!

Но это она, она, она!

– Вы меня слышите? – настойчиво позвал ее голос.

«Вы». Это он – «вы»... В горле больно застрял комок, тело пригвоздило к скамейке. Усилием воли Алекс заставил себя улыбнуться, по возможности непринужденно:

– Да, слушаю вас...

– Я вас разбудила? Вы, кажется, спали?

– Нет-нет, так... задумался. Чем могу быть полезен?

– Вы не могли бы... – она запнулась, – вы не могли бы выйти со мной через ворота больницы, как будто мы вместе? – решительно закончила она.

Алекс лихорадочно соображал, как он должен вести себя: чтобы быть естественным, чтобы она не догадалась, что он ее знает... Вести себя так, как вел бы на его месте мужчина, который бы не был ее мужем, – сумасшествие, и только!

Он ей улыбнулся, понимающе кивнул:

– Отчего же не мог бы? Могу. Прямо сейчас?

– Прямо сейчас!

– Пойдемте, – просто сказал Алекс и встал.

Он приобнял ее за плечи, и они медленно двинулись по дорожке в направлении ворот. Он чувствовал, как под его рукой было напряжено ее тело. «Что бы это значило? – пытался понять он. – Она сбегает из больницы? От меня? Чтобы не встречаться со мной завтра?»

Оставив позади ворота больницы, уже за углом, она высвободилась из-под его руки.

– Спасибо. Вы меня очень выручили. Мне нужно... навестить подругу, и я боялась, что мне не разрешат уйти. Это глупо, может быть, но я так подумала... Впрочем, вам это, должно быть, неинтересно. Спасибо еще раз. – Она повернулась, готовая уйти.

Куда?! Куда она пойдет? Нельзя ее отпускать, надо что-то придумать, скорее! Что сказать? Взгляд его упал на проталкивающееся в пробке такси.

– Лучше это делать на машине, – внезапно произнес он. С улыбкой произнес, хотя внутри все дрожало и челюсти почти сводило от нервного спазма.

– Делать – что? – обернулась к нему Лина, изогнув брови.

– Сбежать из больницы.

Вполне непринужденно получилось, неплохо.

– С чего вы взяли, что я сбегаю? – нахмурился ее лобик.

Его машина, новый «Мерседес», стояла недалеко, в пятидесяти метрах, но слишком дорогая машина, слишком шикарная, подозрительная. Кто знает, что ей в голову может прийти...

Нельзя давать ей время на размышление.

– Такси! – крикнул он, отчаянно размахивая рукой. – Такси!

Такси выползло из ряда и встало перед ними. Алекс открыл дверцу:

– Садитесь.

Она поколебалась.

Она обернулась на здание больницы.

И села в такси.

...Такого с ним никогда еще не было, никогда в жизни. Сердце билось будто в голове, во всяком случае, стук его стоял в ушах, и даже сами уши, казалось, дергались в такт этому стуку. Смешно, но это было так. Вдобавок ко всему у него дрожали руки, и он их засунул в карманы джинсов, чтобы Лина не заметила. Сейчас шофер спросит, куда ехать. Она наверняка не знает куда. И он, он тоже не знает – куда. Что-то надо придумать...

Шофер обернулся:

– Куда ехать?

На лице Алины отразилась беспомощная растерянность. Алекс глянул на нее и сказал водителю:

– Поезжайте в центр, мы выберем по дороге какое-нибудь кафе и остановимся. – И ободряюще улыбнулся Лине.

Такси тронулось; мир тронулся и поплыл за окном; сознание Алекса понеслось, захлебываясь и теряясь в волнах невероятности.

Все начиналось сначала, не на шутку сначала: опять они встретились случайно, неожиданно, непреднамеренно; опять она не знала, ни кто он такой, ни как его зовут; опять он вез ее в кафе с тайным намерением не упустить, понравиться, начать отношения – как тогда, когда они впервые встретились в его издательстве.

Все сначала, снова сначала...

Мир кружился вокруг, замыкаясь в себе самом затейливой лентой Мебиуса; совпадали начала и концы; между плоскостями не было границ, и измерения сняли свои запреты; время схлопнулось, пожрав без остатка три года, разделявшие тогда и теперь; такси пробиралось в заторах; Алина молчала; сердце гремело, и руки его дрожали.

Только в кафе Алексу удалось совладать с собой. Он заставил себя успокоиться, расслабиться, унять нервную дрожь. Он пока еще не придумал, о чем и как говорить с ней, и они молча пили – он кофе, она апельсиновый сок, – лишь изредка обмениваясь беглыми, ничего не значащими улыбками, когда

встречались глазами. У нее был рассеянный вид, она с любопытством рассматривала окружающую толпу, Алекс украдкой рассматривал ее.

Лина похудела, была бледной – сказывалось время, проведенное без солнца, в больнице, в коме; остриженные в больнице волосы уже успели отрасти, но были все еще коротки по сравнению с ее обычной прической – это ее молодило и как-то меняло, он не мог уловить как. Но ей шло. Ей шло все: худоба, бледность, стрижка; великоватые для нее теперь джинсы, которые она туго затянула в поясе, новые очки, которые Алекс ей сам заказывал, – удлиняясь немного к вискам, они придавали ее глазам загадочное, кошачье выражение...

Он извинился и направился к туалету, немного боясь, что она за это время уйдет, исчезнет, как мираж. Но ей в принципе было некуда идти, он отдавал себе в этом отчет и потому решил оставить ее ненадолго одну – нужно было срочно сделать звонки.

Стоя рядом с туалетом, Алекс достал свой сотовый и набрал номер, вытягивая шею, чтобы видеть Алину, на месте ли она; но она никуда уходить не собиралась, она сидела спокойно и разглядывала с детским любопытством всех подряд.

– Андрей! Мне твоя мастерская нужна! Погоди-погоди, ты мне вопросы не задавай, ты слушай! Нет, без тебя, ты должен оттуда смотать! Найди что хочешь, я тебе все оплачу. Не знаю, на сколько, видно будет. Никакого завтра, Андрюша, – сейчас, сию секунду! Что хочешь, как хочешь, бери такси, бери грузовик, что угодно, хоть самолет, но чтобы через сорок минут тебя там не было! Какие шутки, Лина со мной, понимаешь?! Потом объясню. Конечно, не узнаёт, она же меня не видела после комы... То-то и оно!.. Выручай, старик, прошу тебя. Ключ под коврик, как раньше, а? Спасибо, ты настоящий друг.

Алекс разъединился и набрал номер доктора Паршина. Никакой тревоги, к счастью, не было, все думали, что Лина все еще гуляет во дворе. Он коротко объяснил ситуацию.

– Что ж, для вас, может быть, это и шанс, – недовольно сказал доктор. – Но я бы предпочел... Впрочем, как хотите, теперь от меня мало что зависит. Держите меня в курсе.

Алекс пообещал ему уладить все формальности завтра же и повесил трубку. Как хорошо, что это частная, платная – и весьма увесисто платная, больница! По крайней мере, в ней-то клиент всегда прав.

Он вернулся уже спокойный, уверенный в себе. Алина ему улыбнулась – вежливо так, без особого интереса. Ничего, не страшно, теперь он знал, что делать.

– Вы тут без меня не скучали? – весело спросил он.

– Ну как вам сказать...

– Так и скажите: не скучала. Я не обижусь. – Алекс сел на свое место. – Вы не обратили внимания на одну невероятную вещь?

– Нет, – настороженно глянула на него Алина. – На какую?

– Мы с вами уже час как вместе находимся и до сих пор друг другу не представились!

– А, да? Действительно...

– Меня Андрей зовут. Андрей Макеев.

– Меня – Алина. – Пауза. – Мурашова.

– Какое красивое имя! А как вас зовут друзья?

– Друзья? – беспомощно переспросила она. Не могла же она признаться, что не помнит! Ни друзей, ни как они ее звали... Да и вообще – были ли у нее друзья?

– Ну да! Какое из уменьшительных вы предпочитаете? Аля? Лина? Или вам больше нравится, когда вас зовут полным именем: Алина?

– Нет, отчего же... Лина... Это красиво – Лина! Правда же?

– Совершенно с вами согласен. Я могу вас так называть?

– Пожалуйста...

Маленькая шоколадка, поданная с кофе, плавилась возле его чашки.

– Я не ем шоколад. Хотите?

Уж кто-кто, а он-то знал, что она обожает шоколад!

Аля взяла, развернула, слизнула с фольги обмякший прямоугольничек.

– Я еще кофе возьму. Взять вам?

– Нет, спасибо.

– Сок? Что-то другое? Бокал вина?

– Нет... Да, сок, пожалуй, апельсиновый. Спасибо.

Он тянул время – давал Андрюше возможность собраться и освободить мастерскую. Она тоже не торопилась – ей некуда было торопиться. Она совершенно не представляла, что она будет делать потом, когда этот любезный человек ее покинет – не будет же он, в самом деле, с ней целый день возиться! Но ей не хотелось об этом думать; тут было хорошо, на террасе кафе, под еще теплыми лучами вечеряющего сентябрьского солнца. Оказалось, что это не так уж страшно и даже интересно разглядывать кафе, людей, машины, – она все это помнила, она это все не забыла, нет! Только как будто она все это видела давно, в детстве, или в другой стране...

Принесли еще кофе и еще апельсиновый сок. Алекс протянул ей вторую шоколадку – Алина не отказалась.

«...Потом солнце сядет, наступит ночь, – думала она, разворачивая золотую бумажку. – Куда она пойдет? Денег у нее с собой не было вообще. Может, рассказать все этому Андрею, попросить помощи? Одолжить денег? Но с какой, собственно, стати? Он даже за ней не пытается ухаживать. Хотя, если подумать, а что он тут делает с ней, вдвоем, вот уже больше часа? Наверное, она ему интересна...

Ну и что я буду ему рассказывать? Меня, может, уже милиция ищет!

Глупо было сбегать. Куда теперь идти, что делать...

А оставаться было бы не глупо? Ждать, когда ко мне вернется память и когда за мной придет милиция? Или ждать, пока за мной придет Муж? Я была права, что не хотела его ни видеть, ни вспоминать! Он такой, такой... – Алина поежилась, – такой неприятный!..

А вдруг он ее обманул? А вдруг это все неправда: преступление, милиция, суд?

А зачем ему ее обманывать, собственно?..»

Странная вещь – амнезия.

Андрей посмотрел на часы, и Алина уловила этот жест. «Все, сейчас он уйдет. У него дела, конечно. Или семья. Жена, дети».

Ей вдруг стало страшно, что он оставит ее одну. Этот чужой ей Андрей был единственной зацепкой в мире незнакомых людей, из которых самым незнакомым и самым чужим ей была сама она.

Она шевельнулась, показывая свою готовность с ним попрощаться, не задерживать его, не навязываться.

– Ну что, поехали? – спросил Андрей деловито.

– Куда? – опешила Алина.

– Ко мне.

– То есть? Вы что решили?..

– Ничего я не решил. Просто вам больше некуда идти, не так ли?

– Неправда! Есть куда!..

– Ну-ну.

Он замолчал, Алина хмуро смотрела на него, не осмеливаясь его спросить, откуда он знает, как он догадался, что ей некуда идти...

– Вы меня боитесь? – спросил дружелюбно Андрей.

– С чего вы взяли?

– Не бойтесь, я смирный. Я не ем маленьких детей. И худеньких – тоже не ем. Так что пока вы не подрастаете и не растолстеете, вы в безопасности.

Она улыбнулась с облегчением. В конце концов, если даже она согласится ехать к этому, в общем-то, симпатичному Андрею, риск будет не больше, чем если она откажется и останется одна, ночью, без друзей, без адресов, без денег, в этом большом и красивом, чужом и опасном городе Москве.

Глава 31

Алекс наклонился и пошарил рукой под ковриком. Он приготовил объяснение на случай, если она удивится, что он оставляет «свой» ключ под ковриком, – друзья, знаете ли, забегают иногда, привычка со студенческих времен... – но Лина ничего не спросила.

Ключ был на месте. Алекс открыл дверь. Лина скользнула глазами по табличке «Андрей Макеев» и вошла.

«Спасибо, Андрюша», – подумал он. В мастерской было прибрано – не то чтобы уж прямо чисто, но все работы старого друга были аккуратно составлены и сложены в одном углу, шмотки не валялись, как это обычно бывало, по всем стульям, а грязная посуда не стояла на всех столах. В те времена, когда они делили эту мастерскую, аккуратный Алекс частенько ругался с Андрюшкой из-за его этой манеры захватывать общее пространство своими вещами.

На стене висели картины, среди которых был Андрюшин портрет, сделанный Алексом и подаренный другу еще в студенческие годы, с подписью: «А.М. от А.М.». Ничего, сойдет.

– Вы художник? – обернулась к нему Лина.

– Да. – Алекс даже не соврал, и это было ему приятно.

Пока Лина рассматривала картины, Алекс тайком осмотрелся. Раньше он знал эту мастерскую, как свои пять пальцев, но с тех пор, как Андрей стал тут хозяйничать один, он кое-что изменил, переставил, переложил. Теперь мастерская приобрела более жилой вид, чем раньше: когда они ее снимали на двоих, тут было тесно, негде было расположить мебель. С уходом Алекса высвободилось пространство, и нынче здесь прижился шкаф, диван-кровать, кресло – нет, кресло старое, раскладное, с тех еще пор. В маленькой кухоньке был новый холодильник, а в холодильнике одиноко розовела пачка сосисок да корчилась по соседству кукуруза в давно открытой жестяной банке. Теперь Андрей хорошо зарабатывал, был известен и уважаем в кругах книжных графиков, но холодильник, как в студенческие годы, был почти необитаем – вопрос не денег, а стиля.

Следовательно, надо что-то купить поесть. «Располагайтесь. Чувствуйте себя, как дома. Я отлучусь ненадолго, в магазин». Он повернулся к Лине. У него защемило сердце: она сидела в старом кресле Андрея, подобрала под себя ноги так, как она это делала всегда, каждый вечер, в той совместной, прошлой, неоцененной им жизни... Лина кивнула ему согласно головой.

Алекс вышел на улицу. Он чувствовал себя приятно обремененным заботой о таких вещах, которыми он давно не занимался в своей жизни: пойти в магазин, купить что-то на ужин, принести домой, приготовить... Как давно, действительно давно он не делал этого, переложив домашние заботы на секретаря, домработницу и Лину! Жаль, зря. Теперь, когда «дома» его ждала Лина, когда он шел делать покупки для нее сам, он вдруг понял с необыкновенной отчетливостью, как это важно, как это нужно, чтобы в жизни были такие простые вещи, чтобы любовь выражалась в заботе, в конкретной житейской заботе, в маленьких хлопотах для того, кого любишь; без этого любовь становится абстрактной, аморфной и незаметно исчезает...

Ему хотелось закупить ей кучу всего, всяких вкусностей, разных подарков, но нельзя было выходить из роли, и он ограничился тем, что купил сверх еды на ужин банный халат для Лины.

Он с трудом протиснулся в дверь с пакетами, нагруженный и счастливый.

– Ну, как ты тут без меня?

«Ты». Он сказал ей «ты»! Какая оплошность!

– Извините, – поправился Алекс, – в нашей среде быстро переходят на «ты», так уж у нас принято.

– Не страшно, – безразлично сказала Лина. – Если хотите, можем перейти на «ты», мне все равно.

Это было больно слышать. Но ничего-ничего, это все пройдет, надо привыкнуть! Все еще впереди, у нас все еще впереди...

– Вы умеете готовить? – спросил он.

Интересно, что она ответит? Готовить она не умеет, или, точнее, готовит она плохо.

– Смотря что, – уклончиво ответила Лина.

– Сосиски сварить.

– Это я могу, – произнесла она с облегчением.

Они толклись полчаса вдвоем на крошечном пятачке перед плитой и раковиной, делая незатейливый ужин, варя сосиски с лапшой, моя салат и помидоры, толкая друг друга и извиняясь. Это было забавно и волнующе – для Алекса, по крайней мере.

Лина казалась веселой и довольной. Она завернула рукава своего тонкого шерстяного свитерка, обвязалась несвежим кухонным полотенцем Андрея, она хлопотала и даже мурлыкала какую-то песенку.

Наконец все было готово. Они накрыли на стол и уселись.

– Я так есть хочу! – воскликнула Лина.

– Ешьте, – ответил Алекс. – Вам повезло. По совершенной случайности, все, что находится на столе, – это как раз для того, чтобы есть.

Она криво улыбнулась, так как за одной щекой уже была еда.

– А обычно здесь что? Краски?

– Краски, – кивнул он, – кисточки, бумаги, линейки, ножницы, перья... И еще много чего.

Он смотрел, как она ест. «Никуда я тебя не отпущу, никогда больше я тебя не отпущу от себя...»

– Чего, например?

– Например, мусора.

Она засмеялась. Они выпили вина. Было хорошо.

«Меня, наверное, ищут. Врачи, и милиция тоже, и Муж. Брр, – передернулась Алина, вспомнив его глаза. – Не найдут. Здесь меня никто не найдет».

Зазвонил телефон. Алекс вздрогнул: «О боже, я об этом не подумал! Что я сейчас говорить буду?»

Трубку снял, как ядовитую змею взял в руки.

– Алле?

– Андрей?

– Да.

– Але?

– Да, я вас слушаю.

– Это ты, Андрей?

– Угу.

– Нет, это не Андрей... Кто говорит?

Алексу показалось, что он узнал голос одного из редакторов издательства – это уже легче.

– А кто это со мной говорит?

– Это Николай... Не пойму, Андрей, это ты или не ты?

– Нет, это не я, – сказал Алекс и подмигнул Лине: понятное дело, он шутит.

– А кто? А где Андрей?

– Как где? У себя дома, где ж еще!

Ну давай, соображай скорей, тупица! Видит ведь, что не Андрей, и никак не может узнать голос Алекса! Почаще его надо к себе в кабинет вызывать!

– Это что... Алекс, это вы? Алекс Мурашов?

Уф, наконец-то!

– Ну конечно!

– Вот оно что! Вы в гостях у Андрея? А я никак не пойму – вроде не Андрей, и в то же время голос знакомый... А Андрей там?

– Конечно, все в порядке. Я только сейчас занят немного. У меня гости.

– Не понял?

– Не волнуйся, заказ сдам вовремя.

– Заказ? Какой заказ? Ничего не понимаю. Алекс, это вы? А? Андрей, ты, что ли, дурака валяешь?

– А по этому поводу позвони ему домой. Он, должно быть, дома, во всяком случае, в мастерской его нет. Он тебе все объяснит.

– Понял. Все понял, Алекс! Салют!

На этот раз пронесло, но кто знает, кому придет в голову позвонить в следующий раз... Улучив момент, Алекс выдернул шнур. Так-то оно лучше.

Он приготовил чай, нарезал лимон, достал из сумки печенье, шоколадное, которое так любила Лина, – и похолодел. Что он делает? Она догадается!.. Алекс скосил глаза, не поднимая головы от сумки: Лина смотрела на него пристально. Он помешкал немного и распрямылся:

– Печенье я вам не предлагаю, вы, наверное, как все девушки, на диете сидите? Или разделите со мной? Это мое любимое, шоколадное.

Ну, как, прошел его номер? Он глянул на Лину. На ее лице было напряжение, но она молчала, и невысказанный вопрос застыл в глазах.

– Я страшный сластена, – продолжал врать Алекс, – что совершенно неприлично для мужчины!

– Глядя на вас, не скажешь, – в глазах Алины было по-прежнему недоверие.

Он вспомнил отданную ей в кафе шоколадку.

– Я стараюсь не есть сладкого, конечно, но вот в печенье себе отказать не могу...

– Вы от сладкого поправляетесь? – спросила Лина, окинув изучающим взглядом его стройное, в хорошей форме тело.

– Гимнастика, мучаю себя упражнениями! А то бы давно уже в дверь не пролезал... Люблю, знаете, вечером чаю – от кофе меня бессонница мучает – с печеньем, с шоколадным...

– И с лимоном? – подозрение.

– Когда как... Но люблю с лимоном, люблю. Он аромат придает чаю... А вот еще что хорошо – с мятой, с мятой я тоже люблю... А вы любите?

Ему было стыдно так врать, ему казалось, что все очень плохо, фальшиво получается, но, как ни странно, напряжение мало-помалу исчезло с ее лица.

– Я тоже люблю чай с лимоном. И с шоколадным печеньем... У нас с вами схожие вкусы.

– Да что вы? – удивился Алекс. Хорошо удивился, естественно. – Какая редкость! Должно быть, мы с вами родственные души! – А вот это редкостная банальность. Но не страшно, пусть и банальность, главное – разогнать подозрения.

Все обошлось. Они закончили чаепитие, убрали со стола, уселись – Лина в кресле, ноги под себя, Алекс на диване.

– Ну, рассказывайте вашу историю, – сказал Алекс.

– Какую историю? – насторожилась Лина.

– Почему вы сбежали из больницы. Вы ведь сбежали из больницы или мне показалось?

Лина нахмурилась.

– Ничего подобного. Вам показалось.

– Я набросаю ваш портрет, пока мы говорим, ладно?

– Мне все равно, – пожала она плечами.

Алекс взял карандаши и бумагу, прикрепил лист к планшетке и устроился на диване, планшетка на коленях.

– Я вообще не была в больнице. То есть я там была, но не как пациент. Я приходила навестить подругу.

– И сбежали от подруги?

– Я не сбегала... – попыталась настоять Лина.

– Неужели? – с рассеянной иронией сказал Алекс, нанося первые линии на бумагу и переводя все время глаза с ее лица на лист.

– Я приходила навестить подругу, а там... А туда пришел один человек... Которого я не хотела видеть. Я его не люблю, этого человека... Я просто не хотела с ним встречаться...

«Уж не меня ли она имеет в виду?» – грустно подумал Алекс.

– ...Вот и сбегала. Вернее, не сбегала, а попросила вас меня вывести, чтобы он на меня не обратил внимания...

– А, понятно. – Алекс бросал на нее короткие, не к ней обращенные взгляды и переносил ее черты на бумагу, иногда стирая ластиком тонкие штрихи.

– Не верите, – не столько спросила, сколько констатировала Лина.

Алекс не стал ей отвечать. Пусть ведет разговор сама.

Помолчав некоторое время, Лина действительно заговорила с неожиданным напором:

– А откуда вы знаете, что я сбежала из больницы? Вы что, меня знаете? Что вы там делали, в больнице?

Ого! Какая атака! Но у него готов ответ.

– У меня там родственница, двоюродная тетя. Я ее навещал. А догадаться, что вы сбежали из больницы, совсем не сложно: если бы вы были посетительницей, то у вас была бы с собой сумочка. И вы бы после посещения спокойно бы отправились домой. Вы же, однако, сидите тут, и я рисую ваш портрет: домой вы не хотите, и сбежали вы от кого-то из домашних. Может, от папы с мамой, может... И кроме того, вы, видимо, забыли, что в парке больницы вы мне сказали, что уходите из больницы, чтобы навестить подругу. Не пришли навестить, а уходите, чтобы навестить, припоминаете теперь?

Кис был бы доволен мной, хороший я ученик, правда, Леша?

– Я тогда неправду сказала...

– Я догадался. И теперь вы тоже неправду говорите.

– Превосходно! Вы все обо мне знаете! И где я правду сказала и где неправду! – зазвенел ее напряженный и возмущенный голос. – И что вам обо мне еще известно?!

Алекс вскинул удивленные глаза:

– Почему вы думаете, что я о вас вообще что-то знаю? Я не знаю, я догадался. Это разные вещи. А если вы наконец перестанете мне морочить голову и расскажете вашу историю, то тогда я буду о вас что-то знать. А пока это так, логические выводы, и все.

Лина недоверчиво смотрела на него. Но у него был безмятежно-непроницаемый вид, и она постепенно успокоилась. Алекс рисовал, она молчала.

– Нет у меня никакой истории, – вдруг сказала она. – У меня амнезия.

– Да что вы? Вы правду говорите? Или это так, чтобы я отвязался от вас?

– Правду.

– Скажите-ка, как интересно! И вы ничего не помните?

– Ничего. Абсолютно ничего, только раннее детство. Маму. У меня мама красивая была...

– Охотно верю.

– И веселая... Папу тоже помню. У него усы были, и он пел под гитару... Они на самолете разбились, когда я маленькая была. И больше ничего не помню.

– Знаете, Лина, мне иногда тоже хочется все забыть, все свое прошлое, и начать свою жизнь сначала... Только у меня не получается. А у вас как получилось?

– Автокатастрофа... Я на машине в дерево врезалась, у меня был сильный удар в голову. Еще ключица сломалась и ребра... Но они уже срослись. А голова – вот, амнезия.

– Вам повезло, легко отделались. А что амнезия – не переживайте. Может, это и к лучшему. Может, там, в вашей прошлой жизни, нет ничего такого, что стоило бы вспоминать...

Ошибка! Нельзя было это говорить! Он-то сказал это просто так, для поддержания разговора, чтобы ее успокоить, но Лина, напротив, смотрела на него с ужасом. Что же ее так мучает, откуда этот страх?

– Поверните, пожалуйста, голову немножко. Нет, чуть правее. Еще чуть-чуть. Подбородок выше... Вот так хорошо, да, хорошо. Вы можете не шевелиться? – разряжал обстановку Алекс. – Так о чем это я? Да, вот, я вас хотел спросить: вы замужем?

– Да, насколько мне известно.

Холодно произнесла, неприязненно. Что же это она своего мужа так не любит, жена моя?

– Надо понимать, мужа своего вы не помните?

– Нет... – неуверенно ответила Алина, вспомнив, как Муж подходил к ней во дворе больницы.

Откуда неуверенность? Что бы она могла означать? Она ведь меня не помнит, это очевидно! Или это так выдает себя желание со мной – с мужем, то есть – не встречаться?

– Ну и как, он вам понравился теперь?

– Кто?

– Ваш муж.

Снова страх, аж глаза распахнулись. Что ж такое, откуда?

– Почему вы меня так спрашиваете... Так странно, будто вы знаете, что я... Что вы обо мне знаете?!

Лина вскочила с кресла и смотрела на него в упор. Алекс опешил.

– Что с вами? Чего вы испугались? Я не хотел вас так волновать... Вы не совсем здоровы еще, может быть?

– Здорова! Совсем здорова! Что вы обо мне знаете, откуда?

– Бог мой, ничего! Я ни-че-го о вас не знаю! Я просто задал вопрос, потому что, по логике, муж должен был вас навещать в больнице! Это же нормально, когда муж навещает свою жену в больнице, нет? И мне стало интересно, как вы к нему отнеслись после потери памяти... Вот и все. Вы чего-то боитесь? Вам неприятно о вашем муже говорить? Ну не будем, только успокойтесь! Все, я больше ни слова не скажу. Сядьте, пожалуйста, я ваш портрет не закончил.

Лина села.

– А дети? Дети у вас есть?

– Нет... К счастью.

– Почему – к счастью?

– Потому что я бы их тоже забыла. И это было бы ужасно.

– Действительно, – согласился Алекс.

Лицо ее было задумчиво и грустно.

– Вам трудно себе представить, – начала она через некоторое время, – как это странно, когда у вас амнезия... Вам о себе ничего не известно. Вам никто не известен. У вас нет прошлого и мир для вас нов, словно вы только родились... Но вокруг вас существуют какие-то люди, которые знают вас! Знают о вас то, чего вы сами не знаете о себе... Будто Голый Король, есть такая сказка, мне мама в детстве читала. Он думал, что он одет, а он был на самом деле голый. И все это видели. Вот и я, как Голый Король... Вернее, «голая королева». И все меня насквозь видят... А я ни о чем не догадываюсь. Понимаете?

Алекс кивнул, не отрывая глаз от листа.

– Поэтому мне иногда кажется, что вы меня знаете. А я вас – нет. И во всем этом есть какая-то зловещая таинственность, потому что вы не признаетесь, что вы меня знаете...

– Я вас не знаю.

– Я понимаю. Это я просто вам объясняю...

– Но почему бы вам не встретиться с этими людьми, не поговорить, не познакомиться заново, не узнать о себе все, чтобы перестать наконец гадать и бояться своего прошлого?

– Вот опять! – нервно передернулась Лина. – Опять вы говорите со мной так, будто обо мне все знаете!

– И что, например? – спокойно сказал Алекс.

– Что я отказалась встречаться!

– Но ведь, Лина, вы только что сказали – о себе ничего не знаете и не знаете людей, которые вас знают. Не так ли? Следовательно, вы с ними не встречались.

– Правда... Действительно. Как глупо.

– А теперь вы мне сообщили – прошу заметить, сами! – что вы отказались встречаться. Так что не удивляйтесь, откуда я это знаю, ладно?

– Ладно, – улыбнулась Лина.

– Я хочу вас спросить: почему вы отказались встречаться? С кем, собственно? С вашим мужем, да? С друзьями?

– Со всеми...

– И почему, могу я спросить? – Рисование очень выручало Алекса, позволяя ему избегать взгляда Лины, лишь изредка с легкой улыбкой встречаясь с ней глазами.

– Я сама точно не знаю... Можно, я портрет посмотрю?

– Еще через пять минут... Так все-таки?

– А вы почему меня расспрашиваете?

– Из любопытства. Не каждый день в жизни случаются такие встречи... С девушками, которые сбегают из больницы, к тому же обращаются к вам за помощью... – Алекс переводил глаза с портрета на лицо Лины. – Потом заявляют, что ничего не помнят... Это необычно, согласитесь.

– Я сама плохо понимаю... Мне почему-то кажется, что я еще не готова узнать правду о себе. Что эта правда должна быть какой-то... нехорошей, ужасной даже... Мне просто страшно узнать свое прошлое.

– Вам сколько лет? Лет двадцать?

– Двадцать пять... Двадцать шесть скоро.

– И откуда у вас такие мысли? Что в вашей жизни – короткой жизни – могло быть страшного?

– Черный ящик.

– В смысле?

– Когда я думаю о прошлом, мне видится черный ящик. Страшный, черный, тяжелый, а в нем – духи. Злые духи.

– Вы, должно быть, фильмов ужасов насмотрелись. Только и всего. Признайтесь, в больнице время у телевизора проводили?

– Вы не понимаете! Смотрите: я вот нахожу себя вполне милой и приятной, я сама себе нравлюсь...

– Мне тоже.

Лина улыбнулась.

– ...И вроде бы я хороший человек. А вдруг в прошлом я была какой-нибудь преступницей? Я не хочу об этом знать!

– Откуда же у вас такие мысли? Идите сюда, портрет почти готов.

Лина приблизилась и заглянула. Ох, какая она красивая! Красивей даже, чем в жизни.

– Посмотрите на себя! Разве вы похожи на преступницу? Скорее на ангела... Немножко потрепанного, правда.

Он ей улыбнулся и взял ее за руку.

– Из вас при всем вашем желании преступница не получится.

Лина, не вынимая своей руки, смотрела на него внимательно и серьезно.

– Вы знаете, какое у вас есть преимущество в моих глазах? – спросила она после некоторой паузы.

– Нет. Я даже не предполагал, что у меня оно может быть, хоть какое-нибудь!

– Вы обо мне ничего не знаете. Вот какое!

– Понятно. – Алекс усмехнулся. – А вы знаете, в чем ваше преимущество?

– Нет.

– В том, что вы обо мне тоже ничего не знаете!

Они засмеялись.

Алекс отпустил ее руку.

Глава 32

Время близилось к полуночи, пора было устраиваться на ночлег.

Алекс достал из пакета купленный для Лины халат, который она тут же примерила поверх джинсов, перед мутноватым старым зеркалом во весь рост. Заверив Алекса, то есть Андрея, что халат очень красивый, Лина ушла в ванную. Алекс постелил простыни на диване и разложил кресло для себя. Закончив, он сел на диван и задумался.

Им предстояло провести ночь в одной комнате... и это будет трудно, быть так близко от нее и быть не с ней...

Ничего. Он будет слушать ее дыхание, он будет грезить о других, будущих ночах.

Лина вышла из ванной, кутаясь в халат. Она остановилась у зеркала и стала расчесывать мокрые волосы, глядя сосредоточенно на свое отражение. Алекс замер. Так она делала всегда: смотрела на себя в зеркало, словно видела там не себя, а подругу, с которой обменивалась взглядами и мнениями. Ему тоже было видно ее отражение, и это отражение улыбалось, не глядя на него. Самой себе?

Она знала, что он смотрит в зеркало на нее, знала. И улыбалась.

Ему?

Алекс напрягся, застыл. Было что-то в ее улыбке... Что-то понимающее? Предложение? Готовность? Он не сумел бы определить словами, что именно, но ему это «что-то» не нравилось. Странно. Почему? Должен был бы радоваться... Да, как Алекс – да. А как Андрей – нет. Как Андрей он был с ней знаком от силы один день, и была какая-то искусственность, что ли, в этой улыбке, какая-то фальшь...

Лина перевела глаза в зеркале на него. Она смотрела теперь прямо ему в глаза. «Я знаю, чего ты ждешь», – говорила ее улыбка.

Но это не так, ты ошибаешься, Лина, я ничего не жду!

Халат начал сползать с ее плеч.

Не делай этого, Лина, не надо!

Халат полз. Выступили лопатки, распахнулась грудь.

«Разве не это теперь в программе, разве не за этим ты меня привез к себе?» – спрашивали ее глаза, в которых мелькнула растерянность, тогда как губы ее по-прежнему были растянуты в улыбке.

Он вспомнил. Так было, так уже было в их первую ночь! Точно так... Он предложил ей остаться ночевать; ей было постелено в комнате для гостей. Алекс еще не знал, как он поведет себя и что произойдет – или не произойдет – этой ночью, и она сама – сама! – вот так же глядя на себя в зеркало, с вопрошающей улыбкой скинула пеньюар с плеч. Он тогда не понял значения этой улыбки, он тогда не сумел прочесть тот смысл, который открылся ему сейчас: Лина приносила добровольную дань, полагая, что она ею обложена! Приносила торопливо, чтобы поскорее положить конец мучительной неловкости, которую она испытывала... И холодная серебряная грань зеркала была ей необходима как защитный фильтр, через который она надеялась не пропустить излучение своей растерянности и неадекватности.

Тогда, в первую их ночь, Алекс тоже искусственно и бодро улыбался, Алекс тоже начал раздеваться, Алекс принял ее дань, потому что он тоже понимал, что по программе должно теперь произойти именно это.

Но боже мой, по какой программе? Кто ее составил? Чьи чужие представления и логики вмешались в

их личный, интимный ход отношений и навязали свою волю, свою программу? Откуда это пришло? Из фильмов? Из расхожих мнений и банальных историй?

Он тогда хотел близости с ней, давно уже хотел, и дело было вовсе не в отсутствии желания, но в том, что они утратили свободу выбора, что они действовали по неведомому принуждению, обреченные поступать именно так, а не иначе...

Халат упал к ее ногам. Ее узкое, стройное тело забелело перед ним, как свеча. Лина больше не улыбалась в зеркале, а смотрела на него серьезно и непонимающе.

Нет, Лина, нет, любовь моя, так мы с тобой начинать не будем!

Алекс крупно шагнул, поднял халат, накинул ей на плечи: «На диване постелено для вас», – и ушел в ванную.

Лина постояла перед зеркалом некоторое время, словно спрашивая свое отражение, что оно об этом думает. Отражение ничего не думало, во всяком случае, ничего, достойного внимания; Лина отвернулась от него и вышла на крошечный балкон. Недоумение мешалось в ней со стыдом, будто она сделала что-то глупое или плохое, или даже и то, и другое вместе; вскоре все заслонило задетое самолюбие. Этот Андрей – он от нее отказался!

И пожалуйста, подумай, мне и не нужно. Мне тоже не нужно. Не больше, чем ему!

Но самое смешное, что ведь действительно не нужно! Тогда зачем она это сделала? Глупость. Так ей и надо, получила оплеуху.

Она простояла на балкончике долго, недовольная собой, Андреем, перебирая заново всю сцену, пытаюсь понять. То она чувствовала себя униженной им, то ей казалось, что она, напротив, обидела его...

Андрей все не выходил из ванной. Не дождавись, Алина легла.

Алекс пробыл в ванной очень долго, намеренно долго, – час, наверное, прошел. Он стоял под теплым душем, унимая нервозность, на него капала вода с ее трусиков, которые она постирала и повесила сушиться на веревке... Он их потрогал. Он их не знал, эти белые шелковые трусики. Не надо было просить Марию Сергеевну собирать для Лины в больницу белье, надо было самому: надо знать белье своей жены. Надо знать, понимать про нее все.

Он был доволен, что сумел прочесть ее мысли. Что сумел ее остановить. Он знал, что ее самолюбие задето, и испытывал некоторое чувство вины и жалости к ней, но самым главным, самым важным было то, что он не дал им совершить ошибку. Ни себе, ни ей. Нельзя начинать с ошибок и тем более нельзя их повторять. Ты прав, Кис, ни к чему вечно ворошить прошлое и вечно начинать все сначала, не надо переписывать всю тетрадь, как ты выражаешься; но работу над ошибками делать надо. Надо! И он был доволен своей работой.

Когда он вышел из ванной, в комнате было тихо и темно. Алекс еще долго лежал без сна; он думал.

Он думал о том, как трудно быть самим собой: это только слова такие «быть самим собой» – в них много обмана. Потому что они совсем не означают того, что кажется на первый взгляд; они не означают, что можно попросту делать то, что хочешь. Иначе он бы лежал сейчас рядом с Линой, обнимая ее... Но этого делать было нельзя.

Как он тогда придумал? «Чтобы быть собой, надо проделать работу над собой». Вот оно опять возникает, слово «надо»... Только у него совсем другой смысл, это «надо» не для расхожих схем, а для себя... Но как его отличить, как опознать?

Алекс безнадежно вздохнул. Какая тонкая, хитроумная игра слов и понятий! Распутывать их

переплетающиеся значения – работа непосильная и бесплодная, для Алекса, по крайней мере. Он больше полагался на интуицию. И он знал, чувствовал только одно: самое главное – суметь поместить в себя, в границы своей личности другую личность, уступить ей там место, и причем так, чтобы эта личность не разрушала твою структуру, не нарушала твои собственные границы... Как графический символ знаков инь и ян – двух мягко вписанных друг в друга, но отдельных сущностей...

Уловить цвета и оттенки чувств и намерений, понять, суметь совместить – эта работа сродни работе художника: правильно краски смешать, точно их на холст положить, чтобы каждое цветное пятно было созвучием всем остальным. Творчество. Творение отношений. Непросто это, конечно, но когда любишь...

Нет, не «когда любишь», – а это и есть любовь.

До него доносилось ровное, тихое дыхание Ли-ны – их разделяли какие-то два-три метра темноты. Ее близость будоражила его и отвлекала от размышлений, и он постепенно предался этому волнению, этому мучительному волнению, с наслаждением погружаясь в его обжигающие волны. Спала ли она? Или притворялась? Он не знал, но предпочитал считать, что спит, чтобы избежать любого контакта, даже словесного; чтобы избежать развития событий. То, что должно случиться, непременно еще случится – сладко вздрагивал он от теснившихся в его воображении образов, – но не сегодня! Не будем все делать наспех, не будем торопиться; у нас впереди есть время – и для любви, и для страсти, для нежной близости и упоительных ласк; у нас впереди еще есть время, любовь моя, – вся жизнь...

...Он проснулся оттого, что она уходила.

Она уходила; она была одета и причесана и открывала замок.

– Лина, – сказал тихо Алекс, приподнявшись на локте, – Лина, не уходи!

Она замерла, не оборачиваясь.

– Я знаю, ты обиделась...

– Нисколько! – Она повернулась к нему.

– Это неправда, ты обиделась на то, что я вчера так сделал... Я хочу сказать...

– Я обиделась, что ты обо мне так подумал!

Они перешли на «ты»! Это произошло так нормально, так естественно. Что ж, они уже пережили кое-что вместе и теперь могли говорить друг другу «ты».

– Я о тебе ничего не подумал. Это ты – ты подумала, что так надо, что я от тебя жду, что ты мне должна... Но ты мне ничего не должна, Лина. Ничего, понимаешь? – ничего и ни за что. И никогда не будешь должна. Если, конечно, ты останешься. Со мной.

Она молчала, в глазах ее стояли слезы.

– Останься, – попросил он.

Лина села на стул и расплакалась.

Он ей не мешал. Он ей давал выплакать всю свою неуверенность, все свои страхи, все свое одиночество.

Чтобы они исчезли навсегда, навсегда, навсегда.

...Нужно было уладить кучу дел. В больнице, в издательстве, дома. Алекс бегал, летал, порхал – он был счастлив. В коридоре издательства налетел на Андрюшу – расцеловался с ним от избытка чувств, бесконечно повторяя слова благодарности. Андрей покрутил пальцем у виска: тронулся главный. Николай высунул из дверей любопытную мордочку: все в порядке, шеф? Сева сиял голубыми глазами, и рот его

смеялся больше обычного; секретарши ему улыбались сочувственно, сотрудники подшучивали – все уже были в курсе дела, все обсуждали, спрашивали подробности.

Снова и точно так же, как три года назад, когда все следили за развитием его романа с Алиной, пришедшей наниматься к нему в секретарши... Романтическая история! Их шеф просто мастер жанра!

Алекс все уладил насчет телефонных звонков на имя Андрея; успокоил доктора Паршина; позвонил Кису, сообщив, что он временно ходит в Андреех, и, подразнив его любопытство, рассказал наконец свою невероятную историю; предупредил Марию Сергеевну, что будет отсутствовать некоторое время дома; купил кое-что для их с Линой временного «дома», для себя и для нее, и сел было за работу...

Но ему не работалось. И он позвонил Лине.

Телефон не отвечал.

Еще раз. Никто не подходит.

Он сорвался и полетел домой сломя голову.

На столе кучкой лежали осколки чашки. На диване, не шевелясь, лежала Лина...

И читала роман, который нашла в стопке книг на полу.

– Я чашку разбила, – сказала она, приподнимаясь.

«Не в первый раз», – подумал он и ответил:

– Не страшно. Я звонил, ты почему не ответила?

– Нет, – удивилась Лина, – никаких звонков не было...

Действительно, как просто! Он же вчера выдернул шнур! Алекс присел возле нее на стуле, глядя на ее тонкие черты, на ее бледность и лиловые круги под глазами. Значит, она тоже почти не спала этой ночью...

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. А что?

– Тебе надо гулять... Хочешь, поедem куда-нибудь?

– Нет!

Алекс опешил, так резко она ответила. Он все еще пытался понять причину этого нежелания, как Лина пояснила, уже спокойнее:

– Ты не подумал о том, что меня ищут?

Она права. С ее точки зрения, ее должны искать: врачи, муж. Даже милиция должна ее искать – все-таки из больницы пропал пациент, тревога! И он не может ее успокоить, что он со всеми все уладил и никто ее не ищет... Дурацкая ситуация.

Все не так просто. Ему удалось ее удержать, немножко приручить, до сих пор это было его единственной целью, и он не задумывался о последствиях. Теперь же ему открылась масса пробелов в его собственной «легенде». Пока она еще не начала задавать вопросы, но как только достаточно освоится и привыкнет, начнет их задавать...

Алекс спустился вниз, взял из машины покупки – в том, что она отказалась выходить, была своя положительная сторона: она не увидит его слишком дорогую машину. Такая квартира – и такая машина? Вот один из вопросов, который она могла бы задать! Но хорошо, что он об этом подумал, надо будет ему и машинами обменяться с Андрюшкой.

Он вернулся, развернул покупки, достал полотенца, посуду – все недорогое, но зато новое; кое-что для Лины из одежды. Он не смог избежать власти ее вкуса и привычек и, против воли, ругая сам себя, купил то, что она любит: широкую длинную юбку, майки, свитера; и теперь боялся, что Лина снова скажет – откуда ты знаешь, что я именно такие вещи люблю?

Но она не сказала. Она его поблагодарила, вежливо перебрала и похвалила вещи и снова растянулась на диване. Ее занимало другое:

– Почему ты для меня это делаешь? – спросила она.

«Потому что я тебя люблю. Потому что мне без тебя было очень плохо. Потому что я счастлив, что мы снова вместе».

Этого он не мог сказать. Он пожал плечами.

– Я точно не знаю... Мне это приятно делать, вот и все.

– Я тебе нравлюсь?

– Нравишься.

– Поэтому?

– Наверное.

– А у тебя жены нет?

Ну что ты будешь делать! Пришлось соврать:

– Нет.

– А у меня вот есть муж... – задумчиво проговорила она и замолкла.

Алекс подождал немного, не понимая, к чему это заявление, и осторожно спросил:

– И что?

– Ты знаешь, я не помню, какие у меня были отношения с мужем. А может, еще с кем-нибудь... Но у меня есть представление, как это вообще бывает. Понимаешь?

– Не совсем.

– Ну вот отношения... Как любят или не любят, как смотрят, как говорят... Какой голос бывает, интонации, какие глаза. Выражения лица... Теперь понимаешь?

Лина лежала на спине, подложив руки под голову, и смотрела на него. Как ему хотелось к ней сесть, ее обнять!.. Но, разумеется, он только кивнул в ответ.

– И я не знаю, каким образом, но я почему-то знаю, что ты не похож на других мужчин. На тех, кого я когда-то знала.

– Вот как? – он улыбнулся. – Это хорошо или плохо?

– Это хорошо, – серьезно ответила она. – Потому что мне не нравится то, что я знаю. То есть, правильнее сказать, «представляю», потому что знать-то я ничего толком не знаю... – поправила она торопливо. – Ты мне больше нравишься, – закончила она.

– Послушай, Лина... Мне, конечно, приятно это слышать... Но ведь мы толком незнакомы! С чего ты взяла, что я лучше тех, кого ты не помнишь?

Алексу даже стало обидно за то, что он, Андрей, лучше себя, Алекса.

Лина пожала плечами.

– Лучше. И все тут.

Впрочем, она права. Он нынешний действительно лучше того, кем он был еще два месяца назад. Он и сам себе больше нравится. Словно с него слетело что-то, какой-то каркас, вроде гипса, и он наконец почувствовал себя свободным. Или, лучше сказать, – самим собой?

Лина приподнялась на диване:

– Я есть хочу! А ты?

Они снова готовили свой обед, как накануне, хлопоча и касаясь друг друга в тесноте кухонного закуртка, и Алекс с трудом подавлял желание поймать ее и прижать к себе.

Глава 33

Алекс худо-бедно латал дыры в своей «легенде». Он обменялся машинами с Андрюшкой, он набрал сам себе заказов на иллюстрации – это позволяло ему хотя бы вечерами соответствовать образу художника-иллюстратора, который работает в основном дома. Правда, днем ему приходилось отсутствовать – под предлогом сдачи готовых работ и поиска новых заказов, Алекс летел в свой кабинет, где в ускоренном темпе вершил судьбы своего издательства, стараясь высвободиться поскорее, чтобы бежать домой, быть рядом с Линой и выполнить в срок свои же заказы.

Шел четвертый день их совместной жизни. За ужином они болтали о том о сем; она его расспрашивала о работе книжного иллюстратора; он ей объяснял, показывая ей свои старые работы, которые он привез и незаметно подложил в Андрюшкины стопки.

Неожиданно, на какой-то его фразе, она замерла, положила вилку и нож, распрямилась и спросила странным голосом:

– В каком издательстве ты работаешь?

Ну конечно, она знала имя своего мужа и его должность! Это то немногое, что доктору удалось ей сообщить.

– Я не работаю в издательстве, я работаю на издательства, на разные. На заказ.

– На какие? – требовательно спросила Лина.

Алекс назвал ей несколько, наобум, среди которых не было его издательства. Но Лину это не удовлетворило.

– А «Экслибрис» ты знаешь? Ты для него заказы делаешь?

– Нет, – вполне натурально удивился Алекс, – почему ты спрашиваешь?

– Почему ты не работаешь на «Экслибрис»?

– Ты смешная. Как будто это я решаю, на кого работать! Я делаю для тех, кто мне заказывает.

– А «Экслибрис» тебе не заказывает?

Какая удача, что у Андрея в мастерской нет уже изданных работ! – видимо, он хранит их дома, на виду для гостей, роскошные книги издательства «Экслибрис»...

– Да нет же! Это для меня слишком... высоко. Это элитарное издательство, меня туда... не приглашают... Почему ты спрашиваешь? Что, у тебя с этим издательством что-то связано?

– Нет-нет, – быстро ответила ему Лина. – Просто я почему-то вспомнила это название. Как-то так, в памяти всплыло...

Они слишком много неправды говорят друг другу, особенно он. Как дальше будет? Что дальше будет? Когда наступит тот момент, когда можно будет говорить правду, и наступит ли? Непросто все, ох как непросто...

Уже стемнело. Алекс разложил на чистом столе листы бумаги, перья, гуашь, фотографии и прочие необходимые предметы, пристроил сильную рабочую лампу Андрея над поверхностью стола, и ее мощный яркий круг словно пригасил остальной свет, объединив их с Линой на этом уютном пятке.

Лина сидела рядом, любопытно следя за его работой. Сначала она задавала вопросы (а это что? а это зачем? а о чем книга?), потом умолкла, замороженно глядя, как белый лист начинал жить, обретать смысл

и форму.

И снова Алекс сладостно мучился от ее близости; погруженный в работу, сосредоточенный, он все же чувствовал ее дыхание, ее тепло, ее присутствие. Иногда она заглядывала через его плечо, чтобы лучше видеть, и тогда ее легкие волосы, сияющие на свету лампы, щекотали его щеку...

Она коснулась вдруг его плеча, осторожно и легко.

– Андрей...

– Да?

– А я тебе... не мешаю? Если я у тебя буду жить?

– Конечно, нет. Я ведь сам тебя попросил, чтобы ты осталась!

– Потому что я тебе нравлюсь?

– Потому что ты мне нравишься.

Она замолкла, глядя, как он обмакивает кисточку в гуашь.

– Я люблю запах краски... А подружка у тебя есть?

– Нет. Нет у меня никакой подружки. Ни жены, ни подружки.

– Почему?

– Так получилось. А что, ты хотела бы, чтобы у меня была подружка?

– Нет. Не хотела бы. Я бы тогда ревновала!

Ревновала? За Линой никогда такого не водилось. Когда бы Алекс ни пришел, куда бы он не отлучился, никогда и тени подозрения или ревности не мелькало в ее лице. Это что-то новое, ревность.

– Андрей!

– А?

– А ты ревнивый?

– Я? Даже не знаю...

Тоже интересно. Он, со своей стороны, никогда ее не ревновал. Правда, она никогда не давала повода для ревности (впрочем, разве ревности нужен повод?); но однажды Алекс заметил, что Георгий заинтересован его женой не на шутку. Это только позабавило Алекса, не более. Наверное, он и в самом деле не ревнивый?

– А вот если бы ты любил кого-нибудь, – допытывалась Лина, – например, если бы ты меня любил, ты бы меня ревновал к моему мужу? У меня ведь муж есть, ты знаешь.

«Ну знаете ли, к самому себе ревновать – это чересчур. Но как это объяснишь Лине?»

– Наверное, – сказал Алекс, чтобы что-то ответить.

– А почему ты ничего не спрашиваешь о моем муже? Может, потому что ты ревнуешь? Он, например, тоже в издательстве...

Алекс перебил ее, желая избежать опасного поворота:

– Ты, помнится, ничего не пожелала узнать ни о своем прошлом, ни о своем муже! Так что же мне у тебя спрашивать?

– Также верно, – согласилась Лина.

– Андрей? – снова заговорила она после некоторой паузы. – Ты смотрел «Титаник»?

– Частично. А ты?

– Я в больнице видела... Это как – «частично»?

– Сбежал с середины, – пробормотал Алекс, занятый работой.

– Почему?

– Не люблю сахар в сахарном сиропе. И коммерческую слезодавильню – тоже не люблю. И уж вовсе терпеть не могу, когда меня программируют на эмоции, нужные расчетливым авторам, – я не желаю встраиваться во всенародные и всемирные отряды плакальщиков. Я вообще не понимаю, как можно идти смотреть фильм, когда заранее знаешь, что два часа подряд на твоих глазах будут гибнуть люди, а ты будешь утирать сопли, – право, патология какая-то! Ты, возможно, не помнишь, был такой фильм, «Гусарская баллада», премилая старая комедия, и в ней была фраза: «Вы плакать любите?» Так вот, у меня такое ощущение, что у нас все поголовно обожают плакать! Я люблю совершенно другое кино – в котором есть воздух, неоднозначность, смысловой простор, в котором у тебя не вымогают те или иные эмоции и мысли, а предоставляют тебе свободу чувствовать и думать...

Алекс вдруг спохватился. Тоже мне, оратор! Критик! Разошелся! Выплеснул на ее бедный, едва проснувшийся после комы интеллект, на ее простодушное сознание ребенка свои художественные концепции!

Он посмотрел на Лину. Она сидела, нахмурившись.

– Впрочем, – Алекс осторожно взял ее за руку, – это мое мнение, и я его никому не навязываю... Тебе, должно быть, фильм понравился?

– Понравился! – с вызовом произнесла она.

– И хорошо, – поспешил успокоить ее Алекс. – Это нормально. Девушкам обычно такие фильмы нравятся, – и Алекс снова углубился в работу.

– Какие – «такие»? – не сдавалась Лина.

– О любви – большой, красивой и с первого взгляда.

Лина по-прежнему хмуро взглянула на него и ничего не сказала.

Алекс откинулся от листа и, полюбовавшись на свою работу, перевел взгляд на Лину.

– Я угадал? – не смог он сдержать легкую усмешку.

Лина прикусила губу. Андрей над ней смеется?

– Ты не понимаешь! – запальчиво воскликнула она. – А вдруг я любила кого-нибудь так? Ты в состоянии представить, как это ужасно, – ведь я этого человека забыла! И свою любовь забыла! Это страшнее, чем утонуть!

Не стоит жалеть, девочка. Возвышенные трагедии о любви, вздымающейся на буйных волнах молодых гормонов, потому и остались в истории, что ее действующие лица погибли, не дожив (к счастью для поклонников жанра) до совместного быта, до каждодневной мелочовки, до плачущих по ночам младенцев, до ревности, скандалов, разводов, дележки имущества... Эта любовь – не более, чем прекрасное воспоминание, с которым не живут – с которым умирают.

Любовь же, с которой живут, – это постоянный труд души. Это сад, нуждающийся в кропотливой работе по его возделыванию. Сад, который без внимания и без заботы дичает и чахнет.

– Почему ты молчишь?

...Что, собственно, и произошло у них с Линой. Одно хорошо: опыт служит для того, чтобы извлекать из него уроки. И теперь Алекс знает, как...

– Ты не веришь в такую любовь? Да? – горько предположила Лина. – Ты считаешь, что это только в кино бывает, да?

– Дело не...

Он осекся, замолчал. Только теперь до него дошло, что Лина завела этот разговор неспроста. Алекс отложил кисть в сторону и внимательно посмотрел на нее. В ее глазах стояла совершенно детская обида. Вот оно что... Ребенок мой наивный, насмотревшийся взрослых фильмов! Детонька, жена моя, любовь моя... – перехватило горло у Алекса.

– Не бывает, – глухо ответил он, пряча повлажневшие глаза. – С первого взгляда – не бывает. – Кашлянул, улыбнулся и добавил почти шепотом: – Бывает только с четвертого дня.

И он протянул к ней руки.

...Она закинула на него ногу, она скользила ею по его телу, той внутренней стороной бедра, где кожа особенно чувствительна; она закрыла глаза, отдавшись целиком ощущениям. Это кожа разговаривала с кожей, это тело общалось с телом – сознание в этом не участвовало.

Алекс молча любовался ею. Раньше было по-другому, раньше она беспокойно следила, так ли она все делает и доволен ли он; да и Алекс вел себя ровно так же. Вот это и есть неумение быть самим собой, думал он, и именно этим они все портили! Их страсть, не успевая разгореться, расплылась и сходила на нет в суете умственного беспокойства...

Теперь же Лина наслаждалась, не думая ни о чем. Она не открывала глаз, губы ее вздрагивали, иногда будто шептали или кривились в том выражении удовольствия и муки, какое бывает у музыкантов за роялем – и вправду, ее пальцы ласково и чутко касались его тела, как клавиш, словно проверяя на слух отдачу...

Но отдачи не было. Алекс был занят наблюдениями и сравнениями, он размышлял и анализировал...

Лина открыла глаза, глянула на его задумчивое лицо и снова закрыла глаза.

– Мне лучше, чем тебе, – сказала она с тихим смехом, – мне нечего вспоминать.

Она даже не знала, как она была права!..

Долой, долой рефлексию!

Он начал ответный ход пальцев по ее телу – вот так, словно балетные па, то ли робость, то ли шутка: сначала по плечу, потом между маленьких грудей, теперь два нижних ребрышка, два тонких, хрупких ребрышка; его ладонь легла между ними, плотно прижавшись кожей к коже, и поползла гусеницей вниз, в неглубокую нежную ложбинку, посередине которой тенилось крохотное озерко пупка... И дальше, вперед, – туда, где возвышалась маленькая дюна, поросшая светлой шелковистой травкой, охранявшая вход в обжигающий источник блаженства...

Больше он уже не думал, не следил, не анализировал. Он забирал всей ладонью ее кожу, перебирал, там, где можно было ухватить, и скользил на тугих изгибах, там, где нельзя было сделать складочку; каждый сантиметр, каждый миллиметр ее тела был им обласкан, потроган, поглажен, поцелован, прижат к своему телу. Он качал на своих ступнях ее маленькие ножки, он сворачивал ее в комочек, загребая руками и ногами все ее тело в себя, он выпускал ее и терся об нее, как кот; он мурчал, урчал, стонал, умирал от

любви и от блаженства... Как он мог жить без этого раньше, как он мог жить с ней рядом, не понимая...

Стоп, стоп, голову надо прятать на полку, в сейф, под замок, когда занимаешься любовью с любимой женщиной! Будет, будет, уймись; тише, тише, замри: дай телам и душам слиться!

Глава 34

За несколько дней их нехитрый быт устроился. Алекс днем ходил на работу, Лина предпочитала не выходить из дома и ждала его, читая или делая простую домашнюю работу. Она училась готовить по книжке, и у нее даже начало кое-что получаться, и за последние дни она разбила только одну тарелку и всего лишь один раз упала, шлепнувшись попкой на мокрый в процессе мытья посуды пол.

Их дни источались нежностью, их ночи истекали страстью, они не могли насмотреться, наласкаться, напиться друг другом. Все накопившиеся в сознании Алекса слова любви прорвали наконец запрет молчания, и он их произносил, он их бесконечно повторял, он их шептал, он их стонал – и старые стены мастерской изумленно прислушивались к неслыханным перепадам и переливам любовного потока.

Круг разомкнулся, цикл повторений отпустил Алекса из своего плена. Ничего больше не было снова, больше не было ничего сначала – все было впервые, все было новым, как в день творения; все было по-другому.

...В этот вечер Алекс пришел с работы пораньше, и они хлопотали вдвоем: мастерская была чисто вымыта, стол был покрыт новой белой скатертью и празднично сервирован; шампанское уже стыло в ведерке, креветки удивленно топорщили свои усы, розовея на листьях салата; тонко веяло лимоном, гудела духовка, запекая мясо, и Алекс придирчиво осматривал комнату: все ли в порядке, не упуская возможности поцеловать спящую взад-вперед Лину в разругавшиеся щеки.

У них сегодня прием, у них сегодня гости! Вернее, гость. Первый гость в их новой жизни.

Гостем был Кис.

Он потоптался на пороге: «Э-э, тут у вас в дверь открытка была всунута...» И он протянул Алексу открытку с фотографией двух волков: волчица, лениво развалилась, смотрела прямо в объектив, а волк положил свою большую голову ей на спину, тяжело придавил, отметив печатью собственности свою самку...

Алекс повертел удивленно открытку, передал Лине. Та, пожав плечами, сунула ее в пачку газет со словами: «Это уже вторая. Наверное, общество защиты животных...»

И улыбнулась Кису: «Лина», – подав тонкую прохладную ладонь.

Ему не нужно было ничего придумывать, он представился, как есть: частный детектив, Алексей Кисанов по прозвищу Кис, старый приятель... Андрея (хи-хи!).

Лина не сумела бы его узнать, даже если бы не потеряла память: в то единственное мгновение, в которое она его видела в темноте, она не могла разглядеть и запомнить его лицо.

Кис осмотрелся в новом жилище Алекса, сделал кучу комплиментов хозяйке, затем прошествовал к окну и выглянул. Что он там хотел разглядеть в сумерках, было непонятно, и Алекс его окликнул.

– Да-да, – сказал Алексей, – вид из окна очень славный. И вообще очень тут у вас миленько. Ты давно с работы пришел?

Алекс удивился.

– Час примерно, а что?

– Так просто, – пожал плечами Кис. – Ничего.

Он церемонно уселся на диване, потихоньку разглядывая Лину. В ней было грациозное, заразительное ребячество, простодушная непосредственность, которую она в себе не осознавала и которой не стеснялась. Вероятно, последствия амнезии – раньше, по представлениям Киса, Алина была иной: раньше она была девушкой без характера. Характер ведь проявляет себя маленькими ежесекундными волеизъявлениями, едва заметными инициативами в общении, декларациями по разным поводам своего хочу – не хочу, нравится – не нравится – короче, всем тем, что четко очерчивает контур индивидуальности. Алина же, привыкшая не проявлять, сдерживать, прятать свою волю и желания, сделалась нейтральна до такой степени, что ее почти не стало. Ее индивидуальность размылась и слилась с фоном... И неудивительно, что Алекс, не зная и не понимая, какая личная трагедия стоит за этой странной для девушки сдержанностью, и стал воспринимать свою молодую жену как часть интерьера.

Теперь же, не скованная памятью и привычками, Алина будто выпросталась из пут летаргического сна. «Амнезия как радикальное средство от всех комплексов», – усмехнулся про себя Кис, наблюдая за Линой. Жизнелюбие било в ней ключом, она была радостна и шаловлива, – она была очаровательна. И Кис, хоть и причислял себя к поклонникам совсем иного типа женщин, быстро и без боя попал под ее обаяние...

Весь вечер Алексей был в ударе. Он рассказывал анекдоты и смешные случаи из своей практики, он острил и с неуловимой ехидцей произносил имя «Андрей». Им было хорошо с ним, ему было хорошо с ними; все шло чудесно. Кис, изображая персонажей, о которых говорил, ходил по комнате, размахивал руками, строил рожи и время от времени выглядывал в окно.

– Что у тебя там, лошадь привязана? – спросил его Алекс.

– Не совсем... Осел скорее. И – пора мне уходить. Я обещал дать ему морковку.

Они тепло распрощались.

– Проводи меня, – шепнул Кис в ухо Алексу.

Плотно прикрыв за собой дверь, Алексей сказал:

– Мне показалось, что за тобой следят.

– Кто? – опешил Алекс.

– Не знаю. Я не сразу придавал значение тому, что увидел, – очень уж нелепо было предположить, что кто-то может за тобой следить.

– Так что ты увидел?

– Торчал какой-то хмырь против ваших окон. Когда я подъехал поближе, он уже испарился. Я тебе говорю, я сначала не придавал значения, но пока поднимался к вам, у меня эта фигура с задранной головой перед глазами стояла... Она мне не понравилась.

– Ты поэтому в окно выглядывал все время?

– Да. Но он больше не появлялся.

– Он тебе не показался знакомым?

– У него было кепи с длинным козырьком и черные очки... Нет, не показался.

– Вечером? Черные очки?

– У них такая мода дурацкая, у молодежи... Если это не часть маскарада, конечно.

– Кто может за мной следить? Зачем?

– Не имею понятия. Но я этим займусь. Ты не замечал, у тебя на хвосте никто не сидит, когда ты на машине едешь?

– Я не смотрел, мне в голову не приходило! Ума не приложу, кто, зачем?

– Я тоже не вижу зачем... Ладно, оставь это мне. Я понаблюдаю.

Но ближайшие дни не принесли никаких результатов. Кис и его помощник Иван следовали за Мурашовым на работу, с работы, дежурили у дома – никто не появлялся, ничего подозрительного не было.

– Тебе показалось, должно быть. В конце концов, не один я тут живу, вон сколько окон! Этот парень мог в любое из них смотреть! – сказал ему Алекс.

– Это верно... И все же ты иногда поглядывай вокруг. Ладно?

Не прошло и трех дней, как Алекс наткнулся на этого «хмыря». У него выдалась возможность приехать домой в перерыв, чтобы пообедать вместе с Линой. Подъезжая, он увидел парня в темных очках и в кепи с длинным козырьком, который, присев на корточки, разговаривал с маленьким мальчиком, – наверное, с братишкой, решил Алекс. Спустя пару дней он опять видел его днем, входящим в подъезд дома напротив.

– Да, в очках, в кепи, примерно моего роста... Ну точно, он. Он здесь просто живет, Кис, обычный парень, – говорил он по телефону Алексею. – Тебе показалось. Да и то – кому надо за мной или за Линой следить? Ты прямо кино какое-то детективное придумал!

– Ладно, – проворчал Кис, – издержки профессии.

Оба испытали облегчение и вскоре забыли об этой истории.

Во всяком случае, Алекс.

Глава 35

На исходе третьей недели Лина отважилась выйти на улицу. Дома больше было не вмоготу сидеть, погода стояла чудесная, тепло и солнечно, бабье лето, самое начало октября. Мысли о прошлом, о больнице, о Муже, о том, что ее ищут, отступили, сделались далекими и недействительными. Жизнь с Андреем давала ей чувство уверенности и защищенности, страхи ее рассеялись, и черный ящик был списан в утиль.

Ей не был знаком этот Замоскворецкий район, и она решила не уходить далеко от дома. Прогуливаясь вдоль улицы, она разглядывала людей, люди разглядывали ее. Лина знала, что она хороша собой, и это ее радовало. Это было как подарок...

Она вспомнила ощущение после комы, когда сознание только вернулось к ней и она еще не успела понять, что у нее амнезия. Ей казалось, что она просто не совсем проснулась и поэтому не до конца все понимает. Ничего более объемного, чем «я – это я», в ее восприятие не умещалось. Как выглядит это «я» и как его зовут, было неизвестно и, в общем, даже не очень-то важно. Ее глаза видели собственное тело под простыней и худые бледные руки поверх – первый образ «я». Потом ей сказали, что ее зовут Алина. Она не знала точно, вспомнила ли она это имя или оно ей просто понравилось, но имя показалось ей подходящим, родным и легко прижилось.

Следующим этапом знакомства с собой было зеркало. Она робко заглянула в него, боясь разочарований, но отражение дружелюбно вернуло ей образ, который она без особого стеснения нашла просто прелестным. Она почувствовала себя приятно польщенной вниманием природы, наделившей ее такой внешностью, и провела немало времени перед зеркалом, изучая свое лицо и тело и доверительно беседуя со своим отражением.

Теперь Лина шла по улице, предаваясь неиспытанному – или забытому? – удовольствию ловить на себе взгляды, встречать восхищение и признание в мужских глазах. А сегодня она особенно хороша: Андрей купил ей линзы, и очки больше не скрадывали ее глаза. И потому на нее смотрели все – подростки, молодые мужчины, пожилые... По той стороне улице – Лина видела краем глаза – синхронно с ней шел какой-то парень в черных очках и кепи с длинным козырьком, и, хоть его лицо и было скрыто больше чем наполовину, она знала: он смотрит на нее.

Женщины – те тоже смотрели, но совсем иначе. Их взгляды были строго-оценивающими, даже придирчивыми, и она вдруг почувствовала себя недостаточно хорошо одетой. Конечно, вещи, которые ей покупал Андрей, были совсем неплохими, но... Но все эти длинные широкие юбки и просторные майки совершенно не соответствовали ее вкусу! И ей ужасно захотелось немедленно закупить себе туалетов, одеться красиво и даже вызывающе.

Она продолжала свою прогулку, разглядывала витрины, заходила в лавочки и магазинчики, изучала, примеряла, пробовала косметику и духи. Ей хотелось все купить: и всякие штучки для дома, и подарок Андрюше, и себе... много чего, все! «Я, должно быть, была страшной кокеткой в прошлой жизни», – решила она, уловив то необычайное вдохновение, которое вызывали в ней красивые вещи.

Но купить было ничего нельзя, у нее не было денег. Не страшно, завтра Андрей ей даст деньги, и она сюда снова придет и все купит.

Но как-то неудобно. Неудобно брать деньги у Андрюши...

А как же тогда? Как живут другие люди, другие семьи, где женщины не работают?

Но то семьи, а мы что? Любовники! Это не то же самое.

Почему не то же самое? Мы живем вместе. Мы любим друг друга. Это и есть семья, разве нет?

А ведь я никогда не смогу выйти за Андрюшу замуж... Я замужем! Уже замужем!

Можно развестись... Но как?..

Ну и ладно, мы будем жить так. Даже лучше!

Вечером она рассказала Андрею о своей прогулке. Он очень обрадовался, что она решилась выйти погулять, – это ей будет на пользу! Он ей оставит денег, и завтра она сможет пройтись по магазинам и купить себе, что приглянется.

Вот так, все просто и нормально, все как в настоящей семье. У них настоящая семья, с Андреем.

От этой мысли сделалось необыкновенно легко и радостно. Алина даже удивилась: совсем недавно, в больнице, сама идея, что она должна жить в какой-то семье, ей казалась убийственной! А вот теперь у нее такое ощущение, будто она только и делала всю жизнь, что мечтала иметь семью, дом, полный любви и уюта... Словно у нее никогда раньше этого не было, и она отчаянно истосковалась в безнадежном ожидании счастья...

Собственно, наверное, так и было? Она ведь сирота. Хорошо, что она не помнит, как плохо ей было жить без мамы с папой...

Право, в амнезии есть свои плюсы.

...Кис нет-нет, да и возвращался мысленно к той сцене у дома, где поселились Алекс с Алиной: высокий парень в черных очках и кепи с длинным козырьком, задрал голову, пристально вглядывается в окна...

Конечно, Алекс прав: не одни они в этом доме живут. Но все же их окна выходят на эту сторону – раз, и парень смотрел на верхние окна, а они-то как раз на последнем этаже и живут – два... Может, там просто рядом окошко девчонки, которая ему нравится? Может, может...

Алекс уверен, что парнишка этот живет по соседству. Дай-то бог. А все же как-то свербит у Киса внутри.

С другой стороны, кому они нужны, голубки влюбленные?

Разве что Филиппу?

Что собой представляет Филипп, Кис толком не знал. Тройное убийство говорило о многом, но неоткуда было узнать и понять, что именно и как связывает его с Алиной. Гена отнекивается от всего, а может, и впрямь не знает...

Да, у них были когда-то отношения. Сохранил ли он до сих пор к ней чувства? Мучает ли его – до сих пор! – ревность? Почему он убил Георгия? А убил его, вне всякого сомнения, Филипп: его отпечатки нашли на полене...

А зачем секретарь вообще туда поперся? Несомненно, это он подал идею вытянуть из Алины деньги, Кис не забыл его фразу: «На что ей деньги, спрашивается, если она их потратить толком не умеет?!» И секретарь рассудил по-простому: «Ей не нужны деньги, а мне нужны. Я-то знаю, как их потратить!»

Алексею вдруг подумалось, что от совкового менталитета «все вокруг народное, все вокруг мое» до криминального, воровского и рэкетирского, – всего один шаг. Меньше: пол, четверть шага...

И Георгий эту четверть шага легко сделал. Решил «перераспределить» капитал «по справедливости». Он-то знал, что у нее с мужем счет общий, вот губу и раскатал! Да только со своим лоточным мышлением промахнулся: общий-то он общий, да относительно небольшой; а крупные суммы на другом счету

находятся, на отдельном...

Ладно, Георгий идею подал. Хлопоты взяла на себя Марго. Ну, и чего ему дома не сиделось? Зачем он к ней поехал? Алину уламывать? И почему Филипп убил его? Причем как: поленом! Сзади подошел, пока тот был занят... Чем?

Или – кем?

Алиной?

Филипп Алину спасал? От домогательств или от издевательств Георгия? На ней была майка Филиппа, ее белье нашли разрезанным... И длинная царапина на животе... Проведенная острым лезвием каттера, который тоже нашли на даче. На нем отпечатки Георгия – это он им разрезал одежду Алины. И отпечатки Алекса – Георгий привез каттер с собой из дома. Секретарь пытался Алину изнасиловать? При осмотре Алины врачи обнаружили следы полового акта. Спермы не было, но генетический анализ маленьких частиц позволил установить, что это не Георгий. Видимо, Филипп... Особенно, если учесть, что спермы не было: только Филипп мог позаботиться об Алине, хотя взял он ее, скорее всего, силой: на ее запястьях обнаружены легкие гематомы – следы сильных мужских пальцев, окольцевавших тонкие суставы...

Следовательно, секретарь пытался Алину запугать.

Допустим, Филипп действительно убил его, спасая от его издевательств Алину.

А Марго почему убил?

Секретарь, конечно, появился на даче с ее вedomо. Предположим, Марго, не добившись от Алины результатов, приставила Георгия к делу вымогательства. Георгий взялся за работу при помощи каттера...

В это время, по словам Гены, подтвержденным свидетелями, компания сидела в кафе на Арбате.

Но ревнивый Филипп, должно быть, места себе не находил. Бросив дружков, он вернулся на дачу и застал сцену...

И всех наказал: и Георгия, и Марго, и Антона.

За Алину.

Других объяснений этим трем убийствам не находится.

А если сюда приплюсовать ту ночную сцену на даче, когда Филипп бросился вдогонку за Алиной... Что ж, вывод напрашивается неутешительный: Филипп до сих пор ее любит...

Но был ли это он там, под окнами у Алекса? Кис узнать его никак не мог: в темноте на даче толком не успел разглядеть, и все, чем он располагает, – это устные описания, которые он собрал во время розыска Алины, да низкокачественная фотография с милицейской листовки «разыскивается особо опасный преступник»...

Да только фотографии, будь она даже высокого качества, мало. Человеческое лицо так изменчиво! Кис сам себя не узнает частенько на фотографиях... Плюс кепи, под которым не видно ни цвет, ни длину волос; плюс очки, скрывающие глаза, плюс длинный козырек, оставляющий лицо в тени...

Но дело в принципе не в этом. Дело в том, что было бы полным сумасшествием болтаться под окнами у Алекса, когда его ищет вся московская милиция! Это прямое самоубийство! Единственным разумным поступком в его ситуации было бы спрятаться подальше, лечь на дно и затихнуть.

Если он, конечно, не сумасшедший и не самоубийца.

Нет, это не мог быть Филипп. Слишком безумно такое предположение.

И все-таки беспокойство не отпускало его. Он снова послал Ивана на дежурство – тот проторчал еще два дня в окрестностях дома и никого, похожего на описанного парня, не увидел. По крайней мере, никто у дома Алины не толкся и за окнами не следил...

Кис, однако, вместо того, чтобы успокоиться, призадумался: если, как предположил Алекс, парень этот живет по соседству, то куда же он подевался? Он же должен куда-то уходить и откуда-то приходить?

Алекс на осторожные расспросы Алексея подивился и снова пошутил, что у Киса сдвиги на профессиональной почве.

Разумеется, сдвиги. Только ты, дружище, не знаешь ведь того, что знаю я... И, к счастью для тебя, знать не хочешь.

И Кис самолично отправился в подъезд, указанный Алексом. Он прилежно обошел каждую квартиру, расспрашивая обитателей подъезда о высоком парне в кепи и черных очках, и выяснил, что таковой в подъезде не проживает и никому из жильцов не знаком.

...Какое неизъяснимое блаженство испытывала Лина, выбирая одежду, разговаривая с продавщицей, молоденькой девушкой, которая завистливо поглядывала на ее стройную фигуру, плотно схваченную коротким синим платьем в обтяжку! Лина изучала себя; она перемерила все цвета и все стили одежды, которые нашлись в этом магазинчике, недорогом, конечно, – откуда у Андрея деньги на дорогой магазин! – но это было неважно, совершенно неважно: на ее стройной фигуре все, абсолютно все сидело отлично и все ей шло.

Лина крутилась перед зеркалом, прохаживалась, оборачиваясь на себя через плечо; продавщица ахала, ахали немногочисленные посетительницы, глядя на ее примерки. Нужно было на чем-то остановиться, что-то выбрать для покупки; нужно было уложиться в сумму; нужно было, наконец, заканчивать – она и так провела в этом магазинчике почти полтора часа.

Глава 36

«Что можно делать в магазине полтора часа, черт побери?!»

Филипп истомился ее ждать. Он чувствовал себя неловко в этом костюме, на который он потратил почти все свои сбережения. Он таких костюмов никогда не носил, и теперь ему казалось, что костюм существует от него отдельно и все это видят: вот торчит на углу у магазина молодой человек, а вот стоит костюм...

Тогда, в больнице, Аля, кажется, ничего не заподозрила – ему неплохо удалось сочиненная экспромтом сцена, мгновенно родившаяся в его воспаленном мозгу, как только он услышал разговор Алекса с врачом. «Спасибо, Мурашов! – усмехнулся про себя Филипп. – Такую идейку подкинул!»

Но теперь это проклятое ожидание рождало в нем неуверенность, распыляло нужный настрой. А без него он не сумеет сыграть роль Мужа, которая и так-то у него трудом получается; не сумеет сделать то, что задумано на сегодня!..

В больнице ему удалось узнать у раздраженного доктора Паршина, что Аля самовольно покинула «лечебное заведение», и теперь все вопросы к ее мужу, так как это он помог ей ускользнуть, хотя и по чистому совпадению.

Филиппу ничего не оставалось делать, как смириться. Несколько дней прошло в пустоте, тоске и злости, без всяких мыслей. Но постепенно мысли стали появляться, вернее, одна: раз память еще не вернулась к Але, то не все для него потеряно! Можно попробовать сказать ей, что ее обманули, что ее настоящий муж – это он, Филипп... А этот тип, с которым она живет, – это переодетый следователь... Бред, конечно, сказочка для маленьких детей, даже Аля в нее не поверит...

А кто ее знает, во что она поверит. Она всегда была доверчивой дурочкой, а уж после амнезии... Шансов мало, но – надо попробовать...

А не поверит – тем хуже для нее. Он увезет ее силой.

Он не может жить без нее.

У него ничего в жизни не осталось, кроме нее.

...Все в конечном итоге произошло, как в его детских снах. Теперь не во сне – наяву он почувствовал вкус крови. Теперь люди окончательно отвергли его. Они охотятся за ним, как за волком. Они отобрали у него девушку со светлыми волосами и синими глазами и думают, что победили!

Но легенда написана – давно написана, и не вами, жалкие людишки! – и все уже было, и ничего нельзя изменить: девушку волк украдет! В свое логово унесет! И никто никогда не найдет их – ни волка, ни девушку... Они будут заниматься дикой, яростной любовью, неведомой выродившемуся племени людей, – до изнеможения, до крови, до смерти! Он в нее вобьет всего себя целиком, как вбивают осиновый кол в оборотней, – и человеческая самка станет волчицей!..

Он, гордый и хитрый, смелый и опасный, – он бросил им вызов. Давайте, ловите! Не поймаете!!!

Он все продумал и все приготовил. Давно, еще когда он учился играть на саксофоне и соседи жаловались на утробный звук, терзавший их уши с утра до вечера, один приятель по кружку саксофона предложил: давай на лето ко мне, у меня есть от бабки развалюха под Калязином, стоит почти в лесу, в полузаброшенной деревне, где доживают в ожидании смерти пяток одиноких глухих стариков... Наиграемся вдоволь!..

Туда он и повезет Алю. Никому в голову не придет их там искать. С тем приятелем он уже лет семь как не общается; ключ ему не нужен – в дом войти проще простого: через дыру в пристроенном сарае. Филипп совсем недавно побывал в этом доме, именно там он отсиживался, выхаживая больную ногу, и понял, что хозяин туда так и не наведывался с тех самых пор... Дом окончательно пришел в запустение, сад зарос бурьяном и какой-то дикой лесной порослью, дорожки исчезли под буйной сорной травой, и только одичавшие, мелкие яблоки усеивали нетронутый человеческим присутствием сад...

Теперь они будут жить там с Алей. Больше им никто не нужен. Только лес, глухие старики – и они.

И он больше никогда, никогда – слышишь, Аля? – не ударит ее. Они будут жить в любви и согласии, волк и волчица, и будут счастливы.

...Продежурив целый день у загородного дома Мурашовых, Филипп понял, что дом необитаем. На следующий день он ждал выхода Мурашова из издательства и проследил за ним.

Выяснилось, что Мурашов живет теперь в каком-то невероятном старом четырехэтажном доме на одной из пестрых улиц в Замоскворечье, и, следовательно, где-то за одним из многочисленных окон должна быть и Аля.

У факта этого странного переселения должно было обнаружиться значение, и после напряженного недельного размышления оно открылось Филиппу: Мурашов выдавал себя за кого-то другого, но не за мужа Али – иначе бы они просто-напросто жили у себя дома.

Надежды Филиппа удвоились. Он стал следить за домом, рассчитывая, что рано или поздно Аля мелькнет – в окне, на улице, где угодно, лишь бы появилась, лишь бы ее увидеть!

Он охотился. Он крался. Он переодевался. Он выслеживал. Расспросов он избегал, это могло насторожить. Он лишний раз не появлялся в окрестностях, он прятался в подъездах и подворотнях, и, едва ему казалось, что чей-то взгляд задержался на нем чуть более пристально, он немедленно исчезал и воздерживался от слежки в последующие дни – чутье его обострилось, и вел он себя крайне осторожно, как и положено хищнику.

Пару раз он сталкивался с самим Мурашовым, но это было не опасно: тот не знал Филиппа в лицо. Мурашов совершенно не обратил на него внимания тогда, в больнице, когда Филипп подслушивал их разговор с врачом. К тому же теперь инстинкт подсказал Филиппу сделать вид, что он местный житель, и один раз при виде Мурашова он заговорил с каким-то пацаном, в другой раз – вошел в подъезд дома напротив. К счастью, Филипп носил черные очки, и они скрывали его взгляд, наливающийся тяжелой ненавистью при виде того, кто украл у него Алю.

И наконец он дождался. Его постоянные дежурства принесли свои плоды: Аля вышла из дома!

Когда он увидел ее, то бессильно шагнул в ее сторону, его тело сделалось мягким, ватным, жарким, и он остался на месте, притулившись к стенке плечом.

Аля немного изменилась за все это время; она была бледна, совсем не загорела за лето, но черты ее лица как будто бы стали четче, резче, ее глаза (она почему-то не надела очки) с темными зрачками сделались совсем огромными и загадочными, а в линии губ образовалась новая, сладкая, чувственная ямка. Она стала немного другая, но такая же красивая; еще более соблазнительная, еще более желанная... Выражение лица ее было безмятежно, глаза сияли счастьем.

Филиппа больно кольнула ревность. Резанула ревность. Нет, хуже – ударила под дых. Он был в бешенстве. Как она смеет быть счастливой без него!!! Так бы и прыгнул, схватил, унес бы волком к себе в логово!

Но надо было быть осмотрительным, ждать.

Он ждал. Он следовал за ней по другой стороне улицы, она его видела, она на него косила краем глаза, она ему улыбалась; она его не узнала. Разумеется, не узнала. Не могла узнать, в драных джинсах, потертом свитере, в кепи и очках.

Ничего, узнает. Сегодня. Узнает не вчерашнего панковатого парня – узнает Мужа. Того, кто приходил к ней в больницу. Того, с кем она должна жить. Обязана жить.

Она ведь меня не любит, не помнит – мелькнуло где-то на краю, на периферии сознания.

Ерунда.

Зато он ее знает, Алю: когда она его увидит, она испугается – потому что она понимает, что нехорошо жить с не-мужем, когда у тебя муж есть; когда она испугается, она будет парализована, так всегда с ней бывает. Она ничего не успеет ни сообразить, ни предпринять, как он ее уже посадит в машину и увезет. И все.

А что будет потом – видно будет. Он ее удержит – хоть силой, хоть сказками про милицию, про суд, и она не посмеет от него уйти. А там привыкнет. Полюбит – почему нет? Любила же когда-то? Опять полюбит. Он знает, в чем его власть над ней, он знает, как с ней нужно, стоит ему только к ней прикоснуться, вот так... да, вот так...

Воображение его заработало, воспоминания мешались с фантазией, кровь прилила к лицу, и он простоял так какое-то время, в оцепенении, красный, тяжело дыша...

К действительности его вернул любопытный взгляд прохожего.

...Что же Аля так долго? Что можно делать в магазине полтора часа? Она что, весь магазин скупает? Ну и хорошо, он ее увезет вместе с покупками, будет что носить на первое время...

Нельзя так задумываться, он перестал следить за дверьми магазина, за долгое ожидание его внимание рассеялось! Вот какая-то женщина вышла только что – не Аля ли? Филипп вытянул шею, разглядывая за прохожими вышедшую женщину. Нет, не Аля. Не мог ли он ее пропустить? Нет, конечно, не мог.

Но невозможно же столько времени находиться в магазине! Он, должно быть, ее пропустил, упустил!

Филипп шагнул из-за угла и остановился у витрины.

...Совершенно очевидно, что нужно взять вот эту юбку с этим жилетиком. Маленькую черную юбку с маленьким стеганым жилетиком; они ей так идут! Только какой пояс выбрать? Понятно, что черный, но лакированный или замшевый? Лучше просто кожаный; но тогда с какой пряжкой?

Молоденькая продавщица уже устала с ней – подавать ей юбки и платья, брюки и шорты, пиджаки и кофточки, пояса и шарфики, говорить комплименты.

– Заканчиваю, заканчиваю, – засмушалась Лина, приметив раздраженный взгляд, – вот этот, возьму, пожалуй, да, вот этот.

Лина еще раз повернулась перед зеркалом.

Решено, этот пояс лучше всех. Отлично сидит, сдержанный, из хорошей кожи... Лина напоследок окинула себя взглядом с головы до ног.

Но в зеркале была не только она. В зеркале, несколько смазанный расстоянием и отблесками света, но все же хорошо видный, был еще и высокий, темноволосый мужчина, одетый в элегантный костюм, с галстуком, с булавкой, со стрижкой...

В зеркале был Муж.

Он стоял снаружи, на улице, у края витрины и смотрел через отсвечивающее стекло внутрь магазина, приставив ладонь к лицу.

Побледнев, Лина слабеющими ногами сделала шаг вбок за стойку с одеждой. Сердце ее бешено колотилось.

Продавщица глянула на нее с изумлением.

Пускай, не до нее.

Уняв немножко свой пульс, Лина осторожно выглянула из-за стойки: по ту сторону витрины никого не было. Уж не привиделось ли ей?

Нет, не привиделось! Он там был минуту назад, он стоял у витрины и смотрел в магазин; он знал, что Лина внутри.

Но как?! Как он мог ее выследить? Как он мог ее найти? Эта случайная встреча с Андреем, неожиданная даже для нее самой, – какой же след он мог взять, чтобы найти место ее обитания? Совершенно невероятно, но факт: нашел! Только теперь это неважно, важно другое: что делать?

Что делать, что делать, что делать?!!

Выйти из магазина.

Спокойно, с достоинством.

И сказать: я люблю другого. Я никогда не буду жить с тобой. Оставь меня в покое.

Она не сумеет! Не сможет, не отважится, не посмеет. Она его... боится, да, это глупо, но это так, надо признать! Она не готова к такому разговору.

Тогда...

Спросить у этой девочки, которую она уморила своими примерками, есть ли у них в магазине второй выход?

Как она на нее посмотрит, что о ней подумает?

Не имеет значения. Нужно от него ускользнуть, вот что главное.

– Извините, девушка... В вашем магазине есть другой выход, кроме этого?

Девушка вытаращила глаза. Она не поняла вопроса, извините?

– Выход еще один есть? – нетерпеливо повторила Лина.

– Да...

Слава богу, повезло.

– Где?

– Я не поняла, вы хотите выйти через другой выход?

– Да, да!

– Подождите, я вам сейчас нашего директора позову...

– Не надо мне директора, мне выйти нужно!

– Но ведь тут есть выход, вот он. – Девушка указала ей на дверь, будто Лина была слепая или полоумная – не видеть обычной двери.

– Мне другой нужен, понимаете?

– Но я не знаю... это не положено, у нас там склады... Я вам сейчас нашего директора позову...

О, она ее сейчас просто растерзает, эту девицу!

– Послушайте, девушка, поймите, я не случайно прошу вас об этом! Там, на улице, один... мой поклонник, с которым я категорически не хочу встречаться, понимаете? Он ждет меня на улице возле магазина, он меня увидел в магазине и теперь ждет, понимаете? А я не хочу его видеть, не хочу с ним разговаривать... Не хочу с ним выяснять отношения, понимаете?

Дошло наконец! Продавщица сочувствующе и заинтригованно улыбнулась: ох, какая история, она ей сразу показалась чересчур экстравагантной, эта покупательница! Какая история у них, в их магазине!

– Пойдемте, сюда, налево, – шептала она возбужденно, как будто ее могли слышать на улице, – вот в эту дверь.

Лина, поглядывая на витрину и прячась за стойками, проследовала в указанном направлении.

– Видите этот небольшой коридорчик, – шептала срывающимся голосом продавщица, раскрывая перед ней дверь, – идите по нему прямо, потом свернете налево...

Она вдруг замолчала, и у нее сделалось расстроенное лицо:

– Да, но второй выход ведет на ту же улицу!

Ах, черт! Ну что же делать?!

Лина осторожно приблизилась к витрине сбоку и стала внимательно просматривать тротуар. Мужа нигде не было видно. Может, ушел? Нет, с какой стати! Он знает, что она здесь, он ждет, когда она выйдет, он ее стережет: не за тем он ее выследил, чтобы спокойно уйти теперь...

Позвонить Андрюше на работу? Сказать: приезжай, забери меня отсюда, а то тут мой муж меня стережет?

Некуда. Некуда ему звонить. У нее ни одного номера телефона нет, Андрей ведь по разным издательствам мотается, на месте не сидит, его рабочее место – дома...

У магазина остановилось такси, распахнулась дверца. Пожилая женщина расплачивалась с водителем.

Лина ринулась к дверям. Женщина не успела еще прикрыть дверцу, как Лина рухнула в машину и крикнула ошарашенному шоферу:

– Трогайте! Быстро!

Спасена! Машина резво отъехала от тротуара, и позади нее остались открытые рты потрясенных наблюдателей. Мужа, однако, как ни высматривала Лина в быстро удаляющейся ретроспективе, она так и не увидела...

Не могло же ей показаться?!

Расплатившись с водителем на ходу, она бегом вбежала в подъезд, домчалась, задыхаясь, на верхний этаж, влетела в квартиру, закрылась на все замки, перевела дух и только тут заметила, что пояс, который она примеряла, остался на ней. Она за него так и не заплатила...

Глава 37

Как бы ни убеждал себя Кис, что появление Филиппа у дома Алины нереально, самоубийственно и абсолютно невозможно, он все же продолжал свою работу – просто потому, что не любил странности и желал их прояснить. И потому, не обнаружив искомого парня среди жильцов указанного Алексом подъезда, он принялся разыскивать среди местной детворы мальчонку, которого Алекс обозначил как «братишку».

Ему повезло: в крикливой стайке мальчишек, возвращавшихся из школы, он почти сразу попал на семилетнего малыша, который вспомнил дяденьку в черных очках. Разумеется, никаких родственных связей с «дяденькой» малыш не имел, зато припомнил, как дяденька дал конфету и спрашивал, не видал ли он тут по соседству девушку со светлыми волосами...

Но девушки с любимыми волосами были для ребенка «тетеньками» и в зону его внимания не вписывались, так что вкусная конфетка осталась неотработанной.

Кис тоже дал конфетку – его-то конфетку мальчишка заслужил! – и пошел восвояси крайне озабоченный.

Разумеется, девушек со светлыми волосами в России много... И не один Филипп по ним вздыхает...

А все же в том парне в очках и кепи все больше проступал Филипп, и Кису это решительно не нравилось. Чего ему тут занудилось? Чего вынюхивает-выслеживает?

Ну, положим, выследил. Как выследил? Очень просто: проследил за Алексом от работы до дома. Ладно, увидел: Алина живет с Алексом. Узнал, удовлетворился и убрался обратно – куда-то туда, где он скрывается от милиции, – порадовавшись за ближнего?

Как бы не так! Это не из его биографии. Он, ревнивец и собственник, – он за ближнего не порадует, особенно если этот ближний в лице Алины принадлежит другому.

Ладно, допустим. Предположим, что, увидев Алину с Алексом, он вовсе не порадовался. Он, скажем, разозлился. И даже скажем так: пришел в бешенство. А дальше-то что? Зачем ему продолжать выслеживать их? На что он рассчитывает?

Уговорить Алину вернуться к нему?

Или – убить Алекса?..

Или – убить Алину...

Бред, бред, бред! Если бы он хотел убить кого-то из них – уже бы убил. Времени для этого у него было предостаточно.

Значит, Филипп – если, конечно, мы допускаем, что это все-таки он там слонялся, – ждет чего-то другого. Возможности поговорить с Алиной... А может, уже говорил? Попытался убедить бросить Алекса и вернуться к нему? Угрожал?

Но если бы он к ней подходил, Алина бы сказала Алексу, а Алекс – ему! А ему никто ничего... Или она скрыла? Нет смысла. Она Филиппа не помнит. У нее нет никаких причин что-либо скрывать. Напротив, если бы он сунулся к ней, то наверняка бы напугал – и она бы обязательно сказала Алексу...

Если это, конечно, был Филипп... Что пока никак не доказано. Про блондинку расспрашивал? Эка невидаль, да тут они на каждом шагу, блондинки...

Он, конечно, безумный, Филипп. Что-то в его действиях есть безоглядное, самоубийственное. Это все

верно. Но даже у безумцев работает инстинкт самосохранения! И даже еще более обострен, чем у обычных людей! Так что Филипп на самом деле занят спасением собственной шкуры, прячется, едва дыша, где-нибудь, а милиция его безуспешно ищет...

А все же он снова послал Ваньку болтаться возле дома Алекса и высматривать парня в очках и кепи, вооружив его в придачу фотографией Филиппа с дополнительным устным описанием: волосы светлые, длинные, возможно, забранные в хвост; глаза светлые, рост... И так далее, на случай, если Филипп (самоубийство, самоубийство полное!) покажется без кепи.

А сам поехал по адресу его матери. Из материалов дела Кис знал, что отец Филиппа спился и умер от рака; что мать его была женщиной крайне неразговорчивой; что все возможные контакты Филиппа были уже милицией проверены и никакого результата не дали, что...

И все же поехал.

Лина нервно ходила по комнате взад-вперед, постепенно успокаиваясь.

Глупо как! Сбежала, как девчонка. От какого-то призрака, привидевшегося ей в зеркале. Был ли это действительно Муж у магазина? Может, просто кто-то похожий? И как она могла решить, что это был он? Право, глупо!

Во-первых, он не смог бы ее найти. Ну никак не мог – это совершенно случайная встреча с Андреем, никто не мог ее предвидеть! В больнице не знают, где она... Разве что Муж выследил ее тогда, в парке? Но он сказал, что придет к четверем. А Алина сбежала около часу. Кроме того, она постоянно оглядывалась. И они взяли такси.

Нет, никак невозможно.

Следовательно, он не мог ее найти. Это, во-первых.

А во-вторых, если бы это был действительно Муж, то он бы не ушел. Если б он ее выследил, он бы что стал делать? Конечно, выяснять с ней отношения! Как все мужья! «Почему ты из больницы сбежала и что ты тут делаешь?» И прочее. А тот, кого она видела в зеркале через витрину, тот посмотрел и ушел! И вовсе не Лина его интересовала. Просто глянул, что тут в этом магазине продают – мужчины ведь не любят зря болтаться по магазинам, правильно? – и пошел себе дальше. А она, бестолковая, целый фильм ужасов сочинила. Право, даже стыдно!

Ну и в-третьих – она не помнит его лицо, виденное в расплывчатом тумане близоруких глаз. Она ведь тогда, когда он подошел к ней в больничном дворе, не захотела очки надевать! И как она могла решить, что она его узнала?

Ерунда полная! Надо будет вернуться завтра в магазин и заплатить за пояс. Да и за остальное, что она присмотрела для себя. Интересно, продавщица сохранит отобранные вещи или придется все перемеривать заново?

Однако при мысли о новом выходе на улицу ей стало слегка не по себе.

Лучше посоветоваться с Андреем. Или даже еще лучше – сходить с ним вместе. Если бы он сумел вырваться с работы пораньше...

Но стыдно же об этом рассказать! «Мне показалось, что я видела своего мужа». – «И что? Ты с ним объяснилась?» – «Нет, я позорно сбежала...»

И еще: Лина ведь ему ничего так и не рассказала о визите Мужа в больницу.

И теперь Андрей спросит: «А как же ты его узнала? Ты ведь его не помнишь, а после амнезии ты с ним не встречалась?» И что же Лина будет Андрею объяснять? «Извини, милый, но, видишь ли, дело в том, что

я тебя обманула... На самом деле в больнице ко мне, тайком от врачей, приходил мой муж и сказал, что я совершила какое-то преступление, за которое меня хотят отдать под суд...»? Нет, это никак невозможно.

Да и зачем Андрею об этом говорить? Все это глупости, игра ее дурацкого, трусливого воображения. Лучше просто попросить его сходить с ней в магазин. Посоветоваться. Он художник – вот она и хочет узнать, как на его художественный вкус выбранные ею одежды...

Дело было улажено в тот же вечер. Андрей с удовольствием согласился сопроводить ее в магазин и обещал прийти пораньше...

Высокая, худая женщина с короткими светлыми волосами и неприветливым лицом, изучив цепким взглядом удостоверение частного детектива, молча пропустила Алексея в квартиру, бухнула перед ним на обеденный стол один из ящиков письменного стола и, сухо сообщив, что в нем все, что осталось от сына в доме, принялась сердито гудеть пылесосом.

Кис сделал попытку заговорить с ней о Филиппе, но женщина не удостоила его ответом, и ее спина, энергично двигавшаяся в такт пылесосу, красноречиво выразила бесконечное презрение – к детективу, задающему идиотские вопросы, к собственному сыну, не оправдавшему ее надежд, к мужу, который спился и предательски умер, и вообще к миру, полному слабых и ничтожных людей.

Оставив эту безнадежную затею, Кис сосредоточился над пыльным ящиком, перебирая какие-то ноты, пару старых кассет, несколько школьных тетрадок, ветхую, почти рассыпавшуюся книжку на эстонском языке, на обложке которой была изображена девушка в синем платье с синей ленточкой вокруг лба, и рядом с ней крупный, в рост с девушку, волк...

Книжку Кис отложил в сторону, мельком подумав: должно быть, что-то вроде русской сказки о волке и царевне, сюжеты гуляют по странам и народам, – и принялся за тетради. В одной из них оказалось четыре телефона на последней странице, записанных корявым и еще детским почерком.

Кис переписал на всякий случай, хотя мать Филиппа, проходя мимо, буркнула, что ни с кем из старых друзей сын не общается и что детектив напрасно теряет здесь свое время, поскольку милиция забрала его старую записную книжку и уже все проверила.

Кис и сам знал, но все же решил позвонить по тетрадным номерам.

Двое из бывших одноклассников Филиппа уже давно не жили с родителями, и Кис записывал новые телефоны под недовольные комментарии: «Да ведь милиция уже спрашивала!» – и заверения, что их чада не имеют ничего общего с Филиппом на протяжении последних десяти лет. Третий парень с трудом вспомнил, о ком шла речь; четвертого не было дома, и его мать гордо сообщила, что сынок за границей, концерты дает, так что поговорить с ним нет никакой возможности, она и милиции так сказала...

Кис уж было собрался повесить трубку, как новая мысль осенила его, и Кис принялся любезничать с женщиной, польстив ей расспросами о таком замечательном сыне, который дает концерты за границей...

Любящая мамаша охотно поведала детективу, что сынок, Николаша, закончил консерваторию и принят в один известный оркестр, вот ведь счастье, иметь талантливого сына, а она, к стыду своему, еще не забыла, как ругалась когда-то, когда сын дудел без конца в саксофон... Вот был бы ужас, послушайся он ее тогда! Выходит, что иногда непослушание приводит к хорошим результатам, кто бы мог подумать? Николаша, бедный, тогда чуть не на все лето уехал с товарищем в деревню, чтобы ему играть не мешали! И был в итоге прав!

Кис с трудом втиснул вопрос в восторженную речь Николашиной мамы.

– Филиппа помню, а как же! Это же как раз он тогда с моим Николашей лето проводил в деревне... Нет, что вы, Николаша туда больше не ездит, там, знаете, такая развалюха, ни жить нельзя, ни продать –

глухомань, последние соседи, чай, померли с тех пор... А дом такой, чуть дунешь – развалится, стоит в глухом лесу, любой может залезть, и мы с мужем тоже туда не ездим – боимся...

Кис попросил адрес. Это было далеко, под Калязином.

Разъединившись, Кис призадумался. Филипп, теоретически, мог скрываться там, в этом доме. Собственно, лучше не придумашь – стоит, как сказала Николашина мама, в глухом лесу... Возможно, именно там он и отсиделся после тройного убийства, залечивая ногу, которую по меньшей мере сильно ушиб, если не сломал...

Но теперь – если это и впрямь Филипп вертится вокруг дома, где живет Алина, – он должен ночевать где-то в городе! Потому как для постоянных разъездов из этой глухой деревни в Москву деньги нужны на поезд-автобус, а Филипп вряд ли готов сорить ими без надобности; да и риск немалый – портретиками Филиппа снабжена вся милиция, включая железнодорожную...

На всякий случай Кис потревожил приятеля с Петровки, Серегу, и сообщил ему адрес «развалюхи» – у них на Петровке людей много, вот пусть и разъезжают. А сам он все же решил навеститься на квартиру Филиппа.

Собственно, никакой квартиры у Филиппа не было – жил он в комнате в коммуналке из четырех семей. Кис уже однажды побывал там, в Китайгородских переулках, несколько месяцев назад, когда в поисках пропавшей Алины пытался обнаружить местонахождение компании. И теперь он рассчитывал не столько там Филиппа застать, сколько с соседями побеседовать.

Однако на его продолжительные звонки по всем четырем кнопкам никто не отозвался, и Кис, удивленный и разочарованный, потащился в Замоскворечье – подежурить в поисках «хмыря» и переждать несколько часов – авось к вечеру кто-нибудь да появится в коммуналке!

Он проболтался по улочкам часа три, высматривая кепи и черные очки...

Но так и не увидел.

...Молоденькая продавщица с завистливым удивлением поглядывала на Алекса. Вчера эта странная покупательница сбегала от какого-то поклонника, сегодня она пришла с другим... С мужем?

Как же, будет муж час торчать у примерочной кабинки и, глядя в щелку занавески, восхищенно смотреть на каждый вариант ее туалета! Вон, аж раздурманился от счастья, глаза блестят... Так бы, наверное, ее и трахнул прямо в кабинке – до того глазами проел!..

Алекс пребывал в состоянии не изведенного ранее блаженства. Лина удивительно менялась с каждой новой вещью. В ней появилась – или была всегда, а он просто не замечал? – способность артистично принимать любой новый стиль, и тогда в ней преображалось все: походка, взгляд, посадка головы. Юная и порочная Лолита сменялась деловой дамой, томная богемная девица превращалась в светскую неприступную львицу. Его заорожил этот спектакль изменений, полный прямой женственности и головокружительного эротизма. Лина, вдохновленная его взглядом, была в ударе, и, в конце концов, они вышли из магазина в обнимку, нагруженные пакетами, провожаемые завистливыми взглядами всех особей женского пола, находящихся в магазине и окрестностях.

И совершенно неудивительно, что, занятые друг другом, они не смотрели по сторонам и не могли видеть, как на противоположной стороне улице бессильно привалился и сполз по стене дома вполне приличный, хорошо одетый молодой человек с аккуратно остриженными темными волосами и долго провожал их побелевшими от безысходной ярости и тоски глазами с черными, безумными, булавочными точками зрачков...

...Бесплодные старания Киса были, однако, к концу дня вознаграждены идиллическим зрелищем: он

увидел Алекса с Алиной, возвращавшихся из магазина с покупками. Он окликать их не стал: иначе пришлось бы объяснять свое присутствие на этой улице. Да и не хотелось им мешать... Они словно парили над улицей, и от них веяло таким счастьем, что, казалось, все прохожие приостанавливались и провожали их взглядами и завистливыми вздохами. Какому-то молодому человеку стало плохо, похоже – с сердцем, и его приступ будто вписался в эту разлившуюся по улице зависть...

Кис на исключение не претендовал и тоже ласково позавидовал: вот, бывает же такое... Почему-то не у него. Охо-хо!

Потом еще долго его не отпускало это чувство восхищения, теплой радости за друзей, смешанного с сожалениями по поводу собственной неустроенной жизни. Снова всплыло в памяти искаженное мукой лицо молодого человека, сползавшего по стене дома на противоположной стороне улице; как рванул на себе галстук, будто он его душил, как хватал воздух ртом, как посерело лицо и побелели глаза... К нему кинулся какой-то прохожий, закрыв его от Киса, и он не видел, что происходило дальше, но подходить не стал – раз уже кто-то пытается оказать помощь...

Бедолага. Такой молодой – и уже сердечник. Дай бог ему здоровья.

Но главное – никакого кепи, никаких черных очков и вообще ничего похожего на Филиппа в окрестностях дома Алекса и Алины не наблюдалось.

Вот и хорошо. Значит, можно расслабиться.

Вот только в коммуналку он все же съездит, раз собирался. И, если ничего подозрительного он там не найдет, то и расслабится окончательно.

Но четыре кнопочки снова прозвенели в пустоту – коммуналка будто вымерла. Кису ничего не оставалось делать, как отложить свой визит до следующего дня.

Глава 38

Лина успокоилась совершенно. Ей все это пригрезилось, разве не ясно? Как чудесно они вчера провели время с Андреем в магазине! А потом, вечером, они ужинали в ресторане при свечах... Диво, сказка! Интересно, было ли в ее прошлой жизни что-нибудь похожее на это? Почему-то ей кажется, что нет. Стоит только вспомнить Мужа, как сразу понимаешь: нет. С ним такого быть просто не могло.

Она с удовольствием выбралась на улицу и на следующий день, ловя умирающее предзимнее солнце, разбаловавшее москвичей в начале октября.

Они с Андреем красивая пара. Она это чувствовала вчера всеми порами кожи, читала во всех взглядах, и даже слух ее уловил чей-то скупой выдох: «Красивая пара...»

Конечно, Андрюша очень хорош собой. Эти чудные глаза с длинными темными ресницами, эти завитки каштановых волос, которые она так любит пропускать меж пальцев... Да и она – красивая девушка! Идешь по улице – и все тобой любят. Ну и что, что зависть? Она бы и сама на их месте завидовала! А вон и тот парнишка, в кепи с длинным козырьком, который так косился на нее три дня назад: снова косится!

Впрочем, кажется, не он: у того усиков не было, а у этого есть... да и кепи вроде бы не такое... Но это не имеет абсолютно никакого значения, главное – что и этот глаз от нее отвести не может! Естественно, ведь на ней сегодня новая короткая юбка, с этой дивной маечкой, которая чуть-чуть, самую малость приоткрывает верх груди; сверху шелковистая легкая куртка – она распахнута, и на шее маленький шелковый платочек... А духи – что за запах, с ума можно сойти!

Лина не смогла сдержать улыбку: парнишка этот какие-то листовки раздавал прохожим, но так на Лину засмотрелся, что раздавать перестал. Руку кому-то протянул – она так и повисла в воздухе. «Ну не надо уж так сильно волноваться, молодой человек, подумаешь – красивая девушка, если из-за каждой столбенеть, так и в столб превратиться можно!» – снисходительно подумала она и улыбнулась.

Молодой человек с усиками спохватился, отдал прохожему листок и напрямик устремился к Лине.

– Для такой красивой девушки – самая лучшая реклама! – бодрим и неожиданно тонким, ломким голосом выкрикнул он. Покопавшись в пачке, вытянул из нее один листок и вложил в руки Лины. Мельком глянув на какое-то очередное «самое лучшее – у нас», она мило улыбнулась ему и пошла дальше, чувствуя спиной, как паренек еще долго провожал ее взглядом...

Ей повезло, что она не обернулась и не увидела этот взгляд, скрытый к тому же темными очками. Иначе бы сбежала без оглядки и потом долго бы еще просыпалась по ночам от кошмарных снов. Столько звериной тоски и безумной, самоубийственной страсти-ненависти было в этом взгляде...

Лина готовила ужин к приходу Андрея с небывалым вдохновением. Она научилась готовить, и все ей удавалось необыкновенно быстро и вкусно. Тарелки больше не бились, сама она больше не падала – она летала, она порхала, она чувствовала за спиной крылья...

Жизнь, как жар-птица, разворачивала перед ней свои перья во всей их блистательной красе. Казалось, счастье не имело пределов; каждое мгновение ее существования, каждая клеточка ее тела были напитаны счастьем. Если бы так продолжалось всегда!

Но почему бы и нет? Почему счастьем не длиться? У них с Андреем есть все для этого!

Да, но где-то существует Муж. За которым она замужем. Который имеет какие-то права на нее...

Какая чушь! С какой это стати он имеет права на нее? Потому, что он муж? Взгляд ее упал на открытку,

которую она сегодня опять нашла в двери: волк положил свою большую остроухую голову на спину волчице и смотрел в объектив желтыми глазами, будто говоря: моя самка, не подходи!

«Вот, – сказала себе Лина, – правильно! Мы же не волки! Мы же люди! Мы можем объясниться, поговорить... Нам нужно договориться о разводе, только и всего!»

От этой мысли ее передернуло. Страх, который она испытала тогда, в магазине, когда Муж примерещился ей через стекло витрины, снова нахлынул на нее.

Лина вытерла мокрые руки и, пытаясь унять противную слабость в коленках, села на стул, обхватив себя руками, будто защищаясь...

Чего она, собственно, так испугалась? Ну, пусть даже там был и Муж. Не бандит же, не маньяк какой-нибудь – Муж! Всего-навсего. Ничего страшного. Уважаемый человек, между прочим, директор издательства. Чего же бояться-то?

Он ей, конечно, не нравится. Она его находит неприятным. Она его не любит. Но это не значит, что надо впадать в панику при его виде. Она не должна себя чувствовать перед ним виноватой: действительно, не ее ведь вина, что у нее амнезия, что она его забыла и что теперь она его не любит. Не может любить: она любит другого. Она любит Андрея...

Что ж, он должен это понять. Он, наверное, умный человек, раз в его годы он уже директор такого большого, солидного издательства!

Вот, отказалась слушать доктора Паршина, теперь гадай – что за человек ее Муж... А согласилась бы слушать доктора – никогда бы Андрея не встретила! Так что все к лучшему в этом лучшем из миров... Где-то она эту фразу слышала... Или читала? Неважно. Важно то, что все не так уж страшно на самом деле.

Воодушевленная этой простой мыслью, Лина вскочила, схватила открытку с волками, выбросила ее в ведро – чтобы этот безнадежно жесткий звериный взгляд не мешал ей обдумывать ее человеческие дела – и зашагала по комнате, сплетя руки на груди и сосредоточенно разглядывая заляпанный краской старый паркет. В туманном стекле зеркала, синхронно с ней, маршировало ее отражение, и она иногда останавливалась, чтобы на него взглянуть, словно ища у него поддержки своим рассуждениям. Отражение угодливо поддакивало.

Действительно, если подумать... Если подумать хорошенько, то совершенно очевидно совершенно простое и совершенно необходимое решение: надо с ним поговорить. По-хорошему так, без паники, спокойно. Все ему объяснить. Не будет же он, в самом деле, настаивать, чтобы она с ним жила, раз она его не любит! Он, в сущности, не должен держать на нее обиды: она его не бросила, она ему не изменила – она его забыла! Это разные вещи. И ничего не поделаешь, даже если ему это и неприятно, даже если ему это обидно, – это факт, и надо, чтобы он посмотрел наконец этому факту в глаза.

Именно! Страх надо прогнать, надо встретиться, во всем разобраться с ним вдвоем. Можно к нему самой поехать, так даже лучше: придет к нему, как солидный человек, уверенный в себе, – обсудить кое-какие дела...

Он, наверное, теряется в догадках – куда она делась? Может, ищет. Может, даже в милицию заявил... Но она придет к нему домой; не станет же он милицию вызывать, правда же? Он сам говорил, что не хочет ее в лапы милиции отдавать, правильно? Так что она ничем не рискует. Придет, как солидный, взрослый человек, который не прячется от него, трясаясь от страха, а открыто является, чтобы все по-хорошему, цивилизованно обсудить...

Адрес она знает. Приедет, все объяснит, все уладит, договорится, чтобы он ее не искал, милицию не беспокоил и на возврат их отношений не рассчитывал... Может, даже о разводе можно поговорить...

Решено. Она с ним встретится. Она готова. Она не боится его. Вот так вот. Пора этому положить конец. Завтра же.

Завтра.

«Пора этому положить конец, – думал Алекс, глядя невидящим взглядом в разложенные на его столе бумаги, которые секретарша принесла ему на подпись. – Нужно открывать карты. Наши отношения вполне определились, Лина теперь не испугается. Она будет просто смеяться, как смеялась тогда, когда узнала, что я и есть тот директор, к которому она приходила наниматься секретаршей».

Он восстановил на работе свой обычный ритм, дел накопилось множество, и теперь жизнь в мастерской Андрея, отсутствие той устроенности, организованности быта, которая позволяла ему не тратить время попусту, ему мешали. К тому же Алекс не любил врать, обман создавал у него ощущение дискомфорта, и раз в нем отпала необходимость, ему хотелось с ним поскорее покончить, поставить точку и перевернуть страницу.

Пора сказать Лине правду, пора! Она уже готова к тому, чтобы ее услышать. Может быть, даже сегодня.

Сегодня вечером.

...«Все. Пора этому положить конец. Приехали, дальше ехать некуда, конечная, «просьба освободить вагоны...». Когда Филипп увидел Алю вместе с Алексом, у него от ненависти перехватило дыхание, от бессильной ярости закружилась голова, от желания перегрызть на месте обоим горло скрутило сердечную мышцу. Ему и в самом деле стало не на шутку плохо – безумно плохо оттого, что он не мог это сделать прямо сейчас.

Отказавшись от помощи прохожего, он доплелся до какого-то двора, где отсиживался час, приходя в себя. А придя в себя, он понял: все, больше он ждать не может. Если в ближайшие дни Аля не будет с ним, он просто погибнет.

Умрет.

Сдохнет.

Но только вместе с ней. Он, уходя из этой жизни, не оставит Алю ненавистному Алексу.

Волк унесет свою хуторянку с собой...

И если не в лес – то в смерть.

На следующий же день он передал ей в руки рекламный листок, на обороте которого он нацарапал несколько слов. Таких слов, которые должны ее заставить подчиниться его воле, когда он придет за ней на завтра.

А он придет на завтра. Он предстанет перед ней снова Мужем. И она не сможет не последовать за ним.

И, если он не увидит ее на улице, то он поднимется в квартиру. Днем она дома одна.

И тогда все сразу решится: или в лес, или в смерть.

За столом Лина была молчалива и рассеянна. Еда стыла у нее на тарелке, вилка застыла в руке.

Алекс никак не решался с ней заговорить, хотя он уже знал, как и что он скажет.

Он скажет: «Эта квартира слишком маленькая. Нам лучше было бы переехать в другое жилье... м-мм, в дом, например. В красивый, большой дом. И мы там будем жить вместе. Мы будем в нем принимать гостей, устраивать шашлыки в саду и танцы в гостиной и сами будем ходить в гости к друзьям...»

А она скажет: «Как же мы можем жить с тобой вместе – вот так, открыто? Мы ведь не женаты. Хуже того, я замужем за другим человеком. И он меня, должно быть, ищет».

А он ей ответит загадочно: «Он тебя не ищет». И замолчит.

Она посмотрит на него вопросительно, потом спросит: «Почему это он меня не ищет? Почему ты так решил?»

И вот тут он ей скажет: «Потому что он тебя уже нашел!»

Она не поймет сразу, она будет смотреть на него огромными, лиловеющими в сумерках глазами, соображая...

И он добавит: «Потому что я и есть твой муж, Лина».

Она, может быть, сначала даже испугается, но он ей начнет рассказывать всю эту историю, как он приходил каждый день в больницу, как смотрел на нее издалека...

Алекс замечтался... Когда он ей расскажет все, они оба испытают облегчение, и Лина будет смеяться своим прежним страхам, и они будут радоваться, что так все получилось, что они нашли друг друга...

– Андрей...

Он поднял на нее радостное лицо:

– Да, любовь моя?

– Я решила... Я хочу со своим мужем встретиться... Я хочу с ним поговорить, объясниться. Прямо завтра. Так дальше не может продолжаться. Он меня ищет, наверное...

Алекс хотел уж было воскликнуть: не ищет! уже нашел!

Но тут в его голове мелькнула другая идея. И он промолчал.

– Я ему скажу, все как есть, – продолжала Лина. – Что я люблю другого, тебя... Что я не могу с ним жить, он должен это понять...

Алекс понимающе кивнул. Оба они замолчали, каждый предавался своим мыслям.

Лина себя убеждала: «Конечно, я это сделаю. Решила – и сделаю. Я справлюсь. Да, да, я сумею поговорить с ним, как солидный человек!»

Алекс ликовал: «Вот, потрясающее решение само плывет в руки! Она завтра хочет встретиться со своим мужем? Что ж, она с ним встретится! Она его увидит! Она его узнает!»

– Я думаю, ты права, – сказал он, уже предвкушая завтрашнюю сцену. – Все равно, рано или поздно, это нужно будет сделать. Где ты с ним хочешь встретиться?

– У него дома, конечно. На работе будут всякие посторонние люди... Я знаю адрес. Как ты думаешь, он когда с работы приходит?

– Часов в семь... Я точно тебе, естественно, сказать не могу, но я так думаю...

– Вот и хорошо. Я подъеду к семи к нему домой... Ты не волнуйся, я недолго...

– На чем ты поедешь? Я тебя отвезти не смогу. Возьми такси.

– Возьму, – кивнула она, – хотя он далеко живет, за городом.

– Не страшно, я тебе дам деньги. А оттуда ты мне позвони, я за тобой приеду, – вошел в роль Алекс.

– Ладно. Да ты не волнуйся, я на такси и обратно приеду.

Не придется! Не придется тебе обратно ехать, мой маленький зайчик! Там ты и останешься, у себя дома.

– Все-таки позвони сначала, ладно? – сказал он.

Глава 39

И этот день не принес никаких результатов: коммуналка дружно не отвечала на звонки детектива.

Кис решил побеспокоить соседей по лестничной клетке и очень скоро узнал, что две семьи каким-то образом получили отдельные квартиры и покинули коммуналку; что Елизавета – одинокая пожилая дама, занимавшая третью комнату, – уехала в отпуск, ну а Филипп, вы сами знаете, наверное, он троих людей убил и теперь в бегах...

Кис вышел из подъезда и сел на лавочку во дворе, удачно укрытую почти со всех сторон кустами. Достал сигареты и предался интересным размышлениям. Интерес же их состоял в том, что Филиппу грех было бы не воспользоваться полным отсутствием соседей по квартире... Да, конечно, соседи по лестничной площадке его не видели, но ведь и Филипп не дурак: если он сюда и приходит, то глубокой ночью...

Что ж, Кису, похоже, предстоит провести ночь здесь.

Ну не на лавочке, разумеется. Когда погасли соседские окна и затих подъезд, Кис осторожно поднялся и, тихо поколдовав над двумя замками, через несколько минут уже входил в темную, безмолвную квартиру.

С комнатой Филиппа было еще проще – он открыл ее за считанные секунды. Подавив искушение включить фонарик, Кис попытался осмотреться в темноте. Но в комнате был порядок, ничего не валялось на диване, на столе или стульях... И Кис, который уж было размечтался найти кепочку и черные очки где-нибудь прямо на виду, небрежно и впопыхах брошенные, со вздохом устроился на диване, напротив двери, предвкушая, как вернет должок: Филиппу причиталось за разбитую Кисову бровь...

Филипп приближался к дому с уже привычными предосторожностями. Он хорошо знал эту лавочку во дворе, в кустах, и всегда проверял ее перед тем, как войти в подъезд. Он много чего видел на этой лавочке: и тайком курящих подростков, и целующиеся парочки, и одинокого соседа, распивавшего свою одинокую бутылку водки, – опять поссорился с женой... Но то, что он увидел сегодня, ему не понравилось: сегодня на лавочке сидел некто, который ни с кем не целовался, не пил, хоть и курил, и явно ждал кого-то.

Филипп не мог приблизиться и рассмотреть человека, но чутье подсказало ему, что с большой долей вероятности человек ждет именно его. И Филипп затаился.

После часу ночи человек поднялся, задавил окурок и вошел в подъезд Филиппа.

Что ж, он, охотник, был прав: он сразу учуял неладное! Домой теперь нельзя, это ясно... Но ему надо обязательно выспаться! У Филиппа завтра очень ответственный день. Завтра решится все. Завтра решится его судьба: или в лес, или...

Филипп вышел со двора, поймал машину и поехал на «Сокол». Гена подпрыгнул, увидев неожиданного ночного гостя. Филипп велел ему расплатиться за машину, успокоил, что он всего на одну ночь и что Гене бояться нечего, поскольку никаких счетов у Филиппа к Гене нет.

Только вот если Гена его заложит... Тогда счета будут, и тогда пусть Гена боится, вспоминая, как умеет сводить счета Филипп!..

Гена, заверив бывшего дружка в самых лучших чувствах и честнейших намерениях, уступил ему свою кровать, устроился на раскладушке и до рассвета не смог сомкнуть глаз – зрелище разможенных затылков неотвратимо всплывало, едва смежались его тяжелые веки...

Он заснул только под утро, а когда встал уже за полдень, то Филиппа и след простыл – хоть думай, что

просто сон дурной приснился.

Собственно, Гена предпочел думать именно так.

Кису показалось где-то в середине ночи, что он задремал. Еще ему показалось, что кто-то открывает дверь. Потом ему показалось, что он встал и тихо приблизился к двери комнаты, прислушиваясь; а затем резко распахнул ее, и его кулак со свистом въехал прямо в тяжелую челюсть Филиппа.

Хруст, который при этом раздался, окончательно разбудил детектива, и он открыл глаза, с некоторым удивлением констатируя, что уже рассвело, что хрустит под ним старый продавленный диван, что Филипп так и не появился в своей комнате, что сам он задремал в страшно неудобной позе, что теперь его шею свело и вообще ему ужасно холодно.

Он потянулся, размялся, покрутил, охая, шеей, присел пару раз, помахал руками... Кофе бы. Или чаю. Горячего... И пожрать бы чего-нибудь... Этот поганец так и не пришел, а Кис тут как последний идиот всю ночь просидел; да и вообще, что-то его воображение разыгралось и всю эту душераздирающую историю с Филиппом он просто придумал. Ведь ясно же было с самого начала, что не мог он явиться в Москву, да еще и к дому Алины – ведь это самоубийственно! Да и бессмысленно! Зачем? Что ему теперь выглядывать и высматривать? Поезд ушел, никаких перспектив у Филиппа нету, кроме одной: тюрьги. Может, ребята с Петровки его в той деревне и загребут... Тут вот никаких следов пребывания Филиппа нет, все на местах, все в таком порядке, словно никто здесь не живет и не бывает...

Кис обвел внимательным взглядом комнату: два стула аккуратно приставлены к совершенно пустому столу, нигде – он был прав – ничего не валяется, все на своих местах; на стенке полка с книгами и кассетами...

Внезапно он замер. Что-то смотрело в его спину, в его затылок.

Взгляд.

Или дуло пистолета?

Между лопатками завозился холодок, мышцы шеи мгновенно одеревенели.

Он медлил.

Он прислушивался.

Он ждал шороха. Или голоса, который скажет ему издевательски: уж не меня ли ты тут поджидаешь, ищейка?

Но почему-то не было ни голоса, ни шороха.

Кис начал осторожно, медленно оборачиваться, все еще ожидая окрика.

Обернулся.

На него смотрели волчьи глаза. С плаката – такие можно купить на Арбате. Крупный, головастый волк крепко стоял на своих четырех лапах, попирая землю, готовясь к обороне. Рядом с ним лежала, развалясь с игривой ленью, волчица, обратив томную морду в сторону своего избранника... Светло-желтые, холодные глаза зверя были спокойны и уверены, и от этого спокойствия, от этой уверенности исходила угроза, сознание собственного превосходства, даже вызов, будто он хотел сказать: кто тут против меня? Ну давайте, попробуйте...

Отряхнувшись, словно от наваждения, от этого взгляда, Кис задумался.

Где-то он уже это видел... Открытка! В дверях Алекса и Алины! Она, помнится, еще сказала, что уже не первая... Там тоже были волк с волчицей! И волк своей тяжелой головой прижимал спину волчицы, словно

говоря: МОЕ.

Волки, волки... Почему волки? Хищники... Филипп считает себя хищником? Ну да, он, видно, ощущает себя обложенным, как зверь, и ведет свою игру против охотников, сам охотник... Что-то еще! Здесь что-то еще есть!

Что?!

Кис буквально рванул из тихой коммуналки, забыв о предосторожностях, и через двадцать минут уже входил в квартиру матери Филиппа.

– Книжка! – запыхавшись от бега по лестнице без лифта, начал с порога Кис. – Что в ней?

Ему понадобилось еще пять минут, чтобы объяснить матери Филиппа суть своего вопроса. Когда она наконец поняла, то кивнула, сходила за потрепанной книжкой и, перелистывая обветшавшие страницы, начала монотонным голосом переводить с эстонского языка легенду.

Все утро Алекс сочинял мизансцену.

Лина звонит. Алекс ей открывает. Она его еще не узнает в полумраке – он специально света не зажжет – и проходит в гостиную...

И вот тут она узнаёт Алекса! Вернее, Андрея. «Ах, это ты! Что ты здесь делаешь?» – «Как что? Живу я здесь!»...

Алекс засмеялся сочиненной сцене.

Может, Марию Сергеевну попросить задержаться?

Мария Сергеевна ей откроет. Проводит ее в гостиную. А там Алекс...

Нет, Мария Сергеевна сразу заплачет на радостях, как только увидит Лину! Ей эту роль доверить нельзя.

Нет, лучше! Он лучше придумал! Он сбреет бороду, оденется в костюм, примет свой обычный вид – элегантный, ухоженный, такой господин издатель, господин Алекс Мурашов... Лина не сразу его узнает, не сразу поймет; но потом, постепенно, до нее начнет доходить; а он – он будет смотреть в ее лицо, в ее прелестное, любимое лицо, в происходящие в этом лице изменения, смену эмоций и мыслей, этот великолепный спектакль узнавания!

И он ей скажет со смехом: «Ну что же ты не говоришь, что ты хочешь развестись, что ты меня не любишь, что ты любишь другого!»

Изумление на ее лице сменится радостью, и он ей будет все объяснять, рассказывать, смеяться, извиняться; он ей покажет их дом, их сад, их спальню, их общую спальню...

Ему хотелось уже бежать домой, все приготовить к приходу Лины, но не было никакой возможности отлучиться с работы: сегодня он должен был в обязательном порядке провести несколько встреч. В лучшем случае он сумеет приехать, как сказал Лине: к семи часам. Пришлось все хлопоты по дому переложить на плечи Марии Сергеевны, но та была несказанно рада такой новости и обещала все сделать в лучшем виде.

Он с трудом удерживался от того, чтобы не позвонить Лине – он знал, что она дома, сегодня она никуда не собиралась отлучаться вплоть до вчера, до поездки к Мужу, – но он боялся, что его голос, исполненный через край бьющего энтузиазма, ее насторожит. Не-ет, сюрприз так сюрприз!

В обед он слетал в парикмахерскую, сбрил бороду, привел голову в порядок, и за костюмом, в магазин.

– У-у! о-ля-ля! ну-ну-ну! – на все голоса провожал его веселый хор сотрудников, пока он шел по

коридору – высокий, красивый, элегантный, счастливо улыбаясь и оставляя за собой запах дорогой туалетной воды.

...Филипп с утра прятался в подъезде соседнего дома, высматривая Алю. Миновало три часа, потом четыре. Еще час дал себе Филипп, и, если она не покажется, я поднимусь к ней. Иначе будет поздно – проклятый Алекс придет с работы...

Еще час.

И все будет кончено.

...Ох как не понравилась Кису старинная легенда! Ох как не понравилось ему, что волк-оборотень похищает синеглазую светловолосую девушку! Но хуже всего был конец: «И стала она волчицей».

Кис не смог бы сказать точно, что именно его так напрягало в этой концовке, но в ней было что-то ужасное: в ней было насилие, в ней было жестокое изъятие девушки из мира людей и ее посвящение, как в секту, в хищники...

Но, по крайней мере, теперь он знал с точностью две вещи: что интуиция его не подвела, и Филипп действительно отирался у дома Алины, и что Филипп – теперь это ясно – намерен Алину похитить.

Впрочем, теперь Кис знал и еще одну вещь: Филипп по-настоящему безумен. И крайне опасен.

Первым делом Кис сообщил на Петровку все, что сумел узнать и понять за эти дни. И, немного успокоившись – ребята немедленно выехали в Замоскворечье, – забрел в какое-то кафе: было совершенно необходимо опрокинуть в себя чашку-другую горячего кофе, да и съесть что-нибудь не помешало бы...

Подкрепившись, Кис почувствовал себя получше и даже повеселее и, задымив, пустился в размышления.

Положим, Филипп действительно хочет похитить Алину. Он совершил ради нее три убийства и теперь убежден, что Алина должна принадлежать ему в качестве трофея в выигранной битве. И все это время, пренебрегая опасностью быть пойманным, он следит, выжидая, пока представится возможность трофеем завладеть.

Тогда – куда он делся? Он же должен быть все время на посту! А его что-то не видать... Так ловко прячется?

Или...

Кис дернулся и грохнул металлическую пепельницу на пол. Та противно зазвенела, рассыпая пепел. Но Алексей даже не шелохнулся, додумывая мысль.

Официант не спеша подошел и, глядя с ухмылочкой на странного посетителя, поднял пепельницу и водрузил ее на место, поленившись протереть стол.

«Он просто сменил внешность! Он просто больше не носит кепи и очки. А я, как последний дурак, высматриваю парня в кепи... Потому что молодежь носит такие вещи, как униформу, всегда и везде, не снимая и не меняя избранный стиль, в котором чувствует себя комфортно... И, если бы этот парень не был Филиппом, он бы так и продолжал маячить повсюду в кепи и черных очках. Но в том-то и дело, что это был Филипп... И именно потому-то его больше не видно: он изменил облик. А я, козел... Скажите на милость, ну можно ли быть таким идиотом?!»

Кис, прикрыв глаза, попытался представить, как мог сменить внешность Филипп. Он перебирал увиденные накануне на улице типажи, особенно из тех, кто провожал глазами счастливую пару – Филипп

просто обязан был быть где-то поблизости! – и как бы примеривал к ним Филиппа.

Тот, в зеленой куртке, который стоял у магазина и смотрел им вслед? Нет, он старше.

Тот, в черном пальто, который сидел на скамейке? Тоже нет, как ни плоха фотография Филиппа, а все же это явно не он...

Тот, в черной коже, у киоска с мороженым? Опять мимо, он был и толще, и ниже...

Тот с бородой? Филипп загримировался под старика? Да это что-то уж чересчур...

Ну не тот же молодой человек, которому стало плохо с сердцем? В искаженном болью лице трудно признать черты Филиппа... И, право, это совсем не Филиппа стиль – скорей Алекса, костюм-галстук... Да и «сердечник» был шатен, а Филипп – блондин...

Как же он может выглядеть, на что сменил старые джинсы, вытертый свитер, кепи и очки?

...Строго говоря, если бы Кису, к примеру, понадобилось для конспирации изменить внешность... То он бы примерно так и сделал: взял бы стиль прямо противоположный, то есть костюм-галстук!

Та-ак, приехали. Ты бредишь, милок. Ну не Филипп же это был с сердечным приступом? Тот был шатен! А Филипп – блондин. С длинными, к тому же, волосами.

...Но, строго говоря, если бы Кису понадобилось изменить для конспирации внешность... Он бы постриг и покрасил волосы!

Еще несколько мгновений, прижав руки к лицу, он вглядывался в запечатленный в памяти образ «сердечника»...

И его кулак неожиданно обрушился на стол.

Это был Филипп!!!

Когда Кис, как метеор, вылетел из кафе, ленивый официант покрутил пальцем у виска: то мужик сидел как замороженный, ничего не видел и не слышал вокруг, а то его словно в задницу ужалили – так подскочил! «Чесс слово, вокруг одни психи...» – пробормотал он, замечая окурки с пола.

...Оглядываясь по сторонам, Филипп выбрался из своего убежища и неспешно направился ко двору Алины. Сегодня он надел поверх костюма свой старый плащ – было холодно, но его финансы, сильно истощившиеся после покупки костюма, не позволяли купить еще и элегантный плащ, и он решил надеть старый. У Гены он прихватил потертую кожаную кепочку, очень подходившую своим потрепанным и унылым видом к мешковатому плащу, и закончил свой сегодняшний туалет приклеиванием усиков – так он совсем неузнаваем. От этого маскарада он избавится, как только увидит Алину.

Он остановился у входа во двор и окинул его беглым взглядом. Кажется, ничего подозрительного... Однако, сделав несколько шагов по направлению к ее подъезду, Филипп вдруг замер: в окошке подъезда на втором этаже что-то мелькнуло.

Кто-то из жильцов поднимается к себе? Но в подъезд никто не входил за последние минуты.

Кто-то из жильцов спускается? Но никто из подъезда не вышел за прошедшие секунды.

Оставалось два возможных варианта: кто-то вынес ведро в мусоропровод, если он там имеется. Или кто-то кого-то поджидает.

Филипп сделал вид, что шарит по карманам в поисках ключей, чтобы оправдать – на случай, если за ним наблюдают, – свое замешательство. Найдя, он покрутил их на пальце и проследовал к совсем другому, крайнему подъезду, где, осторожно выглянув в окошко, попытался понять, точнее, почувствовать: не по его ли душу кто явился?

Чувство опасности не замедлило появиться. Филипп снова пошарил по карманам: денег было немного, десятка. Но тоже деньги.

Он спустился вниз и позвал, не высовываясь из дверей, мальчишку лет двенадцати, возившегося с роликами у подъезда. Сунув ему десятку «на мороженое», Филипп послал его в соседний подъезд на разведку.

Пацан не замедлил доложить: в соседнем подъезде торчит между лестничными пролетами мужик. Обычный мужик, в серой куртке, среднего возраста, ничего особенного... «Что, за долгом пришел?» – спросил с понимающим видом мальчишка. Филипп молча потрепал его по вихрастой голове, и парнишка умотал на своих роликах.

«Менты? – размышлял Филипп. – Охрана? Аля пожаловалась Мурашову и он нанял кого-то?»

Но, кто бы это ни был, вход в подъезд ему был заказан.

Ох как это ломало его! Ох как это было поперек всех его планов!

Филипп пощупал спрятанный в кармане нож с острым двусторонним лезвием. Может?.. Он справится. Ему терять нечего. Где три убийства, там и четыре.

А где четыре, там и...

Аля, Аля, я не хочу тебя убивать. Лучше соглашайся в лес.

Но как же найти к ней доступ? Он снова потрогал лезвие.

Где три убийства, там и четыре!

Уже спустившись, уже взявшись за ручку двери подъезда, Филипп снова остановился.

Если это менты... Если это милиция, то мужик не один. Где-нибудь торчит еще парочка.

Он снова внимательно окинул взглядом двор: вроде бы никого. Впрочем, они могли, как и он, прятаться по другим подъездам, за домом. С рациями они за одну секунду будут на месте. Того мента он, конечно, успеет пришить, но ведь не он ему нужен, ему нужен доступ к Але. А они припрутся. Не годится.

Уже стемнело, а он все еще стоял в подъезде у окошка, не зная, что предпринять. До тех пор, пока не увидел, как Аля вышла из дома и села в такси.

Забыв обо всех предосторожностях, Филипп кубарем скатился с лестницы и выскочил на улицу. Такси уже выезжало со двора.

Филипп помчался ему вслед. На улице, стараясь не упустить ее такси из виду, он стал отчаянно размахивать рукой, чтобы остановить какую-нибудь тачку. Но все его аккуратно объезжали: начинался пик, народ желал попасть незамедлительно домой, а вид человека в мешковатом плаще и потертой кепке не слишком располагал.

Вне себя от бешенства, видя, как медленно, но неотвратно удаляется в пробках ее такси, Филипп едва не выскочил на дорогу, перегораживая путь машинам.

Наконец на противоположной стороне притормозил старый голубой «Москвич», и водитель сделал ему знак, что готов его обслужить. Одно мгновение Филипп колебался: «Москвич» ехал в прямо противоположную сторону! Однако решил, быстро вычислив в уме, как по параллельной улице они могут нагнать Алино такси на перекрестке, и шагнул на проезжую часть, готовясь ее пересечь...

И в этот момент он увидел, как к нему с двух сторон направляются двое мужчин.

Филипп рванул наперерез транспорту, уворачиваясь от тормозящих на красный свет машин. Но и с

противоположного тротуара, оттуда, где стоял вожделенный «Москвич», пружинисто и нетерпеливо шагнул на мостовую мужчина, глядя прямо на Филиппа. Тот самый, который помог Але ночью на даче сбежать от Филиппа!

Обложили, сволочи!!!

Филипп метнулся назад, но там уже сгруппировались, готовясь к броску, двое первых.

Снова вперед, но к тому гаду присоединились еще двое!

Все. Кончено. Поезд дальше не пойдет, просьба освободить вагоны.

...И тогда Филипп, круто развернувшись, побежал посреди проезжей части вперед – туда, где еще маячило, удаляясь, такси, увозившее его Алю...

Дали зеленый, машины взревели, завизжали тормоза, посыпались ругательства, но Филипп не обращал внимания на скрежещущий железный поток, глядя только в одну сторону: в сторону ее такси.

...Он даже не успел понять, что случилось. Просто его тело взлетело, потом рухнуло. Даже умирая, он искал в багровом тумане, застилавшем его взгляд, ее ускользавшее от него такси, и ему казалось, что он кричит вдогонку: «Аля-я!!! Вернись!!!»

Нет ответа.

Аля, его Аля, его хуторянка, его волчица – обманула его!...

Она не захотела с ним в лес.

Она бросила его одного в смерти.

Но ведь легенда написана!..

Обман...

Все обман...

Все.

...Свидетель дорожно-транспортного происшествия говорил потом, что молодой человек, сбитый машиной, выл, умирая, по-волчьи.

От боли, должно быть...

Глава 40

Лина решила приехать немножко пораньше, чтобы успеть освоиться, рассмотреть дом, в котором она когда-то жила, привыкнуть к его виду и атмосфере – чтобы во время их разговора дом уже не отвлекал ее.

Подумав, она решила не звонить Мужу. Конечно, если она приедет без предупреждения, у нее есть шанс не застать его: мало ли, он мог поехать куда-то после работы. Но зато это давало ей преимущество: она была готова к разговору, а он – нет. Она сочла, что лучше рискнуть зря потраченными деньгами на такси, но приехать без звонка.

Не рассчитав правильно время на дорогу, Лина оказалась на месте на все сорок минут раньше. Найдя нужный адрес, она отпустила такси и остановилась перед витиеватой решеткой ворот.

Было уже темно, но в свете фонарей можно было разглядеть за воротами большой участок, посередине которого возвышался трехэтажный дом из крупноотесанного камня с остроконечной черепичной крышей. К входной двери вело крыльцо в несколько ступенек, которое заканчивалось небольшой площадкой под навесом. Ступеньки и площадка были уставлены по бокам хризантемами в больших горшках. И кто же это в доме любил цветы, кто ими занимался? Она, Лина? Наверное...

Слева и справа от крыльца были какие-то кусты, а дальше ей ничего не было видно.

Окна дома были темны. Лина нажала кнопку звонка, никто не ответил. Никого. Интересно, там живет кто-нибудь, кроме них? То есть кроме ее Мужа? Какая-нибудь домработница? Или она приходящая? Или вообще никакой домработницы нет и Лина все сама делала в этом огромном доме?

Сорок минут надо было как-то занять. Лине очень хотелось попасть хотя бы за ворота, хотя бы в сад, чтобы приблизиться к дому... Она осмотрела внимательно ворота и калитку – нет, не войти, все заперто. Перелезть? Высоко слишком, да и неловко к тому же: вдруг кто-то увидит?

Ничего не оставалось делать, как ждать. Чтобы не торчать у ворот, она начала прогуливаться по улице, представляя себе, как Муж приедет...

Он приедет. Она подождет, пока он войдет в дом, не будет к нему подходить на улице: она не хочет, чтобы он догадался, что она его тут поджидает...

Он войдет в дом. Она подождет еще минут пять и позвонит.

Он откроет.

Она ему скажет: «Ну, здравствуй... Александр». Нет, лучше «Здравствуйте» – мало ли, что он Муж! Она с ним незнакома, она с ним на «вы». Лучше сразу дать ему понять, что между ними дистанция и нарушать ее она не собирается.

«Я к вам приехала специально, чтобы с вами поговорить. Вы, полагаю, недоумеваете, куда и каким образом я исчезла из больницы... Ну вот, я приехала, чтобы все вам объяснить.

Вы, конечно, знаете, что у меня амнезия. То есть я ничего не помню. И вас я тоже не помню. Соответственно, никаких чувств у меня к вам не осталось... Мне приходится начинать мою жизнь совершенно заново, и в этой новой жизни я успела – совершенно случайно! – встретить человека, которого полюбила... Так что нам с вами придется расстаться – нас больше ничего не связывает...»

Лина, задумавшись, сворачивала уже на третью улицу и вдруг остановилась, испугавшись, что потеряется. Она стала оглядываться. Как она сюда пришла? Видимо, она вышла из-за того угла...

Она повернулась и пошла обратно, внимательно вглядываясь в дома – в большие, новые дома, со

вкусом и без, с фантазией и с претензией, отделанные кирпичом и цветной кафельной плиткой, наподобие ванн... Один из домов был еще недостроен, и пустые глазницы его окон слепо чернели в ночи. Одинокая голая лампочка за прочными металлическими воротами выписала острую тень, отбрасываемую мордой огромной овчарки, охранявшей недостроенное имущество имущих людей. Лине сделалось страшно. Овчарка ей чем-то напомнила волка. Того самого волка, чье изображение на открытке ей несколько раз зачем-то подсовывали в дверь...

Где же дом Мужа? Струдом подавив желание побежать прочь отсюда, она заставила себя идти медленно, пытаясь узнать хоть один из них и найти обратный путь. «В крайнем случае позвоню в какой-нибудь дом и спрошу, как найти Мурашова. Мне непременно укажут, так что не потеряюсь», – убеждала она себя.

Неожиданно ей показалось, что она узнала один дом. Не может быть... Что, это память к ней стала возвращаться?

Нет. Она узнала лишь то, что видела пятнадцать минут назад: дом Мужа. Только с обратной стороны.

Впрочем, он ли? Тот ли дом?

Лина остановилась, разглядывая. На этой улице света было совсем мало, вернее, здесь он был приглушен мощными кронами старых полуоблетевших лип, которыми была обсажена улица.

Да, это он, тот самый дом! Трехэтажный, с остроконечной черепичной крышей, с темными окнами. На эту улицу выходил сад, и в него вела калитка.

Лина ее подергала. Закрыта. Но ощущение такое, что... Она пропустила руку меж деревянными планками. Влажный от вечерней осенней росы металл задвижки неприятно холодил кожу. Рука ее пошарила с обратной стороны, и пальцы, нащупав круглую головку, сдвинули ее вбок. Калитка бесшумно растворилась.

Постояв в нерешительности, Лина все же шагнула в темноту. Тихо закрыла за собой калитку. И вошла в сад.

Она медленно приближалась к дому. Узкая дорожка едва мерцала у нее под ногами, и трава по обеим сторонам от нее казалась черным опасным провалом. Из мрака постепенно выплывало размытое белеющее пятно террасы, притулившейся у темной, безмолвной громады дома. Было немножко страшно.

«Что тут страшного? – уговаривала себя Лина. – Правильно Андрей говорит, нужно поменьше было телевизор смотреть в больнице. У Андрея, между прочим, вообще телевизора нет, и он прав. Ничего и не страшно. Сейчас, кстати, даже еще не ночь, сейчас просто вечер, люди возвращаются домой с работы, садятся ужинать с семьей...

Как это хорошо, семья! Но моя семья – это Андрей. И Муж должен будет это понять».

Она остановилась у террасы, рассматривая, насколько позволяла ей темнота, ее очертания: снова большие цветочные горшки, несколько пластмассовых стульев, сложенных горкой, сиротливый столик, покрытый клеенкой, ждущий следующего лета...

Она обошла дом. Гравий, покрывавший участок непосредственно возле дома, тихо шуршал под ее ногами. Это был тот самый дом, без всякого сомнения, – она узнала фасад.

Здесь Лина жила. Счастлива она была или нет? Наверное, нет. Ей кажется, что нет. При мысли о прошлом ей делается неуютно. А при нынешнем воспоминании о Муже ей делается вообще не по себе.

Что-то в нем есть такое... Какое-то такое... Жесткое. Жесткое. Как она будет с ним говорить?

Ничего-ничего, поговорит. Поговорит, все будет нормально.

Как там она придумала? «Так что нам с вами придется расстаться – нас больше ничего не связывает... Я понимаю ваши чувства, но, к сожалению, не могу их разделить».

Вот так она ему скажет. И ему нечего будет возразить.

Вообще-то следовало бы его расспросить о преступлении, совершенном ею. Но очень не хочется... Ей трудно поверить в то, что она могла сделать что-то плохое. С тех пор, как Лина вышла из комы, она достаточно хорошо изучила себя и была уверена, что в ее душе нет места, в котором могло бы поместиться это черное, тяжелое слово: «преступление»...

Но, может, раньше было?

Нет, в это невозможно поверить! Он меня просто обманул, чтобы вынудить уйти из больницы поскорее!

Или... В крайнем случае я это сделала нечаянно. Толкнула кого-нибудь или – что хуже – на машине сбила... Или, наоборот, защищаясь. На меня кто-то напал, мне кто-то сделал плохо и больно, пытался, например, изнасиловать... Или даже убить... И я, защищаясь, могла...

Хватит, однако! Вот уж сюжет, не подходящий для размышлений в чужом темном саду! Нужно сосредоточиться на предстоящей встрече! Ясно, что никаких разговоров о преступлении сейчас вести не следует – это неуместно, это уводит в сторону, он психологически окажется в более сильной позиции, чем Лина. Только обсудить их отношения, вернее, невозможность их продолжать, и все. И поскорее уехать. Право, ей здесь сильно не по себе.

Лина вошла в световое пятно, падавшее от фонаря с улицы, и взгляделась в циферблат часов: до семи оставалось десять минут.

Лучше эти десять минут ни о чем не думать. Занять свои мысли, например, Андрюшей... Надо было прихватить с собой какую-нибудь книжку или журнал. Света здесь, конечно, мало, но теперь с линзами у Лины нет проблем...

Лина открыла сумочку и пошарила. Ей попался рекламный листок, который ей вручил тот парнишка в кепи накануне. Что ж, хоть это.

Листок оповещал об открытии нового магазина фирмы «Аристон», в котором, разумеется, имеется самая лучшая бытовая техника и, разумеется, самые низкие цены. Лине бытовая техника не была нужна, но она исправно перечитала листок еще раз, боясь, что мысли и страхи снова займут ее воображение. Дойдя до мелких букв «отпечатано в типографии...», она перевернула его. С обратной стороны рекламы не было.

Однако там был текст.

Написанный от руки.

Корявым почерком.

Лина взгляделась. Кривые буквы не сразу сложились в слова, а когда сложились, ноги ее подкосились, и она бессильно опустилась на влажную ступеньку крыльца.

Текст гласил:

«Ты обязана жить со мной.

Иначе я убью тебя».

Подписи не было, но и без нее было ясно, кому принадлежала записка.

Но как она могла оказаться у того паренька с усиками? Должно быть, Муж заплатил ему за то, чтобы он дал этот листок ей в руки. Значит... Значит, это был он тогда, в зеркале! Он выследил Лину! Он все о ней

знает! И где она живет, и с кем!

Боже мой, боже мой, задрожали ее губы, а я еще сюда приехала, прямо в волчью пасть!!! Теперь он меня либо не отпустит отсюда, либо убьет!!!

Бежать!!!

Скорей!!!

Пока он не приехал!!!

Лине показалось, что из темноты за ней наблюдают настороженные глаза, глаза охотника, выслеживающего добычу. Ее всю передернуло от страха.

Ухватившись за перила, она поднялась. Ноги ее не слушались, сердце отчаянно колотилось. Она сделала несколько слабых шагов, мысленно погоняя себя...

Но она опоздала.

Поблизости заурчал тихонько мотор, зашелестели шины, свет фар окатил ворота.

«Ты обязана жить со мной. Иначе я убью тебя».

Лина буквально вломилась в кусты у крыльца.

Ворота беззвучно разъехались, послушные дистанционному пульта, великолепная машина въехала во двор и остановилась перед гаражом.

Лина сидела в кустах, затаив дыхание.

Фары погасли, и ее ослепила темнота. Она щурилась, стараясь привыкнуть к мраку, разглядеть хоть что-нибудь...

Хлопнула дверца.

Тихо, Лина, не дыши! Он не должен догадаться, что ты здесь. Она пересидит в кустах, пока Муж войдет в дом, а потом – бегом отсюда! Долой! Домой! К Андрею!

Андрей. Андрей! Забери меня отсюда, Андрей!

Темный силуэт приближался к ступенькам.

Как она его ненавидит! Почему этот человек встал между ней и Андреем? Почему он мешает ее счастью? Он, мерзкий, гнусный, эгоистичный человек, который не желает ее понять, человек, с которым нельзя ни о чем договориться, человек, который хочет только обладать ею по праву мужа, какого-то дурацкого закона, как будто она вещь какая-то! Это вот такая любовь? Это то, что называется любовью? Нет, это не любовь. Это звериное, собственническое, насильническое... Да, он насильник! И убийца! «Ты обязана жить со мной. Иначе я убью тебя».

Он поднимался по ступенькам. Он был в метре от нее. До Лины доносился слабый запах его дорогой туалетной воды. Ее тошнило от этого запаха, от ненависти, от страха, ее била нервная дрожь, в голове звенело.

Почему он не забыл ее, как она его? Почему так несправедливо, так неправильно получилось? Стукнулся бы он головой обо что-нибудь – не насмерть, смерти Лина ему не желала, – а только чтобы ее забыть! Ну пусть он споткнется, упадет, ударится! Вот об эту ступеньку, на которую он заносит ногу! Пусть у него будет амнезия! Потому что он иначе никогда не согласится на ее счастье с Андреем, никогда.

«Ты обязана жить со мной. Иначе я убью тебя».

На крыльце зажегся свет. Он шарил в кармане в поисках ключей.

Лина осторожно вытянула шею. Он стоял спиной к ней, высокий, в элегантном костюме, с аккуратной свежесделанной прической, чисто выбритый, враждебный, ненавистный. Он все еще шарил в карманах...

«Ты обязана жить со мной. Иначе я убью тебя».

Ударить его, ударить по голове чем-нибудь тяжелым, чтобы он забыл меня навсегда!

О господи, что это я, что я такое...

«Ты обязана жить со мной...»

Ключи звякнули об пол. Он наклонился, чтобы их поднять. Лина как замороженная смотрела на его стриженный затылок, словно он нарочно подставил его...

«...Иначе я убью тебя».

Ударить!

Бред.

Чтобы забыл!

Что ты делаешь, Лина!..

Забыл навсегда!!!

Она уже выскочила из своего укрытия и ринулась на ступеньки, хватая на ходу тяжелый цветочный горшок.

Он вставлял ключ в замок, слегка склонившись.

Лина начала заносить горшок над ним.

Он стал оборачиваться.

Горшок был слишком тяжел, она никак не могла поднять его достаточно высоко...

Он обернулся окончательно, удивленный.

Это был не Муж.

Лина, размахнувшись и не сумев удержаться, падала на него с горшком.

Это был не Муж!

Она ударила его, уже того не желая, влекомая силой инерции, тяжелым горшком в грудь.

Она что, дом перепутала?!!

Он попытался поймать, и горшок, и Лину, он сказал: «Что ты? Что с тобой?» – он сделал неверный шаг назад...

Это был Андрей.

Она узнала его голос, она поняла, что это он; больше она ничего не понимала, но это был Андрей, Андрей!..

Поздно. Они падали. Они летели оба, вместе с горшком, прижатым между их тел; он – навзничь, назад, Лина на него...

Потом было больно.

Потом не было ничего.

Глава 41

...Лина открыла глаза. Где она? Должно быть, в больнице. Тусклый свет. Неудобно, жестко. Холодно, ужасно холодно.

Где ее одеяло?

Лина открыла глаза, на этот раз на самом деле.

Она лежала на крыльце, на каменном полу, ее голова очень болела. Даже не болела, а раскалывалась, разрывалась от боли.

Она села, придерживая голову руками, словно пытаюсь утихомирить жгучие волны, захлестнувшие ее.

Что она тут делает, на крыльце? Почему она не дома?

Упала она, что ли? Немудрено, она такая неловкая.

Она с трудом повернула немножко голову.

Рядом с ней валялись черепки разбитого горшка, цветок поломался, корни его жалобно торчали вверх, земля рассыпалась, покрыв комками каменный пол.

Вот, горшок разбила...

Нужно еще немножко, осторожненько так, повернуть голову, потому что там еще что-то лежит. Что она еще разбила?

Там лежало не «что-то».

Там лежал...

ТАМ ЛЕЖАЛ АЛЕКС.

Она все вспомнила.

Она вспомнила так много всего сразу, что ничего не могла понять.

Она еще не знала, что именно она вспомнила, но уже знала, что вспомнила все.

Она встала на четвереньки и, стараясь не слишком шевелить головой, подползла к Алексу.

Он лежал в нелепой позе, подвернув под себя одну ногу, раскинув руки. Голова его была в крови.

Что она сделала? Что она наделала? Лина, Лина, ты погубила все.

– Алекс, любимый! Андрей! Алекс... Отзовись!

Нет ответа. Она его убила.

Не может быть! Это невозможно, этого не могло случиться, это мне снится! Мне снится кошмарный сон, я в больнице, я насмотрелась фильмов ужасов, у меня амнезия, и все это я придумала!

Не придумала. И нет у нее никакой амнезии, теперь – нет. Есть только Алекс, которого она убила.

Но... Почему она решила... Надо послушать сердце!.. Или пульс...

Лина положила к себе на колени руку Алекса и стала прощупывать пульс. Пульс не слышался. Или она его не нашла?

Лина безуспешно водила заочеченными пальцами по его запястью. Пульса не было.

Подтянувшись на застывших от холода и боли руках, она положила свою голову ему на грудь.

Что это бьется?..

Его сердце?

Ее чудовищная боль стучит у нее в ушах?

Его сердце!

Еще раз: его сердце?

Нет, ее боль.

Алекс, любимый, не надо, не умирай, прошу тебя-а-а!!!

Лина приподняла его голову. Затылок был весь в крови, и нельзя было определить, куда именно пришелся удар...

Но, может быть, его еще можно спасти? Реанимация! Они умеют, они знают, как; у них всякие аппараты есть, они его вернут к жизни, не может ведь быть, чтобы он умер, ушел, исчез теперь, когда они только нашли друг друга! Невозможно, нельзя!!!

Лина с трудом поднялась. Она не могла понять, сломано у нее что-то или нет – болело все. Но это не имело ни малейшего значения.

Она доковыляла до дверей. Ключи все так же торчали в замке. Она отперла дверь, вошла.

Это был ее дом, их с Алексом дом, родной, знакомый. Но она не смотрела по сторонам. Добравшись до телефона, она набрала номер «Скорой». «Он умер, – сказала она, – я убила его. Скорей!» Медленно и трудно передвигаясь, она стянула со стола, празднично сервированного на двоих («Марией Сергеевной, должно быть, – мелькнуло у нее в голове, – для нас...»), скатерть и снова вернулась на крыльцо.

Подложив скатерть под голову Алекса, Лина опустилась рядом с ним на холодный каменный пол.

Сколько она так просидела, она не знала. Она шептала ему какие-то слова, полные раздирающей нежности и просьб – ее простить и не умирать; она плакала, тихо роняя слезы на его неподвижное, безжизненное лицо, над которым она склонилась; она вытирала с его щек свои слезы, и снова что-то шептала, и снова роняла слезы, и снова вытирала...

Вдалеке раздался протяжный вой сирены. «Скорая» приближалась.

Лина тяжело поднялась, чтобы открыть ворота. Стиснув голову руками, чтобы остановить всплески боли, застилавшей глаза, она медленно обошла расprostертое тело мужа, поискала глазами пульт дистанционного управления...

И увидела, что Алекс смотрит на нее.

Ноги ее подкосились, и Алина опустилась на пол, утирая новые слезы – на этот раз слезы радости, – и, ловя его живой взгляд, только и сумела прошептать:

– Ты жив! Боже мой, какое счастье, ты жив!..

Алекс шевельнулся.

Он приподнял немного голову, но снова со стоном уронил ее на скатерть.

– Лежи-лежи, не двигайся, – всхлипывала Лина.

Алекс улыбнулся краешками рта.

– Я, кажется, голову немножко ударил, – сказал он хрипло.

Лина перестала плакать и смотрела на него, улыбаясь сквозь еще не высохшие слезы, пытаясь совладать со своим севшим от рыданий голосом, чтобы сказать ему, что она все вспомнила, все поняла, что она его любит и теперь они будут всегда вместе!..

– Не надо плакать, – произнес Алекс, слабо приподнимая руку, чтобы дотронуться до ее руки. – Я, должно быть, умер и нахожусь в раю, раз рядом со мной ангел?..

Лина, еще не понимая, только молча сжала его руку.

– Хотя за мои грехи я должен бы находиться в аду... – шутил Алекс, легонько морщась от боли. – Впрочем, если в аду водятся такие ангелы, то я и на ад согласен...

– Молчи, Алекс, тебе же трудно разговаривать, молчи! Сейчас «Скорая» приедет, все будет хорошо, вот увидишь, они уже близко...

Алекс, не удержавшись, снова поморщился, но тут же заставил себя открыть глаза и улыбнуться:

– Что, прямо сейчас? – сказал он весело. – Тогда давайте скорей знакомиться!

Вас как зовут?..

...«Скорая» сигналила у неоткрытых ворот.